

HEBA

5 • 2025

НЕВА

5
2025

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Николай ТИХОНОВ, Ольга БЕРГГОЛЬЦ,
Александр ПРОКОФЬЕВ, Всеволод
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Виссарион САЯНОВ,
Михаил ДУДИН, Николай БРАУН**
Первое слово после Победы. *Стихи* • 3

70 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «НЕВА»

Борис ЕВСЕЕВ
Стихи • 8

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Леонид БЕЖИН
Дожливая аллея, или Десять донесений
Департаменту полиции о композиторе Скрябине,
строительстве храма в Индии
и мистерии на конец времени. *Роман* • 9

Евгений КАМИНСКИЙ
Стихи • 45

Мария БУШУЕВА
Яхта Барнаулова. *Повесть в диалогах* • 52

Евгений СТЕПАНОВ
Десять разговоров. *Из подслушанного* • 83

Дмитрий ЛАРИОНОВ
Несгораемый света поток. *Стихи* • 90

Анна БАНЩИКОВА
Солон-Гой. *Главы из повести* • 94

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Алексей КАРАВАНОВ
Мира Икона. Ночь высокой моды. *Рассказы* • 146

ИЗ АРХИВА

Дневники Наташи Ильинской. 1941–1942 годы.
Предисловие составителей:
Ольга Ушакова, Петр Ильинский • 171

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр МЕЛИХОВ

Равновесие страха и равновесие уверенности • 196

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Михаил СЕРЕБРИНСКИЙ

Борис Рыжий — фронтовики — эстрадники.
Диалог и самоопределение поэта • 201

Владимир НОВИКОВ

Боль новой мысли. *Филологическая лирика* • 210

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. Анатолий Собенников. Миф и реальность в русской военной поэзии 1941–1945 годов. **Рецензии.** Елена Печерская. Ольга Оливье: «Незавершенные стихи в тетради на столе». **Книжный остров.** Публикация Е. Зиновьевой • 224

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Русские паломники у святынь Бельгии. *Часть 5* • 247

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор). **Дмитрий Зенченко** (контент-редактор журнала, редактор интернет-сайта).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2025

ПЕРВОЕ СЛОВО ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Стихи, опубликованные в журнале «Нева» № 5 в 1975 году.

Николай ТИХОНОВ

ПОДПИСИ НА СТЕНАХ РЕЙХСТАГА

Еще горячкой боя сердце билось,
А в мир уже вступила тишина,
Как будто время здесь
остановилось,
Не веря вдруг, что кончилась
война.

Под арками обугленного свода
В какой-то первозданной тишине
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене.

Рейхстагова развалина дышала
Вся перегаром битвы мировой,
И в ней звучнее всякого хора
Пел хор имен, растущих, как
прибой.

Он пел, взлетая над огнем и
кровью,
Перед войной, поверженной
лицом,
Как будто осеняя изголовье
Последних умирающих бойцов.

Открыто все свое писали имя,
Чтоб знали люди будущих времен,
Что подвиг сей, свершенный всеми
ими,
Во имя человечества свершен!

1945

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

* * *

— Здравствуй...

Сердцем, совестью, дыханьем,
всею жизнью говорю тебе:

— Здравствуй, здравствуй.

Пробил час свиданья,
светозарный час в людской судьбе.

Я четыре года самой гордой —
русской верой — верила, любя,
что дождусь, — живую или мертвой, —
все равно, —

но я дождусь тебя.

Вот я дождалась тебя — живую...

— Здравствуй...

Что еще тебе сказать?

Губы мне свело священным зноем,
слезы опаляют мне глаза.

Ты прекраснее, чем нам мечталось,
свет безмерный,

слава,

сила сил.

Ты — как день, когда земля рождалась,
вся в заре, в сверкании светил.

Ты цветеньем яблоневым белым
осыпаешь землю с высоты.

Ты отрадней песни колыбельной,
полная надежды и мечты.

Ты — такая... Ты пришла такая...

Тыдохнула в мир таким теплом...

Нет, я слова для тебя не знаю.

Ты — победа. Ты превыше слов.

Счастье грозное твое изведав,
зная тернии твоих путей,
я клянусь тебе, клянусь, Победа,
за себя и за своих друзей, —
я клянусь, что в жизни нашей новой
мы не позабудем ничего:
ни народной драгоценной крови,
пролитой за это торжество,

ни твоих бессмертных ратных буден,
ни суровых праздников твоих,
ни твоих приказов не забудем,
но во всем достойны будем их.

Я клянусь так жить и так трудиться,
чтобы Родине цвести, цвести...
Чтоб вовек теперь ее границы
никаким врагам не перейти.
Пусть же твой огонь неугасимый
в каждом сердце светит и живет,
ради счастья Родины любимой,
ради гордости твоей, Народ.

10 мая 1945

Александр ПРОКОФЬЕВ

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Великий день! Мы так его назвали,
Пред ним стеною дым пороховой,
Над пеплом, гарью, грудami развалин
Им поднят стяг победы боевой.
И там, где бились воины простые,
Размашисты, суровы, горячи,
Победа распростерла золотые,
Прямые, незакатные лучи.
На мрамор занести б всех поименно
Солдат России, чтоб в века, в века,
Да чтоб над этим мрамором знамена,
Простреленные, рвались в облака!
И надписи на мраморе гласили б:
«Сынам родным, повергнувшим Берлин,
От благодарной матери России!»
...Чтоб теплым ветром веяли с долин.

1945

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

САЛЮТ ПОБЕДЫ

Такого дня не видел Ленинград!
Нет, радости подобной не бывало...
Казалось, что все небо грохотало,
Приветствуя высокое начало
Весны, уже не знающей преград.

Гремел неумолкаемо салют
Из боевых прославленных орудий,
Смеялись, пели, обнимались люди,
Свободы воздух жадно пили груди
В огнях незабываемых минут.

А залпы грохотали, и порой
Казалось, что великий гул прибоя,
Девятый вал, не знающий покоя,
Дыханием неслыханного боя
Проходит над ликующей Невой.

И вся Нева сверкала средь огней,
Была разъята ночь мечами света.
Льдяную высь преображая в лето,
Цвели, вплетались, сыпались ракеты
И вновь взмывали веером лучей.

Великий город, доблестный боец,
Сквозь стужу, мрак и пламень Обороны
Родной Страной на стойкость вдохновленный,
Недрогнувший, несдавший, непреклонный,
Вздыхнул ты полной грудью наконец!

1945

Виссарион САЯНОВ

ДОМОЙ

Над Эльбою, в землянке обветшало,
В тот час, когда мы кончили войну,
Впервые въявь услышав тишину,
Сказал мне тихо офицер бывалый:
«Как хорошо, что есть на свете дом
Вдали от мест печальных и суровых —
Там наклонилась ива над прудом,
И ждут меня в краю лесов сосновых.
Теперь мы научились ценить,
Что есть места, где так чисты криницы,
Где можно воду без опаски пить
И без нагана ночью спать ложиться.
Как хорошо, что есть одна душа,
Которой слово дорого простое,
Как встретимся мы с нею, не спеша
Ей расскажу в боях пережитое.

Но если годы болью старых ран
Об этом дне неожиданно мне напомнят
И на заре в предутренний туман
Я выйду с ней из тихих-тихий комнат,
Вдруг тишина мне станет нелегка,
Покажется трудней того раската,
Что вот недавно шел издалека
И умирал при отблеске заката.
Нас чище сердцем сделала война!
Огонь! Огонь! А как мы шли спокойно.
И надо жизнь продумать, чтоб она
Всегда была прошедших дней достойна».

1945

Михаил ДУДИН

* * *

Ракеты осыпаются, скользя
По гребням крыш, в Неву. А я печален.
Сейчас я вижу, как из-под развалин
Встают мои погибшие друзья.

И если мне в страданье нету мочи,
Не утешай, не сожалей. Молчи.
Есть мужество спокойное. А жалость
Не нам в удел, — другим она досталась.

Они идут в косых лучах рассвета:
Жизнь пополам, и песня не допета!
Поземка их оплакала в ночи,
Звезда в пустые заглянула очи.

Пусть ничего душа не позабудет,
Пусть эта боль останется жива.
Я говорю: навзрыд заплачь, вдова,
От этих слез на сердце легче будет.

1945

Николай БРАУН

* * *

Ну, вот и все. Вот и не слышно грома.
Дай мне тебя обнять, моя земля!
Дай осмотреться. Я с тобой. Я дома.
Весенней дымкой теплятся поля.

И на ромашках росы — будто слезы.
То слезы встречи. Здравствуй, тишина!
То слезы счастья. Здравствуйте, березы!
Какая в небе вновь голубизна!

С какой тревогой, по каким дорогам
Я шел к тебе, мой лес, мой старый друг!
Дай мне кору шершавую потрогать.
Дай мне вдохнуть ветвей целебный дух!

Я не забуду, как отброшен в бездну
Со взорванного насмерть корабля,
В усиллии, казалось, бесполезном
Стремился я к тебе, моя земля.

Захлестывали волны. Бомбы, воя,
Столбы взметали, брызгами пыля...
Четыре дня, четыре ночи боя, —
То палуба, то бездна подо мною, —
А я все звал, все звал тебя, земля.

И жаждал я, в спасении отчаясь,
Хотя б на миг припасть к груди твоей...
Так здравствуй же! Как ты меня встречаешь!
Так матери встречают сыновей.

1945

Борис ЕВСЕЕВ

Через хляби и болота
В бессловесные дома
Вновь несет свои щедроты
Полногласная «Нева»!

Не отрекшись от бывшего,
Ищет честно, без вранья
Воскресительное слово
Воскресающего дня.

Солженицын и Каверин,
Зощенко и Лихачев
Шли в журнал, в него поверив
Истово и горячо.

И теперь, забыв невзгоды,
Словно щебет вещей птиц,
Дар судьбы и дар свободы
Слышим в шелесте страниц.

И уже пора настала
Всем вралям воздать сполна:
Что ваш визг про смерть журналов,
Если есть у нас «Нева»!

Леонид БЕЖИН

ДОЖДЛИВАЯ АЛЛЕЯ,

или Десять донесений Департаменту полиции
о композиторе Скрябине, строительстве храма
в Индии и мистерии на конец времени

Роман

...Художественное произведение есть проект новой жизни.

Н. Ф. Федоров. Философия общего дела

Смерть его — это первый торжественный аккорд той Мистерии, которую он не мог написать в своей жизни, в этом физическом плену вещей, ибо самая идея этой Мистерии была шире пределов и возможностей человеческого существования.

Л. Сабанеев

Творчество и жизнь человечества должны стать творчеством и жизнью всей природы, а за ней и всего космоса, не маленький мир нашей планеты, но весь космос, вся вселенная должна стать выражением и воплощением единой музыкальной деятельности, если хотите, музыки самого бытия.

А. Н. Скрябин

ПРОЛОГ

Когда в ресторане передо мной раскладывают приборы — не письменные, а столовые, разумеется, хотя я по своим склонностям скорее предпочел бы письменные... Но это так, между прочим — *à propos*, как говорят французы, мы же, русские, за ними повторяем, хотя у нас *между прочим* высказываются подчас самые главные, сокровенные, даже глубоко интимные вещи...

Словом, когда я собираюсь приступить к обеду, я протираю ложки и вилки салфеткой, поскольку по этой части мнителен и не доверяю чистоплотности посудомоек.

Леонид Евгеньевич Бежин родился в 1949 году в Москве. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Защитил диссертацию по классической китайской поэзии. Ректор Института журналистики и литературного творчества. Автор романов «Сад Иосифа», «Мох», «Деревня Хэ», «Костюм Адама», «Тайное общество любителей плохой погоды», а также книг о Данииле Андрееве, старце Федоре Кузьмиче, Серафиме Саровском и др. Был ведущим телепередачи «Книжный двор» и радиопередачи «Восток и Запад». Вел ряд журнальных проектов. Лауреат премии имени М. А. Шолохова (1990), Бунинской премии (2015). Член Союза писателей России.

Если же мне предстоит трапеза словесная — описание неких событий на этот раз уже с помощью приборов письменных, а не столовых, — я считаю нужным самому представиться. Представиться и при этом воспользоваться воображаемой салфеткой, возвращающей утраченный глянец моему доброму имени, поскольку распространители грязных слухов обо мне еще более нечистоплотны, чем посудомойки.

Зовут меня... впрочем, это неважно. Родом я из России, но живу ныне в одной из стран Южной Америки, — какой именно, тоже совершенно неважно, поскольку все они если не на одно лицо, то на одно ухо, коим послушно внимают, что им прикажет Америка Северная, некогда приютившая беглых каторжников со всей Европы. Они же теперь навязывают свои воровские понятия всему миру.

Вот почему Америку (Северную) я не жалею, и мне гораздо ближе, скажем, Индия, но на то есть особые причины, коих я сейчас касаться не буду.

У меня домик с открытой верандой на берегу океана, шумное семейство, состоящее из детей, внуков и правнуков, небольшой счетец в местном банке. Кроме того, я заранее приготовил себе место на кладбище, где у нас хоронят католиков, хотя когда-то я был православным.

Сколько мне лет? Да хоть целых сто или даже больше, это ровным счетом никому не интересно. А вот моя прежняя должность не просто интересна, но имеет самое непосредственное отношение к делу. Поясню. Чем мне только не приходилось заниматься, скитаясь по миру (на потеху публике я даже доставал каштаны из огня — не фигурально, а в самом буквальном смысле, как кот у баснописца Лафонтена). Но я все же имею в виду род моих занятий в России.

Род занятий, надо заметить, редкий и весьма своеобразный, даже несколько пикантный, если учесть, что я — с моими богемными наклонностями — некогда был вхож в Департамент полиции, бывшее III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Нет, избави бог, я не был филером или сыскным агентом — царской ищейкой, как их звали большевики и прочее отребье из числа передовой, прогрессивно мыслящей общественности. Но я был своеобразным летописцем, хроникером полицейского ведомства.

Я составлял отчеты о разных криминальных делах — не для печати, конечно, а для внутреннего употребления. Мои отчеты, переписанные в нескольких экземплярах, ложились на письменные столы важных полицейских чинов. Они ведь большие тщелавцы, чины-то; им хочется, чтобы о них написали не в форме очередного сухого отчета, а, так сказать, вышили бисером прихотливый узор по канве.

Беллетристику им подавай со всеми красотами стиля и даже с описаниями природы — что твой Тургенев! Хотя это, может быть, и комично выглядит, но хочется, хочется, и уж тут что поделаешь! Охота пуще неволи!

Вот и подкинули мне работенку — вышивать по канве. И жалованье положили приличное. Я и ну стараться, кренделя выписывать. Мои беллетристики прочитывались важными чинами, как барышнями пушкинских времен романы Ричардсона, а затем прятались за толстыми, бронированными дверцами особых сейфов с наборными замками. Прятались с пометкой: хранить до такого-то срока.

Замечу, что один экземпляр я имел обыкновение оставлять себе.

И вот срок одного из дел — моих бисерных вышивок — недавно истек. Вернее, даже так: он не был обозначен цифрами (двадцать, тридцать, пятьдесят и более лет). Но мне доверительно внушили: «Голубчик, будем хранить ровно столько, сколько вы сочтете нужным. Хоть до конца времен. Словом, все на ваше усмотрение».

И вот я счел, что настало время не только рассекретить мои записки, но и опубликовать их. Не потому, что своей сенсационностью они затмят любой криминальный роман. Хотя, ей-богу, затмят, поскольку чего там только нет! Из числа персонажей моих

записок, так или иначе связанных с их прихотливым сюжетом, я мог бы назвать и Киплинга, и Плеханова, и даже Джидду Кришнамурти, которому покровительствовала такая просвещенная дама, как Анни Безант.

А что до упомянутого мною дела, то оно обсуждалось в кабинете самого царя, где присутствовали лица из его ближайшего окружения (перечислять их не буду).

К тому же для ведения этого дела был вызван особенно опытный агент, законспирированный настолько, что о нем была осведомлена лишь самая верхушка сысканого ведомства, и то сугубо доверительно и конфиденциально.

Но повторяю, не поэтому настал срок. А потому, что, возможно, мои записки когда-нибудь спасут мир от преждевременной гибели. Собственно, однажды уже спасли... Да, такая уж им выпала благородная миссия (хотя сам-то я, признаться, не из благородных: что с меня возьмешь — щелкопер, бумагомаратель, писака).

С чего бы это у меня возникла такая уверенность? — спросит читатель. А вот с чего: дело это касается последнего замысла русского композитора Скрябина — его МИСТЕРИИ НА КОНЕЦ ВРЕМЕНИ. Вообразите. Все готово к ее исполнению, а соответственно — и к КОНЦУ ВРЕМЕН. Собран огромный мировой оркестр из лучших музыкантов, подвешены колокола, установлен специальный инструмент вроде органа для светомузыкального сопровождения.

А самое главное, руководить и дирижировать этим грандиозным действием должен... сам композитор Александр Николаевич Скрябин.

Но он же умер! — воскликнет читатель, непричастный к тайнам мадридского двора, то бишь полицейского ведомства. Да, по общепринятой версии, умер в апреле 1915 года. Но подобные версии пусть себе излагают крикливые хроникеры всевозможных газет, эти повизгивающие и захлебывающиеся собственным лаем шавки. Их расплодилось бесчисленные своры, особенно сейчас, в эпоху так называемого постиндустриального, информационного общества, основанного на явной или скрытой, хорошо замаскированной (припорошенной снежком или опавшими листьями) лжи.

Я же веду иную хронику... и веду ее уже пятьдесят лет, внося всякие поправки, оттачивая, шлифуя, стараясь придать моим донесениям в полицию форму изысканного романа, которого не постыдились бы такие мои любимцы, как Марсель Пруст или Гайто Газданов. Из этого следует, что все пятьдесят лет (а сейчас на дворе 1967 год) я слежу за новинками литературы.

Хотя должен отметить, что роман как таковой — это лишь внешняя оболочка моих записок. По своим же внутренним свойствам они остаются именно хроникой, в высшей степени честной, правдивой и при этом (подчеркну) не подлежащей огласке, потаенной. Я бы даже сказал, эзотерической, словно замурованные в пирамидах и каменных сфинксах зашифрованные египетские письмена.

Хроникой, внешне как бы пробалтываемой à propos — между прочим, а внутренне сокровенной и интимной, как все русское.

Не мог при жизни, но умер так, чтобы написать и исполнить после смерти.

ДОНЕСЕНИЕ ПЕРВОЕ

Параграф первый

НЕСКОЛЬКО ПОПУТНЫХ, НО НЕОБХОДИМЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Таков пролог к моим запискам, написанный мною легко и быстро, почти без помарок, что меня, признаться, немного смущает. Негоже нашему брату пишущему поддаваться этой обманчивой легкости, поскольку... обманчивая, она и впрямь обма-

нет, и из записок выйдет черт знает что — нечто близкое тому, что у нас в Латинской Америке зовется *confusion* — конфузия.

Иными словами, этак можно и оконфузиться со своим сочинением, если оно легко далось и не потребовало от автора мученических, страдальческих усилий, именуемых... вдохновением.

Да, любезный читатель, вдохновение лишь несведущим профанам или наивным провинциалкам вроде чеховской Нины Заречной (комедия в четырех действиях «Чайка») кажется легкой ношей, с которой приятно сбежать под гору по вьющейся тропинке, бросая камушки и распевая песенки. Нет, это сизифов труд — катить на гору замшелый валун, который, достигнув вершины, срывается вниз, дабы оный Сизиф, приговоренный богами, чертыхаясь и проклиная свою судьбу, вновь корячился, втаскивая его наверх.

Поэтому я из опыта знаю, что и мне надобно пострадать: зачеркнуть, вписать, снова зачеркнуть, отчаяться от своей бездарности, поугрюмечь, замкнуться, огрызнуться, рыкнуть на чей-нибудь опрометчивый стук в дверь, раздраженно двинуть стулом или даже погрозить кулаком непрошенному татарину, который, как известно, хуже незваного гостя.

И только тогда оно, может быть, посетит меня, это самое проклятое вдохновение, и чернильная дорожка, оставляемая моим пером, примет форму нанизанных на невидимую нитку букв, из буквочек же родятся слова, а из слов фразы, достойные отшельника из Круассе — великого Флобера.

Однако с чего я полез в эти дебри и заговорил о вдохновении? Единственно из-за того, что пишу о Скрябине, он же из вдохновения весь соткан: стоит лишь взглянуть на него — и вот оно вдохновение, дрожит, мерцает, переливается, словно солнечная радуга в пенных гребешках волн; хотя подчас и Скрябина оно обманывало, иначе он не оставлял бы пустыми про запас несколько тактов, чтобы заполнить их нотами, когда на него снизойдет-таки это самое вдохновение.

Уф! Однако длинная у меня получилась фраза — надо бы покороче, иначе жена, моя прекрасная виноградинка Кармелита не прочтет (я ей показываю все написанное), рассердится, схватит меня за волосы и ну возить мордой по столу. Это, разумеется, шутка, но обещаю тебе, терпеливый читатель, не мучить тебя длиннотами и все-таки стараться писать покороче.

Да и издатель, если такой у меня найдется (а куда ж без него!), запросит коротких фраз, чтобы скорее разошлась и окупилась моя книга.

Поэтому буду стараться и по мере сил себя укрощать и окорачивать. Раз уж детектив так детектив. Сам жанр, как говорится, обязывает.

Параграф второй

ПОХОРОНЫ СКРЯБИНА (ЗАЧЕРКНУТО)...

НА ПОХОРОНАХ (ЗАЧЕРКНУТО)...

СТРАННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ НА ПОХОРОНАХ

По долгу службы мне довелось присутствовать на похоронах Скрябина. Третье отделение обычно посылает одного-двух агентов, чтобы они, прячась в толпе, понаблюдали за происходящим. Это естественно, поскольку подобные траурные мероприятия могут стать поводом для всяких нежелательных манифестаций, даже распространения листовок и проч., проч., как, к примеру, на похоронах известного революционера Баумана (из поволжских немцев, ветеринара по образованию, сына владельца столярной и обоевой мастерской).

Но я присутствовал с иной целью, уже известной читателю. Моя задача заключалась в том, чтобы схватить самую суть происходящего и хорошим литературным слогом ее описать. Желательно — все точно по времени. Ну, и с описаниями природы, разумеется, иначе какой же я Тургенев! Словом, я там был как хроникер и при этом — беллетрист.

А потому — свидетельствую.

Великий русский композитор Скрябин умер 14 апреля 1915 года. Я называю его великим не потому, что такова сложившаяся и общепризнанная репутация Скрябина, а как бы делая уступку фанатичным поклонникам композитора, с легкостью жонглирующим подобными эпитетами: великий, гениальный, непревзойденный.

Пусть себе потешатся, а время покажет, насколько он был велик.

Для меня же важнее факты в их точной временной последовательности — вплоть до минут. Поэтому к указанному времени смерти композитора следует добавить уточнение: в восемь часов пять минут утра.

Почему это уточнение в данном случае столь существенно? Что ж, умирают и в полдень, и днем, хотя почему-то считается, что для смерти более всего подобает поздний, сумеречный вечер — желательно даже с переходом в ночь. Но вот смерть Скрябина, повторяю, случилась утром, когда, казалось бы, все пробуждается к жизни — в том числе и природа, тем более апрельская, весенняя, с чистым голубым небом, стеклярусной сеткой капли, опутывающей ветки берез, пенными брызгами из-под колес извозчичьих пролеток.

Апрельская и — добавим — пасхальная, поскольку стоят пасхальные дни и еще будут стоять до отдания Пасхи и Вознесения.

Таким образом, Александр Николаевич умер не просто утром, а утром на Пасху. Пасха же, как известно, символ Воскресения и всего противоположного смерти, почему нельзя даже бывать на кладбище, во всяком случае, первую Пасхальную неделю... По этой причине и принято считать, что на Пасху умирают святые, тем более если умерший родился на Рождество. Тут уж полное совпадение: святой, да и только!

Со Скрябиным же именно так и было. Он родился 25 декабря 1871 года, а умер в пасхальные апрельские дни 1915-го. Мне возразят и приведут примеры: какая-нибудь Фекла Ивановна, которая всю жизнь поддевала длинной двузубой вилкой селедки, доставая их из бочки, заворачивала в бумагу и бросала на весы с фальшивой гирей, тоже родилась в Рождество и померла на Пасху. При этом во всю ивановскую бранилась с соседями по рыночному прилавку, обвинявшими ее в том, что она обвешивает, сквернословила и даже, задирая юбку, показывала им свой зад.

Что — и она святая?

Как знать, — может, и она если не святая, то юродивая, одна из тех, кого на Руси звали похабами. Хотя Всевышний вовсе не брал на себя обязательство по избранным числам посылать Своих ангелов за душами тех, кто при жизни преуспел в том, чтобы ему уподобиться — за душами преподобных. У Него все вперемешку, и на Пасху может опочить не святой, а такая срамница и греховодница, как наша Фекла Ивановна.

Но со Скрябиным в этом смысле все обстоит иначе. Он не селедки заворачивал, а всю жизнь музыку сочинял, и какую музыку — божественную! Всевышний, слушая ее, наверняка не одну слезу утер. Поэтому здесь никакого беспорядочного, бесполого смещения быть не может. Не возьмусь утверждать, что Скрябин святой (на то существует особая церковная процедура), но обе даты — рождения и смерти — не случайны.

Может быть, у Всевышнего для творцов, создателей прекрасной музыки свой отсчет — своя разграфленная линейка. Не случайно же на этой линейке одной рисклой помечены два имени — Пушкина и Серафима Саровского. Символично даже не то,

что они жили в одно время, а то, что они оба на века прославили Россию — один святостью, а другой — гениальностью.

Впрочем, не побоюсь сказать (хотя, возможно, и ошибусь), что святость — это тоже своего рода гениальность (в молитве простоять коленопреклоненно тысячу дней и ночей, как преподобный Серафим), а гениальность — известного рода святость.

Скрябин, конечно же, не Христос и даже не Иоанн Кронштадтский, его современник, умерший чуть раньше — в 1909 году. Но над гробом Александра Николаевича слышались пасхальные возгласы: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» И не то чтобы Скрябина вдруг нарекли Христом (подобного кощунства никто себе позволить не мог), но каждый чувствовал, что эти возгласы неким таинственным образом с ним соотносятся, как и слова отца Павла (Флоренского), произнесенные во время похорон: «Он не свершил того, что хотел свершить. Но я вижу, что через тридцать три года, возможно, произойдет то, о чем он думал».

Православный священник, а вот на тебе: через цифру тридцать три косвенно, не напрямую, но все же отождествляет Христа и Скрябина, ставит их рядом. И не только через цифру. Услышав оброненную отцом Павлом фразу, я сквозь толпившийся народ пробился к нему и, представившись репортером, почитателем Скрябина, спросил:

— Прошу меня извинить, но что вы, отче, имели в виду, столь дерзновенно сближая Скрябина и Христа?

Отец Павел, по-девичьи худой, невероятно тонкий в талии, с длинными волосами и армянским носом, глубоко задумавшись, ответил:

— Предерзостно? Вы усматриваете в этом дерзость? Что ж, ваше право, хотя я бы с этим не спешил. Собственно, я имел в виду очевидное.

— В таком случае извольте объясниться... — Я спрятал блокнот так, словно для меня понять значило больше, чем записать.

— Извольте. Но может, вы все-таки запишете, а то я не люблю, когда репортеры мои слова перевирают.

— Не беспокойтесь. Я запомню, а потом запишу.

— Что ж, воля ваша. — Флоренский склонил голову и поправил на груди крест. — Я постараюсь коротко. Миссия Христа была прервана вмешательством темных сил. Вспомните Евангелие: Он начал свою проповедь с того, что приблизилось Царство Небесное. Иными словами, преображение всего земного, уничтожение зла и всякой пагубы — смерти, болезней, страдания — и наступление того, что потом будет названо «жизнью будущего века».

— То есть, насколько я вас правильно понял, будущий век должен был наступить уже тогда...

— Совершенно верно. И от всех требовалось лишь покаяться, чтобы Царство Небесное сошло на землю. Но из-за вмешательства темных сил вместо Царства разверзлась Мистерия Голгофы, распятия его вестника, Сына Божьего. Вот и миссия Скрябина, на мой взгляд, оказалась так же прервана из-за... ничтожного пореза при бритье на верхней губе. Разве не усматривается в этом такое же вмешательство, причем глумливое, с мифистофельской насмешкой, саркастической складкой в уголках рта? Вот, мол, хе-хе, этот ваш новый мессия! Хотел мирами двигать, а умер от жалкого прыщика, от фурункула!

— Фурункул обернулся карбункулом, и пошло воспаление...

— Да, все разыграно как по нотам...

— Что же случится через тридцать три года?

— Самое ужасное. Рухнет мир.

— Вы подсчитали?

— Не я, а Христос задал своим возрастом эту дату.

— Но почему вы отсчитываете ее именно со дня смерти Скрябина? Не означает ли это, что вы предполагаете его участие в дальнейших событиях?

— Возможно, означает.

— Так, по-вашему, Скрябин жив?! А кто же в таком случае лежит в гробу? — Тут я пожалел, что спрятал свой блокнот, охваченный нетерпеливым желанием записать все слово в слово.

— Тут есть одна тонкость. Ведь Скрябин был солипсист, а это крайняя, я бы сказал взвинченная, воспаленная, как нарыв, форма идеализма. Александр Николаевич признавал свое индивидуальное сознание единственной реальностью и отрицал реальность окружающего мира. «Я есмь, и ничего вне меня» — вот его излюбленная формула, категорический императив. Из этого следует, что, по собственным представлениям, он творил миры. Не первоначальным творением, как Господь, а вторичным, параллельным уже сотворенному.

— Вы хотите сказать, что он создавал некие параллельные миры? — Я вновь пожалел, что спрятал блокнот.

— Вот именно. Он был в этом уверен. Недаром его спрашивали, и не без иронии: «Так это вам, Александр Николаевич, мы обязаны таким прекрасным утром?» Почему бы не предположить, что мы обязаны ему такой же параллельной картиной его собственных похорон: отпеванием в храме Николы на Песках, несением гроба, венками? Картиной, возможно, навеянной ему траурной Двадцатой прелюдией Шопена, которую он прекрасно исполнял. Его друг Рахманинов написал на эту прелудию свои вариации, а сам Скрябин, так сказать, разнообразил их своими жизненными вариациями с открытым гробом, венками, увитыми алыми лентами, надписью на дубовом кресте.

— Благодарю. Не скажу, что я со всем согласен, но кое-что вы мне разъяснили.

— А от вас и не требуется со всем соглашаться. Вы понаблюдайте за всем происходящим. Возможно, и сами заметите нечто странное... — Отец Павел улыбнулся ускользающей, тонкой улыбкой, предполагавшей сомнение если и не в моей способности замечать, то в моем умении обозначать замеченное точно подобранными словами.

Параграф третий РИФМА

Я не раз ловил себя на том, что если мне суждено днем встретить кого-то из тех, кого я давно не встречал и отчасти даже забыл, то уже поутру прохожие начинают с ним рифмоваться. Каждый десятый — маленькая рифмочка. В одном мелькнет что-то похоже, знобко (зыбко) совпадающее... Другой так повернется, что в профиле что-то навязчиво угадывается... Третий, наоборот, срифмовывается анфас, причем рифма глубокая: идет от кустистых бровей к ястребиному носу, от носа — к слегка оттопыренным ушам и завершается широко расставленными глазами с их характерным прищуром...

Повторяю, так бывает с утра, если днем суждена встреча.

И наконец, вот он главный встречный, назначенный мне на этот день. Явился предо мной во всей красе, вобрав и соединив вместе те черточки, которые до этого лишь разрозненно мелькали, обманчиво маячили, брезжили, словно неверный расцвет за окном, едва различаемый сквозь мутное стекло.

Так же было и со Скрябиным в эти скорбные, траурные дни: замелькали перед глазами рифмочки. Вот какой-то элегантный господин с тросточкой показался чем-то похожим... Вот усы и борода другого отдаленно напомнили... вот третий со спины и затылка... ну, просто вылитый Скрябин... вот четвертый... пятый...

Весть о смерти композитора мгновенно облетела Москву — во всяком случае, Москву музыкальную, и народ повалил в Николопесковский. Профессора, студенты консерватории, редакторы газет, оркестранты со своими свистульками... Даже осветители, рабочие, передвигавшие по сцене рояли, а иные и вовсе от буфетной стойки и из гардеробной, не особо осознавая, что происходит, какого там Прометея хоронят, тоже не утерпели и пожаловали.

Состоялись две панихиды, на которых я тоже присутствовал; тихонько стоял, склонив голову, в задних рядах. Затем гроб поместили в храме Николы на Песках (отсюда и название переулочка, где умер Скрябин, — Николопесковский), как раз напротив скрябинских окон. А 17 апреля траурная процессия с колясками, нагруженными венками (гроб несли на руках), потянулась к Новодевичьему монастырю, где уже зияла отверстая могила и был приготовлен дубовый крест. И в воротах монастыря голоса поющих «Вечную память» слились с монастырскими певчими.

Речей на могиле не было. Никто не решался нарушить натянутую струной тишину.

К тому же моросило, дождь стучал по зонтам, галки кричали на ветках, и если кто-то и пытался, прокашлявшись, раскрыть рот, налетевший ветер не позволял произнести ни слова. Слова комкались, дыхание срывало, и немота запечатывала уста незадачливым ораторам. Лишь репортеры газет подбегали то к одному, то к другому и наскоро записывали для отчета, что они намеревались сказать.

Ну а где же тот, кто задал тон кружащимся вокруг рифмам? Неужели так и не явился? Не спешите с таким вопросом, любезный читатель. Все было так, как надо. Я бы даже сказал, было мистически выверено по неким высшим прописям и перенесено с небес на землю. Явился, и не где-нибудь в отдалении, а аккуратно рядом со мной. Кто-то за моей спиной глуховатым голосом, чуть слышно спросил:

— Это кого же тут хоронят?

Я удивился столь странному вопросу. И в сознании мелькнула мысль: наверное, какой-нибудь случайный прохожий, только что приставший — бочком присоединившийся к толпе и еще толком не уразумевший, что здесь происходит. Поэтому я, не оборачиваясь, тихонько ответил:

— Композитора Скрябина хоронят, умершего два дня назад.

— Это меня, что ли? — спросил прохожий, и я решил про себя: либо дурака валяет, комедию тут разыгрывает, либо рассудком немного тронулся.

Поэтому я с неприязненной усмешкой произнес, показывая, сколь неуместен подобный вопрос:

— Ну, если вы у нас Скрябин, то получается, что вас.

— В таком случае и в гробу, под крышкой, я лежу? — Это уж было похоже на откровенное фиглярство, и я невольно фыркнул, желая поскорее отделаться от незнакомца, кто бы он ни был — фигляр или сумасшедший:

— Вы, вы лежите в гробу. Кто ж еще!

— Значит, это меня накрыли крышкой и теперь заколачивают? Тут-тук-тук. Это меня?

— Ну, вас, вас. Успокойтесь.

— А я, знаете ли, спокоен. Совершенно спокоен. Мне только немного странно...

На эти слова я с раздражением обернулся, собираясь учинить незнакомцу выговор за вздорную болтовню, и к своему ужасу увидел... Александра Николаевича Скрябина. Не подобие его, не копию, не рифму, а его самого. Как говорится, собственной персоной.

Персоной явленной, хотя явление это из разряда фантастических, фантомных, миражных, не допускающих прикосновения рук, как Воскресший не позволил Ма-

рии Магдалине, принявшей Его за садовника, прикоснуться к Нему («Не прикасайся ко мне, ибо Я еще не восшел...» и так далее).

Скрябин стоял с непокрытой головой и лишь слегка прикрывал лицо ладонью, словно при наличии гроба, опускаемого в могилу, он мог особо не заботиться о том, что его узнают.

Параграф четвертый

АПОКАЛИПСИС НАЧНЕТСЯ В РОССИИ

Царь Николай сидел за большим столом в затемненном углу своего кабинета и смотрел на собравшихся с тем выражением любезности и грусти, которое последнее время привыкли видеть на его лице. Он был в любимой солдатской гимнастерке, взятой под ремень и расправленной складками к спине.

В камине с забранной решеткой пастью едва тлели догоравшие угольки. Слегка расставив локти, царь упирался руками в тускло поблескивающие и своим выгибом подобные морской волне лаковые подлокотники. Он выпрямил спину, словно собираясь из вежливости привстать в знак приветствия и явно не желая вставать, чтобы не показываться из-за своего укрытия — дубового стола на ножках, чем-то напоминающих рояльные или бильярдные.

Присутствующих это сходство всегда... не сказать, чтобы сместило, но немного забавило (хотя, конечно, никто этого не показывал), словно ножки стола вместе с солдатской гимнастеркой были атрибутом какого-то маскарада и царь собирался либо нести караульную вахту под ружье, либо брэнчать на рояле и гонять шары на бильярде.

— М-да... — Царь заметным усилием воли вывел себя из задумчивости. — Я вижу, все собрались. — Николай всматривался в лица, словно ему кого-то не хватало среди собравшихся. — Кажется, нет кого-то из музыкантов... Сергея Ивановича Танеева? Или творца «Прометея» — Скрябина?..

— Ваше величество, Скрябин умер, — осмелился напомнить кто-то в мундире с эпохами, сидевший слегка поодаль и наискосок от царя. — Мы, собственно, и собрались по этому поводу...

— Ах да, да, да! — спохватился царь, сетуя на свою рассеянность. — Простите, господи, я немного задумался. Обстановка на фронте меня отвлекла. А что именно мы собрались обсуждать?

— Ну, как сказать... Некоторые странные явления, связанные со смертью Скрябина, — напомнил тот же голос.

— Разве это такой существенный повод?..

— И не просто странные, царь... — Голос замер в выжидающей паузе.

— Ах, боже мой! Ну, какие еще, какие?! Если не странные, то необычные, непонятные... мало ли! Но что тут обсуждать! Тем более в моем присутствии! Что, у меня прочих неотложных дел мало?

— Простите, государь, но эти явления могут отразиться на судьбе государства.

— Каким же образом?

— А таким, государь, что Российской империи может не быть. Она может исчезнуть, причем первой из всех. Апокалипсис начнется в России.

— Вон куда повернули. Умерший Скрябин — и апокалипсис. Не слишком ли, господи? В результате чего, собственно, он наступит? Как следствие революции? Бунта? — Царь достал из кармана гимнастерки платок и тронул им надушенные виски. — Вы тут про апокалипсис вещаете, а меня забавит сходство двух слов — виски и этот

шотландский виски. Забавит, как вас, господа, моя гимнастерка. Не примите за намек. Это я так, à propos...

— Что вы, ваше величество! Вы несколько мнительны. Гимнастерка вам так идет!.. — лстиво возроптали собравшиеся, и лишь министр внутренних дел Иван Горемыкин при этом промолчал с самым непроницаемым видом.

— Оставим, оставим! Сущие пустяки, господа! Так в результате чего наступит апокалипсис? — Царь приблизил ладонь к уху, допуская, что ответ на этот вопрос был уже дан, но он его не расслышал.

— В результате того, что умерший — почивший в Бозе Скрябин жив! — возвестил Горемыкин сквозь бухающий кашель, прикрывая бородой рот. — Извините, государь. Простыл...

— Вы имеете в виду, наверное, что Скрябин жив в памяти всех любителей музыки? — на тонкой ноте, слегка фальцетом спросил Николай.

— Нет, Ваше Императорское Величество, я сказал то, что сказал.

— Так, может быть, и умерший чуть больше месяца назад граф Витте тоже жив? Или скончавшийся меньше месяца князь Святополк-Мирский по-прежнему живехонек? И убиенный Петр Аркадьевич Столыпин? И петербургский градоначальник Трепов, в которого стреляла эта мерзавка Засулич... или как там ее?.. Может, они живы вопреки всем законам природы?

— Нет, государь, они мертвы. — Горемыкин склонил седую голову.

— Ага, так, значит, законы природы все же существуют! Очаровательно! Так почему же господину Скрябину позволено их нарушать? Почему Скрябину дана такая привилегия?

— В том-то и загадка, государь.

— Так разгадайте ее, если вы министр внутренних дел!

— Пытаюсь, ваше величество, напрягаю все силы, но... пока не удается.

— Хорошо. Допустим, ваш Скрябин жив и завтра будет дирижировать своей Второй симфонией. Но кто же тогда похоронен в гробу?

— Он же и похоронен.

Царь повернулся боком, приподнялся в кресле, поднял (вздернул) плечо и из-за него сверху вниз посмотрел на министра.

— Вы что — меня за ребенка принимаете, за несмышленое дитя, которому на ночь рассказывают сказки? Так вы ошиблись, господин министр. Меня во многом можно упрекать: в нерешительности, излишней осторожности, даже безволии. Можно сколько угодно вышучивать в вашем кругу мою гимнастерку... — Царь сделал паузу, чтобы погасить снова возникший ропот. — Можно, можно, извольте, но я не ребенок. Не ре-бе-нок, господа!

— Никто бы не осмелился сравнивать вас с ребенком, государь. — Директор Департамента полиции Валентин Анатольевич Брюн-де-Сент-Ипполит резко встал со своего кресла, принимая внушительный вид на тот случай, если подобный смельчак все же объявится. — Но обстоятельства таковы, что это действительно напоминает некую фантазмагорию. Умершего Скрябина видят. Видят по всей Москве, и прежде всего в консерватории, где он ведет занятия своего класса. Причем студенты слухом не слыхивали ни о какой его смерти. Так, Василий Ильич? — обратился он к наставнику Скрябина Сафонову, профессору (а до начала 1906 года директору) консерватории, гладко причесанному, с усами казачьего генерала и мягкой бородкой.

Тот развел руками в знак того, что возразить ему нечем: жест был сожалеющим и недоумевающим.

— Не буду отрицать. Я сам был свидетелем. Скрябин еще в юности мнил себя сверхчеловеком.

— Это по Ницше, что ли? Начитался! — Царь, сам читавший очень много и любивший проводить время с книгами, тем не менее хотел показать, что начитанность без надлежащего выбора идет лишь во вред.

— Скрыбин к тому же мыслил свое творчество центром мироздания, себя же соответственно демиургом, а иногда — и самим Богом. Позже появились у него апостолы, называвшие себя кружком скрыбинистов: дирижер Купер, пианист Гольденвейзер, игравший для Толстого, музыкальные деятели Сараджев, Держановский, пианистка Неменова-Лунц...

— Значит, была среди них и Мария Магдалина. — Царь тонко улыбнулся.

— Да, ваше величество. — Сафонов учтиво поклонился. — Были и другие, не столь известные в музыкальном мире. Недаром я всегда говорил о нем: «Саша у нас не простой. Он что-то замышляет». Вот его собственные слова, услышанные и переданные мне Еленой Фабиановной Гнесиной: «Я представляю себе какую-то музыку, совсем не такую, какую сочиняют теперь. В ней будут как будто бы те же элементы, что и в нынешней музыке: мелодия, гармония, но все это будет совершенно иное». В этих словах уже весь поздний Скрыбин!

— Допустим, допустим. Замышлять можно все что угодно. Но растолкуйте мне, как же так? — Николай снова поднял голос, срываясь на фальцет. — Для одних он лежит в гробу, а для других продолжает преспокойно профессорствовать и обучать студентов?

— Именно так, государь. — Сафонов подтвердил слова царя с такой убежденностью, как если бы они были его собственными.

— Ну, и чем вы это объясняете? По-вашему, Скрыбин воскрес?

— Это первое, что приходит на ум, — вмешался директор Департамента полиции как сведущий в этом вопросе. — Но я разговаривал со многими посвященными в философию, оккультизм и магию. Все они утверждают, что Скрыбин не воскресал. Поэтому объяснение только одно: известный солипсизм нашего композитора.

— Прекрасно! Ницшеанец и притом еще солипсист! Полный букет, так сказать!

— Да, государь, — продолжил Валентин Анатольевич. — Вера Скрыбина в творящую мощь своего сознания достигла такой силы, что оказалась способной породить иллюзию, ничем не отличающуюся от реальной жизни. Иными словами, Скрыбин сотворил своего двойника и с ним слился. Отныне он существует в виде мертвеца и — живого.

— Что-то я ни о чем подобном не слышал, господа. Прославленный нами в девяностом третьем году Серафим Саровский, насколько мне известно, являлся дивеевским сестрам, чтобы вместо них, ленивых, рыть Канавку Богородицы, но при этом был живым. Когда же являлся им после своей праведной кончины, то канавку уже не рыл.

— Вы, конечно, правы, государь. Но все же, все же... — Директор Департамента полиции прокладывал ступеньки к тому, чтобы с улыбкой возразить Николаю. — Простите меня, но я осмелюсь вам напомнить одно из самых темных мест Евангелия, где сказано, что по воскресении Христа гробы отверзлись и тела усопших святых, выйдя из гробов, вошли во святой град и явились многим. Теперь это темное место, можно смело утверждать, прояснилось. Вот вам и это самое явление.

— Да, но Скрыбин не святой! — тонким голосом вскричал Николай.

— Как знать, как знать... к святым причисляют не сразу. Серафима Саровского тоже не сразу, знаете ли... причислили. Изрядно с этим протянули.

— Ну, уж вы сравнили, мой милый: преподобный Серафим и этот взвинченный интеллигент Скрыбин! Несопоставимо, дорогой Валентин Анатольевич! Несопоставимо! К тому же Евангелие подчеркивает, что это случилось по воскресении Христа.

— Не мне, государь, вам напоминать, что Пасха — это и есть праздник воскресения. Первый день Пасхи был у нас четвертого апреля, а семнадцатого Скрыбин стал яв-

ляться многим. Я думаю, что этим уточнением — «явились многим» — Евангелие дает понять, что вышедших из гробов видели отнюдь не все. Трое могли стоять вместе, а видел-то лишь один. Так же и со Скрыбиным: он явился, но не для всех.

— И что же из этого следует?

— По мнению тех же посвященных, это дурной признак, государь, — некое предвестие конца мира. Скрыбин восстал, чтобы завершить свою Мистерию, призванную возвестить апокалипсис. А пролог к Мистерии уже прогремел в четырнадцатом году, когда началась война между Россией, ее союзниками и Германией. И исполнили этот пролог не большие барабаны, а пушки. И раз Скрыбин по происхождению русский, то начнется апокалипсис именно в России.

Валентин Анатольевич не стал снова садиться, а встал позади своего кресла, тем самым показывая, что он весь к услугам императора и готов продолжить свой доклад, лишь только Николай этого пожелает.

Параграф пятый

ПИШЕТ В НОТАХ КАРАНДАШОМ

— Валентин Анатольевич, дражайший мой, ваш долг и прямая обязанность разобратся со всем этим. Иначе Скрыбин, в очередной раз явившись, может и погонны с вас сорвать. Извините, господа, я сегодня резок, но меня эта история несколько раздражила. Апокалипсис начнется в России. Хорошенькое дело! А, скажем, Германия для апокалипсиса никак не подойдет? Ей давно уже следовало бы провалиться под землю... Или на худой конец Англия: хотя она и наша союзница, но коварная, господа. Ой, до чего коварная — что ваша леди Макбет! Мой батюшка ей всегда желал провалиться в тартарары.

Директор Департамента полиции принял к сведению сказанное об Англии, но поспешил ответить лишь на то, что затрагивало честь его погон (к счастью, еще не сорванных):

— Позвольте заверить вас, государь, что самое тщательное расследование уже ведется.

— Каким образом?

— Привлечены лучшие силы. Допрашиваются свидетели, ведутся протоколы, собирается секретное досье и так далее и так далее. Не буду вас посвящать во всю эту кухню.

— Протоколы, протоколы... Между прочим, а сегодня нас записывают? Стенографисток приглашать я не велел. — Николай стал оглядываться по сторонам.

— Да, государь, записывают. Вы выразили согласие, чтобы велся протокол одним из моих сотрудников. Он специально приехал утренним поездом из Москвы, куда был послан по срочной надобности. — Валентин Анатольевич небрежно кивнул в мою сторону; я невольно привстал, чтобы Николай смог меня издали разглядеть, и с глубоким почтением поклонился, что, впрочем, было оставлено царем без всякого внимания.

Он сразу заговорил о другом, удовлетворенный тем, что его реплика не пропадет для истории и будет записана.

— А сам Скрыбин? Его в свидетели вы не привлекли?

— Пока это не в наших силах. Увы, ваше величество.

— Я бы хотел сам побеседовать с кем-то из свидетелей. Приведите мне хотя бы студента из класса Скрыбина. Кого-нибудь побойчее и помысленнее.

— Мы предвидели подобную просьбу. Такой студент здесь, государь. Ожидает за дверью.

— Тоже прибыл из Москвы? Ваша предусмотрительность делает вам честь. Пригласите.

В кабинет вошел изящно-сухощавый студент с красивым смуглым лицом, ровным пробором в волосах и глубоко посаженными, фиалкового отлива, глазами.

— Ваше имя и фамилия? — спросил царь тихим, но отчетливо слышным голосом.

— Владимир Горовиц, Ваше Императорское Величество.

— Вы еврей?

— С вашего позволения, да.

— Я не вправе тут позволять или запрещать. Если ваша почтенная матушка родила вас евреем, то, стало быть, вы еврей. Тем более что черту оседлости у нас скоро, я надеюсь, отменят. Я полагаю, в августе, если не раньше. Вы учитесь у Скрябина?

— Да, по классу рояля, Ваше Императорское Величество.

— Ах, оставь, дружок, эти церемонии. Студенческая среда мне близка, и я допускаю известное панибратство. Зови меня просто Ники, как мои близкие. — Царь с озорством подмигнул и рассмеялся собственной шутке, хотя присутствующим она не очень понравилась. Почувствовав это, царь поправился: — Ну, не Ники, а Николай Александрович. Но только без всяких титулов, иначе ты по своей прыти наговоришь тут бог знает что. Вы в консерватории слышали, что ваш учитель скончался?

— Но я сегодня... с ним... — Горовиц запнулся, опасаясь сболтнуть лишнее в таком обществе.

— Что сегодня? Говори, говори...

Горовиц отыскал взглядом Сафонова, знакомого ему по консерватории, и тот по-ощрительно кивнул.

— Не робей. Не стесняйся.

— Сегодня я сдавал Александру Николаевичу балладу Шопена.

— Как мило! Сдавать балладу Шопена мертвецу. Облаченному в отглаженный сюртук скелету. Но может быть, и Шопен у вас тоже жив?

— Под пальцами Скрябина, Ваше Импера... под пальцами Скрябина, Николай Александрович, Шопен оживает.

— Я не об этом! Не об этом! Не под пальцами, а, так сказать, въяве, непосредственно?

— Нет, Шопен умер на тридцать девятом году жизни.

— А Скрябин?

Горовиц вновь посмотрел на Сафонова, и тот в ответ закивал.

— Скрябин сидел в кресле и слушал меня.

— А как же его похороны, могила в Новодевичьем монастыре, крест с надписью, что здесь, под крестом, покоится Александр Николаевич Скрябин, скончавшийся четырнадцатого апреля?

— Но сегодня уже двадцать второе апреля, — неуверенно заметил Горовиц, готовый тотчас отказаться от своих слов, если они не понравятся царю.

— И что же?

— Сегодня я, как всегда, играл Скрябину и выслушивал его замечания. Простите меня за это.

— Что ж ты просишь прощения! Играл так играл. Но как же вы, ученики Скрябина, могли не слышать о его смерти? Вся Москва слышала, все газеты писали, а вы...

— Не слышал, Ваше Импера... Николай Александрович. И никто в нашем классе не слышал. Все по-прежнему приходят на занятия. Достают ноты, ставят на пюпитр и играют.

— А Скрябин?

— Пишет в нотах карандашом, где нужна педаль, где крещендо и где диминуэндо.

— У вас эти ноты с собой? — с нетерпением спросил царь.

— Да, Николай Александрович.

— Какой я тебе Николай Александрович! Ишь, понравилось! Я для тебя государь император. И черта оседлости еще не отменена. Поэтому величай меня, как положено.

— Но вы же сами... — пролепетал до смерти испуганный Горовиц; Сафонов издал бросил в его сторону остерегающий взгляд и незаметно для царя, спрятавшись от него за спинами, постучал пальцем по лбу.

Горовиц тотчас поправился, вытянувшись во фрунт:

— Да, Ваше Императорское Величество. Ноты у меня с собой.

— Покажи.

Горовиц достал и протянул ему ноты.

— Вот извольте...

— Где сегодняшние пометки Скрябина?

— Здесь... и здесь... — Горовиц ткнул пальцем в нужное место.

— Чудеса! — изумился царь. — След от карандаша совсем свежий, как будто лишь сейчас написано. — Валентин Анатольевич, вы подтверждаете, что это почерк самого Скрябина?

— Минутку, минутку... — Директор чуть ли не на цыпочках просеменил к столу, на ходу доставая пенсне и насаживая на нос. — Да, подтверждаю. Никаких сомнений быть не может.

— В таком случае что же вы стоите? Действуйте! Переверните все вверх дном, но разгадайте мне эту проклятую загадку.

— Слушаюсь, государь. — Директор Департамента полиции строевым шагом, как солдат, направился к двери.

— Пойдите. — Николай щелкнул пальцами.

Директор замер на месте и медленно повернулся лицом к царю.

— Я весь во внимании, государь...

— Мне передавали, что, заключая договор на аренду двухэтажного дома в Николопесковском переулке, Скрябин...

— ...Заключил его по четырнадцатое апреля пятнадцатого года — день собственной смерти, — подхватил Валентин Анатольевич, опережая мысль царя. — Да, это так. Прикажете показать вам договор?

— Не надо. Ступайте. Интересно, по какое число нам дано арендовать Зимний дворец? Мы ведь тоже арендаторы. Во всяком случае, у Бога, — сказал царь, и его слова были поняты всеми как указание, что совещание закончено и можно разойтись.

Параграф шестой

ПРЕЖНИЙ ПАСПОРТ АННУЛИРОВАН

За высокими, золочеными дверьми царского кабинета Валентин Анатольевич особым жестом, выражающим его расположение и доверительную приватность в отношениях меж нами, подозвал меня к себе.

— Ну, вот и обсудили... Кажется, царь остался доволен, хотя и напускал на себя грозный вид. И вот что, мой милый... — Он слегка помялся, выбирая удобную форму выражения не совсем удобной просьбы. — То, что было молвлено о моих погонах, которые якобы сорвет с меня Скрябин... об этом прошу не распространяться в нашем ведомстве. Пусть болтают где угодно, но только не у нас. Будем считать, что это не совсем удачная шутка царя, как и призыв называть его по-домашнему Ники, ха-

ха-ха! Он иногда позволяет себе... особенно после рюмки коньяка, который держит у себя в столе.

— Не распространяться? Ваше превосходительство, мне об этом можно не напоминать...

— Знаю, знаю, мой милый. Я так, на всякий случай. Уж вы не взыщите. — Валентин Анатольевич дружески потрепал меня по плечу, а затем участливо заглянул в глаза. — Вас что-то беспокоит, я заметил?

— Ваше превосходительство, я ведь тоже видел Скрябина.

— Где и когда? — Директор Департамента полиции тотчас принял деловой, озабоченный вид.

— На похоронах семнадцатого апреля. Я написал об этом в отчете.

— Ах, прости, я еще не читал!

— Может, следовало сказать об этом царю?

— Да, пожалуй. Было бы странно, если бы в таком разговоре мы это утаили. Что ж, придется вернуться, хотя возвращаться — плохая примета.

Тем не менее он постучал в высокую, золоченую дверь и слегка приоткрыл ее.

— Ваше величество, вы позволите?..

Царь сидел за тем же столом в отрешенной и задумчивой позе. Перед ним стояла рюмка зеленого хрустала с коньяком, которую при нашем появлении он быстро убрал со стола. При этом чуть было не опрокинул, вовремя поймал, но несколько капель все же выплеснулось на стол.

— Извините, — счел нужным произнести царь, раз уж он был замечен в таком деле. Он быстрым и привычным жестом взял из хрустальной розетки и положил в рот ломтик лимона, посыпанный сахаром и молотым кофе: это отбивало запах.

— Это вы нас простите, государь. С вашего позволения мы зайдем чуть позже.

— Нет, нет, извольте. Только недолго. У меня через десять минут обед. Доктора прописали мне перед обедом рюмку коньяка для расширения сосудов и возбуждения аппетита.

— Вы правы, коньяк в этом смысле очень полезен. Но мы всего на два слова, государь. Я счел себя обязанным сообщить, что мой сотрудник присутствовал на похоронах Скрябина и видел там его самого живым и здравствующим.

— Это действительно так? — обратился царь ко мне, дожевывая лимон и сплевывая косточки в розетку.

— Да, ваше величество. Скрябин при этом еще спросил, кого здесь хоронят.

— Вот как! Поинтересовался! Так, может, это был не Скрябин? Мало ли всяких случайных прохожих...

— Нет, государь, именно он.

— Почему вы так уверены?

— Скрябин выглядел как... Скрябин. И никто другой.

— А он не мерцал, не струился, не покачивался в воздухе, как это свойственно призракам?

— Нет, государь. Он прочно стоял на земле, как человек из плоти, хотя я допускаю, что про Скрябина с его полетной походкой так, наверное, не скажешь.

— Любопытно, где же вы наблюдали эту полетную походку?

— Я ведь не раз имел возможность видеть Скрябина в концертах.

— Вы такой уж завзятый любитель музыки?

— Я абонирован в Большой зал Санкт-Петербургской филармонии, а также в Большой зал Московской консерватории. В Москве я часто бываю по службе.

— Хорошо. Допустим. О чем же еще вы беседовали со Скрябиным?

— Собственно, так... ни о чем. Но он, прямо ко мне не обращаясь, а как бы про себя обмолвился, что ему срочно нужен заграничный паспорт.

— Так и сказал?

— Произнес очень тихо, с задумчивостью — так, что я едва расслышал. И еще добавил, что его прежний паспорт теперь аннулирован.

— *Теперь!* — Царь выделил раздраженным голосом это слово. — Значит, он все-таки допускает такой непреложный факт, что он мертвец!

Мне не оставалось ничего, кроме как подтвердить:

— Видимо, так, государь...

— Ну а для чего ему паспорт? Куда он собрался?

— С той же задумчивостью, вновь обращаясь к самому себе, как бы в забытии Скрябин проговорил, что ему нужно побывать в Европе, а затем в Индии, где будет возведен величественный Храм для его Мистерии.

— Ну, и пусть он отправляется в Индию. — Царь, все время склонявшийся в мою сторону, чтобы лучше меня слышать, вдруг резко выпрямился и откинулся на спинку кресла. — Пусть, пусть. Не надо ему препятствовать. Так нам спокойнее. Валентин Анатольевич, — Николай обратился к директору полицейского департамента, — побеспокойтесь, чтобы ему выписали заграничный паспорт.

— Как прикажете, ваше величество. Ему немедленно выпишут. А как велите его вручить?

Николай, больше не стесняясь нашего присутствия, налил себе еще конька.

— Мне кажется, Скрябин сам за ним явится. Вот тут-то вы его...

— Прикажете арестовать?

— Нет, зачем же! Арестовывать не надо. Только задать несколько вопросов. Так, для проформы... И установить за ним самое пристальное наблюдение. Пусть он едет, куда захочет, а мы — за ним следом. Пусть едет. Мы будем этому только рады. Проводим его с цветами и шампанским. — Царь смотрел на полную рюмку, явно дожидаясь того желанного момента, когда мы наконец удалимся и он сможет выпить и за наше здоровье, и за здоровье императрицы, которая зорко следила, чтобы он не пил.

Параграф седьмой

ЗАЛЮБЕЗНИЧАЛ; ИНТЕРЕСУЕТСЯ ГОСУДАРЬ

Царь оказался прав, и даже больше того: прав и за себя, и за нас, поскольку мы этого никак не ожидали, как картежники, занятые своими расчетами, не ожидают, что соперникам выпадет хорошая карта, которая все их кропотливые вычисления начисто опровергнет.

Когда мы сидели в кабинете Валентина Анатольевича на мягких кожаных диванах с выгнутыми спинками, сафьянной обивкой, прошитой мелкими гвоздиками, под большим портретом Николая и директор читал мой отчет о похоронах Скрябина (не успел прочитать до этого и теперь наверстывал упущенное), предсказание царя сбылось: Скрябин действительно явился.

Явился за паспортом, как всегда комильфо, в начищенном и отглаженном пикейном жилете, тщательно выбритый и надушенный, будто только что из дорогой парикмахерской. Волосы были тщательно уложены, словно их долго держали под сеткой, усы и бородка слегка напوماжены и подвиты. И главное — никаких следов фурункула над верхней губой, словно не было никакого пореза и фурункула, а следовательно, и причины для смерти такого довольного собой, преуспевающего, франтоватого господина, правда, с несколько затуманенным и грустным взглядом.

Скрябин направился прямо к кабинету Валентина Анатольевича, словно ему было прекрасно известно его расположение. И в ответ на предупреждающий возглас секретарши Розы Филипповны, пытавшей его остановить: «Позвольте! Кто вы? Вам не назначено!» — галантным жестом выдернул из петлицы и протянул ей алую розу. Причем по его виду прочитывалось: для него не секрет, что название цветка совпадает с именем дамы.

После того как цветок оказался в ее руках, что было для секретарши полным сюрпризом, Скрябин непринужденно толкнул дверь и вошел.

Секретарша от растерянности и изумления не сумела ему воспрепятствовать. Оправдываясь перед начальством, она выглядывала из-за спины неожиданного гостя и беспомощно разводила короткими пухлыми ручками:

— Я пыталась остановить этого господина...

— Не беспокойтесь, Роза Филипповна... — Директор сделал жест, побуждающий к тому, чтобы она поскорее исчезла.

— Очень милая женщина, всецело преданная своему начальству, — счел нужным комплиментарно высказаться гость. — Я-то, воспитанный в семье военных, полагал, что в таких приемных дежурят офицерские чины. И не скрою, был приятно удивлен, встретив здесь даму, и даже, похоже, без всякого воинского звания.

— Простите, с кем имею честь?.. — с напускной неприязнью спросил Валентин Анатольевич, поднимаясь с дивана и придавая себе сугубо официальный вид. Он, конечно же, сразу узнал гостя, но посчитал нужным этого не показывать, чтобы не нарушать естественный ход таких совершенно сверхъестественных событий.

При этом директор взглядом подал мне знак, означавший, что все развивается по оговоренному меж нами плану.

— Скрябин. — Голос был мягкого тембра, довольно высокий и тонкий. — Извините, что прямо к вам, но мне нужно срочно возобновить мой заграничный паспорт. Паспорт по недоразумению был аннулирован или что-то в этом роде, я подробно не выяснял. Из Министерства иностранных дел меня направили сюда, любезно предоставив адрес. Хотели даже дать сопровождающего. Признаться, я как коренной москвич Петербург-то не очень хорошо знаю. Мог бы и заблудиться. — Скрябин смущенно кашлянул, почувствовав, что он наговорил лишнего. — Простите, я, кажется, заболтался...

Валентин Анатольевич поспешил его успокоить:

— Что вы, что вы! Ничуть...

— Благодарю. Так я о паспорте...

— Что-с? О каком паспорте изволите беспокоиться? — Директор изобразил забывчивость, ему не свойственную, но отображавшую общую ирреальность ситуации.

— О заграничном паспорте. Я же только что сказал...

— Извините, ваше имя?

— Скрябин, Скрябин Александр Николаевич мое имя. — Гость после первых минут опьяненности стал немного раздражаться.

Тут я всей кожей почувствовал, что директору до жжения на кончике языка хотелось на это ответить: «Но вы же умерли, господин Скрябин!», но он сдержался и вместо этого слегка заюлил, залюбезничал:

— Да, да, ваш заграничный паспорт у меня, господин композитор. Ведь вы композитор, музыку сочиняете, не так ли? Паспорт для вас уже готов. Не угодно ли кофе или чаю?

— От кофе я бы не отказался.

Валентин Анатольевич от сафьянного, красного дивана вернулся к своему столу с врезом зеленого канцелярского сукна и декоративной оградкой из точеных балясинок по углам. Он опустился в кресло и вдавил кнопку звонка, как давят насосавшегося крови слепня. Когда секретарша вновь заглянула, внятно и внушительно произнес:

— Роза Филипповна, пожалуйста, кофе для гостя. А вас прошу садиться, — предложил Валентин Анатольевич, и Скрябин сел рядом со мной.

— Я вас, кажется, помню. Вы были тогда на кладбище...

— Совершенно верно.

— Только вы назвались репортером...

— Как вам погода в Петербурге? — спросил Валентин Анатольевич, заметив мое затруднение и спеша мне на помощь.

— Спасибо, без сахара, — ответил Скрябин, по рассеянности не услышавший, о чем его спрашивали.

Директор своим многозначительным видом подчеркивал осведомленность в том, что композиторам — тем более таким известным, как Скрябин, — бывает свойственна некая рассеянность и отрешенность от житейских мелочей, впрочем простительная.

— Если сахар неким образом характеризует состояние погоды, то я удовлетворен вашим ответом.

— Ах, боже мой! — Скрябин схватился за голову. — Что я говорю! Не удивляйтесь, господа. Со мной и не такое случается. Однажды, перепутав конверты, я вложил письмо композитору Лядову в конверт, предназначенный для Римского-Корсакова. Причем в этом письме я упоминал и самого Римского-Корсакова, ха-ха-ха! Вышел ужасный — ужасный! — конфуз.

— Что ж, бывает, если голова полна дерзких творческих замыслов. — Валентин Анатольевич с пониманием отнесся к этому признанию. — А ведь ваши замыслы весьма и весьма дерзкие, господин профессор. Впрочем, оставим это. Как вы намерены воспользоваться вашим новым паспортом?

Скрябин, так и не получивший из рук директора свой паспорт, протянул за ним руку, но тот как-то странно медлил, прежде чем его вручить.

— Хочу побывать за границей... как же еще!

— Я потому спрашиваю, что вашими планами интересуется государь. — Директор похлопывал паспортом по ладони.

— Неужели царя могут интересовать такие мелочи!

— Представьте себе, могут. И царь ждет моего обстоятельного доклада. Поэтому прошу вас поподробнее...

Скрябин обернулся ко мне, словно соизмеряя степень подробности с моим соседством, и начал рассказывать о своих ближайших планах.

Параграф восьмой

ОБНОВЛЕННЫЙ ТЕЛЕСНЫЙ ОБЛИК

— Прежде всего у меня намечены кое-какие встречи здесь, в Петербурге... скажем, я должен побывать на Башне у моего друга, поэта Вячеслава Иванова. Ну, и в Москве... там тоже запланированы встречи, хотя я еще точно не определился, какие именно. После всего этого — Европа, а затем — Индия...

— Государь особенно спрашивал об этой самой Индии. Помните, как у Чехова: «А должно быть, в этой самой Индии теперь жарища — страшное дело!»

— В Африке! — поправил директора Скрябин. — У Чехова речь об Африке.

— А Индия и есть эта самая Африка... Жарища, знаете ль... невыносимая... Я сам не бывал, но мне докладывали. Вам надо позаботиться о пробковом шлеме, чтобы не напекло голову. Настоятельно вам рекомендую.

— Премного благодарен. Уже позаботился.

— Прекрасно! — Валентин Анатольевич раскинул руки по спинке кресла с резными воздетыми крыльями двух сказочных птиц, словно этот жест позволял ему выразить свое восхищение своевременной заботой гостя. — Вижу, вы настоящий пилигрим. И какова же цель вашего турне... впрочем, нет, правильнее сказать, паломничества? Если это не секрет, конечно.

— От государя и от вас у меня секретов нет и быть не может. Я собираюсь арендовать или купить участок земли на берегу священной реки Ганга и возвести там Храм для исполнения моей Мистерии. Конечно, надо договориться с англичанами, но после моих концертов и исполнения «Прометея» они ко мне весьма расположены. Полагаю, что препятствий с их стороны не будет.

— О, Мистерия! Она у вас уже закончена?

— Я намерен уединиться в Швейцарии и там закончить Мистерию. наброски у меня уже есть, а дальнейшее не составит труда. В моем прежнем существовании это было невозможно, а теперь мои духовные и творческие силы обновились, и я смею думать, что — могу.

— «Обнимитесь, миллионы!» — как у Бетховена в финале Девятой симфонии. Я, хоть и полицейский, тоже, знаете ли, не лыком шит: абонирую кресло в Большом зале филармонии. — Я почувствовал, что директор не хотел этого говорить, но все же сказал, сам же при этом смутился и был вынужден повторить, хотя это могло показаться лишним: — Так, значит, Бетховен! «Обнимитесь!»

— Да, с тою лишь разницей, что моя Мистерия исполняется во много раз большим оркестром и включает в себя светомузыку, колокольный звон, архитектуру, поэзию, танец и многое другое.

— За один день такое, пожалуй, не исполнить... — Директор усомнился в возможностях даже самого большого оркестра.

— Мистерия будет исполняться в течение семи дней и ночей.

— А затем?

— А затем, — Скрябин вздохнул, вынужденный повторить то, что уже не раз пытался, хотя и безуспешно (его не очень-то понимали), донести до собеседников, отвечая на подобные вопросы, — человечество и весь наш мир, основанный на зле и власти греха, дематериализуется и войдет в новую фазу существования.

— Попросту говоря, исчезнет... Фьюить! — Директор, сложив щепотью пальцы, снял с губ и послал в неведомое пространство воздушный поцелуй.

— Исчезнет — и снова возродится, — постарался обнадежить его Скрябин.

— И мертвые, надо полагать, воскреснут живехонькие? — Валентин Анатольевич немного скабрезничал.

Скрябин, заранее набравшись терпения, заставлял себя просветленно сносить любые скабрезности.

— Все по Никео-Константинопольскому Символу: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

— Но ведь это, с позволения сказать, дело Божие. Как же вы берете на себя?.. Или вы у нас Бог?..

— Не Бог, а Его избранник. Хотя в чем-то и Бог...

— Виноват, виноват... но все-таки по простейшей логике вещей должно быть неким образом засвидетельствовано, что вы избраны. Скажем, Дух Святой в виде го-

лубя опускается вам на плечи, или там, я не знаю, голос неба глаголет, что вы есть Сын Возлюбленный и прочее, прочее...

Скрябин на это с неожиданной прямоотой ответил, глядя собеседнику прямо в лицо:

— Господин директор Департамента полиции, а вам ничего не говорит то, что четырнадцатого апреля я умер, а теперь стою перед вами — живой?

— Вот именно, именно, дорогой Александр Николаевич! Я и хотел бы, чтоб вы объяснили, а то мы тут теряемся в догадках...

— Только позвольте коротко, особо не распространяясь. Самую суть.

— Как вам будет угодно. Я с одинаковым вниманием выслушаю и подробный отчет, и краткое изложение этой самой, как вы изволили выразиться, сути.

— Заранее вам признателен. Но сначала потрудитесь передать мне мой паспорт...

Скрябин протянул руку, чтобы по праву законного владельца взять то, что в нее положат.

— Что-с? — Директор вздрогнул, ощупывая лицо, словно ужаленный кружившей над ним осой.

— Паспорт, паспорт, который вы держите в руках и никак не можете с ним расстаться. Дайте его мне, наконец!

— Ах, ваш паспорт! Пожалуйста! Возьмите! — Валентин Анатольевич нехотя протянул Скрябину заграничный паспорт.

— Премного обязан. — Скрябин спрятал полученный наконец паспорт во внутренний карман жилета. — Ну а теперь обещанная вам суть, если вы еще к ней не охладели...

— Что вы, что вы! Жду с нетерпением.

— Пребывая в моем прежнем телесном облике, не только физическом, но и эфирном и даже астральном... впрочем, в эти тонкости вдаваться не будем. Так вот... пребывая в прежнем телесном облике, я не мог выполнить свою главную жизненную миссию — закончить Мистерию и осуществить ее исполнение. Поэтому я усилием моей воли и творческого сознания спроецировал на окружающих иллюзию собственной смерти, а сам принял обновленный телесный облик.

— Сложно, — после глубокой задумчивости изрек директор, — но кажется, я что-то улавливаю. Только позвольте последний вопрос. Вот вы пророчите миру эту самую демаркацию... деморализацию... — директор нарочито запутался в подбираемых на ходу словах, — дематериализацию, исчезновение в небытие, из чего следует полагать, что все страны таким вот образом исчезнут. В том числе и Россия, хотелось бы знать? И все мы русские?

— Конечно! Почему мы должны быть исключением!

— А самодержавная власть? А правительство? А законы? И вообще существующий порядок — с ними-то как? Все-таки наше ведомство не может не быть этим озабочено.

— «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет». Вот вам и существующий порядок. Нет его больше — ни законов, ни правительства, ни самодержавной власти.

— Так вы штундист, батюшка. Вы — отрицатель или, как в народе говорят, нетовец. Если же с другого бока взять, то и революционер. А то и вовсе граф Толстой, единый в трех лицах: штундист, нетовец и революционер-разрушитель.

Скрябин шутливо схватился за голову.

— Ну, это, пожалуй, слишком. Слишком много всего сразу. Ни на одну из этих ролей я, увы, никак не гожусь. И не претендую. Но мне дана власть над стихией звуков, которую я доступными мне средствами пытаюсь упорядочить, а музыка — это в каком-то смысле весь мир.

— Если вас не затруднит, уточните, пожалуйста, в каком именно смысле. — Директор изобразил лицом некую сомнительную любознательность и нехорошо — не сколько даже дрянненько и порочно — осклабился.

Скрябин с хладнокровным достоинством выдержал этот демарш.

— Охотно уточняю. Кто-то из древних ошибочно считал основой мира огонь, кто-то эфир, кто-то воду, музыка же как истинная основа — и то, и другое, и третье. Но прежде всего — огонь.

— Огонь поядающий, так сказать. В таком случае вы у нас — Гераклит, с чем я вас и поздравляю.

Директор наморщил покатый лоб и тотчас согнал со лба морщины, чтобы лицо его прояснилось и воссияло по случаю столь искреннего поздравления.

— Еще раз благодарю за паспорт. — Скрябин по-военному щелкнул каблуками (привычка кадетских лет) и поклонился, после чего развернулся кругом и направился к двери.

Параграф девятый

САХАРЦУ!

Между тем директор, видимо, посчитал, что уход гостя был бы преждевременным, и перед самой дверью его приостановил:

— А как же кофе, господин Скрябин?

Гость учтиво обернулся, не желая оставлять заданный вопрос без внимания и в то же время не имея возможности ответить на него положительно.

— Если позволите, в другой раз...

— Ну, уж так-таки и в другой. У нас так не положено. Что-что, а угощать мы умеем. Хотя мы и костоломы, сутками не выходим из пыточных камер, можно сказать, там днюем и ночуем, ха-ха-ха, но кофе у нас варят превосходно. По отзыву знатоков, гораздо лучше, чем в Министерстве иностранных дел. Вот вы посетовали, что секретарь в моей приемной — дама, а не офицерский чин, но уверяю вас, никакой офицер не сварит кофе столь изысканный, как Роза Филипповна. К тому же она наверняка уже сбегала в кондитерскую лавку за бисквитами. У нас тут пекут преотличные бисквиты. Так что ваша Мистерия откладывается на некоторое время и наш кофе вы должны отведать.

— Что ж, от такого приглашения трудно отказаться. Это же не пыточная камера... — Композитор если и пошутил, то с некоей едва распознаваемой грустью.

— Бог мой, все помешались на пыточных камерах! С ума посходили! Особенно репортеры: покажите им эти камеры, и все тут! Я им на это отвечаю: легче показать вам гомеровскую Троию, поскольку она все-таки была, а пыточные камеры... их попросту нет. Мы люди цивилизованные. У нас за плечами хотя и не консерватории, но гимназии и университеты. Мы идем нога в ногу с прогрессом. Нам благородство не позволяет выламывать руки, загонять под ногти иголки, жарить узников на медленном огне, как черти жарят грешников в аду. Подобное варварство если и было, то — когда-то, в далеком прошлом. А если где-то случайно и сохранилась одно-другое пыточное узилище, то оно... за милую душу подождет. Подождет, подождет, никуда не денется. А вы пока спокойно, без всякой опаски присаживайтесь, господин Скрябин. Вот и обещанный мною кофе... — Роза Филипповна, не выпуская из рук поднос, искусно приоткрыла плечом дверь и просеменила к низкому столику перед диваном, на котором расставила кофейник, сахарницу и чашки. — Предпочитаете со слив-

ками, Александр Николаевич? У Розы Филипповны и сливки припасены. Или вы пьете иссиня-черный?

— Да, пожалуйста, черный и без сахара. Для меня кофе со сливками — это пытка...

Директор не преминул тотчас оценить находчивость и остроумие гостя:

— Ах вы наш озорник! Шутник вы наш! «Пытка!». Ваши бы слова да Богу в уши, чтобы у нас все такими пытками бы и ограничилось! Может, все-таки подсластить?..

— Еще раз благодарю...

— Жаль, жаль. Сахарцу бы добавить не помешало! Хотя для здоровья пользы мало, конечно, но я себе в этом удовольствии отказать не могу. Слаб по части маленьких, невинных радостей. Вам тоже с сахаром, мой дорогой? — обратился он ко мне, не скрывая, что столь ласковым обращением я обязан присутствию столь почетного гостя.

Я чуть было не поперхнулся от этого вопроса: не привык себя чувствовать столь обласканным и к тому же быть в центре внимания.

— Да, если можно...

— Можно, можно. Сегодня принимаем такого гостя, что можно решительно все. — С минуту или даже чуть больше все смаковали кофе, действительно сваренный превосходно, душистый и нужной крепости. — Могу я полюбопытствовать, — после затянувшейся паузы спросил директор, — а от нас вы, собственно, куда намерены направиться? Я это к тому, что, может быть, вас проводить или предоставить вам автомобиль с водителем? Ради бога, не стесняйтесь! Хоть на весь день, любезный Александр Николаевич. Извольте! Чтоб вам пешком не ходить и народ не пугать... гм. — Валентин Анатольевич стал придирчиво осматривать с разных сторон серебряный кофейник, интересуясь тем, как в нем отражается сервировка стола.

— Чем же я, по-вашему, могу напугать народ? — Скрыбин, едва попробовав кофе, далеко отставил от себя чашку.

— А разве я сказал — напугать? Ну что вы, что вы! Какие пустяки, ей-богу! Лишь немного смутить, пожалуй... Народ прочел в газетах, что вы умерли и вас похоронили, а тут вы спокойно расхаживаете по Невскому проспекту. Народ может обеспокоиться. Полицию могут вызвать. Поэтому мы, полицейские, должны заранее побеспокоиться.

— Я умер только для тех, кто сами мертвы. Во всяком случае, мертвы духом. Иначе бы Христос не сказал: «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов».

— Да, это сильно сказано! Сильно! Это значит, мертвые впрягаются в катафалки и тянут своих мертвецов на кладбище. Ну, чистый Брейгель или даже Босх! И все-таки повторю свой вопрос, возможно несколько бестактный, но для костолома простибельный: куда вы намерены направиться?

— В услугах водителя я не нуждаюсь. Погода весенняя. Пешком дойду или возьму извозчика. А если вам это интересно, отправиться я намерен к моему близкому другу, ученому и поэту Вячеславу Иванову.

— Вячеслав Иванов... дайте вспомнить. Со спутанными космами волос, в круглых очочках, усы и борода, как у вас... Иванович по батюшке. Конечно, он нам хорошо известен. Но он же не музыкант. На скрипках и виолончелях не играет. Что же вас связывает?

— Вы же сами сказали: усы и борода...

— Принимаю как еще одну вашу шутку. — На этот раз директор даже не улыбнулся. — А если серьезно?

— Вячеслав Иванов близок мне своей идеей мистериального театра, проникнутого духом Элевсина...

— Дух Элевсина — это, простите, Древняя Греция? Или, может быть, Рим?

— Элевсин — одно из мистериальных таинств Элады... — охотно пояснил Скрябин, все более воодушевляясь.

Директор, сделав ему знак, чтобы в дальнейшем он не забыл продолжить с этого важного места, наклонился ко мне.

— По этому поводу представьте мне подробную справку, чтобы потом всякие кумушки не судачили, будто полицейским костоломам якобы чужд этот самый дух Элевсина. — После этого он вновь обратился к Скрябину: — И как выглядит у вашего друга Вячеслава Иванова этот мистериальный театр?

— Прежде всего в нем отсутствует рампа. Соответственно, ничто не разделяет актеров и зрителей. Да зрителей, собственно, и нет. Все присутствующие — участники!

— Замечательно! Знаете, что?.. Я все-таки вызову автомобиль, и мы вместе прокатимся к Вячеславу Ивановичу Иванову на его знаменитую «Башню», форпост символизма и, простите... всяческих там мерзостей и отклонений.

— Я протестую! — вступился за друга Скрябин.

— Протест принят. Я умолкаю. Лишь позволю себе заметить, что Вячеслав Иванов был женат на умершей не так давно Лидии Зиновьевой — то ли Ганнибал, то ли Аннибал. Все время путаю... Нет, все-таки Аннибал, поскольку Ганнибал — это Пушкин. Разнообразили же этот брак, придавали ему известную долю пикантности и даже скандальности поэт Сергей Городецкий и художница Маргарита Сабашникова. И вообще, на «Башне» царит культ дионисийства, проповедуются всякие безумства, воспеваются всякие экстазы. И разумеется, все поклоняются Ницше. Без Ницше с его душевными расстройствами у нас никак нельзя! Словом, нечто глубоко созвучное вашей, Александр Николаевич, «Поэме экстаза». Простите, умолк. Уже умолк. — Директор изобразил покладистость и сговорчивость, позволившие ему спросить: — Так что же — едем?

Хотя Скрябин, казалось, был преисполнен решимости отказаться от столь сомнительного предложения, он вдруг, словно вопреки собственной воле, произнес тихим, отстраненным, созвучным некоей тайной зачарованности голосом:

— Едем. Разумеется, едем...

Параграф десятый

ВИЗИТ ОТМЕНЯЕТСЯ

Сам же, как ни странно, после этих слов не встал, а продолжал сидеть на краешке сафьянного дивана, склонив голову и держа ладони сложенными вместе между сдвинутыми коленями. Валентин Анатольевич посмотрел на него с некоторым недоумением.

Сам он хотел уже подняться с дивана, но странная медлительность гостя привела его в замешательство, и, едва привстав, он снова сел, словно был намерен продолжить разговор не иначе как уподобляясь гостю и занимая то же положение, что и он.

— Так вы сказали, что мы едем... Я вас правильно понял?..

— Вы хотите, чтобы я сам привел в дом моего друга полицейских? — Скрябин поднял на него свои дымчатые, карие, с ореховым отливом, глаза. Под его испытующим взглядом директор стал разглаживать складки слегка замявшегося под ним дивана.

— Ах вот оно что! — Он сдул приставшую к пальцу пылинку. — Визит, стало быть, отменяется. Господин Скрябин нас, оказывается, испытывал. Брал пробу на вшивость, простите за грубость. Насколько мы, костоломы, так сказать, соответствуем... соответствуем его возвышенным интеллигентским представлениям, его парящим мечтам.

Ведь ваше первое симфоническое произведение, помнится, так и называлось — «Мечты». А тут выяснилось, что мы мечтам-то и не соответствуем. Оплошали...

— Я и не думал никого испытывать. Просто есть вещи...

— Вещи, недоступные нашему полицейскому разумению. Мы ведь завшивели, ужасно завшивели. Нас и за стол рядом с собой не посадишь, полицейских-то. И что там за стол — нас и в прихожую порядочного дома пустить нельзя! Тем более если этот дом не просто дом, а — «Башня», вся как есть выточенная из слоновой кости! Так, господин Скрябин?

Скрябин промолчал и лишь еще сильнее сжал коленями ладони.

— Так, так... я вижу, что так. Но только сделайте милость — объясните, чем наши полицейские вши хуже червей.

— Каких червей? — Скрябин невольно содрогнулся от отвращения.

— О, я вижу, вы червями-то брезгаете! Напрасно, напрасно. Их никому не избегать — ни мне, ни тем более вам. Они вас там, в могиле, уже, поди, и гложут...

— Прекратите! — Скрябин вновь содрогнулся и резко встал.

— А что тут такого? — по-детски обиделся директор и воззрел на него снизу вверх. — Всех мертвецов в гробах едят черви, а вы ведь у нас мертвец...

— Разрешите мне вас покинуть... я больше не в состоянии... — Гость устремился к двери, закрывая рот извлеченным из кармана тончайшей работы, с кружевами шелковым платком. — Если вы позволяете себе...

— А что я такого сказал? — стал оправдываться директор.

Гость отнял от дрожащих губ платок и отдельно, придавая особую значимость каждому слову, произнес:

— Знайте же, господин директор, что я не мертвец, лежащий в могиле, а живой! Если вы в этом еще не убедились, мне вас искренне жаль. И я вас убеждать ни в чем не собираюсь. Это было бы ниже моего достоинства.

Параграф одиннадцатый

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ВЕК

— Конечно, конечно! Кто бы сомневался! Вместо вас по ошибке похоронили кого-то другого. Бывает, бывает, господин Скрябин. Всякое бывает в наш-то фантастический век. Собственно, сей век и начался с того, что вместо царя похоронили кого-то другого. А сам он — фьюить — исчез неведомо куда. Но бог с ним, царем. Вот вы меня изволили жалеть, а я хоть и не без сожаления, но вас пока отпускаю. Только еще минутку. — Валентин Анатольевич щелкнул себя по лбу, словно при всей своей забывчивости все-таки вспомнил о чем-то важном. — Одну-единственную минутку. Считайте, что вас, рвущегося к двери, я так взял и потянул за хлястик, чтобы немного задержать ради продолжения приятной беседы. — Шевелением пальцев в воздухе он попытался изобразить, как тянут за хлястик. — И не просто приятной, а наименее приятной. Признаться, было бы нелишне узнать, что вы, собственно, хотели от вашего великопного друга? Его ведь так и называют — Вячеслав Великолепный. Я не ошибся?

Скрябин на всякий случай повернулся так, чтобы хлястик его жилета был вне пределов досягаемости директорских рук.

— Что я хотел, это мое личное дело, господин директор.

— Личное, личное. Кто ж спорит! Но все-таки?... Намекните хотя бы...

— Хорошо, но пусть это будет с вашей стороны последний вопрос.

— Уверю вас. Т-ссс! — Директор коснулся пальцем своих тонких, бескровных губ. — Больше никаких вопросов. Услышанное от вас я унесу с собой в могилу... гм-гм.

— Я хотел узнать, не согласится ли Вячеслав Иванович стать моим попутчиком...

— «Поедете ли вы с нами в Индию?» — с таким вопросом вы однажды обратились к Маргарите Кирилловне Морозовой, вашему другу и покровителю. А когда она со смущением отказалась от столь заманчивой авантюры, не без игривости воскликнули: «А вот Сергей Александрович едет». Имелся в виду Сергей Александрович Кусевицкий, бывший контрабасист, нынешний дирижер, деловой человек, тоже ваш задушевный приятель. Но увы, не поехал, хотя, возможно, и смог бы. Боюсь, как бы и Вячеславом Ивановым такого не случилось. Для вас это была бы потеря и немалое разочарование...

— Да, Вячеслав Иванов так близок мне и моим мыслям, как никто.

— Ну, уж и впрямь никто... Сомневаюсь. А Елена Петровна Блаватская, чью «Тайную доктрину» вы испещрили своими пометками?

— Елена Петровна давно умерла. К тому же она никогда бы не согласилась...

— Это в Индию-то вместе с вами махнуть? — Валентин Анатольевич всплеснул руками так, словно в эту минуту для них никак не могло найтись какого-либо иного столь же осмысленного применения. — Понятное дело. Кому ж взбредет в голову! Но и Вячеслав Иванов навряд ли... Он и годами уже не тот, и переживает мрачные, упадочные, мизантропические настроения. Разочарован в жизни и все прочее. Словом, нет. Не согласится. Зато у меня к вам есть другое предложение, — доверительно шепнул — и разве что при этом не подмигнул — директор.

— Какое же? — Скрыбин, не желая ни о чем подобном спрашивать, все же спросил — скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Охотно поясню. Вот рядом с вами продолжает скромно посиживать мой весьма энергичный и предприимчивый сотрудник, к тому же образованный человек, литератор, большой любитель музыки. Он бы охотно вас сопровождал, как небезызвестный Харон сопровождает куда-то там души умерших. — Директор склонился совсем близко к гостю и тотчас отпрянул. — Шучу, шучу, господин Скрыбин. Что ж нам, полицейским, и пошутить нельзя? При такой-то адски вредной работе?

— Ваши шуточки, однако...

— То есть я, с вашего позволения, шучу и в то же время — не шучу. Такая, знаете ли, диалектическая двойственность. Сотрудник мой — человек в высшей мере деликатный и ненавязчивый. В душу к вам заскорузлым пальцем не полезет. Зато поможет обтяпывать... пардон, устраивать, конечно, практические дела: арендовать участок для Храма, организовать доставку строительных материалов, консультации известных архитекторов. Ведь без консультаций и белораморный купол над Храмом не возведешь — тем более так, чтобы он отражался в священных водах Ганга. Словом, мой сотрудник будет для вас и швец, и жнец. Ну, убедил я вас? Согласны?

— Голубчик, вы и вправду не прочь со мной поехать? Взять на себя неизбежную бытовую рутину? — Скрыбин обратился ко мне как бы через голову директора, который против этого не возражал, до поры до времени терпел и даже при всей своей нарочитой болтливости приумолк, видимо понимая, что нам надо переговорить.

Я тоже встал с дивана и поклонился.

— Если сочтете меня достойным...

Скрыбин слегка помялся, словно испытывая некое затруднение.

— Простите мой вопрос. Вы полицейский?

— Я сотрудничаю с Департаментом полиции на правах свободного художника.

— Вот как! Неужели и такое бывает! Вот уж действительно фантастический век. — При этих словах гостя директор просиял, польщенный тем, что тот сослался на его

реплику. Скрябин же тем временем у меня спросил: — Что же вас влечет в такую опасную поездку? Навстречу многим испытаниям? Хотите побывать в Индии?

— Побывать в Индии и послужить Мистерии.

— Вы и о Мистерии слышали!.. Это делает вам честь. Что ж, я согласен. Надо что-нибудь подписать? Какую-нибудь бумагу? Или у вас без формальностей?

— Достаточно вашего слова, — снова встрял директор, которому быстро надоедало молчать. — Не смею больше задерживать. А о моих рискованных шуточках с червями и всякими насекомыми забудьте, господин Скрябин. Это я так, ради буффонады... для некоего эпатажа. Такие уж у нас приемы. Я ведь, как все наши сыщики, на Достоевском воспитан — на «Преступлении и наказании», а там следователь Порфирий Петрович и не такое откалывал.

— Я это так и воспринял. — Скрябин с официальной учтивостью пожал протянутую ему руку директора. Мне же вместо рукопожатия едва заметно, но со значением кивнул на прощание и почти неслышно шепнул: — Надеюсь, скоро увидимся.

Параграф двенадцатый

ТОЛЬКО ЧИРКНИ И ПОДНЕСИ

После того как Скрябин исчез за дверью, неслышно притворив ее, чтобы больше не привлекать к себе внимания, мы с директором разом, как по команде, взялись за чашки с кофе (у меня был черный, а у директора — разбавленный сливками).

Взялись, желая чем-то себя занять, и не нашли ничего лучшего, как стали допивать кофейную гущу, словно для нас осталось что-то незавершенное, чему нам хотелось придать законченный вид. Но в этом не было особого смысла, поскольку все объяснялось лишь нашей излишней возбужденностью, которую следовало погасить, хотя кофе был для этого далеко не лучшим средством.

Едва лишь мы это осознали, как оба принужденно рассмеялись, хохотнули, фыркнули в кулак, и нам сразу расхотелось кофе. Вернее, мы поняли всю бессмысленность своих действий и предпочли им осмысленное бездействие: отодвинули от себя чашки и стали недоуменно смотреть друг на друга, не находя, что при этом сказать, поскольку слова заметно отставали от всех наших торопливых действий.

Наконец слова нас все же догнали, и мы почувствовали способность некоторые из них произнести и тем самым обменяться впечатлениями о столь необыкновенном событии, как явление нам недавно умершего, в Бозе почившего и похороненного композитора.

— Вот чудеса-то, ей-богу! Рассказал бы кто-нибудь — я б не поверил... — Валентин Анатольевич тронул мизинцем полоску черных кофейных усов под самым носом.

— Но ведь я же вам рассказывал о встрече на кладбище. Вот и в отчете написал... Выходит, что вы и мне не поверили!

— Тебе я не мог не верить. Ты для меня — источник служебной осведомленности. Но все же, знаешь ли, сомневался... Ты же у нас при этом еще и беллетрист. Про таких Лев Толстой не зря говаривал: «Как его?.. Чуриков... Чуриков?..»

— Обижаете, Валентин Анатольевич... Я себя выше ставлю.

— Прости, прости. И все-таки неужели?.. Неужели не призрак?! Не тень отца Гамлета?! — воскликнул директор и сам же себе ответил, словно при его сомнениях лишь он один мог их разрешить: — Нет, не похоже. Призраки за усами и бородкой не ухаживают, в дорогих парикмахерских не стригутся, франтами не рядятся и отглажен-

ные пикейные жилеты не носят. Так что никакая не тень, а сам он как есть — во плоти. Впору пальцы ему вставляй в раны гвоздиные. И ты знаешь, что я заметил... — Он глянул по сторонам, словно больше всего не желая обнаружить посторонних свидетелей своего признания. — После этой встречи у меня из головы постепенно выветривается — рассеивается и скрадывается, как туман, что Скрябин умер. Как-то я об этом забываю. В памяти напрочь стирается... Для меня теперь есть лишь тот Скрябин, которого мы только что воочию лицезрели, — живой... Недаром он сам с такой убежденностью воскликнул: я, мол, живой, а вы тут как хотите! А потому и вся картина похорон, тобой старательно выписанная, теперь выглядит как некий мираж, иллюзия, галлюцинация. Ты согласен?

— Признаться, я тоже испытываю нечто подобное... В сознании сглаживается — как вы изволили выразиться, скрадывается, что Скрябин умер.

Директор допил остатки кофе, слизнул по-кошачьи с уголков губ пятнышки сливок и перевернул чашку вверх дном.

— Между прочим, ты у него теперь в голубчиках ходишь. Что ж, отлично, господин вольный художник. Кстати, и это твоя находка — назваться вольным художником, иначе бы он тебе, мой милый, не поверил, что-то заподозрил по своей мнительности, и сорвалось бы у нас с тобой. Теперь же все в полном ажуре. Будешь его сопровождать и все в красках описывать.

— Постараюсь. Насколько сумею... Я же не Лев Толстой.

— Но и не этот Чуриков... Чуриков, хотя ведь тоже был писатель. Правда, не по нашему ведомству.

— Он и сейчас есть. Слава богу, живехонек.

— Видишь как! А я его чуть было не похоронил. Вот и был бы второй Скрябин... Впрочем, я немного не туда повернул. — Вместо рискованных разворотов директор вернулся к высказанному мною обещанию: — Постарайся, дружок. История тебя не забудет. Да и наше ведомство изыщет способ тебя наградить. Сам выберешь себе орден, а царь лично приколет тебе к груди. За успешную операцию по спасению мира грех не наградить, а я в успехе не сомневаюсь. С такими-то молодцами...

— А что, кроме меня, еще кто-нибудь будет участвовать?

— В операции-то? Не кто-нибудь, а наш лучший секретный агент, мастер сыского дела, своего рода ас. Таких у нас раз, два и обчелся. Имени пока не называю.

— Как же нам в таком случае сообща с ним действовать?

— А не надо сообща. Каждый сам по себе. Ты — открыто, он — тайно. Если же ты ему понадобишься, он сам тебя найдет. Глазом моргнуть не успеешь, а уж он тут, рядом с тобой. Под локотки тебя держит, за талию обнимает. Только ты его за кого-то другого принимал, а он оказался не другой, а самый что ни на есть этот...

— Вы хоть пароль какой-нибудь дайте...

— Не надо никаких паролей. Он и без пароля тебя из любой ямы достанет. За шкирку вытянет.

— Простите мое любопытство, хотя я любопытством никогда не страдал...

— Смелее, смелее. Задавай любые вопросы. Сегодня можно.

— Благодарю. А секретное предписание у вашего агента есть?

— Ах уж эти беллетристы! Если не в Толстые, то в Гоголи метят. Ну а как же! Конечно, имеется, хотя он и не... *ревизор*.

— Можно узнать, какое именно?

Валентин Анатольевич испытующе на меня взглянул, желая определить, сознаю ли я в нужной мере, что, отвечая мне, он берет на себя немалую ответственность.

— Можно и даже необходимо узнать, поскольку... если ему не удастся, придется сие предписание выполнить тебе. По особому приказу, разумеется. Приказу схватить за руку безумца, если он намерен поднести спичку к гигантской пороховой бочке.

Директор принял удовлетворенную позу, как будто этими словами он все сказал, но я при этом до конца его не понял и сделал вид, что не расслышал.

— Простите?..

Тогда он снисходительно пояснил:

— Наш нынешний мир, мой милый, и есть пороховая бочка — только чиркни и поднеси... Иными словами, ты должен будешь ликвидировать Скрябина, если его Мистерия будет близка к осуществлению.

— Я — ликвидировать?! — Тут я невольно отшатнулся.

Директор опустил глаза и выждал несколько секунд, прежде чем ответить:

— Подчеркиваю, ибо в этом вся суть: близка к о-су-ще-ствле-нию, то есть к апокалипсису. Если же апокалипсиса не будет, — он придал своим словам выражение легкой беспечности, — то пусть себе Мистерия со всеми ее прибавками остается грандиозным, но чисто музыкальным событием. Пусть займет самое почетное место в истории — наряду с Девятой симфонией Бетховена или чем-то подобным. Пусть, пусть, у меня нет на то возражений. Если же от оной Мистерии хотя бы чуть-чуть повеет — пахнет затхлым запахом апокалипсиса, тлена и вырождения, то Скрябина надо будет ликвидировать.

— Убить?! — с ужасом воскликнул я.

— Ликвидировать. — Валентин Анатольевич настаивал на выбранном им слове. — Ликвидировать и тем самым спасти мир от апокалипсиса, дематериализации и прочих ужасов, коими грезит наш композитор с его расстроенным воображением.

— Но я никогда не убивал людей...

— Ничего, прости за грубость, насобачишься. С девственностью рано или поздно приходится расставаться. Потренируешься на морских свинках или крысах, ха-ха-ха. — Директор зашелся таким смехом, что сам же, умолкнув, заскучал и даже зевнул от нехватки воздуха. — И вот такая просьба, дружок. Как бы в дополнение ко всему мною сказанному. Пока ты еще не уехал, собери-ка для меня сведения об этой Мистерии и вообще о жизни Скрябина. Состряпай хотя бы самую плохонькую его биографию. Хочется понять, как зарождаются подобные безумные идеи. А то все: «Нищие! Нищие!» — а что у нас под носом делается, нам и невдомек.

— Но вы же только что со знанием дела...

— Я, конечно, кое о чем наслышан, но все же.... поскольку мы все учились понемногу, я нуждаюсь в дополнительных сведениях. Нуждаюсь хотя бы для докладов царю, да и для того, чтобы читать твою беллетристику, ведь ты у нас Чур... Чир... Шучу, шучу. Как-то мы сегодня слишком много смеемся — дурная примета. Как бы плакать не пришлось. Да и дело нам предстоит вовсе не смешное.

Директор глянул на меня, как бы спрашивая, не осталось ли у него под носом кофейных усов, поправил на себе мундир и вернулся к столу, тем самым внушая, что мне остается лишь выйти в дверь.

ДОНЕСЕНИЕ ВТОРОЕ

Параграф первый

ЧЕРТЕЖИ НЕВЕДОМОГО ОРУЖИЯ

Из-за окопной войны в Европе, артиллерийских дуэлей, газовых атак и полетов первых бипланов, сбрасывающих бомбы на вражеские окопы, добраться до Швей-

царии было не так-то просто, а иногда казалось, что и попросту невозможно. Мы изрядно намыкались с выбором маршрута — через Варшаву (Варшава сразу отпала), через Хельсинки, через Барановичи — и всюду натыкались на препятствия, либо временные, либо постоянные, но в обоих случаях непреодолимые. Так же обстояли дела с попытками получить визу и купить билет, когда мы все-таки прокладывали на карте маршрут — прокладывали едва ли не с таким же трудом, как Симплонский тоннель.

Так продолжалось до тех пор, пока Валентин Анатольевич, выслушав мои жалобные стоны, не взял наши хлопоты на себя. Он довольно быстро все уладил, пользуясь возможностями своего могущественного ведомства. Нас он подстраховал еще и тем, что выдал нам особые — дипломатические — паспорта, хотя мы мало годились в дипломаты, особенно я, Скрябин же мог гордиться хотя бы тем, что его отец, будучи востоковедом, преуспел и по части дипломатии.

Был назначен секретарем и драгоманом Генерального консульства в Салониках, а затем управлял этим консульством. Впоследствии занимал консульские должности в разных городах балканских провинций Османской империи.

Но и дипломатические паспорта, втиснутые в кожаные футляры, не избавили нас от всяких неурядиц. Пограничники (время военное!) зверствовали, мытарили нас и обыскивали, словно международных преступников. Это выглядит как курьез, но однажды скрябинские рисунки к Мистерии были приняты ими за чертежи неведомого оружия, и нам долго пришлось объясняться, доказывая, что это вовсе не чертежи, а всего лишь сценический набросок музыкального произведения.

— О, Вагнер, Вагнер! «Полет Валькирий»! Театр в Байрейте! — Стражи границ наконец до чего-то докумекали по нашей сбивчивой речи.

Мы заулыбались и согласно закивали, готовые от радости взлететь, как Валькирии. Но затем, когда недоразумение разрешилось, Скрябин, пряча свой паспорт, задумчиво произнес:

— А, в сущности, они правы насчет неведомого оружия. Хотя и не учли при этом, что оно способно разрушить весь старый мир с его границами и таможнями. Все полетит вверх тормашками, прямо в тартарары. То-то будет зрелище! Истинный Байрейт!

— Слава богу, что вы им этого не сказали! — Я перекрестился, вообразив, какая опасность нам угрожала.

— А мог бы и сказать. — Скрябин пригладил взвившуюся — наэлектризованную — от смешливого задора прядку (не любил, когда на макушке так взвивалось).

Ему хотелось в моих глазах хотя бы немного выглядеть смельчаком.

Я же вспомнил, как однажды Анатолий Константинович Лядов, его близкий друг и почитатель («прачка», вычищавшая корректуры новых сочинений), в ответ на слова Скрябина о том, что он якобы Бог, произнес с улыбкой: «Ты, Саша, не Бог, а петушок!» (или что-то в этом роде).

При этом я не удивился бы, если б Скрябин и впрямь доверительно сообщил пограничникам о разрушительной силе своего оружия. Правда, тогда ему пришлось бы дописывать Мистерию не в домике над Рейнским водопадом или ином живописном месте, а в тюремной камере.

Тюрьмы же в Швейцарии так же надежны, как и банки. Мне там, правда, побывать не довелось, но, обладая некоторыми сведениями по этой части, могу поручиться.

Параграф второй

СТРОГО ПО ДНЯМ И С ПОДРОБНОСТЯМИ

И все-таки мы добрались до Швейцарии, хотя и со всякими приключениями, и нам не один десяток раз пришлось предъявлять паспорта разным дорожным службам, край-

не подозрительным к русским, а то и сдавать их на дотошную полицейскую экспертизу. Но все придирки в конце концов отпадали. И нам оставалось лишь мысленно благодарить нашего благодетеля Валентина Анатольевича, снабдившего нас столь безукоризненными документами, что даже полицейские эксперты — эти жуки, копающиеся в залежах песка и высохшего под солнцем ила, — не смогли ни к чему придраться.

Мы больше месяца странствовали по Швейцарии, отыскивая подходящее горное местечко, где Скрябин мог бы предаться разбору своих набросков и завершению Мистерии.

Его Мистерия по своей сокровенной сути неподвластна разуму, непостижна уму, как то видение, которое является пушкинскому бедному рыцарю:

Он имел одно виденье,

Непостижное уму.

Но ведь помимо внутреннего, сокровенного (кантовская «вещь в себе») существует и откровенное, явленное наружу. Помимо музыки, невыразимой в слове, ему предстояло разработать событийную последовательность Мистерии (не хочу говорить: сценарий), причем со всеми подробностями и, как уже говорилось, строго по дням.

Когда в Индию, к величественному Храму соберутся все народы, они должны будут знать, что им делать сегодня, завтра, послезавтра, как мусульмане знают, что им делать во все дни священного хаджа.

И так — в течение всех семи дней Мистерии (будут ли это дни недели — понедельник, вторник, среда и так далее или просто Дни без их названий).

Останавливало Скрябина от использования названий дней то, что в них присутствовали имена языческих божеств; к примеру, воскресенье — день Солнца, среда — день Меркурия, пятница — Венерин день.

Но с другой стороны, может, и хорошо, что все боги — и христианские (главным христианским божеством была для Скрябина София Премудрость Божия, то есть сосредоточенная в этом имени творящая мудрость Отца), и языческие. Недаром Александр Николаевич настолько чтит Юлиана Отступника, что даже сына своего (от второй жены Татьяны Федоровны) назвал Юлиан. И он оказался необыкновенным, гениально одаренным ребенком, к тому же отмеченным Богом, — с большим, во всю щеку, родимым пятном на лице.

Так что мать любила повторять: если Юлиан потеряется, то она его всегда отыщет, по родимому пятну высмотрит среди прочих детей.

При этом язычником Александр Николаевич не был, как не был и христианином, а тем более православным (не зря говорено, что православному и слушать-то Скрябина нельзя, и многие выходят из зала, когда исполняется его Черная месса — Девятая соната). Тетушка и две бабушки, воспитавшие его богомольные прихожанки, не сумели до своего обожаемого Шуриньки донести глубинную суть православия и смысл Евхаристии, таинства страшного. Православие было для него домашним, комнатным, обжитым, умеренным, соотносимым с прочими предметами в комнатах: шкафами, диванами, иконами и лампадками.

Не был он и теософом, последователем Блаватской, не был кантианцем, фихтеанцем, а кем при этом был, так это самим собой, Скрябиным, единственным и неповторимым.

Не петушком, как назвал его Лядов, а богом, во всяком случае для самого себя: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь». Скрябин — знал, хотя Моцарта не особо любил, но про себя знал, что он, как Моцарт, — бог...

Следовало окончательно определиться с Предварительным действием — включать ли его в семидневник или вынести за скобки, сделать преддверием ко всему ци-

клу. Ну и, наконец, Финал, великий День дематериализации земного мира и перехода его в новое состояние, по Откровению Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет».

Но как это будет сочетаться с музыкой и какими инструментами эта музыка будет исполняться? Лишь колоколами, привешенными к небу, или всем гигантским оркестром, или даже всей природой с грозами, шумными ливнями и внезапной завораживающей тишиной?

Словом, оставалось множество нерешенных вопросов — не решенных в прошлой жизни, но теперь их надо решать. А для этого потребуются уединение и покой. И не где-нибудь, а в горах, среди прекрасной природы, головокружительных, низвергающихся, оглушительно гремящих водопадов, перламутрового свечения ледников, акведуков над обрывами.

Поэтому на маленьких швейцарских поездах, сцепленных из нескольких вагонов, мы поднимаемся все выше и выше, отыскивая райское место, предназначенное для нас одних.

Место — с рекой Фисон, обтекающей землю, где блистают золото и камень оникс и где изобилуют деревья плодами ароматными, медово сладкими на вкус и благослаиваются воздухи — так, что ими легко дышать, и когда дышишь, то не надышишься.

Если же надышишься властью, то и насытишься, и никакая иная пища не понадобится — как тогда, когда свершится Мистерия и весь вид земли преобразится, словно Господь на горе Фавор, где апостол Петр мечтал поставить три кущи, три шалашика: для Иисуса, Моисея и Ильи.

Нам же со Скрябиным хватило бы и двух кущей или даже одной, но только чтобы мы могли, как Петр, воскликнуть с блаженством неземного восторга: «Господи! хорошо нам здесь быть...»

Кроме всего прочего, «Швейцария — свободная страна, в ней легче проводить новые идеи» — так он однажды сказал (в 1904-м) и на этот раз не собирался отказываться от этих слов. Во всяком случае, в том, что касалось новых идей. Идеи всегда были для него главным, остальное же... можно потесниться, ужаться и стерпеть: не велик барин, если барин вообще, а не чернорабочий, мостящий партитуру, как каменщик мостит дорогу.

Но только дорогу куда? В неведомое, поскольку *«художественное произведение есть проект новой жизни»*.

Параграф третий

НАС РАЗЫСКИВАЕТ ДАМА

Когда наш поезд одолевал высоту, а мы удивлялись крутизне гор и, по обычаю всех путешествующих русских, восхищались тем, как когда-то Суворов мог отважиться на свой дерзкий маневр и взять приступом Альпы, нас в отместку за дерзость нашего соотечественника стала донимать шальная муха. Она с жужжанием кружилась, вычерчивала зигзаги над нами, садилась на вагонный столик, подбирая крупинки сахара и остатки пищи. Она даже норовила залететь Скрябину под усы и дальше — в рот, благо творец Мистерии допивал чай, отламывая уголки печенья, и был вынужден держать рот слегка приоткрытым.

Справиться с мухой нам упорно не удавалось, как мы ни пытались ее прихлопнуть, и пришлось вызвать проводника, нажав синюю кнопку звонка рядом с белой кнопкой выключателя света.

Проводник сразу же возник в дверях. Он склонился в учтивой и услужливой позе, но я успел поймать на его лице выражение, которое тот сейчас же спрятал, не желая, чтобы оно послужило поводом для неких преждевременных выводов с нашей стороны.

Впрочем, не буду усложнять и скажу проще: лицо проводника показалось мне знакомым, хотя это было до удивления странно. Чего уж я никак не ожидал, так это встретить здесь, на подъеме в горы, своего знакомого — встретить, словно за столиком московского трактира, среди разного люда, извозчиков, адвокатов, литераторов вроде меня и профессоров университета (трактиры-то и профессора охотно посещали).

Здесь же все-таки не трактир... Да и не настолько показалось, чтобы я сразу возвестил об этом: «Ба! Петр Петрович, дорогой!» — но все-таки... что-то обозначилось, мелькнуло... Мелькнуло и тотчас исчезло. Поэтому возникла забавная игра в кошки-мышки: я всматривался, а проводник усиленно отводил и прятал глаза.

Впрочем, нужно было, не затягивая игру, что-то произнести в оправдание того, что мы воспользовались синей кнопкой.

— Тут, знаете ли, муха... Вы не могли бы нас избавить от назойливого насекомого? — спросил я по-немецки, но проводник ответил по-русски:

— Извольте. Сей момент, — и ловко прихлопнул муху висевшим на руке полотенцем.

— Bravo! — Я несколько преувеличенно восхитился его виртуозной ловкостью.

— Сущая безделица, право же. Пустяки. Всегда к вашим услугам. Чаю еще не желаете? Тут все русские по привычке налегают на чай.

— Благодарим. Может быть, чуть позже... — Я вернулся к прерванной игре, а он стал с еще большей настойчивостью отводить взгляд.

— Вскоре будет тоннель. Рекомендую зажечь свет. Вот эта белая кнопка... надо только нажать. Придавить ее, как клопа.

— Мы уже поняли... У вас тут что — клопы?

— Помилуйте! Ни в коем разе... Я это образно. Швейцария от клопов не страдает — страна стерилизованная... Это вам не Расея-матушка.

— У России свои достоинства...

— Как же! Как же! Герасим свою Муму-то и утопил...

— При чем здесь Герасим?

— Уж и не знаю, но — утопил за милую душу. Впрочем, я не о том. Не вас разыскивает какая-то дама? Весьма почтенная, средних лет... Она ходит по вагонам и спрашивает двух русских.

— Наверняка не нас. У нас тут знакомых нет, — сказал я, показывая, что исключаю из числа знакомых не только даму, но и самого проводника.

Однако тот не пожелал так просто исключиться.

— Я бы не стал ругаться с такой уверенностью. А то, знаете ли, поручишься, а оно как раз наоборот-то и выйдет...

— Вы о чем?

— Да так, ни о чем... В России все ни о чем. И все ни про что. Поэтому можно долго говорить и все попусту. Разговор окажется беспредметным.

— Вы как Смердяков с гитарой. Что вы к ней прицепились, к России! Здесь, слава богу, не Россия, а Швейцария.

Он молча принял мое уточнение. Вдохнул, поправил на локте полотенце. Взял со стола чистый стакан, подул в него, посмотрел на свет и придирчиво вытер.

— Что ж, не буду больше беспокоить. Вас можно на минуту? — обратился он ко мне, предварительно извинившись учтивым жестом перед Скрябиным за то, что временно (только временно) лишает его попутчика и собеседника.

Параграф четвертый

ОПЯТЬ МАСКАРАД!

— Ну, что вам еще понадобилось? Что за секреты? Нельзя было объясниться в купе? — спросил я недовольно, с досадой, когда мы вышли в коридор и встали у слегка зашторенного окна. За окном поплыли такие же виды, как в окне нашего купе, но только горы были еще более дикими и прекрасными, с ужасающими падами и сверкающими под солнцем ледяными торосами. Несмотря на досаду, я не мог не восхититься: — Мистерия! Мистерия красоты!

Проводник тоже ради приличия посмотрел на горы.

— Да, чудненько!..

Это было самое большее, что он мог сказать, хотя сходства с Мистерией в этом пейзаже не обнаружил. Снова (как это было в купе) вздохнул и поправил полотенце.

— Что вы все вздыхаете!

— Не любитель подобных видов. Всегда пропускаю при чтении описания природы. Но при этом и не люблю, когда в романах все происходит слишком быстро. Роман, даже криминального свойства, требует обстоятельности. А ведь вы, простите меня, Роман Романыч пишете. И надо полагать, не в одном томе...

— Откуда вам это известно? Надеюсь, по моему виду этого не скажешь.

— Мне многое известно. Я в известном смысле... по известной части, так сказать... не новичок.

— По какой это части?

— Считайте, что по романной... я бы даже сказал, криминальной. Вы меня не узнали? — Тут он, не скрываясь от моего взгляда, обратил ко мне лицо.

Я не мог не воскликнуть, стараясь, однако, чтобы мой возглас не был услышан в купе:

— Граф Арбенин!

— Т-ссс! — Он тоже призвал меня к осторожности и сам слегка понизил голос: — Он самый. Правда, пришлось немного загримироваться.

— Опять этот ваш маскарад!

— Не будем сейчас о маскараде. Слушайте меня внимательно. Дама, о которой я упомянул, — Наталья Валерьяновна Секерина. Та самая Секерина, — уточнил он, улавливая мою мысль о том, что Секериных много и им вовсе не обязательно всем иметь отношение к композитору. — Зная, что вы взяли билеты на этот поезд, Наталья Валерьяновна, дама волевая и настойчивая, разыскивает здесь Скрябина. Как бы она нам все не испортила! Как бы не навредила! Не соврала... простите, не сорвала, конечно же, нашу затею! Во всяком случае, есть основания этого опасаться. Поэтому лишь только начнется тоннель и на нас упадет крошечная тьма, как в аду, я, с вашего позволения, воспользуюсь ключом от наружной двери. И вежливо, рассыпаясь в любезностях, выброшу даму из поезда.

— С ума сошли! Не позволяю! Ни в коем случае!

Граф Арбенин скривился в принужденной улыбке, призванной смягчить мой решительный отказ и заставить меня учитывать некие немаловажные обстоятельства.

— Видите ли, тут много чего успело произойти, пока вы колесили по Швейцарии. А именно: мадам покинула мужа, не посчитавшись с его дипломатическими рангами и заслугами. Это ее первый решительный поступок, вторящий деяниям мадам Блаватской, тоже известной беглянке от мужей. Правда, фамилию вице-губернатора Еревана Блаватского себе оставила... ради престижа. Во-вторых, наша мадам Блаватская...

то бишь Наталья Валерьяновна, перевела в швейцарский банк крупную сумму денег: их источник я пока не выяснил. В-третьих, она побывала в Лондоне и индийском Адьяре, где подружилась с известной теософкой, ученицей Блаватской и к тому же масонкой Анни Безант, коей уже много лет, но она по-прежнему деятельна и полна неумной энергии. Намерена вскорости побывать здесь, в Швейцарии. Наталья Валерьяновна поведала своей подруге о наполеоновских замыслах нашего композитора. И та вспылала намерением склонить Скрябина к вступлению в Теософское общество, где госпожа Безант имеет честь председательствовать, а там и в масоны. Такова ближайшая программа. Судите сами, нужно ли это Скрябину.

— Пусть об этом судит он сам...

— Это, конечно, благородно с вашей стороны и даже по-своему либерально, хотя я не уверен, что либерализм здесь уместен. Спросится-то ведь лично с вас. И отчитываться перед Валентином Анатольевичем тоже придется вам.

— Я об этом предупрежден...

— Предупреждены? А посему подумайте, на какие сослаться причины в объяснение того странного факта, что ваш подопечный Скрябин разом оказался и теософом, и масоном. Боюсь, в полицейском ведомстве этого не поймут. Если же паче чаяния поймут, то навряд ли надлежащим образом оценят. Во всяком случае, слез умиления по сему поводу не ждите. Скорее вас обложат такой руганью, какую и биндюжники в Одессе не слыхали: я могу об этом судить, поскольку сам из Одессы. И ваш роман за ненадобностью будет выброшен в корзину или, после вымарывания некоторых страниц, отдан на растерзание издателей, жадных до криминального чтива.

— Благодарю за предупреждение. Учту.

— Просто учесть мало. Надо не допустить. Не допустить ни под каким обличьем, тем более что масоны — великие мастера менять самые разные обличья. Поэтому на встрече Скрябина с Безант вы должны неукоснительно выдерживать свою дипломатическую линию. Ну а всякие там порхающие амуры... апофеоз страсти между нашим композитором и его возлюбленной, то пускай... пускай себе тешатся. Мы в это вмешиваться не будем.

— Из этого следует, как я понимаю, что Наталья Валерьяновна не будет выброшена из поезда, — счел нужным я уточнить и тем самым обязать графа к известной сдержанности и отказу от первоначальных планов.

Граф Арбенин слегка поразмыслил, куда повернуть мое понимание.

— Раз вы за нее так вступаетесь... Когда говорят музы, пушки, как известно, молчат. Хотя может быть и наоборот. Иной раз и музам приходится приумолкнуть.

После этих слов нам оставалось лишь разойтись: мне вернуться в купе, а ему — в свой закуток, одновременно похожий на щель таракана, келью отшельника и уборную для маскарадных переодеваний.

Параграф пятый

ТАК СКАЗАТЬ, ТУФЕЛЬКИ...

Хотя граф Арбенин призвал меня как романиста к обстоятельному изложению событий, я все же не «Человеческую комедию» пишу и поэтому позволю себе опустить некоторые подробности. Я не стану утомлять читателя повествованием о том, как я вернулся в купе и постарался удовлетворить любопытство Скрябина, которого, конечно, интересовало, о чем мы говорили с проводником.

Ну, мало ли о чем: все это мелочи, не заслуживающие его внимания! Так я постарался отделаться от вопросов, зная, как Александр Николаевич всегда благодарен тем,

кто обладает достаточной чуткостью, чтобы избавить его от всяких мелочей, мешающих сосредоточиться на главном — музыке и самом главном — Мистерии.

Иными словами, избавить от *туфелек*, которые ему однажды поручили купить для детей, он же совершенно растерялся, не имея представления о том, как их, собственно, покупают, эти детские туфельки, — осматривают со всех сторон, мнут, заглядывают вовнутрь, как будто один лишь внешний вид не способен засвидетельствовать их отменное качество. И что при этом обсуждают с приказчиком, какие произносят фразы, чтобы выглядеть опытным покупателем, а не простаком, коего легко обхитрить и облапошить.

Зная все это, я тоже постарался быть чутким и не посвящать композитора во все подробности разговора. И конечно, я скрыл от него, что проводник — это граф Арбе-нин, который к тому же оказался одесситом, посвященным в отборную ругань тамошних биндюжников. Все это может вызывать любопытство, но, повторяю, я не создатель «Человеческой...», а тем более «Божественной комедии». К тому же события куда более важные затмевают своей значительностью покупку всяких там туфелек. А потому я сразу перейду к главному — встрече Скрябина с Натальей Валерьяновной Секериной.

Итак, перед очередным тоннелем поезд замедлил ход, и — вагон за вагоном — внезапно все погрузилось во тьму. Во всех купе послышались приглушенные голоса, защелкали выключатели, но этого света оказалось недостаточно, чтобы рассеять тьму. И стало жутко, тем более что в коридоре свет не горел. А там как раз в это время проходила Наталья Валерьяновна. Застигнутая внезапной темнотой, пробежавшей по вагону, словно тень от грозовой тучи, она насмерть перепугалась, слабо вскрикнула, заметалась. И — толкнулась (торкнулась) в первое попавшееся купе; и так уж вышло, что купе оказалось наше, хотя Наталья Валерьяновна поначалу этого не поняла.

Она просто искала у кого-то защиты, а кто мы такие — не имела ни малейшего представления.

— Извините, господа. Я вас потревожу, — пробормотала она, держась за ручку распахнутой двери, — пробормотала, совершенно растерянная: в чужом купе можно было ожидать чего угодно. — Но мне стало так страшно, словно это светопредставление. Проводник меня не предупредил, что будет тоннель, причем такой бесконечно длинный. Еще раз извините за вторжение.

— Ну что вы! Что вы! Присядьте, — предложил я, приподнимаясь и освобождая ей место.

— Нет, нет, благодарю! — Наталья Валерьяновна отказалась сесть, хотя вагон резко качнуло, и, сохраняя равновесие, ей пришлось схватиться за верхнюю полку, откуда чуть было не свалился чемодан, угрожающе нависший над нами. Она не могла себе позволить сидеть рядом с незнакомыми мужчинами. — Я не буду вам мешать и сейчас же уйду. Я ищу композитора Скрябина.

И тут из темноты нашего купе, где сидел творец Мистерии, невидимый для гостей, раздался удивленный возглас:

— Наташа!

Наталья Валерьяновна вздрогнула. Она решительно не могла понять, кто и откуда может ее здесь знать. Она приняла это за какую-то ошибку, но в то же время голос спрашивающего почудился ей странно — до болезненности — знакомым, хотя он доносился словно из могилы.

— Кто вы? — Она усиленно всматривалась в темноту.

— Я и есть тот самый Скрябин!

— Как?! Но Скрябин же умер! Господи, что я говорю! У меня в голове все смешалось! Ведь не мертвого же я ищу! И к тому же наша встреча в имении!.. — Все это На-

Наталья Валерьяновна проговорила, как невольно произносят вслух то, о чем думают про себя, а затем вновь обратилась к Скрябину: — Это — вы? Вернее, это ты? Я могу тебя так называть?

— Зови меня, как прежде, как всегда. Это — я, и никто другой. Ты для меня — подарок судьбы или даже сама судьба. Откуда ты здесь, в Швейцарии?

— Я каким-то чудом узнала, что в этом поезде... Мне сказали в гостинице.

— А мы чудом достали на него билеты... Два последних в кассе, из-под какой-то брони — нам на счастье.

Тут мы вырвались из тоннеля. В окнах сразу засияло полуденное солнце, дробясь на блески перламутра. И все, закутанное тьмой, из глубины вагона внезапно выступило на свет.

Наталья Валерьяновна убрала со лба волосы, чтобы выглядеть такой, как прежде.

— Я остановилась в соседнем вагоне. Со мной едет какой-то ужасный господин, с видом неандертальца, низким лбом, бульдожьей челюстью, весь в родинках, похожих на бородавки. И почти без волос на голове, словно все волосы у него собрались в носу. Я его так хорошо изучила, потому что сижу напротив и вынуждена на него почти в упор смотреть. Я имела несчастье ему признаться, что ишу Скрябина, и он всю дорогу донимал меня тем, что он — Скрябин. Сумасшедший какой-то...

Скрябина никогда не удовлетворяли слишком простые объяснения.

— Нет, не сумасшедший. Вспомни Евангелие: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки». Стало быть, и всякие лже-Скрябины тоже теперь восстают.

Наталья Валерьяновна спорить не стала.

— Похоже, что ты прав. Я теперь верю каждому твоему слову. Больше мне верить некому. Мужа я покинула, имение продала...

— Ваше родовое имение?!

— Да, то самое...Надо же на что-то жить... Но это не главное в этой истории. Главное, что я привезла деньги на твою Мистерию и могу их тебе вручить. Надеюсь, что теперь ты располагаешь всей суммой. Деньги у меня в чемодане.

— Ты оставила их в купе без присмотра? — Это был тот редкий случай, когда Александр Николаевич озаботился сохранностью денег. — А что если этот лже-Скрябин к тому же не прочь пошарить по чужим чемоданам в отсутствие хозяев?

— Не думаю. По-моему, у него другие претензии. Но все же на всякий случай... — Наталья Валерьяновна просительно взглянула на меня, восполняя свою немую просьбу убеждающим жестом руки.

— Будет исполнено. — Я по-солдатски встал, тем самым желая обозначить, что просьба дамы для меня — приказ.

— Может быть, дать вам записку, а то мало ли что?..

— Нет, я возьму с собой проводника. Этого вполне достаточно. — Я всем своим видом показывал, что о каком-нибудь другом проводнике я бы этого не сказал, но за нашего вполне могу поручиться.

Продолжение следует

Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Сперва повезут до конечной,
а там уж — куда поведут...
Ах, вечер такой человечный,
что так и остался бы тут.

Что там будет, в общем, понятно.
А здесь не позволят, как пить,
ни тихо пойти на попятный,
ни в реку второй раз ступить.

Тут правильно надо одеться.
И лучше — в рубаху до пят,
в которой без просыпа в детстве
бывал на подушке распят.

Поскольку, напомнить полезно,
едва лишь закончится здесь —
там сразу начнется, и бездна
сорвет с вас и гордость, и спесь...

И правды открывшейся ужас
вмиг в столб обратит соляной
и возглас, летящий наружу,
и разум, кипящий виной.

И будешь, как сцена немая,
сто тысяч столетий подряд
стоять, все уже понимая,
в нательной рубахе до пят.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор одиннадцати книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер», «Дружба народов» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Лауреат Пятого всероссийского конкурса гражданской лирики им. Некрасова (2021), победитель Четвертого международного Тургеневского фестиваля «Бежин луг» в номинации «Поэзия» (2021). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Пока с упорством самодура
мир по щекам меня хлестал,
внутри меня литература
растила твердый свой кристалл.

Бреду, отхлестанный, согнуто
загнать старьевщику кристалл.
Не стал он важным хоть кому-то
и нужным родине не стал.

Пока, отжав души остаток,
мир гнул меня в бараний рог,
мой слог слагался, прям и краток,
и смысл мой делался глубок.

Всему старьевщик знает цену.
Он ведь из тех еще времен,
где труд потехе на замену
вставал, проклятьем заклеямен.

Ну и куда мне с этим смыслом,
подставив ближнему плечо?
Несет от жизни чем-то кислым
и чем-то простеньким еще.

Повертит мой кристалл у носа —
с иглой Кощеевой яйцо —
и бросит деньги без вопросов.
И рассмеется мне в лицо.

* * *

Догонят, заломят, повяжут:
был пряник — теперь будет кнут.
Уже им не скажешь: «Да я же...»
Заломан, повязан, заткнут.

Притихнешь, привыкнув когда-то,
заткнутым, повязанным днесь
и будто забритым в солдаты...
а нет, так закончишься весь.

И если все так, то не стоит
ждать чуда ни здесь, ни опричь.
Надежда на чудо — пустое,
а вера в никчемное — дичь.

Пока не забрит и не сломан
напором высоких речей,
дыши, слушай чайный гомон,
печальный и, к счастью, ничей.

САНИТАР

Завещаю: когда я не буду
быть, как все вы, отправьте в огонь
строф моих недописанных гроду
и не трогайте с горя гармонь,

а зовите с глазами арийца
санитара, пусть тот нехорош,
но зато никого не боится
отправлять анатому под нож.

Он, бывает, заслуженных даже
и народных, как прочий балласт,
в простыню завернет и завяжет,
да еще перегаром обдаст.

Что Георгий ему, что Матрона —
в узел всех, как швартовый конец...
Безотказный подручный Харона,
безнадежного дела творец.

Он отнюдь — не подобие Бога;
в душу глянь ему — кость да хрящи.
Простоватый, поддатый немного.
Но другого-то нет, не ищи.

* * *

Был я когда-то античный красавец.
Что же тут скромничать? Был.
Выправка, лика румяного глянец,
младости пыл.

Знал я все тонкости этой науки:
задом когда наперед,
прямо как зверь на ловца, в ваши руки
дева идет.

С юною девой ходил по шалманам,
лил цинандали в бокал.
Вряд ли назвать это можно романом.
Но был накал.

Врал ей о дружбе высокой безбожно:
мол, положу свой живот...
Только какая с *такою* возможна
дружба?! Вот-вот.

Преданно юность глядит, как собака,
чист, как слеза, ее взор,
полный щенячьей отваги... Однако
все это вздор.

О несравненная жажда улова!
Как на мормышку форель,
юность ловилась на каждое слово
целый апрель.

Сладко сдавались на милость мне алость
губ ее, шеи овал...
И вот когда мне вся в руки попалась,
я и пропал.

* * *

В судьбине нещадной моей
и жадной до знойного лета
всегда не хватало морей,
в плацкартном до Ялты билета.

Сжигавшего пятки песка,
бутылки дешевой араки
и девы, простой, как треска,
и преданной вроде собаки.

Уменья спать в койке пластом,
Привычки, сияя как солнце,
все спорить о чем-то пустом
с упорством тупым кроманьонца.

Решимости жить на пятак,
без цели и даже не глядя
на то, что ведь что-то не так
с тобой, если счастлив ты, дядя.

* * *

Окинешь окрестное с кручи:
какой все же горы искус,
вдохни только этот шипучий,
горячий и терпкий на вкус!

И там, чуя важность момента,
все грезишь, пытаясь постичь
едва ль постижимое кем-то,
лежащее в дымке опричь.

Ну как тут быть разумом трезвым,
как мыслить Спинозы ясней,
когда тебя ставят пред бездной,
а ты вдруг сливаешься с ней?!

Вот так и упрямые дети
смолкают, стремясь разгадать...
Не ребус кавказские эти,
а сплошь для души — благодать.

Так стоит ли умничать, право?!
Над бездной застыв, не дыши!
А разум пытливый — отравя
для, право, безмозглой души.

* * *

Слова приходили ко мне,
когда я дышал еле-еле,
молчали со мной наравне
и лезть на бумагу не смели.

И то было с их стороны,
пожалуй, почти человечно,
поскольку подолгу они
молчать не привыкли, конечно.

Итак, мы молчали. Гостей
незванных, визжа, как татарин,
обычно я гнал, но на сей
раз был за приход благодарен.

Когда не один ты, Кижё,
с Творцом на один среди ночи,
то дышишь ровнее уже,
и если скулишь, то не очень.

Когда Он в ладони берет
тебя при свидетелях, значит,
едва ли зашьет тебе рот,
хотя и умрешь — не заплачет.

Вчера еще падал на дно,
но вот поднимаешься снова...
Ты нужен, пока заодно
с тобой тут хотя бы полслова.

* * *

Блока читал — строфы о даме...
И вдруг квартал, тот, в Амстердаме,
вспомнил и там даму в витрине,
этакий срам даже не в мини.
В душу мою лезла вопросом:
«Хочешь? Даю даже матросам».
(Словно не пьянь эти матросы
всюду, а впрямь секса колоссы.)
И как змея, кольца все вила...
Я был не я. Женщина — сила,
прелесть и стать. Легче, признаться,
быть перестать, чем отказаться.

Я уж тонул, смытый с причала,
и «караул!» небо кричало;

знало: сия ладная дива
хлопцу — змея, пасть крокодила.
Пятясь, как рак, я чуть не спятил.
Женщина — враг разума, кстати.
После во мгле шлялся бездомно,
словно во мне адская домна —
жаром объят.
Как вам вот это:
женщина — ад, если раздета.
Яд для ума, если желанна,
сердцу тюрьма, соль, а не манна.
Разницы нет — дева ль, вдовица...
взять пистолет и — застрелиться.

* * *

Иду-бреду проспектом Малым,
печаль за пазухой тая,
и верю: зреть большое в малом —
святая миссия моя.

Нет, не сапожник, не пирожник,
не потерявший стыд банкир,
я в этой жизни лишь художник,
сиречь, бездельник и факир.

И всюду, ни явился где бы,
мне в ноздри бьет угар утех:

Ужель в высоком нет потребности
здесь ни у этих, ни у тех?!

Ужель продавленным диванам
предоставляя свой филей,
всем этим Мάρьям да Иванам
жить низким все-таки милей?!

А может, нет большого в малом,
все это ум мой сочинил,
когда закат окрасил алым
бутыль унылую чернил?

СМЕРТЬ ПОЭТА

Смысл видел только в правде горькой,
жизнь принимал в штыки, как еж,
знал — не прочтут, будь ты хоть Горький,
пока безбожно не солжешь.

А мимо шли в поэты, ловко
шифруя ноль, ползли, как вши,
те, коим стих — ума уловка,
а не алхимия души.

Нет, с тем поэт не мог мириться
и с кистенем ходил на тех,
кто журавлем зовет синицу
и чтит как истину успех.

Но брал поэта мент бывалый,
шил дело важный прокурор
не за дела — за идеалы,
за синих глаз немой укор.

Ты взялся здесь такой откуда?
Тебе-то что с того, что врут?!
Поэт всегда чуть-чуть Иуда
или хотя б отчасти Брут.

Толпа и так ему не рада:
то шлет, то бьет, как птицу влет.
Кому нужна такая правда,
что, вдруг открывшись, вас убьет?!

Он слушал это все в печали
и не признать, увы, не мог,
что, как пророки, обличали
мент с прокурором, видит Бог.

И тише, чем отмычка вора,
в него входила правда та,
что на челе у прокурора
или под мышкой у мента.

И незаметно правда эта
ему меняла цвет лица,
и он из грозного поэта
перерождался в мудреца,

что тешит вас, не потрясая,
чудит, считая, что поэт
вам не какой-то там Исая,
среди толп ведущий культпросвет,

а лишь источник наслажденья,
чуть-чуть Иуда, малость Брут,
что все души его движенья —
ума услужливого труд.

И умер в нем поэт. О чудо,
из глаз исчез немой укор!
И вполз, как мент, в него Иуда,
и Брут вошел, как прокурор.

* * *

Век африканский, как Вуду,
смысл победив, неспроста
силится сделать Иуду
жертвой во имя Христа.

Вымазать белое черным,
сунуть фальшивку под нос...
мол, все равно обреченным,
с чем там лететь под откос.

И, как отравлен угаром,
все, чем был жив еще, Хам
мыслит отдать уже даром
власть предержащим верхам.

Все, что болело, — забыто.
Лишь бы, давясь калачом,
вечно лежать у корыта
и не жалеть ни о чем.

И то, что Зверя держало,
словно царева печать,
вырвать из сердца, как жало.
и наконец зарычать.

Мария БУШУЕВА

ЯХТА БАРНАУЛОВА

Повесть в диалогах

Запущенная коммунальная квартира в старом доме на третьем этаже. Такие коммуналки, на удивление, еще сохранились в Санкт-Петербурге, да и в других городах. За окном — серая долгая стена какого-то непонятного строения. Вечерами при свете одинокого фонаря мимо стены прохаживается мужчина в длинном черном пальто и черной шляпе. Четырнадцатилетний Федор, недавно бросивший колледж из-за игровой компьютерной зависимости, этого неизвестного боится. Себя Федор просит называть Тедди.

ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Алевтина Фоминична — бабушка, а скорее, прабабушка Федора, очень-очень старая старуха, бывший музыкальный работник детского сада, необычно активная для своих лет, которым сама потеряла счет.

Ритулька, полноватая женщина лет сорока-сорока пяти, без определенных занятий.

Барнаулов — гражданский супруг Ритульки, попивающий интеллигент с седоватой бородкой, в юности издавший книжку стихов, ныне живущий случайным трудом, иногда и физическим.

Алена — бортпроводница (стюардесса).

Некто — его можно принять как за пристава, так и за проверяющего из организации санэпидемнадзора или сотрудника фирмы по утилизации старых вещей и т. д. Кто он, так и не проявляется по мере действия. Так же неясно, Некто и неизвестный, прогуливающийся по вечерам вдоль серой стены, — разные люди или один и тот же человек.

В темный длинный коридор выходят несколько дверей. Вешалка. Мутное зеркало с царапинами. К стене коридора прислонен новый спортивный велосипед. В кухне, дверь в которую отсутствует, что-то шипит на плите. Из своей комнаты со сковородкой в руках выходит Алевтина Фоминична. Она спотыкается о колесо велосипеда.

Алевтина Фоминична. Нет! Вы только посмотрите, какая наглость! Поставили опять!

Тут же из своей комнаты выплывает Ритулька.

Мария Бушуева — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Демон и Димон» («Проекции»), «Король. Главный конструктор», а также множества публикаций в периодике и в сетевых журналах («Москва», «Нева», «Знамя», «Зинзивер», «Дружба народов», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Сибирские огни», «Гостиная» (США), «Алеф» (Израиль), «Литературная Америка», «Новый континент» (США)). Стихи переводились на французский язык. Автор монографии «„Женитьба“ Гоголя и абсурд». Лауреат журнальных премий.

Ритулька (*приглушенно*). Он опять у нее.

Алевтина Фоминична. Что, собственно, она себе позволяет?! Приехала из какого-то медвежьего угла, и, видите ли, теперь стюардесса, потому все должны ее фокусы терпеть.

Ритулька. Вот именно! Ей можно, а мне нельзя. Велосипед уже второй день здесь стоит.

Алевтина Фоминична. Второй?!

Ритулька. Ночью я чуть ногу об него не сломала.

Алевтина Фоминична (*намеренно громко*). Пора принять меры! Если он будет здесь стоять, мы возьмем и выкатим его в подъезд. Там ему и место! А здесь не место!

Ритулька. Конечно, не место. А там ему место.

Алевтина Фоминична. Я вообще не понимаю, как можно так равнодушно, бессердечно относиться к соседям. Не пони-маю!

Ритулька (*тихо*). Она все нарочно делает. Вы ночью выходите на кухню, чтобы посмотреть, выключена ли плита, вы же каждую ночь ходите...

Алевтина Фоминична. Да! Ходила и ходить буду. Нужно все проверять. Никто, кроме меня, не проконтролирует, закрыта ли дверь на цепочку, не стоит ли что на плите... Вы, между прочим, моя дорогая, несмотря на вашу молодость, очень часто забываете свет выключать.

Ритулька. ...И вот вы пойдете ночью по коридору, на него налетите, упадете, ногу сломаете и... ну, в общем...

Алевтина Фоминична (*испуганно*). Какой ужас! Это она такие планы излагала? Они что, хотят с этим... как его... с этим велосипедом постоянно здесь жить?

Ритулька. Вот именно! Они хотят здесь жить, а комната у нее маленькая, у меня такая же, знаете, как тесно, а мужчины, они же очень сильно дышат, надышит, надышит, прям горло перехватывает, у меня все в носу пересыхает. Вот вторая бы комната была, тогда хорошо, у вас-то с Тедди две...

Алевтина Фоминична. Тише! Вы слишком громко говорите (*переходя на шепот*), он вообще с его машиной чертовой напоминает мне настоящего хулигана, знаете, мой папа мне рассказывал, такой был Ленька Пантелеев! Папа учителем был, а я сорок лет проработала в детском саду.

Ритулька. Может, он вообще из мафии, а у нас прячется.

Алевтина Фоминична. Боже мой, в своей квартире уже спокойно жить нельзя, а я ведь имею полное государственное право на гарантированный заслуженный отдых.

Ритулька. Такое право называется «возраст доживания».

Алевтина Фоминична (*неожиданно смеется*). Это как еще посмотреть, у меня такой возраст или у тех, кто его так назвал!

Ритулька. И платят столько, чтобы поскорее дожили.

Алевтина Фоминична (*взмахнув сковородкой*). У меня шестьдесят лет назад была язва, потому питаюсь я крайне деликатно, трачу мало, можно сказать, обхожусь одним творожком... Не в деньгах счастье, моя дорогая, самое важное в моем возрасте — покой, а вы раскрыли мне глаза на заговор буквально под моим носом! Вы, Рита, милая, милая женщина, не сердитесь на меня, что я порой делаю вам замечания по поводу вашего, так сказать, супруга, поверьте, я желаю вам всяческого счастья с ним! Все-таки он человек старого воспитания, это сразу, сразу чувствуется, а нынешняя молодежь — настоящие оторвы! Кстати, вы, кажется, чашечку теряли, так я вас обрадую: Феденька ее нашел... Нет, воспитание классическое сразу чувствуется... Ах, боже мой! У меня же на плите кашка!

Торопливо вбегает в кухню, быстро возвращается в коридор, почему-то по-прежнему держа в руках сковородку. Вообще, она поразительно подвижна для своих преклонных лет.

Ритулька. Припахивает... Немного, значит, пригорела.

Алевтина Фоминична. Необходимо всегда грамотно питаться: творожок и кашка — самое полезное, поверьте мне милочка, и то и другое прекрасно усваивает желудок, не расходуя на процесс переваривания пищи лишние калории. Слава богу, денег на сливочное масло у меня нет, а оно увеличивает холестерин, что крайне вредно. И Феденьку, моего сиротку, пришлось мне приучить обходиться почти без еды, он курицу или пирожные лишь в магазине видит, на мою пенсию живем. Вы же не знаете, его семейные сначала из Казахстана бежали, это еще задолго до его рождения, остались почти без всего нажитого, да не сюда бежали, глупые головы, а далеко. За двадцать лет на новом месте осели, обжились, а когда непонятно что началось, свою гибель там отыскивали, дочь моя, видите ли, с характером была, со мной не ладила... Слава богу, Феденьку успели ко мне отправить.

Ритулька. А я бы со всех ног побежала, Алевтина Фоминична, только к вам!

Алевтина Фоминична. Ах, Рита, вы даже не представляете, какие были в пору моего детства пирожные, во рту таяли. А какое печенье! Такого чуда уже никогда не будет, ни-ког-да. Мой папа, кстати, он чем-то напоминает мне вашего супруга, точнее, наоборот (*смеется*), был сыном царского жандарма, деликатнейший человек, так трогательно, так нежно относился к детям...

Ритулька. А мой работал механиком, колхоз когда разрушили, он вскоре помер. Младший братишка еще был, утонул на рыбалке.

Алевтина Фоминична. У меня тоже был брат, он умер подростком от чахотки, сестра, увы, скончалась малюткой... А меня, свою младшую дочь, папа любил особой любовью, сам наряжал, сам иногда водил гулять, хотя все вокруг, все, все, уверяю вас, конечно, трудно сейчас в это поверить (*подходит к зеркалу и кокетливо поправляет свободной рукой волосы*): считали меня гадким утенком!

Ритулька. Ни за что не поверю!

Алевтина Фоминична (*хохоча*). А вот представьте себе! Я была такая неуклюжая, такая толстая, у меня глазки были какие-то... точно у медвежонка. А сейчас, смотрите, какая я стала легкая от правильного питания, почти что от голодания, могу на одной ножке повернуться (*показывает*).

Ритулька. С ума сойти. Вы — как пушинка.

Алевтина Фоминична (*польщено*). Ну что вы... Все ж таки уже годы.

Ритулька. Значит, Тедди нашел чашку?

Алевтина Фоминична. Нашел, кто-то ее в ванной комнате оставил, я вам утром чашку на кухонный столик поставила. Ваш супруг там что-то жарил, спросите его, когда вернется.

Ритулька. Он мне яичницу готовил. Барнаулов сам не ест жареное.

Алевтина Фоминична. И правильно, моя дорогая! Помните, у нас в соседнем подъезде жил профессор, скончался как раз от питания жареной пищей. Я, правда, всегда считала, что он поверхностный человек, небось купил себе две диссертации, Феденька рассказывает, в Интернете дипломы институтские пишут на заказ и продают, так вот, поговаривали, что профессор буквально ни в чем не понимает, кроме своих термитов... или как их там... в общем, он занимался, если мне память не изменяет, мелкими насекомыми, чуть ли, извините, не клопами или тараканами... Сами посудите, станет ли человек с большой буквы заниматься столь ничтожным предметом?

Ритулька. Конечно, не станет.

Алевтина Фоминична. А сейчас, Феденька в своем Интернете узнал, тараканами и мухами собираются народ кормить. Разве это не признак конца света? Интернет — хитрая подготовка к освобождению планеты от людей, я так считаю... Вот и Феденька из-за этих игр в компьютере ночами не спал, запустил учебу и потерял свой колледж. А если денег ему на Интернет не дать, он плачет, целыми сутками плачет и совсем кушать перестает... Точно загипнотизированный.

Ритулька. Барнаулов все овощное любит.

Алевтина Фоминична. А где ваш супруг? Я его уже два дня не видела.

Ритулька. Вы же сегодня утром в кухне с ним о политике беседовали, я от ваших голосов проснулась, дверь была в комнату приоткрыта.

Алевтина Фоминична. Утром я не могла с ним беседовать, поскольку торопилась в государственный орган, чтобы решить вопрос о назначении хотя бы одного разового пособия.

Ритулька. Назначили?

Алевтина Фоминична (*насторожившись*). А что такое? Думаете, это мне нужны их копейки? Я работала в саду не ради денег, мне нравилось заниматься детишками. И сейчас только ради Феденьки хожу к этим супостатам, там скоро роботы будут нас обслуживать, вообще ничего не добьешься, да и нынче то же: разве чиновники — люди? Они, как Феденька говорит, давно закодированные, такая кнопка у них в головах: «отказать»!

Ритулька. Значит, вам отказали, а другим назначили?

Алевтина Фоминична. Я что, по-вашему, хуже других?! Вы почему сегодня все норовите меня оскорбить? Может, простите уже за прямоту, вам не нравится, что мы так интеллектуально иногда беседуем с вашим супругом. Где он, кстати?

Ритулька. За молоком ушел.

Алевтина Фоминична. Прекрасно! Заботливые мужчины всегда меня умиляли. Мой муж, признаюсь вам, Рита, был человек далекий от быта, он ничего не понимал в финансовых расчетах и в вопросах питания, вот именно — ни-че-го! Только повторял каждый божий день: все суета сует и томление духа. Вы, молодежь, Библии, конечно, не знаете. Правда, Михаил, я звала его Мишель, он очень любил Лермонтова, и скучно, и грустно, и некому руку подать, начал с годами впадать в какую-то нездоровую раздражительность, однажды нарочно разбил мой любимый чайный сервиз, когда я наносила утренний макияж и собиралась приступить к чаепитию. Тогда я и поставила условие: или он прекращает скандалить, или расторгает брак...

Ритулька. Но что-то его долго нет.

Алевтина Фоминична. Да, Рита, если кто поинтересуется из проверяющих, что мне ответить: вы узаконили отношения с вашим Барнауловым?

Ритулька (*ударя ладонью по рулю велосипеда*). Ну, вот вы правильно все-таки говорите, какое неуважение к соседям, поставили здесь, а вы, Алевтина Фоминична, только поглядите: руль у него прям как рога, я чуть не повесила на них вашу панаму, она с вешалки упала.

Алевтина Фоминична (*доставая из кармана кофточкой зазвонивший кнопочный телефон*). Але! Слушаю? Нет, спасибо! (*Ритульке*.) Ах, опять предлагают мне расприватизацию комнат. Нашли дураков! Чтобы мой Феденька вообще на улице потом остался? Кто его защитит? Дома его родительского теперь нет, отца-матери тоже нет, и некому даже компенсацию за разрушенное жилье требовать. А вы про какую-то канаву... Машина падала в канаву? И потому здесь стоит? Она неисправна?

Открывается входная дверь. Появляется Барнаулов. Он навеселе, впрочем, это его привычное состояние. В руках у него тряпичная кошелка, позвякивающая при его шагах. Барнаулов держится очень гордо, иногда чуть встряхивая острой бородкой.

Барнаулов (*напевает*). Мы лишние люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...

Ритулька. М-молока принес?

Алевтина Фоминична. Как приятно видеть, что мужчина внимателен к своей половине.

Барнаулов. Молоко — полезный продукт!

Ритулька. Очень полезный продукт молоко. А заку... то есть конфет взял?

Барнаулов. Взял немного. Взял бы больше, однако на сдачу мне буквально навязали какие-то абсолютно ненужные наклейки. Как мужчина я не мог отказать молодой кассирше. А тебе, Ритуля, — фиалки.

Ритулька. Вазочки нет, разбилась.

Барнаулов. Поставь (*напевает*) в банку темного стекла из-под импортного пива (*достает из кошелки крохотный букетик*).

Алевтина Фоминична. Как трогательно! Сейчас таких мужчин, как вы, почти не осталось! Раньше, мама мне рассказывала, пока все дамы в театре не рассядутся, мужчины-офицеры продолжали стоять... А вот этот (*переходит на шепот*) с велосипедом не может меня не возмущать. Разве таким должен быть кавалер? Видели вы хоть раз, чтобы она в вазу наливала воду для цветов?

Барнаулов. Мадам, я предпочитаю не следить за соседями и вообще никогда не ввязываться в чужие дела.

Алевтина Фоминична. Но только вы сможете мне помочь! Вы как настоящий мужчина.

Барнаулов. А что случилось?

Алевтина Фоминична. Ваша Маргарита сообщила сведения о буквально криминальных планах относительно меня... этой... этих с велосипедом. Я не о себе беспокоюсь — за будущее сироты Феденьки. Готовится страшное.

Барнаулов. Хорошо, мадам, сейчас мы с Ритулей выпьем... молока, и я с новыми силами выйду к вам. Не бойтесь, я не позволю обидеть мальчика! Барнаулов за вас!

Алевтина Фоминична. Спасибо вам, мой милый, спасибо, дорогой!

Барнаулов (*приобняв Ритульку*). Пойдем, моя рыбка, вкусим даров природы.

Алевтина Фоминична (*им вслед*). Забыла уточнить, вы узаконили свои отношения?

Барнаулов (*резко повернувшись*). А вы, собственно, кто такая?

Алевтина Фоминична. Я тридцать лет была старшей по подъезду!

Барнаулов. А вы помните, мадам, что случилось с любопытной Варварой? Что ей на рынке оторвали? (*Хмыкает.*) К счастью, не то, чем гордятся мужчины.

Алевтина Фоминична. Тьфу, тьфу, слушать противно. При женщинах производите такие вульгарности.

Барнаулов. Что есть женщина, мадам, как не совокупность тех же самых деталей, лишенная одной из них, но наделенная двумя другими? Вопрос философский: почему лишение одной части тела природа как мудрое и всепроницающее начало компенсирует двумя не идентичными, но подобными? Надеюсь, вы читали «Нос» Гоголя?

Алевтина Фоминична. Разумеется.

Барнаулов. Меня как человека пытливого с юности беспокоил один небольшой вопросик: когда у несчастного индивидуума с лица сбежал нос, не превратился ли бедолага в существо противоположного пола? Но тогда, если обратиться к народной

мудрости, мы столкнемся с неразрешимым парадоксом: что же в гендерном плане случилось с Варварой? И сущностный вопрос: могло с ней такое случиться, если учесть, что изначально, по условию задачи, Варвара — женщина?

Алевтина Фоминична. Вы так умно говорите, что на ваши слова не возникает никаких возражений.

Барнаулов. Готов проводить в дискуссиях с вами, мадам, часы напролет.

Ритулька ногой толкает велосипед, который начинает медленно катиться.

Ритулька. Вот сегодня ночью чуть ногу об него не сломала, а ведь на моем месте должны были оказаться вы, Алевтина Фоминична.

Барнаулов (*Ритульке тихо*). Стыдись, несчастная, не пугай старушку.

Алевтина Фоминична. Это я-то старушка?! Вы забываетесь!

Велосипед падает и ударяет ее, от неожиданности она роняет сковородку. Грохот. Вскрик Ритульки.

Алевтина Фоминична. Видите, что творится!

Барнаулов. Причина вашего недовольства, мадам, ускользает от моего сознания. Падение велосипеда, а за ним и сковородки слишком ничтожный повод для трагедии. Впрочем, вы женщина, а значит, совокупность жалких атомов, каждый из которых, точно маленький человек русской литературы, трагедии достоин.

Ритулька (*быстро открывая дверь в свою комнату*). Главное, молоко цело.

Барнаулов. Цельный продукт! (*Гордо удаляется вслед за Ритулькой.*)

Алевтина Фоминична (*вздыхая, поднимает с пола сковородку*). Думают только о своем желудке. Старуха уронила, хоть бы кто нагнулся и поднял... Жалкие атомы, а не люди. Я бы никогда не смогла в их молодые годы влачить столь тусклое существование, как чайка, порвала бы все сети и полетела бы, полетела... (*Уходит в свою комнату.*)

Их своей двери выглядывает Ритулька, видя, что коридор пуст, семенит к велосипеду, поднимает его, прислоняет к стене. После чего вновь скрывается в своей комнате.

* * *

Ночь. Полумрак. Тот же коридор. Одна из дверей открывается. Появляется Федя, он же Тедди. Направляется в туалет. Слышно, как гремит вода. Выходит, не погасив в туалете свет. Идет по коридору, стараясь ступать осторожно. Останавливается у двери, возле которой стоит велосипед.

Федя (*тихо*). Алена, как я тебя люблю. Подкараулю тебя и поцелую. Я еще ни разу в жизни никого не целовал, только виртуально девочку-эльфа. У нас с тобой будет страсть. А этого твоего с великом мы разматериализуем на фиг.

В комнате Алены загорается свет, его видно через щель между дверью и стеной коридора. Федя отскакивает от двери, налетает на велосипед, тот с грохотом падает. Тут же выскакивает в коридор Алевтина Фоминична.

Алевтина Фоминична. Кто тут?! Что здесь происходит?!

Федя. Да вот... споткнулся...

Алевтина Фоминична. Низость какая — поставили машину на дороге! (Феде.) А ты почему не спишь? Тебе в твоём непорочном качестве должны сниться ангельские сновидения.

Федя. Ухожу спать.

Из своей двери выглядывает Ритулька.

Алевтина Фоминична (Феде). Постой! Ты, случайно, не Маргариту поджидал? (Ритулке.) Вы, Рита, знаете, Феде всего четырнадцать лет, он чист, он мальчик, а вы живете с Барнауловым и не имеете никакого права назначать ночью свидания Феде с целью развращения!

Ритулька. Тедди, скажи ей, что я не собиралась тебя развращать! (Шлепая тапками, семенит в свою комнату.)

Федя. Бабуся, остынь, она ни при чем (тоже уходит).

Алевтина Фоминична. Нет, ни на Барнулова, ни на Маргариту надежд нет, придется разбираться самой. Такое презрение к соседям — ставить огромный велосипед в общем коридоре, еще бы оленя привели, и поставили, да травой кормили! (Уходит.)

Через какое-то время появляется не совсем трезвая Ритулька в распахнутом халате поверх ночной сорочки. Из приоткрытой двери доносится храп Барнаулова. Как мышь, тихо, выскальзывает из своей комнаты Федя.

Федя. Теть Рит, помоги мне.

Ритулька. Помогу, Тедди, только давай я тебя капельку поразвращаю (смеется), прижмись ко мне на секундочку, я молоком пахну, я ж, селяночка, на парном молочке выросла.

Федя (отходя от нее шага на два). А отчего имя у тебя, теть Рит, не деревенское, а как из кино про Воланда?

Ритулька. Так сейчас, Феденька, как раз среди нищеты Маргариты да Эльвиры, а где деньгам счету нет, где бриллианты сверкают, там теперь Авдотьи, Прасковьи да Настасьи. Мода такая.

Федя. Ты, теть Рит, красивая, кожа у тебя и точно светится, как молоко, соблазни этого... с велосипедом. Ты же, наверное, приворотное зелье варить умеешь.

На лицо Маргариты и ее распущенные длинные волосы внезапно падает лунный свет, хотя в коридоре нет окон.

Ритулька. На кой он мне, стюардессой израсходованный? Я от Барнаулова-то устала, слышишь, как храпит жутко? Мне бы свежатинки, как в деревне нашей бабы о молодых парнях шутили (смеется). Обними меня, Тедди. Я тебя, как мать, к себе прижму. Мы ведь с тобой сироты на этом белом свете. У тебя нет родного дома, так и мою деревню уничтожили. Сначала почту закрыли, потом школу, ферму сожгли, народ с горя спился и помер, родители мои тоже померли, а тех, кто был помоложе и поживучее, жизнь по разным местам раскидала, двое стариков в деревне осталось, живут без света, божьи люди, видно, ни один ликвидатор их тронуть не может...

Федя (встревоженно). Теть Рит, дядька, который под окнами нашими ходит, к нам сюда не придет?

Ритулька. Что за дядька?

Федя. В черном пальто и черной шляпе.

Ритулька. Ой, не знаю. Но если придет, я смогу тебя спасти.

Федя *(еще более испуганно)*. От него?

Ритулька. От смерти, Тедди, от смерти. Ты же знаешь, у Алевтины Фоминичны, мы ее с Барнауловым Фомой зовем, клопов в комнате уйма, она их кипяточком иногда потчует, а других средств не использует, опасаясь вреда химии. Клопов оттого развелось, что капель в море, и они все голодные, они к тебе через щели ползут, стены-то у нас старые, твоей кровушки напьются, а потом к ней обратно — твою юную кровь ей через укусы вливают... Оттого ты чахнешь, Тедди. На тебя, худющего, смотреть мне больно.

Федя *(подходя к зеркалу)*. Смотрю на себя — и самому страшно делается *(помолчав)*, а вообще, я читал на каком-то сайте о таком способе продления жизни. Там не клопы были, а обычное переливание, донорство, в общем. Только исследователь сам помер — не ту кровь себе вкатил.

Ритулька. Ох, мудрен ты, Тедди, поболе Барнаулова, и сила в тебе немереная, но, как воронка, из страха перед жизнью ты себя в самого себя утягиваешь.

Федя *(радостно)*. Если сила во мне, значит, я гипнотизером могу стать!

Внезапно храп прекращается. В коридор вываливается полуодетый опухший Барнаулов. Идет в туалет, слышен шум воды. Возвращается. Федя успевает убежать в свою комнату, Ритулька заходит в кухню и тут же выходит с чайником.

Барнаулов. Чайком баловалась, рыбка? Мне тоже налей.

Ритулька. Остыл. Сейчас заново воду вскипячу.

Барнаулов. Сон мерзкий мне только что снился. Иду я по лугу, вдруг вижу: лежит обнаженная красавица, цветы вокруг, трава зеленая, сама она дебелая, синеокая, с косой, ну просто сказочная Василиса, я ближе подхожу и вижу: вся она обсыпана какими-то насекомыми, подхожу ближе, бог ты мой — то не насекомые, присосалось к ней множество черных человечков, все в деловых костюмах, но микроскопические, сотни их, и такой во сне меня охватывает ужас, что они выпьют не кровь ее, нет, а душу, душу высосут, такое к ним омерзение! Как Дон Кихот, я хватаю скорородку, ту самую, что наша Фома вчера уронила, хочу всех присосавшихся ударами заставить от прекрасного тела женщины отвалиться, но понимаю во сне, что способ данный плох, ей будет нестерпимо больно, и не факт, что ударами я их не загоню еще глубже под ее атласную кожу, значит, нужно как-то иначе оторвать от нее этих человекожучков... И проснулся.

Ритулька. Вода закипела, завариваю чай. Жаль, конфет уже нет, вечером все умяли.

Барнаулов. Эх, больше бы купил, так навязала кассирша наклейки или еще какую ерунду. *(Подходит к вешалке, достает из кармана несколько бумажек.)* Забыл выбросить *(Ритульке)*. Выброси, птичка.

Ритулька *(берет бумажки, автоматически кладет их в карман халата)*. Чай сильно крепкий получился.

Барнаулов. И славно!

Ночь. Коридор освещен тусклым светом, пробивающимся непонятно откуда. Возможно, кто-то забыл погасить свет в туалете, а вездесущая Алевтина Фоминична заснула и не проконтролировала. В коридоре стоит Федя, делая пассы руками.

Федя. Если у меня сила, значит, я могу скачанную картину, на которой рыболовная сеть, материализовать силой мысли, Алена выйдет из комнаты и в сеть попадет. Велосипеда нет, значит, ее бойфренд отчалил. Алена, как русалка, забьется в сети, я ее освобожу, и за это она меня поцелует. Не-а, она же стюардесса, значит, не русалка, а птица.

Федя закрывает глаза и, сомнамбулически раскачиваясь, продолжает делать пассы руками. Тихо открывается дверь, выходит Ритулька. Федя, не открывая глаз, подпрыгивает к ней и обнимает.

Федя. Попалась! Не бойся, сейчас я распутаю сеть!

Внезапно из комнаты выбегает Барнаулов.

Барнаулов. Это еще что такое, молодой человек! Дуэль!

Бьет испуганного Федю по лицу.

Ритулька. Не трогай его! Тедди не меня ждал, он в эту... с велосипедом втюрился. Меня за нее в темноте принял.

Барнаулов (*Феде сочувственно*). Проигрышное дело, нет у тебя никаких шансов. Мы же здесь все, в каморках живущие, не вписавшиеся или списанные. Нам один вектор сверху установили — на свалку. А твой соперник, судя по его дорогому велосипеду, примагнитился в нашу обитель случайно, силой чувства и скоро увезет твою красотку в золотую страну... Так что иди, отрок-недоучка, и спи.

* * *

День. Тот же коридор. Велосипеда у стены нет.

Алевтина Фоминична. Нет машины! Слава богу! А то ну просто никакого уважения к людям! А все почему — недостаток воспитания и хищнические планы... То же мне — чайка небесная! Стюардесса! Да это же, по сути, просто официантка: вам погорячее? Вам чай или минеральную?

Барнаулов (*выглядывая из своей комнаты*). Минеральную!

Алевтина Фоминична. Что?

Барнаулов. Но можно и чай. Когда я был юн, иногда пил чай со слоном, матушка моя доставала по величайшему благу в гастрономе. Дефицит продуктов усиливал вкусовые ощущения. Чай со слоном казался роскошным.

Алевтина Фоминична. Признайтесь, что при всех недостатках социализма человека в обществе уважали, и мне даже нравилось чувствовать себе строительницей коммунизма.

Барнаулов. На кухне пяти метров или на шести сотках.

Алевтина Фоминична. И у нас здесь не отдельные апартаменты, а общежитие.

Барнаулов. Результат как раз советской политики — эксперимент двадцатых годов прошлого века! Была такая идея — всех собирать на одном клочке жилплощади, декларируя цель преодоления буржуазного эгоизма, а на самом-то деле — для усреднения личности: думающая культурная личность в свободном полете всегда опасна. И для удобного управления усредненными. Идея провалилась — получили воронью слободку, а потом крах всего строя.

Алевтина Фоминична. Представьте, ныне с той же идеей еще дальше пошли, Феденька прочитал, что хотят мысли всех людей через мобильные телефоны собирать в один общий, так сказать, коммунальный мозг. Мне не совсем понятно, зачем?

Барнаулов. За тем же самым. И это провалится. Правда, боюсь, как бы на этот раз не вместе со всей планетой.

Алевтина Фоминична. Вы не голодны?

Барнаулов *(несколько удивленно)*. Спасибо. Сыт по горло.

Алевтина Фоминична. Вы чем-то напоминаете мне моего покойного супруга. Его воспитывал культурный отец, не переживший разрушение империи. В вас тоже чувствуется благородство. Как красиво мой будущий муж за мной ухаживал. Я была такая миловидная, носила изящные красные туфельки и лайковые перчатки.

Барнаулов. И только?

Алевтина Фоминична. Ах, не шутите, как приказчик, теперь, кстати, приказчик зовется менеджер. Я сама шила прекрасно, как-то к туфелькам сшила красное платье в черный горох, с открытой спиной... Это было так смело.

Барнаулов. Сейчас открытой спиной прямо до пяток никого не удивишь.

Алевтина Фоминична. Падение и гниение! Стыдно сказать, могут заявиться на велосипеде и, будучи не расписанными, оставаться на ночь! Вы как человек старых нравов мое возмущение поймете. У нас не квартира, а дом с красным фонарем!

Барнаулов. Как вы романтично выражаетесь, мадам.

Алевтина Фоминична. И даже вы можете оказаться обманутым в своих надеждах, как бы это мягче выразиться, на добропорядочность женщины. Мой покойный супруг...

Барнаулов выходит из комнаты в коридор, до этого он разговаривал, стоя в дверях своей комнаты.

Барнаулов. Низкие намеки я категорически отвергаю! Маргарита несчастна, но чиста.

Тут же выходит Ритулька.

Ритулька *(Барнаулову)*. Сказал?

Барнаулов *(Ритульке)*. Забыл.

Ритулька. Так сообщите.

Барнаулов. Ваша борьба с велосипедом, Алевтина Фоминична, вызвала ответные меры противника: к нам едет ревизор.

Алевтина Фоминична. Кто?!

Ритулька. Извещение я нашла вчера в почтовом ящике, написано, что в квартиру придет, а вот кто придет, я не разобрала, бланк какой-то помятый, слова бледные, не все можно было прочитать... Может, эта... Алена кого вызвала.

Алевтина Фоминична. Рита, дайте извещение мне! Федя разберет.

Ритулька. Сейчас пойду и поищу, положила где-то в комнате *(уходит)*.

Барнаулов. Мой пардон, Алевтина Фоминична, пока Рита ищет, я хотел бы поинтересоваться у вас об одном тонком деле.

Алевтина Фоминична. Прошу вас.

Барнаулов. Вопрос щекотливый.

Алевтина Фоминична. Ну что вы. Я вся внимание.

Барнаулов. Поверьте, ваш утвердительный ответ кое-что, пусть в одном мгновении моей жизни, изменит, никчемной жизни, если смотреть на нее с материалисти-

ческой точки зрения, доминирующей в нашем обществе и выраженной пошлым афоризмом: «Если ты такой умный, почему ты не богат?», но ведь можно посмотреть иначе, увидев во мне тайного хранителя экзистенции, да, да, не считайте это бредом величия. А без экзистенции в мире остается только пошлость. И неважно — бриллиантовая эта пошлость или обывательская — горшка с геранью. Ваш утвердительный ответ даст мне возможность продолжить свое сокрытое от всех служение ноуменальным свойствам обыденных вещей, любых: чашке, стене, зеркалу. Впрочем, зеркало само способно отражать ноумен... А сколько оно отражает борьбы с собой, крушения иллюзий...

Алевтина Фоминична. Как я вас понимаю, Я сама прошла через душевные истязания.

Барнаулов. Что остается? Только последняя просьба.

Алевтина Фоминична. Я слушаю вас, я слушаю!

Барнаулов. У вас... не найдется немного денег? С возвратом, разумеется.

Алевтина Фоминична (*оскорбленно*). Разумеется, не найдется. Последние ушли на Интернет для Феди.

Барнаулов. Задержали оплату моего труда. Маленький хозяин желает выглядеть большим капиталистом, намеренно затягивая сроки расчетов. Это чтобы мы все ощущали себя его рабами. Такой вот буржуазный садизм... А все-таки не посмотрели бы повнимательнее в своем кошельке? Может, что-то в нем завалилось?

Алевтина Фоминична. А вы мне, пожалуйста, не указывайте! Вы буквально падаете в моих глазах.

Барнаулов. Падаю?

Алевтина Фоминична. Упали!

Барнаулов. И вы, оказывается, такая же жестокосердная, как большинство. Переступили сейчас через простертого перед вами, в метафорическом плане, простертого, нищего философа, бывшего поэта. Я же не служивый пес-философ, который тьякает то, что от него требуется, подводя под свое тьяканье метафизическую базу. Я — Сократ сегодняшнего дня...

Алевтина Фоминична. Сократ плохо кончил.

Барнаулов. Вот и я о том же... А вам денег для него жаль. Ощущали вы себя когда-нибудь жертвой, попавшей под колеса времени? Другими словами, на вас не падали огромные часы? Те самые, по бою которых мы узнаем, что наступил Новый год?

Алевтина Фоминична. Часы? Нет. Я живу без часов, подчиняясь исключительно своему ритму.

Барнаулов. Сейчас и я так. Но травма от падения на меня часов до сих пор дает о себе знать.

Алевтина Фоминична. Когда я была крошкой, однажды разбила термометр, шарики ртути разбежались по паркету. Я так испугалась.

Барнаулов. А внук ваш дома?

Алевтина Фоминична. Он спит. Ночи напролет сидит в Интернете, днем порой его не добудишься. А зачем он вам?

Барнаулов. Хотел ему сообщить, что с непонятной проверкой к нам должны вот-вот нагрянуть. Пусть в комнате своей приберет, возможно, это санэпидемнадзор какой-нибудь... Могла дрянная девчонка-стюардесса нарочно вызвать...

Алевтина Фоминична. Как вы правы! И человек теперь — дрянь, дрянь, и жизнь — низость и подлость. Возвышенное умерло вместе с Чеховым, я слезами обливала над его «Дамой с собачкой».

Барнаулов. А я вот, помню, удивлялся, где же в этом рассказе возвышенное, о котором нам учительница тоже на уроке твердила, если собачка только и делает, что, про-

стите, поднимает лапу или приседает. В душе подростка, наверное, цвела мечта о неземной любви, а Чехов загнал мечту в адюльтер — в замкнутый круг, охраняемый шпицем.

Алевтина Фоминична. Вы — романтик.

Барнаулов. С тех пор, кстати, не люблю собачников — обслуга животных. Они сами от своих питомцев недалеко ушли.

Алевтина Фоминична. В том я с вами, мой дорогой, абсолютно согласна. Вы говорите, придут с проверкой чистоты помещения?

Барнаулов. Или того хуже: с обследованием, сделан ли в местах общего пользования ремонт. Чтобы нас с вами за отсутствие ремонта и старую сантехнику обложить гигантскими штрафами, коих мы оплатить не сможем... И соответственно, выселить...

Алевтина Фоминична. Какой кошмарный античеловеческий план! Мне как раз об этом твердила ваша Маргарита. Значит, имеют виды на всю квартиру!

Барнаулов. ...Выселить в какое-нибудь совершенно непригодное для существования жилье, откуда все мы дружно отчалим очень быстро в мир иной.

* * *

Ночь. По слабо освещенному проулку мимо долгой глухой стены прогуливается человек в длинном черном пальто и черной шляпе. Иногда он приостанавливается, поднимает голову и смотрит на окна соседнего дома. В эту минуту Федя отрывается от экрана и подбегает к окну. Ему кажется, что его взгляд встречается со взглядом незнакомца — Феде страшно. Он забирается в постель, произносит вслух дрожащим голосом: «Освободи от себя землю. Освободи от себя землю», укрывается с головой одеялом.

* * *

Ночь. Коридор слабо освещен. Крадучись, в коридор выходит Барнаулов. Видит велосипед. Похлопывает по сиденью.

Барнаулов. Стоишь, Пегас?

Внезапно садится на велосипед и едет по коридору.

Барнаулов. Э-э-эх! С ветерком!

Из одной из комнат начинает звучать саксофон. Возможно, Алевтина Фоминична включила радио, радиоточка в квартире осталась только у нее. Барнаулов останавливается у входной двери, слезает с велосипеда и, подкатив его обратно к стене, ставит между кухни и комнатой стюардессы.

Барнаулов (сам с собой). Если продать, можно будет купить ящик водки... Но Барнаулов, к несчастью, честен. И не опустившийся алкоголик, а слегка поддающий философ.

Саксофон перестает звучать. Из комнаты выходит Ритулька.

Ритулька. Чего не спишь?

Барнаулов (раздраженно). Заснешь тут! Вызвали какую-то проверку, выселят нас с тобой к черту на кулички.

Ритулька. А ты раньше говорил, что и с долгом по квартплате обойдется, потому что у тебя есть важные связи.

Барнаулов. Да, мое имя в некоторых кругах известно, на мои труды ссылаются профессора из честных, а те, что из нечестных, просто прихватывают мои идеи. Не рассказывал тебе, что выгнали меня из университета за участие в одной студенческой демонстрации, отделался тогда легким испугом, но учебу и карьеру мне закрыли. Мог бы через несколько лет сделать на этом факте себе имя, да тошно было использовать свою юную честность в качестве средства торговли, совестно продавать свои идеалы ради известности и денег.

Ритулька. А денег-то у нас нет...

Барнаулов (*громко*). Не бойся, милая, все равно не так-то легко нас выселить!

Ритулька (*тихо*). Боюсь, что легко.

Барнаулов (*еще громче*). Старый приятель твоего Барнаулова депутат, между прочим. Стоит набрать его номер, так сказать, сим-сим, открой дверь, и он примет Барнаулова в своем кабинете и не позволит никому глумиться над униженными и оскорбленными. Так что все коварные планы по захвату квартиры — жалкое томление низкого бессильного разума.

Ритулька (*еще тише*). А твой депутат не захочет сам нашу квартиру отжать? Небось у него уже двадцать квартир и полсотни таких же бывших коммуналок, на его кроличью родню записанных. Они их за государственные средства ремонтируют, а потом продают. Им ведь люкс-апартаментов мало, не лопнут от жадности. Наивный ты, Барнаулов, как ребенок. У нас в деревне такой пастух был. (*Зевает.*) Пойду спать. Завтра помогу волонтерам, которые бомжей ловят, может, хоть немножко денег дадут, конфет куплю (*уходит*).

Из своей комнаты выходит Федя.

Федя. Дядь Барнаулов, он опять здесь, прямо под нашими окнами.

Барнаулов. Под моими окнами тоже такой один похаживал, потом меня из университета исключили. Но сейчас не те времена, не бойся.

Федя. Может, этот в черном пальто вообще виртуальный черт? И хочет освободить от меня землю? (*Начинает плакать.*)

Барнаулов. Прекращай, прекращай рыдать! Мужские слезы унижают не мужчин, а женщин. Плакать — не наше с тобой, а их природное право.

Федя (*вытирая слезы рукавом рубашки*). Меня никто не любит. Иногда просто отчаяние от этого охватывает. А вот «ВКонтакте» группа есть, ее админ, его Stalk зовут, мне все время пишет: «Тедди, пойдем со мной в иной мир», я ему признался, что запал на одну девушку, он обещает цифровую ее копию, уверяет, что цифровую от живой я ни за что не отличу. У них такая крутая технология.

Барнаулов. Деньги за услугу просит?

Федя. Не-а, он обмен предлагает, я в виртуал, а он, пока я там, поживет в моей комнате, я писал ему в личку, что с бабусей существую. Он из другого города приехал и обещает ей помогать. Но я на встречу к нему не иду, мне бабусю жаль, она, если я исчезну, сразу помрет.

Барнаулов. И не ходи! Он — авантюрист. Если не хуже. Есть такие помощники старикам, что и стариков потом не отыщешь.

Федя. Мне тоже иногда он кажется монстром.

Барнаулов. Какой-то рок, ей-богу, все метят на жилплощадь в нашей квартире. Самый центр, дом кирпичный, потолки высокие. Ныне ведь, Федя, человек человеку волк, а мы здесь, в наших каморках, сохраняем от исчезновения человеческое друг к другу отношение, хоть и ссоримся иногда по причине личного несовершенства... а значит, саму душу жизни храним.

Федя. Stalk меня убеждает, что души нет, есть один мозг, его скоро к компу подключат, потом мозги всех людей с искусственным интеллектом соединят, получится гигантский постчеловек.

Барнаулов. Не верь нелюдям-модераторам. Они сами подключаться не станут. А без души не будет человека вовсе.

Федя. А кому верить? Все врут.

Барнаулов. Не все. Только тех, кто не врет, не слышно. Их заглушают посторонними шумами...

Федя. Попсой, например, да?

Барнаулов. Не только. И не прав ты: бабушка тебя любит, и мы с Ритой относимся к тебе почти как к своему сыну. Мы ж бездетные с ней. Меня первая жена и сын давно бросили, за границей проживают, а Ритин жених из армии не вернулся...

Федя. Теть Рит вчера меня обидела, сказала, что из компа в мою голову все таракашки перебрались.

Барнаулов. Она добрая. Просто за тебя переживает, что не учишься, пытается как-то на тебя подействовать. Она тебя ласково Буратинкой зовет...

Федя (обиженно). Это у меня от худобы нос кажется длинным. Так он вполне нормальный.

Барнаулов. Понимаешь, в этом жестоком продажном мире, где люди — товар, мы никому, совершенно никому не нужны, для тех, которые там (показывает на потолок), бабушка твоя — товар с истекшим сроком годности, я — товар бракованный, Ритулька — магазинный сор, случайно занесенный ветром из убитой деревни... У тебя тоже одни минусы: нет ни наследства, ни родительской защиты от этого мира.

Федя. Stalk мне обещает в виртуале остров.

Барнаулов. Чтобы самому поселиться в твоей комнате, а твою бабушку...

Федя. Да, понял я, дядь Барнаулов.

Барнаулов. Ты — умный. А тетя Рита говорит: еще ты имеешь силу. Она же все чувствует, она же больше чем женщина, она — Маргарита.

Федя. Я видел! У нее иногда волосы становятся лунными.

Барнаулов. Ты обязательно победишь свое отчаяние.

Федя. Но я не хочу быть товаром ни с каким сроком годности!

Барнаулов. Можно найти выход и позвать за собой других.

Федя. Вы, дядь Барнаулов, про революцию?

Барнаулов. Ни в коем случае! Народной крови и так пролилось уже слишком много. Я — о творчестве. Алевтина Фоминична показала мне твои фигурки из пластилина, ты, оказывается, лепкой занимался, пока не увяз в Интернете.

Федя. Ага.

Барнаулов. Тебе повезло: у тебя талант, ты скульптором можешь стать.

Федя. Дядь Барнаулов, я бросил лепку, потому что прочитал, что скульптор — теперь мамонт, его заменит 3D-печать.

Барнаулов. Нет, Федя, есть живое искусство, а есть технологии, которые только помощники творцу, но заменить его никогда не смогут.

Федя. Зато смогут его убить! Сейчас же повсеместно все исключительно ради лавандосов.

Барнаулов. Ради денег?

Федя. Ну да.

Барнаулов. Знаешь, Пушкин говорил: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Если по Александру Сергеевичу, то можно сохранить и свободу, и душу.

Федя. Это и есть выход?

* * *

Раннее утро. Звонок в дверь. Алевтина Фоминична выходит из своей комнаты, открывает. В квартиру заходит Некто в черном костюме и черной шляпе.

Некто (голосом робота-оператора). Есть сведения...

Слышно, что в комнате Барнаулова и Ритульки изнутри звякает замок.

Алевтина Фоминична. Вы, собственно, к кому? По какому вопросу?

Некто (показывая рукой на велосипед). Стоящий в коридоре предмет принадлежит вам?

Алевтина Фоминична. Ну что вы! Конечно, не мне! Сами посудите, зачем мне эта машина? Я еще помню те времена, когда для целей передвижения по городу использовали извозчиков. Бывало, мой дедушка...

Некто. Кто проживает в квартире?

Алевтина Фоминична. Товарищ, вы по какому вопросу? О проживающих вся информация есть в соответствующей организации. Если вы оттуда, должны и сами знать, кто проживает, а не спрашивать пожилого человека. Да еще так пристально на него глядя.

Некто. На кого глядя?

Алевтина Фоминична. На пожилого человека.

Некто. Где он?

Алевтина Фоминична. Кто?

Некто. Этот человек?

Алевтина Фоминична. Какой человек?

Некто. Которого вы прячете, пожилой по возрасту.

Алевтина Фоминична. Мы никого в квартире не прячем, вы совершенно меня запутали.

Некто. Разберемся. Откройте мне дверь.

Алевтина Фоминична открывает входную дверь, Некто уходит. Из своей комнаты осторожно выглядывает Федя.

Федя. Бабуся, кто это был?

Алевтина Фоминична. С какой-то проверкой гражданин, а с какой — непонятно.

Федя. Наверное, тот, что все время у нас под окнами ходит.

Из своей комнаты выглядывает Барнаулов. Он в одних трусах и нетрезв.

Алевтина Фоминична. Приходил какой-то сомнительный тип. По рассеянности я ему открыла...

Барнаулов. На вас не похоже...

Алевтина Фоминична. Просто дрожь по коже.

Барнаулов. Стихами мы с вами заговорили...

Федя. Он все время у нас под окнами ходит.

Алевтина Фоминична. Мне сейчас не до шуток.

Барнаулов (выйдя в коридор). Мадам, давайте я отвлеку вас от переживаний. Не угодно ли вам обратить внимание на мою грудь? Вы же не в курсе, Маргарита моя

вторая женщина, до нее у меня имелась супруга, она давно за рубежом и сын с ней, но пока они были со мной, я от них натерпелся. Она лупила меня... сковородкой! А сын в возрасте вашего Феде бросил школу и решил заняться тату — то есть делать татуировки за доллары. И тренировался, шельмец, на мне. Супруга так ему и заявила: отец твой тунеядец, хоть какая-то польза от него будет. Вот гляньте! *(Хватает Алевтину Фоминичну за руку и прикладывает ее ладонь к своей груди.)* Русалка! Федя ваш о такой грезит.

Алевтина Фоминична. Какая безвкусица!

Барнаулов. Это что! Гляньте на спину, какой китч там! Он замок с башнями изобразил.

Алевтина Фоминична. Не ожидала, что у вас мог быть такой... забыла слово... из классической литературы.

Барнаулов. Недоросль, наверное?

Алевтина Фоминична. Именно!

Барнаулов. Так он и то место, которое прячут, изукрасил. Решил, что воры будут ему хорошо за подобное художество платить. Могу продемонстрировать.

Алевтина Фоминична. Вы... вы обескуражили меня, ранили мое сердце этим, как его... перформансом. Я вас воспринимала как настоящего интеллигента, а вы... вы так похожи на моего мужа, правда, на него лет через пятнадцать после его кончины *(внезапно плачет)*.

Федя, до этого наблюдавший всю сцену молча, подбегает к ней.

Федя. Бабуся, ну чего ты *(обнимает ее)*.

Барнаулов *(на глазах трезвея)*. Простите, мадам, успокойтесь, не тратьте свои драгоценные слезы из-за моего отпрыска и его росписей. Он меня давно знать не желает, ни одной открытки жалкой от него, ни одного сообщения в почту. Я сначала так ждал, Интернет ради него подключил, а потом понял: для них с мамашей только доллары ценность, процветают, наверное, на какой-нибудь торговле, мать ее, бабка моего сына, белорусским мясом торговала в самом начале девяностых, но сама это мясо из-за Чернобыля не ела. Жена потом пальмовым маслом занялась, и тоже — себе только сливочное или оливковое. Такая вот порода людей нас теперь окружает: люди без гена совести.

Федя. Дядь Барнаулов, а разве такой ген открыли?

Барнаулов. Открыли. Но те, что его не имеют, в секрете открытие держат. Они же правят бал.

Федя. А откуда он взялся, этот ген?

Барнаулов. Мутация, наверное, произошла благодаря вере в Бога.

Из комнаты выходит Ритулька.

Ритулька. Рыбки хочу. Так люблю жареную рыбку!

Барнаулов *(Феде)*. Махнем давай с тобой на рыбалку? У меня резиновые сапоги от сына остались, привез их сюда, рука не поднялась выбросить. Тебе, наверное, будут впору.

Федя. А я в детстве о кораблике мечтал... Машинки у меня были, а кораблика не было. Или хотя бы о лодочке, чтобы по ручью пускать. Мама обещала купить...

Барнаулов. Из бумаги сделаем. И поплывет наш кораблик *(грустно смеется)*. А на нем — мы с тобой...

* * *

Пустой коридор. Горит тусклая лампочка. Появляется Алевтина Фоминична, озирается, прислушивается: тишина, все спят. Внезапно с необъяснимой для ее возраста ловкостью она заскакивает на велосипед и едет по коридору.

Алевтина Фоминична. Ах, как прелестно! Я амазонка! И ветер, ветер дует мне в лицо!

Доезжает до входной двери и останавливается. Неожиданно начинает звучать саксофон. Алевтина Фоминична испуганно спрыгивает с велосипеда и катит его обратно. Медленно приоткрывается дверь в комнату стюардессы, но оттуда никто не выходит.

* * *

Утро. Тот же коридор. Ритулька моет пол. Тряпка все время падает, потому что ручка швабры закреплена неплотно. Выходит Алевтина Фоминична.

Ритулька. Ваш Тедди мог бы пол помыть, ничего не делает днями напролет.

Алевтина Фоминична. Ах, не зовите его, Рита, этой кличкой, мне она претит.

Федя, видимо услышав, что разговор о нем, выходит из комнаты. Выходит в коридор и Барнаулов.

Ритулька (Феде). Меня всегда заставляли мыть всю избу, и ничего — мыла. А ты только и знаешь, что в свои стрелялки играть.

Федя. Я в шутеры не играю.

Барнаулов. Мог бы, в самом деле, взять на себя обязанность хотя бы приборки коридора.

Алевтина Фоминична. Вы правы, правы! (Феде строго.) Меня папа попросит помочь, я всегда ему помогала. А тебя просишь, уговариваешь, ты ничего не делаешь, слова бабушки для тебя пустой звук, одно у тебя достоинство, что в отличие от твоих ровесников ты чистый. Конечно, телесная непорочность и чистота гораздо важнее чистоты пола,

Федя. Так и не навязывай мне половой вопрос!

Барнаулов. Ты бы, парень, без иронии, когда со старшими разговариваешь.

Ритулька. Да они все, эти непорочные, только с виду такие, а сами этим... как его... в общем, рукоблудием занимаются, как у нас в деревне говорили. (Феде.) Всю грязную работу норовишь сбросить на других!

Федя (истерично кричит). А вы чем с Барнауловым занимаетесь?! Мне ваши стоны из-за стены слышать противно! Правильно Stalk говорит: все животное в людях нужно уничтожить!

Алевтина Фоминична. Федя! Как тебе не стыдно!

Все разом. Не уважает! Расплодились трутни! Мы в его годы!!!

Федя (чуть не плача). Так вот как вы меня любите! Готовы убить за мытье пола! Сейчас пойду и повешу вас назло! (Убегает в свою комнату, слышно, как звякает замок.)

Из своей комнаты с кувшином в руках выходит Алена-стюардесса, она проходит в кухню и обратно в комнату так быстро, что разглядеть ее невозможно. Можно только догадываться, что мелькнувшая девушка — она.

Алевтина Фоминична, Барнаулов и Ритулька удивленно застывают.

* * *

Вечер. Горит коридорная лампочка. В коридоре Ритулька. В лунном свете, неизвестно откуда иногда проникающем в коридор, Ритулька с распущенными волосами, в длинной полупрозрачной сорочке кажется красивой. Она подходит к велосипеду, садится на него и едет по коридору.

Ритулька (поет). Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось...

Голос ее серебрист и прекрасен. Велосипед врывается во входную дверь, Ритулька падает. Тут же меняется ее голос, он становится визгливо-надрывным.

Ритулька. Мы на ло-о-дочке катались! Не гребли-и-и-и, а целовались!

Появляется вездесущая Алевтина Фоминична.

Алевтина Фоминична. Все проходит, милая, и эта печальная мысль не может не утешать. Знаете, я в юности так любила одного мужчину, он был старше меня и не относился ко мне, девчонке, серьезно, я так рыдала, так рыдала... А потом встретила Мишеля, моего Михаила, вышла за него замуж и вот иду как-то по городской аллее, была весна, цвела сирень, ароматы кружили голову, и навстречу тот самый господин, из-за которого я страдала, останавливает меня с завлекающей улыбкой и приглашает на скамейку, я гордо показала ему кольцо и сказала: я другому отдана и буду век ему верна! Так и сказала! Встала, небрежно взяла со скамейки свои лайковые перчатки и ушла навсегда. На-всег-да.

Ритулька кашляет.

Алевтина Фоминична. Вы больны? Катар или бронхит? Если бронхит — это опасно, он может перейти в пневмонию.

Ритулька. Я горчичники поставлю.

Алевтина Фоминична. Горчичники нужно применять с большой осторожностью, можно повредить организму. Не говоря уже о банках. Вы, конечно, и представить не в силах, что случится, если неправильно поставить банки.

Ритулька. Я в поликлинику схожу.

Алевтина Фоминична. И напрасно! Сейчас верить медикам нельзя, они только деньги вымогают. Врачам нужно платить за выздоравливающих, а не за больных. Какие были чудесные земские доктора, Боже мой! Дедушку моего лечил доктор, так похожий на Чехова.

Выходит Барнаулов. Видно, что он сильно перебрал.

Барнаулов. Б-беседуете?

Алевтина Фоминична. Ваша Маргарита болеет.

Барнаулов. Мрг-ита б-леет?

Алевтина Фоминична. Не понимаю, что вы сказали?

Барнаулов. Н-н-н — чч — его н-н-н-сказал. Б-бблею я.

Алевтина Фоминична. Говорите отчетливее! Вам что, челюсть вставили?
Барнаулов. Пчму?

Алевтина Фоминична. Помню, в сорок девятом, нет, в шестьдесят восьмом было такое теплое лето, я даже съездила с одним знакомым на городской пляж, хотя, поверьте мне, считаю все пляжи источниками падения морали, целомудренная женщина никогда не разденется в присутствии посторонних мужчин. И я на пляже не раздевалась ни разу. Ни разу! И вообще, у меня после смерти Мишеля не было ни одного мужчины! Я уже сорок лет снова девушка!

Ритулька. Семьдесят.

Алевтина Фоминична. Что? Да, конечно. Семьдесят лет назад люди были целомудреннее.

Ритулька. А сейчас в Интернете девицы полуголые тела демонстрируют. Это чтобы подороже себя продать. Коровы и те их лучше, хотя бы не соревнуются, у кого лучше вымя.

Алевтина Фоминична. Как низко!

Ритулька. Че-то пригорелым потянуло.

Алевтина Фоминична. Смотреть, наверное, противно. А Феденька это все лицезреет!

Ритулька. А с ним... э-э... все нормально? Он грозился жизни себя лишиться.

Алевтина Фоминична. Который раз меня так пугает, я уже и внимания не обращаю. Как всегда, целый день спит.

Ритулька. А то мне сон на днях дурной снился, что зуб выпал. У нас в деревне говорили, что такой сон к чьей-то смерти. Если коренной — из родни кто-то помрет, если передний — близкий знакомый.

Барнаулов (*очнувшись, он дремал стоя*). К-какой?

Алевтина Фоминична. Грешно, Рита, о мальчике даже подумать такое! И как можно быть такой суеверной в ваши молодые годы? Мне как-то приснилось, что вся челюсть выпала — и что?

Ритулька. Ваша челюсть?

Алевтина Фоминична. Какое это имеет значение?

Ритулька. Если не ваша, а медвежья, к примеру, то будет звериный мор... А если челюсть соседа, то...

Из кухни начинает валить черный дым.

Барнаулов падает.

Ритулька. О, Господи! Что с ним?!

Алевтина Фоминична. Моя каша! Каша!

Бежит, открывает входную дверь, чтобы выгнать дым. В проеме двери появляется Некто.

Некто. Что происходит?

Ритулька. Вы кто?

Некто. Кто?

Ритулька. Чего вам надо?

Некто. Вам надо?

Барнаулов (*поднимая голову*). Шшок-колада.

Появляются медики в белых халатах и в масках. На носилках уносят Барнаулова из квартиры.

Дым рассеивается. Дверь закрыта. Никого.

* * *

Ночь. Коридор. Велосипеда нет. В туманном свете луны Барнаулов, свесив голые ноги, сидит на больших часах, стоящих на полу. Это сон. Барнаулов одновременно снится Ритульке и Алевтине Фоминичне.

Ритулька. Ты?

Барнаулов. Я, Маргарита, я.

Ритулька. Ты вернулся? Я так испугалась, когда тебя увезли. Ты сам вызвал врача?

Барнаулов. Не помню.

Ритулька. Больше не пей, хорошо?

Барнаулов. Хорошо. Ради тебя, моя птичка, брошу. И свой философский трактат завершу, выведу его из бесконечного тупика.

Ритулька. Ради меня?

Барнаулов. Я пришел, чтобы признаться: душа моя приросла к твоей душе, влечет меня к тебе по волнам чувств, точно лодочку, нет, точно красивую яхту. По мятежному морю моего сердца. Ты — сама поэзия, Маргарита! Я люблю тебя. Твои синие-синие глаза, твои русые шелковистые волосы, твои нежные полные руки... А твоя белая грудь — точно два облака возносят меня к юным дням моей мечты. Я становлюсь сентиментальным. И хочу узаконить наши с тобой отношения, Маргарита. Помнишь, как на венчание приехали клоун и клоунесса в катафалке?

Ритулька (удивленно). Не помню.

Барнаулов. Их представление символизировало любовь до гроба. И я тебе обещаю любовь до последнего дня и часа своего. Алевтина Фоминична будет присутствовать при нашем венчании вместо наших покойных родителей.

Алевтина Фоминична. Меня кто-то звал?

Барнаулов. Это я, мадам.

Алевтина Фоминична. Боже мой, вы конфузите меня, я же полудета.

Барнаулов. Вам даже это идет.

Алевтина Фоминична. Как давно я не слышала комплиментов! Все считают меня сварливой старухой, которая сует нос в чужие дела. А я ведь слежу за ходом истории.

Барнаулов. Что вы! Я порой люблюсь вами! И знаете, иногда мне кажется, что когда-то я действительно был вашим супругом.

Алевтина Фоминична. Боже! Мишель! Миша! Я так виновата перед тобой и наконец должна тебе во всем признаться. Ты простишь меня?

Барнаулов. Я уже простил.

Алевтина Фоминична. Значит, ты все знал? Знал о моей измене? Это было так пошло! На скамейке поздно вечером в парке.

Барнаулов. Пошлость порой всего лишь тень романтизма.

Алевтина Фоминична. Знал! И ничего мне не сказал? Ни-че-го!

Барнаулов. Знал. И не сказал.

Алевтина Фоминична. Когда Федя первый раз мне пригрозил, что покончит с собой, я тут же с ужасом вспомнила, как ты... И спрятала все брючные ремни. А по-

том Федя стал меня пугать постоянно — и я постаралась о страшном твоём уходе снова забыть.

Барнаулов. Один ремень из прошлого тебе спрятать не удалось. Желтый. Федя нашел его вчера...

Алевтина Фоминична. Нет, я спрятала тогда все. Желтого у меня не было.

Барнаулов. Значит, он заказал его в Интернете, где Stalk его прельщает благами виртуального мира. Эти столкновения намеренно делают из смерти волшебный остров. И обещают доверчивым душам личное цифровое бессмертие, если те пройдут на этом острове обучение магии отрицания и пустоты.

Алевтина Фоминична. Магия пустоты?

Барнаулов. И отрицания жизни.

Алевтина Фоминична. Федю не поймать на такие глупые крючки.

Барнаулов. Может быть...

Ритулька. Никто никогда нигде не считал меня красивой. В школе все были влюблены в другую девочку. Мне иногда казалось, что и мой будущий жених тоже был влюблен в нее, а не в меня. У нее был зажиточный дом, она одевалась лучше всех, а моя мать работала дояркой, отца-механизатора я почти не знала: когда мне было пять лет, он бросил мать ради женщины из соседней деревни. Поэтому в ту деревню я никогда не ходила. Дед мой, материнский отец, погиб на войне, некому было по-мужски меня защитить.

Барнаулов. Я буду защищать тебя.

Ритулька. А почему ты сидишь на часах?

Барнаулов. В тяжелые времена, когда побеждает материя, философ должен выйти из Диогеновой бочки и стать стражником духа. Стражник всегда на часах. Я раскрою тебе тайну: наша квартира находится меж двух миров. Помнишь, детскую сказку про каморку папы Карло?

Ритулька. Помню.

Барнаулов. Эта каморка — одна из комнат нашей квартиры. В ней — заклеенная зелеными обоями дверь в будущее мира, а ключ от двери хранится у Алевтины Фоминичны.

Ритулька. А я думаю, что мы все, кроме... кроме стюардессы, затонули здесь навсегда и нам уже на берег не вернуться. Из всех утюгов внушают: вы — лишние!

Барнаулов. Не слушай!

Ритулька. Для злых богачей мы — утопленники.

Барнаулов (смеясь). Это они уйдут на дно истории, не породив ни одного гения, ни одного большого таланта. Они презирают бедность, а в их собственном богатом перегноем вырастают только суррогаты.

Ритулька. Но сейчас их время.

Барнаулов. Наше время — внутри, их — снаружи.

Ритулька. Как мне хочется тебе верить. Ты любишь меня?

Барнаулов. Знаешь, мне кажется, моя любовь была с тобой всегда. Она пряталась в грустном трилистнике «никто, никогда, нигде». Она и после нашей смерти не исчезнет. Любовь будет петь на весенних ветках, как поют птицы.

Ритулька. Ты не сказал, где находится дверь.

Барнаулов. В комнате стюардессы.

Ритулька. Она знает?

Барнаулов. Конечно, нет. О чем-то догадывается только Федя. Он поэтому и влюбился: так его ведет судьба. Но демон Stalk из Интернета навязывает ему свой

роковой сценарий: «Освободи землю от себя». Ты слышала, Федя иногда повторяет такие слова? Это магическая кодировка, мантра, приказ подсознанию.

Ритулька. Я тоже боюсь, вдруг Федя...

* * *

Утро. За окном кухни щебечут птицы. Из кухни выходит Ритулька с чайником. Видит Алевтину Фоминичну.

Ритулька. Опять моя любимая чашка куда-то делась. Вы не находили?

Алевтина Фоминична. Воспитанные люди сначала говорят «доброе утро».

Ритулька. Меня некому было воспитывать. Мать с утра была на ферме, а потом до позднего вечера хозяйством занималась. Зато природа у нас — красота, глаз не отвести. Какие просторы, рощи, река... А маме некогда было даже глаз поднять от тяжелой работы — света белого не видела. То корова, то огород, то хлеб испечь. Ваших французских булок мы в селе не видели.

Алевтина Фоминична. Так деревенский хлеб всего лучше.

Ритулька. Доброе утро. Если — доброе.

Алевтина Фоминична. Не понимаю ваше «если». У вас плохое настроение?

Ритулька. Моей любимой чашки снова на столе нет. Вы по ошибке не взяли?

Алевтина Фоминична. Как вам не стыдно! С чего бы я взяла чужое?

Ритулька. Ну, мы здесь уже не совсем чужие. Наверное, как при коммунизме. Вы могли забыть, что это моя чашка.

Алевтина Фоминична. Вы намекаете, что у меня ослабела память? Это ложь. У меня блестящая память.

Ритулька. А на цепочку дверь вчера забыли закрыть.

Алевтина Фоминична. Глупости! Я все проверила. Значит, кто-то выходил, возможно, этот... с велосипедом.

Ритулька. У Феи тогда спросите, может, он взял *(уходит в свою комнату)*.

Алевтина Фоминична. Какая низость! Чашку, видите ли, мы у нее с Феденькой взяли. Маргарита все-таки порой невозможна. Буквально создает мне стресс. И вполне вероятно — намеренно. Еще неизвестно, кому моя комната больше нужна: стюардессе или ей для сожительства с Барнауловым! *(Заходит в кухню, через минуту выходит с кастрюлькой.)* Кашка готова. Нужно Фею разбудить. И заодно спросить его про чашку *(подойдя к комнате Феи, стучит по двери ручкой кастрюльки)*.

Снова выходит из комнаты Ритулька.

Ритулька *(недовольно)*. Только решила вздремнуть, а тут грохот.

Алевтина Фоминична *(не обращая на Ритульку внимания)*. Феденька! Федор! Вставай!

Ритулька тоже подходит к двери в комнату Феи.

Ритулька. Странно... Так тихо, будто он умер.

Алевтина Фоминична. Что вы такое говорите!

Ритулька. Сама не пойму, почему иногда всякие мерзости в голову лезут.

Алевтина Фоминична. Феденька! Проснись! *(Бежит снова в кухню, возвращается без кастрюльки и с силой дергает ручку двери.)* Зачем-то закрылся.

Ритулька. Может, через смартфон в меня чужие гадкие мысли проникают, Барнаулов купил мне подержанный.

Алевтина Фоминична. Федюша, открой, это я тебя прошу, твоя старая бабушка.

Ритулька. А вдруг и точно... того? Он же нам грозил *(прислоняет ухо к двери в комнату Феди)*.

Алевтина Фоминична *(всхлипывая)*. Феденька, отвори, сердечный, зачем ты свою несчастную бабушку пугаешь? Ради памяти твоей мамы, открой!

Внезапно в полной тишине слышатся отчетливые шаги. Кто-то подошел к двери в квартиру, постоял и начал спускаться по лестнице. Алевтина Фоминична, как в кинокадре, медленно сползает на пол. Лежит неподвижно.

Ритулька *(сама с собой)*. О Господи, и она туда же. *(Резко бьет ногой в дверь комнаты Феди, за дверью слышен какой-то шорох.)* Выходи! Бабушка твоя померла!

Щелкает замок, дверь открывается, выглядывает заспанный Федя.

Федя. Достали вы все меня! Чего надо? *(Видит лежащую на полу Алевтину Фоминичну, подбегает к ней.)* Ой! Теть Рит, что с бабушкой?!

Ритулька. Сам, что ли, не видишь.

Федя. Вы вот тут наговорили мне, что она кровью моей питается, и я вчера старой ведьмой ее обозвал... Она сильно-сильно обиделась.

Ритулька *(виновато)*. Мы тоже ее с Барнауловым за глаза Фомой Проверяющей зовем. Обижали иногда.

Федя *(со слезами)*. Прости меня, бабуленька, прости меня, моя маленькая, старенькая, кто ж знал, что ты седня помрешь. Я, может, себя хотел убить, а теперь винюсь... перед Иисусом Христом... Не знаю, как мне жить без тебя, бабушенька, сироте-дубинушке, даже Интернет некому будет мне оплатить.

Ритулька. И слава богу, ну его, заразу эту. Мы с Барнауловым тебя не бросим.

Федя. Он обещал на рыбалку меня взять. Надоела виртуальная, хочу реальную.

Ритулька. Выйдет из больницы и возьмет *(обнимает Федю)*.

Алевтина Фоминична шевелится, оживает, поднимается, крихтя.

Алевтина Фоминична. Это еще что такое, прости Господи? Федя, ответь, что здесь происходит?!

Ритулька. Ожила!

Алевтина Фоминична. А вы, конечно, надеялись, что не оживу, и вы обманете невинного мальчика?

Федя. Бабуся, не будь такой душой, тетя Рит за меня переживала.

Алевтина Фоминична. Ты не будь наивным дурачком, никогда не ведись на женские объятия! Маргарита, ответьте, что здесь происходило, пока я...

Ритулька *(роется в кармане халата и достает какие-то бумажки)*. Вы, Алевтина Фоминична, не то за то приняли. Я вот в минуту вашего... вашего воскрешения только с просьбой к Федору обращалась, чтобы он разобрался, чего Барнаулову на кассе вместо сдачи подсунули, проверил, в общем *(отдает бумажки Феде)*.

Алевтина Фоминична. Ах, простите, Рита, не сразу, видно, ко мне сознание вернулось. Боюсь за Феденьку, чистоту его мечтаю сохранить. Всех своих близких я потеряла, он один у меня остался.

Ритулька. Барнаулов его на рыбалку взять обещал.

Алевтина Фоминична. Как ваш супруг себя чувствует? Скоро выпишут?

Ритулька. Звонил вчера, сказал, что не знает.

* * *

Поздний вечер. В коридоре темно. Светится прямоугольник отсутствующей двери в кухню, освещающая стоящие у стены два велосипеда. На табуретке возле сидит Федя и пьет молоко.

Федя. То, что бабуся ожила, конечно, хорошо, вредная она, но любит меня и, вообще, нужный чел миру, за порядком следит, только бы дядь Барнаулов вместо нее не окоурился, где-то я читал — так бывает: одному в небесной канцелярии жизнь продлят, но у другого заберут в качестве компенсации. А дядь Барнаулова жалко, мировой мужик. И сапоги мне подогнал для рыбалки, обещал: поплывем на резиновой лодке... Все детство я о кораблике мечтал, как теперь о манкой Алене. Эх, жаль, не мажор я, она бы сразу в меня влюбилась.

Подходит к зеркалу, достает из кармана фонарик, включает, освещает в зеркале свое лицо.

Федя. Все-таки поцелуй за деньги — дешевый фейк... А я ничего внешне. Похоже, тетя Рит меня расколдовала: я уже не чудище поганое, а вполне себе... Джинсы еще подкупить приличные и ремень этот ярко-желтый выбросить — надоел мне собственный тупой эпатаж! *(Трогает руль одного из велосипедов.)* Прокатиться? Не-а. На сиденье невидимый отпечаток чужой задницы. Противно.

Достает из кармана перочинный ножик и резко бросает в деревянный косяк кухонной двери. Тут же выходит в коридор Ритулька. Ей одиноко без Барнаулова.

Ритулька. Тедди, не спится тебе? Все о ней мечтаешь?

Федя. Теть Рит, не лезь в душу.

Ритулька. Забудь. Пошлет судьба тебе другую, добрую и милую.

Выходит в коридор и Алевтина Фоминична.

Алевтина Фоминична. Свет жгут в кухне, безобразия! Мало того, что теперь две машины здесь поставили явно не без злого умысла, так еще и вы, Рита, полуночничаєте, Федю приманиваете. Внук мой — сущий ребяенок, из него можно веревки вить.

Ритулька. Я к нему душевно отношусь...

Алевтина Фоминична внезапно видит в косяке двери торчащий перочинный ножик.

Ритулька. ...А вы какие-то подвохи подозреваете.

Алевтина Фоминична. Нож в стене!!! Мафия в квартире! Нужно срочно сообщить в полицию!

Федя. Бабуся, это мой карманный, я в детстве во дворе в ножички играл, вот вспомнил и купил. Так, от нечего делать. Для крутизны, в общем.

Алевтина Фоминична. Я думала, малина в подвале нашего дома, а оказывается, прямо в квартире! Причем криминал устраивает мой внук!

Федя. Бабуся, ну ты точно ожила.

Алевтина Фоминична. А ты похоронить меня мечтал?! Чтобы швейную машинку крутить?

Федя. Какую швейную машинку?

Алевтина Фоминична. У меня в шкафу хранится «Зингер», нужно проверить, в рабочем ли состоянии.

Ритулька (Феде). Ой, вспомнила! Ты бумажки проверил?

Федя. Блин, выложил на стол у компа и забыл. Сейчас пойду проверю.

Алевтина Фоминична. Сейчас ты пойдешь спать! *(Пытается вытащить из косяка нож, ей это не удается.)* Но сначала вынь и отдай мне!

Федя легко извлекает перочинный ножик, отдает Алевтине Фоминичне.

Федя. Бди, бабуся. Ты наш стоглазый Аргус.

* * *

Ночь. Коридор. Горит тусклая лампочка. Открывается входная дверь — в квартиру входит Барнаулов. Выглядит он, особенно при таком слабом освещении, неважно.

Барнаулов *(сам с собой)*. Не думал, не чаял, не надеялся, господа, что суждено мне увидеть еще раз свою жалкую обитель. Юдоль печали и колыбель вдохновения. Пожирал меня изнутри червь, наверное, то был червь сомнения, да подавился. Дух мой по-прежнему силен и не дает мне отправиться в тартарары. Многие, многие мои враги, те, на чьи презренные мозоли случайно наступал Барнаулов, желали бы узнать, что его уже нет, а вместе с ним навсегда похоронена честность, и ни в чьих глазах они больше не прочтут правду о себе. Но Барнаулова голыми руками не возьмешь! И пускай в его груди, как в тоннеле, свистит ветер *(закашливается)*, этот след червя зарастет. Барнаулов еще поборется.

Останавливается возле велосипедов, присаживается на пол, достает из кармана газету, складывает ее в форме кораблика.

Барнаулов. Поплывем с Федей *(прислушивается, оглядывает стены и углы коридора)*. Шорохи какие-то по квартире бродят... Точно доносятся с той стороны — мы считаем, что там пустота, ничего, nihil, а там... А может, шуршат обычные мыши? Так сказать, сон разума рождает иллюзии.

В тишине слышны отчетливые шаги по лестнице.

Барнаулов. Не за мной ли прислали белолицую мумию?

Шаги замолкают возле квартирной двери. Барнаулов встает, подходит к ней, прислоняется глаз к дверному «глазку». С противоположной стороны в «глазок» смотрит Некто. Через минуту шаги удаляются.

Барнаулов *(громко)*. Похоже, отвалил нетопырь!

Из своей комнаты выходит Алевтина Фоминична.

Алевтина Фоминична. Кто тут?

Барнаулов. Мое почтение, мадам. Позвольте приложиться к вашей ручке.

Алевтина Фоминична. Боже мой, вы откуда?

Барнаулов. Сбежал от эскулапов, пытались меня загнать в мир мумий, но ваш покорный слуга не дался.

Алевтина Фоминична. И правильно сделали! Помню, году в тридцать пятом... нет, семьдесят третьем я тоже едва не угодила в больницу... Не могу не заметить к слову, что сейчас батареи едва теплые, а тогда прекрасно отапливали квартиру, беспокоились о здоровье людей, за долги ни воды, ни электричества не лишали, я здесь живу больше шестидесяти лет.

Барнаулов. А я был уверен, мадам: вам не больше пятидесяти. И что же, позвольте спросить, с вами тогда случилось?

Алевтина Фоминична. Деликатная болезнь: отнялась одна нога, не могла ходить, и мой покойный супруг буквально носил меня на руках.

Барнаулов. Я тоже носил на руках...

Алевтина Фоминична. Маргариту?

Барнаулов. Нет, первую жену. Она бросила меня. У Барнаулова большое сердце, но пустой кошелек. Хотя, признаться, мое сердце ее мало заботило. Но простите, я отвлекся. Что же с вами было дальше?

Алевтина Фоминична. Мне дали путевку в санаторий как члену профсоюза работников угольной промышленности, я работала в их детском саду. Вы, конечно, не догадываетесь, что наш дом когда-то строили для угольщиков, потому в нем было тепло, а сейчас нарочно нас морозят, чтобы получить повод увеличить потом квартплату... В санатории лечилось много летчиков, так они все слетались, чтобы посмотреть на меня. Я была такая миленькая и выглядела как девочка, а не как замужняя женщина.

Подбегает к зеркалу, хватая с полки над вешалкой шляпку, надевает и на глазах пореженного Барнаулова превращается в хорошенькую девушку.

Барнаулов (*про себя*). Похоже, мне что-то не то вкололи...

Алевтина Фоминична. Мой муж был страшно ревнив.

Барнаулов. Как я его понимаю! (*Идет к своей комнате, пробует открыть дверь.*) Так, закрылась рыбка изнутри. Маргарита, открой, я вернулся.

Алевтина Фоминична. Ваша рыбка крепко спит, не добудитесь, деревенская здоровая кровь.

Барнаулов. И точно не добудишься.

Алевтина Фоминична снимает шляпку, а вместе с ней облик юной девушки.

Барнаулов. А я дурно сплю, тяжелые мысли мешают.

Алевтина Фоминична. Ой! Забыла вам сообщить приятнейшее известие! Вам в кассе дали два купона на скидку в ювелирном магазине...

Барнаулов. Напрасно! С дырой в кармане я по таким магазинам не ходок.

Алевтина Фоминична. Вы перебили меня!

Барнаулов. Прошу прощения, мадам.

Алевтина Фоминична. Два купона и один лотерейный билет. Ваша Маргарита попросила Федю билет проверить. И Федя проверил! Вы выиграли огромную сумму!

Барнаулов (*про себя*). Точно не то вкололи.

Алевтина Фоминична. Ваша Рита чуть с ума не сошла от такой новости. Признаться, я опасалась, она возьмет билет и спрячет... Или уедет...

Барнаулов. Маргарита? Никогда!

Алевтина Фоминична. Но билет зарегистрирован был на ваш телефон, вы касирше номер назвали. Значит, деньги можете получить только вы.

Барнаулов (*с опозданием удивившись*). И что... большой выигрыш?

Алевтина Фоминична. Я же вам сказала, огромный! И в связи с такой удачей вашей судьбы у меня к вам просьба: получив, займите немного Феде на учебу. Пусть не мечтает, что вы на всю выигрышную сумму купите белую яхту! Он получит образование, станет работать и долг вам вернет.

Барнаулов. Яхту? (*Помолчав*.) Если ваша новость окажется правдой, я все деньги переведу вам, Алевтина Фоминична. Для Феде. Мой сын с презрением отказался от отца — нищего философа, а в Феде трепещет живая душа, недаром его так интернет-вампир обхаживает. А яхту мы с ним сами построим. Мой дед был корабельных дел мастер, кое-чему меня успел научить.

Алевтина Фоминична. Вы должны оставить денег и себе.

Барнаулов. Себе возьму только на издание двух-трех книг по философии. И Маргарите — немного. А то конфет не на что купить.

Алевтина Фоминична (*растроганно*). Вы так поразительно спокойно, именно по-философски отнеслись к известию о выигрыше. Подтвердили: вы — благороднейший человек!

Барнаулов. Сейчас само слово «благородство» подвергли утилизации, а то, что оно означает, вызывает глумление. Мир перевернулся с ног на голову. А ведь такое положение весьма неустойчиво...

Алевтина Фоминична. И очень опасно: если долго стоять на голове, хватит удар.

Барнаулов. Пора бы одуматься.

Алевтина Фоминична. Представьте, Феденька вчера спросил, есть ли в шкафу рассказы Чехова. Конечно, есть. У меня сохранились даже дореволюционные сборники стихов.

Барнаулов. Признаюсь вам: я тоже писал стихи в юности, все больше о любви, и, что удивительно, помню каждую строчку до сих пор. Может быть, решусь и переиздам. Посвящу книжку Маргарите. Вот такое стихотворение, к примеру:

Любовь моя, не покидай меня,
 пусть ты всего лишь — вымысел высокий,
 лишь вдохновенья голос одинокий,
 беспомощный при ярком свете дня,
 ночами ты легко, как гамаки,
 в которых шечутся материки,
 раскачиваешь жарко океаны,
 ты оживляешь камни-великаны
 светящимся созвучием строки.
 Не покидай! Тащусь в оковах мук,
 в веригах скорби, вечный и блаженный,
 руном украшен бедным крови пенной,
 терзаем солнцем-истиной и мух
 не в силах отогнать рукою бледной.

Таким я был. Таким остался я,
летающий в самолетах и плывущий
на кораблях космических, зовущий
тебя, тебя, на ниточке вися
из собственных святающихся созвучий.
Любовь моя, не покидай меня,
не брось, как кость, реакции распада
мой дух живой, на совести распятый,
за прегрешения мои расплата,
что не видна ты в ярком свете дня,
но вдохновение да будет свято.

Ну, и так далее...

Алевтина Фоминична. Прекрасно!
Барнаулов. Ну что вы. Обычная юношеская рефлексия.

* * *

Утро. Выходит в коридор Алевтина Фоминична, видит, что у стюардессы распахнута дверь, подходит к двери и осторожно заглядывает в комнату.

Алевтина Фоминична. Пусто! И мебели нет! Неужели они рано утром съехали, а я не слышала? И велосипедов нет. Выходит, освободили жилплощадь. Нужно срочно сообщить эту неожиданную новость соседям (*стучит в их дверь*).

Барнаулов выходит в коридор, за ним Ритулька.

Барнаулов. Мадам, что за тревога?

Ритулька. Всю ночь плохо спала, только заснула...

Алевтина Фоминична. Посмотрите же! Вы, Рита, мечтали о второй комнате, и вот она (*показывает на распахнутую дверь в комнату стюардессы*). Они съехали! Вы можете занять освободившуюся жилплощадь.

Ритулька. Могли бы и не будить, я раньше вас узнала о таком счастье. Сегодня же перенесем туда часть вещей.

Барнаулов (*угрюмо*). Доверчивые вы люди, честное слово. Нужно узнать сначала, не была ли комната в собственности у этой чайки...

Алевтина Фоминична. Прошу вас, не подвергайте мою любовь к пьесе «Чайка» испытанию.

Ритулька (*огорченно*). А если в собственности, что тогда?

Барнаулов. Тогда они выставили свои метры на продажу, кто-то купит и въедет в нашу обитель.

Ритулька. Ужас.

Из своей комнаты выскакивает Федя.

Ритулька. Уехала твоя зазноба.

Федя (*улыбаясь*). Теть Рит, я знаю. Она мне прощальный смайлик с сердечком на дверь прикрепила.

Ритулька. Тебе, выходит, повезло, а вот всем нам худо будет, ежели купит какая-нибудь жаба ее комнату.

Алевтина Фоминична. Или... или бандит. Создаст нам невыносимые условия.

Ритулька. У нас долги к тому же висят. Выставят нас как миленьких на улицу.

Барнаулов. Это в лучшем случае.

Федя. Дядь Барнаулов, вы забыли про лотерейный билет! Вашего выигрыша хватит на покупку комнаты!

Ритулька. Ты — голова, Тедди! Сейчас принесу билет! *(Поспешно уходит.)*

Алевтина Фоминична. Нужно срочно получить всю сумму!

Федя. Объявление о продаже должно появиться на сайтах.

Барнаулов. Я хотел дать денег тебе, Федя, на учебу.

Федя. Большое спасибо, дядь Барнаулов.

Барнаулов. Помню, ты еще о кораблике мечтал... Построим вместе с тобой яхту!

Из своей комнаты выбегает Ритулька.

Ритулька. Не могу найти! На столе лежал, нету! На полу тоже нет!

Алевтина Фоминична. Рита, вы... вы... вы...

Барнаулов. Ты же в карман халата вчера положила, а не на стол! Сказала: так надежнее.

Ритулька *(от волнения заикаясь)*. М-может, я в коридоре из кармана в-выронила, а стюардесса, съезжая, н-нашла и п-прихватила.

Все застывают, глядя на нее.

* * *

Ночь. Тусклый свет коридорной лампочки. Звонок в дверь. В коридор одновременно выходят Алевтина Фоминична, Барнаулов и Ритулька.

Некто. Откройте!

Барнаулов *(подходя к двери)*. Кто?

Алевтина Фоминична. Не нужно открывать! Порядочные люди ночью будить людей не станут!

Некто. Откройте!

Алевтина Фоминична. Что это значит? Кто это, собственно говоря? Помню, в тридцать пятом году...

Барнаулов. В тысяча девятьсот семнадцатом, мадам...

Некто. Откройте!

Ритулька. Да пошел ты!

Из своей комнаты выходит Федя.

Барнаулов. Ну, мужчин теперь двое *(резко поворачивает движок замка и распахивает дверь)*.

В квартиру заходит Некто. Он в черном костюме и черной шляпе. В руках у него кожаная папка. Некто пристально смотрит на Барнаулова.

Барнаулов. Если вы за мной, так знайте, я к вашим мумиям больше ни ногой!

Некто, поворачиваясь, так же пристально глядит на Федю.

Федя. Чего вы? Ничего запрещенного я не смотрел и комментов никаких не писал. А если про порно, так меня от него вообще тошнит.

Некто делает шаг к Алевтине Фоминичне.

Алевтина Фоминична. Если вы хотите заставить меня расприватизировать комнаты, я категорически против! И вообще, кто вас вызывал, того и контролируйте! Барнаулов. Золотые слова.

Некто подходит к Ритульке.

Ритулька *(начинает рыдать)*. Не трогайте нас, люди добрые.

Алевтина Фоминична. Рита, не говорите глупостей.

Некто открывает кожаную папку.

Алевтина Фоминична *(гневно)*. Почему вы пришли ночью?!

Некто. Для нашей деятельности время дорого. Предоставьте жилые помещения для проверки с целью вынесения заключения.

Барнаулов. По какому праву? Покажите ваш документ!

Внезапно от Некто отделяются его двойники. Теперь Некто не один, их несколько. Первый заходит в комнату Федю, второй в комнату Алевтины Фоминичны, третий — к Барнаулову и Ритульке.

Федя. Они самокопируются.

Барнаулов. Чертовщина просто! Сейчас я их выставлю!

Федя. Дядь Барнаулов, не связывайтесь! Они сознание в виртуал утянут, а тело рассыплют на атомы. Я понял: они ночью приходят, потому что из черной дыры вылазят, преодолевая гравитацию, а дневного света не переносят. Оттого мне Stalk предлагал встретиться ночью.

Ритулька. Мне страшно.

Федя. Давайте спрячемся, пока они там!

Алевтина Фоминична. Я как честный человек не привыкла прятаться! Да и не боюсь никого. Все, кто вот так являлись, потом сами исчезали.

Но Федя уже бежит по коридору. Коридор вдруг становится очень-очень долгим, постепенно квартира скрывается в тумане. Отчетливо видна только дверь в комнату стюардессы.

Федя. Сюда!

Все четверо забегают в пустую комнату, закрывают дверь на замок.

Барнаулов. Переждем ненастье.

Ритулька *(обреченно)*. Дверь взломают.

Алевтина Фоминична. Между прочим, здесь за обоями имеется запасной выход. Я все квартирные ключи всегда держу при себе.

Ищет в кармане кофты и достает слегка поржавелый ключ.

Барнаулов (улыбаясь). Приоткрываются загадки истории.

Ритулька. Слышите? Они идут сюда!

Федя осторожно оттягивает зеленые обои, не очень плотно приклеенные в одном месте стены, за ними оказывается потайная дверь.

Ритулька. Туда! Скорее!

Барнаулов (наклоняясь). Стойте!

Алевтина Фоминична. Ну и пусть идут сюда, мы — честные граждане, бросим эти слова прямо им в лицо.

Федя. У них нет лиц.

Барнаулов. Что за бумажка? Глянь, Федор.

Федя. Ура! Билет!

Барнаулов. Точно он?

Федя. По виду — тот. Я записал номер, потом проверю!

Ритулька (смеясь сквозь слезы). Так вот где я, глупая, билетик выронила....

Барнаулов. Может, этот совсем и не тот...

Замок от потайной двери легко поддается ключу. Дверь распахивается. Открывшаяся идиллическая картина кажется фрагментом кинофильма, демонстрируемого на огромном экране. Синее небо с легкими белыми облаками, широкое светлое шоссе, летит на велосипеде светловолосая девушка, по обочинам весело зеленеют деревья, а вддали простирается тихо гудящее море с далеким белым штрихом паруса.

Барнаулов. Вот так и наша яхта, Федя, будет покачиваться на волнах.

Федя. А сможем, дядя Барнаулов, сами ее построить?

Барнаулов. Сможем. Головы и руки не подведут.

Ритулька. Слышите? Уже пытаются войти сюда.

Федя. Не бойтесь! Я поставил мысленную защиту на замок. Они долго будут с ним возиться.

Алевтина Фоминична. Вообще-то, совершенно не понимаю, почему мы должны бежать из собственного дома.

Барнаулов. Мадам, если не знаешь, чего ждать от ночных визитеров, умнее ждать худшего.

Ритулька. Ой, жуть какая, через дверную щель черные жуки лезут. И как мерзко шуршат!

Федя. Метаморфы!

Барнаулов. Оборотни!

Ритулька. Их тьма-тьмущая!

Барнаулов. Уходим!

Все жильцы коммунальной квартиры скрываются за потайной дверью.

Откуда-то появляются велосипеды. И вот уже по шоссе мчится Федя, за ним Барнаулов, которого обнимает сидящая на заднем сиденье Маргарита. Ее темно-рыжие волосы плещутся на ветру. Алевтина Фоминична в кокетливой шляпке и старомодном плаще крутит педали дореволюционного велосипеда «Arrow», но, как ни странно, не отстает.

А сверху — чайка летит, а внизу — рыба плывет...

ДЕСЯТЬ РАЗГОВОРОВ

Из подслушанного

I. БИЗНЕС

(Разговор двух неизвестных в самолете)

— Вы давно занимаетесь бизнесом?

— Давно. Многие годы был топ-менеджером в крупных компаниях. Двадцать один год рулю, как могу, своей фирмой. Я генеральный директор и единственный учредитель. Компаньонов у меня нет. Фирма у нас многопрофильная. Занимаемся консалтингом, рекламой, недвижимостью, издательством, телевизионными проектами и т. д.

— Это трудно быть бизнесменом?

— Кто может, тому легко. Формула любого бизнеса предельно проста: что-то недорого купить и дороже продать. Или так: что-то произвести и продать. Научить этому невозможно. Либо ты можешь, либо нет. Никакие оксфорды тут не помогут.

— Чем вы гордитесь как предприниматель?

— Я ни разу не задержал сотрудникам зарплаты, плачу исправно налоги, не опаздываю на встречи, не живу в роскоши, мои доходы сопоставимы с доходами моих работников.

— А если нет способностей к бизнесу?..

— И не нужно тогда им заниматься. Каждый должен заниматься своим делом, найти его, найти свой талант, максимально развивать его.

— Вы сторонник малого бизнеса или крупных корпораций?

— Я сторонник малого бизнеса. Я очень хорошо знаю, что человек, работающий на себя, работает лучше, чем наемный работник. Если хороший специалист в той или иной сфере имеет менеджерские задатки, ему, конечно, нужно открывать свое дело. Пусть небольшое, но свое. Бизнес помогает человеку эволюционировать, потому что настоящий бизнесмен не может никого обмануть. Если обманешь — от тебя уйдут и клиенты, и сотрудники. И тогда разоришься. Бизнесмен должен быть даже лучше, чем он есть на самом деле. А крупные корпорации я не люблю. Я считаю, что это уже не бизнес, а политика, а политика не бывает белой и пушистой.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, кинорежиссер, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Урал», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «День и ночь», «Подъем», «Дон», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева» и «Сура».

- Что самое приятное в бизнесе?
- Возможность что-то подарить близким людям.
- Это самое главное?
- Да.

II. ПОЭЗИЯ

(Разговор двух неизвестных в ЦДЛ)

- Что такое, на ваш взгляд, поэзия?
- Высшая форма искусства. Лучшие слова в лучшем порядке. Это уже сказано давным-давно и до меня.
- А много хороших поэтов?
- Очень мало. Более того, даже у хороших поэтов совсем немного хороших стихов. Если ты остался в русской поэзии одним стихотворением, это уже прекрасный результат. Я считаю, что вершина Иннокентия Анненского — это «Среди миров», лучшее стихотворение Александра Кочеткова — «Баллада о прокуренном вагоне», шедевр Иона Дегена — «Валенки»... Этих стихотворений вполне достаточно для того, чтобы говорить о перечисленных поэтах как о великих мастерах.
- Я думаю, сейчас в нашей стране поэтический бум. Все пишут стихи.
- Более того, у любого графомана — теперь армия поклонников в социальных сетях. Чем безнадежнее графоман, тем армия поклонников больше.
- Это странно...
- Не думаю, что это странно. Чтобы понять хорошего поэта, надо быть ему равновеликим. Чем проще автор, тем у него больше читателей. Это нормально, как говорил герой одного популярного фильма.
- Но люди все-таки любят настоящую поэзию.
- Какая наивность — думать, что читатели любят поэзию. Читатели любят простые, незатейливые рифмованные тексты. Особенно — когда их поют под гитару. Ничего тут удивительного нет.
- Назовите ваших любимых поэтов!
- У меня нет любимых поэтов. Но есть любимые стихи различных авторов. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (Пушкин), «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» (Блок), «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (Бунин), «Во всем мне хочется дойти...» (Пастернак), «Тихо летят паутинные нити...» (Рождественский)... Долго перечислять.
- Вам помогает поэзия жить?
- Да. Это мое спасение.

III. ПИСАТЕЛИ

(Разговор автора и издателя-типографа)

- Выгодна ли сейчас профессия писателя?
- Такой профессии сейчас вообще нет. Журналы и газеты не платят. Они сами еле сводят концы с концами. То есть литературным трудом прокормиться невозможно. Значит, и профессии писателя нет.
- А как же тогда выходят книги?
- Есть гранты от различных фондов, от государства. Есть меценаты, хоть их совсем немного. А большинство книг издается за счет средств авторов.
- То есть книги есть, а профессии нет?

- Да, именно так. Хотя хорошие писатели до сих пор существуют.
- Какой писатель, на ваш взгляд, хороший?
- Хороший писатель — это писатель, заказавший в моей типографии тираж своей книги.
- А очень хороший писатель?
- Очень хороший писатель — это писатель, заказавший в моей типографии две (или более) своих книги.
- Какой писатель, на ваш взгляд, плохой?
- Плохой писатель — это графоман, у которого нет денег.
- А очень плохой писатель?
- Очень плохой писатель — это графоман, у которого нет денег, но он просит, чтобы все равно его издали. Есть еще и отвратительные писатели.
- Это кто такие?
- Это графоманы, у которых, по их словам, нет денег, но они все равно выпустили книги в другом издательстве.
- Вы можете говорить серьезно?
- Могу.
- Как войти в историю литературы?
- Никому этого не посоветую. Это очень опасно. Дело в том, что любой известный писатель на каком-то этапе воюет с государством. И только потом его признают. Примеров много. Достоевский и Короленко, Солженицын и Аксенов...
- А можно изменить ситуацию? Можно сделать так, чтобы писателей опять читали? Чтобы у журналов были большие тиражи?
- Конечно, можно.
- Интересно, как?
- Очень просто. Надо отменить Интернет, смартфоны — и тогда все вернется на круги своя.
- А иначе нельзя?
- А иначе нельзя.

IV. КИНО

(Разговор двух неизвестных в Доме кино)

- Какие фильмы в последнее время вас порадовали?
- Никакие.
- Вы не любите кино?
- Очень люблю. Но у меня свой взгляд на кинематограф. Я считаю, что кино — это великое искусство, а не развлечение, не бизнес.
- Какие ваши любимые фильмы?
- «Цвет граната» Параджанова и «Зеркало» Тарковского.
- Это все?
- Да, это все. Я считаю, что рассказывать кинематографическим языком какие-то истории — это путь, недостойный искусства. Есть много крепких мастеров-кинематографистов, но подлинных художников мало. Художник никого не развлекает. А говорит с собой и с Богом.
- Но ведь над художником (режиссером) всегда стоит продюсер.
- Идеальный вариант, когда режиссер сам является продюсером. И снимает то, что считает нужным. Не думая о том, вернет он потраченные деньги или не вернет.
- Но так бывает, наверное, очень редко.
- Это то, к чему надо стремиться.

V. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

(Разговор неизвестных молодой женщины
и пожилого мужчины за обедом в доме отдыха)

-
-
- В чем, по-вашему, смысл жизни?
 - Мужчины или женщины?
 - Мужчины.
 - Смысл жизни мужчины — разбрасывать семя... Если говорить фигурально.
 - Оплодотворить как можно больше самок?
 - Да.
 - А смысл жизни женщины?
 - Выбрать лучшее семя. Лучшего самца. Чтобы он защищал ее и ее потомство.
 - Неужели все так примитивно?
 - Это не примитивно. Это божественно. Так задумано не нами.
 - Хорошо. Но ведь тогда возникают неизбежные проблемы. Где нам, женщинам, найти столько сильных самцов?
 - Выход один — полигамия. Мусульманство — в этом смысле очень мудрая религия.
 - Но мы-то живем в Москве. Здесь пока еще христианская культура...
 - Вы уверены? Я — нет. Очень многие сильные самцы живут по законам мусульманства, я имею в виду — многоженство. Правда, незаконное.
 - Все, что вы говорите, меня слегка шокирует. Вы циник...
 - Что вы?! Я романтик. Я люблю жизнь, люблю женщин, детей... У меня много друзей. Я обычный человек. Просто называю вещи своими именами. Но лучше расскажите о себе! А то я вам совсем голову заморочил.
 - Я, как водится, приезжая. Приехала из Алтая. Снимаю квартиру на Коломенской, работаю в школе. Даже и не думала, что окажусь в Москве. Как-то так все само вышло.
 - О чем мечтаете?
 - Мечты мои просты. Мечтаю о семье, о доме. О муже, которого смогу воспитать.
 - А почему не замужем? С вашими-то данными...
 - Что вы имеете в виду?
 - Красоту, конечно.
 - Спасибо. Но может быть, это и пугает? Отталкивает мужчин? Да и вообще, трудно выбрать... Не ожидала, что в Москве столько психов, алкоголиков и голубых.
 - Хотите, я вам дам совет, как выбрать правильного мужчину?
 - Конечно, хочу. За такой совет, наверное, можно получить Нобелевскую премию.
 - Мне достаточно вашего внимания.
 - Очень интересно. Итак, ваш совет!
 - Имейте дело с предпринимателями. С людьми, которые занимаются своим делом. Пусть у него крошечная фирма, два человека, но своя. Пусть он занимается частным извозом, но на своей машине. Вот с такими людьми можно иметь дело. Потому что они отвечают за себя, за свои слова. А следовательно, и за других.
 - А топ-менеджер в крупной фирме?
 - Не отвечает. Задача топ-менеджера — как можно меньше ошибаться. Значит, как можно меньше работать. Более того, любой топ-менеджер — вор.
 - То есть?
 - Топ-менеджер — это откаты, поиск выгоды для себя за деньги хозяина. Топ-менеджер всегда что-то ворует.

- Например?
- Например, когда в рабочее время решает свои вопросы. Тогда он ворует у хозяина время.
- Неужели не бывает исключений?
- Бывают.
- А среди предпринимателей не бывает скотов?
- Бывают, конечно. Но в целом бизнес воспитывает. Ты должен быть хорошим и для заказчика, и для исполнителя. Иначе просто разоришься. Клиенты будут давать мало заказов, а исполнители не смогут (не захотят) их (даже их!) выполнить. Бизнесмен обязан учитывать баланс интересов. Это как раз то, что нужно и в семье.
- А любовь и влюбленность — это разные категории?
- Абсолютно. Но взаимосвязанные. Влюбленность может перерасти в любовь. А любовь — во влюбленность.
- Что такое любовь?
- Любовь — это когда альтернатива невозможна. Это когда один, сам по себе, без своей половины — ты не человек.
- А влюбленность?
- Это первый этап любви. Кстати говоря, очень важный.
- Я думаю, что вы противоречите себе. С одной стороны, вы утверждаете, что смысл жизни мужчины — оплодотворить как можно больше самок, а с другой стороны, говорите, что без своей половины человек — не человек.
- Противоречие, безусловно, есть. На то он и человек, что в нем есть и зло, и добро. Человек не ангел. О том, что такое любовь, понимаешь не сразу, и правильно жить начинаешь не сразу.
- Когда жизнь уже идет к финалу?
- Увы, вы опять правы.
- Если бы начать все сначала, каких ошибок вы бы избежали?
- Я бы никогда не разменял свою любовь на множество влюбленностей. Создал бы большую семью. И жил бы только для нее. Все остальное, как я сейчас понимаю, не имеет большого значения.
- А сколько вам сейчас лет?
- Шестьдесят.
- Понятно.
- И мне, к сожалению, тоже все понятно.

.....
.....
.....

VI. ВСЕ ХОРОШО

(Разговор двух неизвестных в парке на скамейке)

- Вы написали множество книг. Какая из них для вас самая главная?
- Та, что я пишу сейчас.
- О чем она?
- О том, как преодолеть боль в мире боли.
- И как?
- Писать книгу об этом. Это вид автотерапии.
- Вы поэт, прозаик, литературовед, издатель, кинорежиссер... И все-таки кто — прежде всего?

- Сын, муж, зять, отец, тесть, дедушка.
- Что вам удастся лучше всего в жизни?
- Выращивать огурцы.
- А еще?
- Выращивать помидоры, груши и виноград.
- А еще — в глобальном смысле?
- Не знаю.
- У кого вы учились?
- У всех.
- И у подлецов?
- Я не встречал подлецов. Я встречал людей, совершавших иногда подлые поступки.
- И у таких людей учились?
- Да.
- А чему у них-то?
- Как нельзя себя вести.
- А сами каких поступков совершили больше — хороших или плохих?
- Я не уверен, что совершал хорошие поступки. И уж точно — не мне об этом говорить.
- Что для вас сейчас самое важное?
- Увеличивать территорию добра, тепла и света. Помогать тем, кто рядом. Испытать свои грехи.
- Вы боитесь смерти?
- Я не знаю людей, которые не боятся смерти. Но там есть люди, которые меня ждут. И я их жду. Очень. Поэтому все хорошо.

VII. ФУТБОЛ

(Разговор двух неизвестных на стадионе «Динамо»)

- Вы всерьез интересуетесь футболом?
- Конечно. Я ведь и сам играл, у меня первый взрослый разряд. Я был и левым хавом, и центральным нападающим.
- А что вы думаете о современном российском футболе?
- Я стараюсь о нем не думать. Иначе я сойду с ума.
- Почему?
- Потому что это не российский футбол. Недавно смотрел матч «Динамо» — «Спартак». За «Динамо» (я за эту команду болею с детских лет) играло три наших соотечественника. Остальные — иностранцы. И тренер — иностранец. Я уже не говорю про «Зенит». Там вообще большинство — бразильцы. А где наши ребята? Где наша молодежь? Ведь работают (и успешно работают!) спортивные школы, клубы... Мы сами себя лишаем будущего.
- Но ведь зрелищность футбола увеличивается, когда играют бразильцы...
- Пусть бразильцы играют в Бразилии или в других странах. А нам-то они зачем? Мы и в международных официальных матчах сейчас не участвуем. Только деньги на ветер выбрасываем...
- Да, футбол — это деньги, большой бизнес.
- А я привык думать, что футбол — это народная игра. Мы в детстве-юности играли за клубные команды вообще бесплатно. И всей душой любили наш вид спорта. Большая эта для меня тема — футбол.
- Хорошо, я понял. Не буду вам больше задавать вопросов.

VIII. ПОЛИТИКА

(Разговор двух неизвестных в кафе)

- Можно с вами поговорить о политике?
- Нет никакой политики.
- А что же есть?
- Есть бизнес, экономика, интересы государств и транснациональных корпораций.
- Кто же тогда все эти президенты, премьер-министры?
- Наемные топ-менеджеры. Я об этом писал еще тридцать лет назад. Грубо говоря, макроны приходят и уходят, а ротшильды остаются. Кстати, Макрон ранее работал в банке Ротшильда.
- А как в России?
- Пожалуйста, следующий вопрос.
- Когда закончится война?
- Война идет всегда. В той или иной форме. Потому что войны и революции — это самый выгодный бизнес.
- Что же нам всем сейчас делать?
- Молиться. И заниматься своим делом.

IX. КОШКИ И СОБАКИ

(Разговор двух неизвестных на дачном участке)

- Зачем вам столько кошек и собак?
- Я люблю их. Они ни разу меня не предавали.
- А где вы их взяли?
- Некоторые сами пришли. Некоторых нашел — на помойке, на стройке.
- Кого вы любите больше — собак или кошек?
- Одинаково.
- Есть какие-то особенные предназначения у котов и кошек?
- Конечно. Кошка — это неустанная добытчица. Именно кошка ловит мышей, приносит мне их на кухню, чтобы я не умер с голода. Сто раз ей говорил, что я не ем мышей, но кошка ничего слышать не хочет. И свое дело знает очень хорошо. Я для нее почти что котенок. А кот, например, кот Пушистик, скорее, доктор. Он всегда чувствует, где и что у меня болит. Ложится рядом со мной, греет мне бок, спину. Греет душу.
- У вас я вижу собаку, похожую на волка. Как ее зовут?
- Нэнси. Мы ее нашли с моей соседкой Надей. Собака была раненая, с перебитыми лапами, лежала на улице. Мы ее принесли домой и выходили — лечили месяца два. Недавно приходил знакомый ветеринар, сказал, что это смесь хаски и волка. И что она теперь полностью здорова. Нэнси — это само совершенство. Верная. Интеллигентная. Добрая. Голубоглазая. Красивая. Когда входит в дом, моет в специальной миске лапы. Никогда не лает. Но не дай бог, кто-нибудь на меня косо посмотрит. У нее очень выразительный взгляд... Когда меня долго нет дома, она воет. Как настоящая волчица. Но сейчас она воет очень редко, потому что у меня появились другие собаки, и Нэнси теперь в большом и дружном коллективе.
- Вам нравится заботиться о ваших домашних животных?
- По-моему, это они заботятся обо мне. Без них мне было бы совсем грустно.

X. БУДУЩЕЕ

(Разговор двух неизвестных на даче у камина)

- Как вы думаете, есть жизнь после жизни?
- Умрем — увидим.

Дмитрий ЛАРИОНОВ

НЕСГОРАЕМЫЙ СВЕТА ПОТОК

ЧЕРЕЗ ОГНИ И ОБЛАКА

*«В кино с восьмого октября» —
была афиша у «Орленка»,
ночной почайнский овраг
под ветхим небом. Волга.
Он говорил про «Меришор»:
«Забыть? Ага. Мы точно помним», —
чуть зачерпнул, потом ушел.
Хотел курить «Родопи».*

На кладбище дал сигарет,
забил снежком пустой стаканчик.
Прошло каких-то десять лет
с тех пор, а с ним иначе:
лампады блик, молчанья хор.
Там все упало в постоянство.
Свет — неогляден для него —
перетекли пространства.

Но может быть, в той долготе
играют песенки «Хронопа»:
сидишь на солнечной траве,
а к Богу в гости стопом —
через огни и облака.
Такой сомнительный попутчик.
Или небесный BlaBlaCar.
Наверное, так лучше.

Дмитрий Ларионов родился в 1991 году в городе Кулебаки Нижегородской области. Окончил Институт филологии и журналистики в Нижнем Новгороде. Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Дружба народов», «Урал», «Интерпоэзия», «Юность», «Плавучий мост», «Кольцо А», сербских альманахах «Летопись» и «Новый духовный мост», а также на различных интернет-порталах. Финалист премии «Лицей» в номинации «Поэзия». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

* * *

Сумрак был из узоров озона
(и над ним пограничный колпак),
где в потоке сухого сезона
колокольчик снимает рыбак.

«Вот подумай. Судьба торопила?» —
скажет кореш, в ладонь не дыша.
<...> А прозрачная флейта Тропилло
с двух альбомов поныне слышна,

в этом принцип застрочного звука.
Для иного нам — плеер Hi-Fi.
Кто-то выдумал термин «разлука»,
поместив его в гербовый файл.

<...> Если дождь, если белые ночи
(или сумрак в панельном лесу)...
для тебя просто так, между прочим,
колокольчик оставлю внизу.

ВРЕМЕНА ГОДА

Окно опять выходит на закат;
а помнишь лето? Ласточки кричали
перед грозой. Я помню облака.
И варежек, промокших от печали,

вдыхаю запах. Некому сказать
(зрачок в зрачок): ты непреодолима.
И всякий раз, когда спешит гроза,
апрель во мне — глоток смолы и дыма —

находит высь за сеткой альвеол.
Но ярок снег; я дальше не расслышал:
— Тебя Господь подрезал — и обвел
в слепой кружок, наверное. Так вышло.

Перед грозой запомнил облака
(бежал октябрь на кисточке печали).
Я только рядом был. И не вникал,
что именно они обозначали.

* * *

Утро на Черной речке.
Птица над неживой водой.
Глаз золотая свечка
свяжет ягодой молодой

(стает святой морошкой),
где — от выстрела в январе —
мили сверстает лошадь.
Вечной музыки акварель

хлынет золой за ушко.
Рядом ангел *(пыльца в руке)*
скажет: «А это Пушкин».
Солнце на ледяном цветке.

ПАМЯТИ ОЛЕГА МАКОШИ

Кому звонил? Володе, Жанне.
Светил онлайн, затем погас.
Заматерел в трагичном жанре
Покровки пагубной Пегас

(не сквознячок от водки дикий —
по саже сердца, может, гул?),
и неподвижны две гвоздики.
Играет время на иглу —

теперь оно — в твоей рубашке,
оно и есть иная ткань
(непостижим вороний кашель,
пчелой качание цветка

недосягаемо). Но в счастье
за кадром память не храним.
Я ломтик сна пустил на части.
Пусть перечеркивает дни

воскресный поезд на перроне.
Куплю шеллаковый альбом,
в котором август — или море —
оно не помнит ни о ком.

* * *

Оплывает сквозь линии дождь
(не указано время и место),
он походит на выцветший «Додж».
Я поставлю тебе Тома Уэйтса.
Сосчитаю немислимых птиц

<...> и замру (*проявляется ворон*).
Из глубин цифровых единиц
сдвину август. Июль уже полон.
Просто надо случайный билет
променять на конечный. В итоге

одну жизнь обретишь на Неве,
но другую — оставишь на Волге.
<...> И к тому же увидишь Урал
(*а в Челябинске выпьешь с поэтом*).
Про любовь отвечай, что украл.

Остальное — ни слова — об этом.
Буду ждать под зонтом у «КБ»,
ну а после — такси на Севкабель.
Свет всегда умножает пробел,
если дождь — вычитание правил.

НЕМИНУВШЕЕ ЛЕТО

Мне напости (*в мгновения дыма
не сдвигая пыльцу со стола*),
как ложилось на зеркало имя
от помады твоей, и могла
в синих сумерках долгого груза
возникать ледяная гроза.

Заплетай — эту музыку в узел,
увози на последний вокзал.
Просто хочется помнить, хмелея,
и чертой до тебя донести —
за слезу — середину апреля,
осязаемый пепел в горсти.

Мне напости (*в мгновения дыма
не сдвигая золу на столе*),
что звезда до сих пор поправима,
а цветок не обучен гореть.
Пусть гитара, воздушная флейта
переводят в обратный итог

навсегда н е м и н у ш е е лето,
несгораемый света поток.
Если в памяти растров хранима,
не скажу ничего. Насовсем.
...И полынь большеглазого дыма
только мне одному, а не всем.

Анна БАНЩИКОВА

СОЛОН-ГОЙ

Главы из повести

Я поеду во Китай-город гулять!..

А. Н. Островский.

За чем пойдешь, то и найдешь

До путешествий я не большая охотница, но однажды мне позвонила школьная подруга из Улан-Удэ и предложила подумать о работе по контракту. Что? Танцы живота преподавать. Где?! В Поднебесной. Вот это поворот... Сама она ехала туда работать учителем музыки в одном из недавно открывшихся культурно-образовательных центров и приглашала составить ей компанию.

Конечно, это была авантюра. «Я научу китаек танцевать, но кто их перестать заставит?» — веселилась я, когда соглашалась на это предложение. Сертификат Восточного института, что у нас на Васильевском острове, я получила лет пятнадцать назад и с тех пор периодически веду такие занятия. Это не основная моя профессия, но учить я умею. Долгое время в школе преподавала литературу, а сейчас зарабатываю репетиторством. Русская литература и арабские танцы — это немножко разные предметы, но «лаошй» (учитель), так он, как говорится, и в Китае «лаошй».

Было решено, что сначала я долечу до Улан-Удэ, потом сяду в проходящий там раз в неделю поезд Москва—Пекин и через Монголию доеду до приграничного китайского городка Эрлянь, где меня будет ждать моя подруга, которая к тому времени уже полгода работала в Китае. Мы собирались отпраздновать встречу в привокзальной гостинице, а на следующий день, уже на местном поезде, отправиться к месту назначения в город Солон-Гой. Конечно, мне было бы проще лететь сразу через Пекин, но я хотела по дороге навестить места своего детства, папину могилу, погостить у старых знакомых, а если повезет, то и на Байкал выбраться. Ну а потом уж — в Китай.

«Танцы живота?! — удивился тогда знакомый писатель. — Такая утонченная порочность в коммунистическом Китае? Председатель Мао ворочается в своем мавзолее!» Я отвечала беспечно: «Да какая там порочность? Одна „пьюля“, красота поихнему». Однако на первом же открытом уроке меня насторожило, что переводчица не смогла перевести мои вступительные слова о самовыражении в танце и женской

Анна Михайловна Банщикова родилась на Кубани. Автор трех поэтических сборников и книги учительских записок. Соавтор книги «Утренние рассказы» и пьесы «Живет моя отрада». Рассказы, статьи, стихи и поэтические переводы публиковались в различных художественных изданиях, в номерах альманаха издательства «Юолукка» «Океанус Сарматикус», журналах «Нева», «Новый берег».

индивидуальности. Когда же я, рассказывая о популярности беллиданса, по привычке употребила словосочетание «в западных странах», насторожились китайские начальники. Теперь-то я понимаю, что Восток — это дело не столько тонкое, сколько относительное. Для нас, например, беллиданс — это восточный танец, а для них — западный. Причем не только территориально, но (и это главное!) идеологически. Примерно как джаз для Советского Союза. Он, конечно, у нас был, но не для всех. И уж, наверное, ему не обучали в культурно-образовательных учреждениях. Через четыре месяца мы расторгли наш годовой контракт, и уже в декабре 2018 года я вернулась в Петербург, а потом и домой, в Приозерск.

Поздравляя друзей из разных стран с Новым, 2019 годом, я выложила в сети фотографии своих любимых рождественских открыток. Их когда-то подарили мне милые колумбийки, которые учились с моей мамой в ленинградской аспирантуре. Помню, я спросила тогда, что означает эта картинка с людьми на верблюдах и почему ее дарят на Новый год. И впервые (в возрасте десяти лет) услышала историю про волхвов и звезду. Вот как распространяется просвещение! Дух веет, где хочет: и Евангелие может прийти из Боготы, и беллиданс — из России.

Возможно, мой опыт преподавания этого предмета был единственным не только для Солон-Гоя, но и для всей Поднебесной. Однако надеюсь, что когда-нибудь и Китай откроется миру, в котором уважают отдельного человека и понимают значение слов «самовыражение» и «женская индивидуальность». Китайское приветствие «Ни хао!» буквально переводится «Ты хороший!». А вот при расставании все уже просто говорят «Бай-бай!». Несмотря на причины, по которым пришлось прервать наш договор, я с теплым чувством вспоминаю своих китайских учениц и надеюсь, что они полюбили танцы живота и теперь уже никто не сможет «их перестать заставить». Бай-бай, Китай! Будь хорошим.

Кстати, у одной из тех колумбийских женщин, которые привезли в СССР рождественские открытки, я видела уже тогда щипчики для завивки ресниц. Не правда ли, какая утонченная порочность?

А если серьезно, то мне большей порочностью кажется молчание китайцев в ответ на вопросы. Я так и не смогла привыкнуть к этой особенности. Раньше я думала, что если человек вдруг замолкает во время разговора, то он или обиделся, или не может подобрать слова, чтоб ответить. В Китае же такое молчание в порядке вещей, оно всего лишь означает, что на этот вопрос тебе просто не хотят отвечать. И неважно, что ваш разговор деловой, а вовсе не касается личной жизни, как можно было бы подумать.

О своей поездке я, честно говоря, писать не собиралась. Сколько такого добра уже написано! Но даже спустя полгода после возвращения я постоянно слышала вопрос: «Ну, как съездила?» Для меня остается большой загадкой, почему Китай так сильно интересует людей. Когда в ответ на расспросы я начинаю, например, показывать фотографии дорожных пейзажей (которые хороши, конечно, но отличаются только уровнем холмистости, цветом почвы и наличием или отсутствием баранов), то между мной и собеседником почти всегда происходит примерно такой диалог:

- Это уже Китай?
- Нет, это еще Бурятия.
- А это уже Китай?
- Нет. Это Монголия.
- Ну а это-то Китай?
- Да, это Китай.
- Как интересно!

Поэтому я решила все-таки написать свои «записки китайской танцовщицы» и сделать это как можно скорее, пока не закончились все заработанные там юани. Но для того, чтоб о чем-то писать, нужно отдалиться от этого предмета. А как отдалиться от Китая, если он был тогда везде, буквально на каждом шагу? Китайцы в 2019 году заполнили все наше общественное пространство настолько, что Москва и Петербург отличались от китайских городов уже только архитектурой. В начале 2020 года, во время московской поездки, я заметила, что даже на вокзальных табло рядом с русскими уже светились надписи не на английском, как раньше, а на китайском языке.

И потом началась эпидемия. Все эти ограничения, «масочный режим», полное неведение настоящих причин происходящего, неуверенность в любой доступной информации и смутные догадки о будущем напоминали то положение, в котором я пребывала в Поднебесной. В этой обстановке (пусть не Болдинской осени, но Приозерской весны) я смогла отправить в печать собранную еще в Китае книгу стихотворений «Листья дикого винограда». Улучив окошко между всеобщими карантинами, съездила летом за ее тиражом в Москву и провела во дворе музея А. Толстого ее презентацию. А про Китай ни вспоминать, ни писать не хотелось.

Прокатилась целая череда родственных смертей, в том числе и от китайской разры. Умерли обе мамыны сестры, младшая на Кубани и старшая здесь; папина племянница с мужем в Иркутске и его сестра в Черняховске. Тяжелое состояние мамы после долгого ухода за теткой, а потом и моя собственная болезнь не позволяли думать ни о чем, кроме насущного. Так прошли все сроки, которые я поставила себе в начале работы над этой повестью. И боюсь, что по-настоящему вернуться к ней мне уже не удастся. Поэтому в качестве продолжения я решила просто опубликовать очерк о своей дороге в Китай, написанный еще в Солон-Гое, и выбранные места из китайской переписки. Я только хотела выполнить обещание — рассказать про свой Китай.

Если кому-то моя поездка все еще кажется увлекательной, то надеюсь их в этом разочаровать и утешить тех, кто не успел побывать в Китае до того, как весь мир узнал страшные слова «Ухань» и «ковид-19». Я покинула Поднебесную за год до этого несчастья, которое меня, конечно, огорчило, но не удивило так, как удивило людей, никогда там не бывавших. Возможно, они найдут здесь ответы на какие-то свои вопросы или просто совершат воображаемое путешествие на восток, пребывая в это время дома, в чистоте, среди родных и близких. Ведь говорил же Лев Толстой, что настоящие мудрецы путешествуют, не марая своих ботинок. Очень может быть, что еще долго многие из нас будут такими вот мудрецами, вынужденно отказавшись от путешествий по миру, который в одночасье опять стал дискретным.

Прошло пять лет с тех пор, как я совершила свой «полет в прошлое» и думала, что мой роман с Востоком на этом закончен. Но оказалось, что роман этот закончить нельзя, конца ему вообще не предвидится. Что касается именно Китая, то он стал близок, как никогда. Отдалиться не получилось. Все западное у нас уже вызывает подозрение, но главное, вопросы, на которые никто не собирается отвечать. И та поездка представляется теперь не просто событием частной жизни, а как бы предвестием нашего общего разворота на восток.

III. ЭРЛЯНЬ

— Постой, не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай.

А. Н. Островский.
За чем пойдешь, то и найдешь

Когда я впервые услышала название города Эрлянь, оно показалось мне похожим то ли на Орлеан, то ли на Инь-Янь, в общем, на что-то экзотическое и очень интересное. Теперь же это слово стало для меня символом сомнительного решения, этакой точкой невозврата, после которой ничего не остается, как только продолжать начатое, с тревогой ожидая, к чему приведет это продолжение. Вспоминая свою дорогу, я думаю о том, как много было эрляней в нашей жизни. Впрочем, обо всем по порядку.

Проводил меня сыночек в аэропорту Пулково и, наверное, вздохнул с облегчением. Ох, и досталось ему хлопот с моими документами для оформления рабочей визы! Но мне самой ни за что было бы не справиться с этими китайскими грамотами. Да и без дочкиной поддержки вряд ли эта поездка состоялась бы. Ведь это она организовала для китайских работодателей видеосъемки моих танцев и фотографии в концертных костюмах. Не знаю, стоила ли овчинка выделки, но одно несомненно: дети мои хотят, чтобы их мать не кисла, а получала новые впечатления, осваивала что-то незнакомое, преодолевала... В общем, не старела чтоб, шевелилась.

Кстати, о впечатлениях. Десятичасовой перелет из Петербурга в Улан-Удэ с пересадкой в Домодедове не произвел во мне никакого действия. В том смысле, что новых стихов в полете я не написала и старых не доработала. Обычно, когда лечу одна, в самолете что-нибудь сочиняю. Делаю вид, что я здесь никуда и не лечу совсем и бояться мне нечего, да меня тут и нет вовсе, я о другом думаю. Как правило, это срабатывает, и я приземляюсь «с уловом». Но почему-то не в этот раз. Несмотря на то, что вылетела я в «роковую» пятницу (13 июля), страшно совсем не было. Это, конечно, плюс. Но и со стихами — ноль. Видно, есть и другой закон: в полете смелый стихов не пишет. <...>

Если лететь от Москвы на восток, то (не прямо по курсу, а чуть справа) часа через три под крылом самолета должен быть Целиноград. Здесь мои родители после своего «хождения в народ» в Приморском крае принялись «поднимать целину». Они ездили в командировки по всему Казахстану, открывали какие-то курсы, кинотеатры, организовывали разные клубы и библиотеки, устраивали художественные выставки. Как-то мама вспоминала о своей жизни на целине, и моя дочка, услышав, что горячей воды там вообще не было, а холодную «давали по часам», удивленно спросила:

— А зачем вы туда поехали?

Бабушка, помню, смеялась до слез.

Но рассказывала мама в основном о «классовых боях» в Целинограде. Например, о том, как однажды на демонстрации вся колонна культработников прошла по площади не с портретами членов Политбюро, как было положено, нет, они несли высоко над головами голубые книжечки журнала «Новый мир» Твардовского. В другой раз их компания (а это практически вся творческая интеллигенция города) демонстративно ушла с общего собрания, где нужно было одобрять «борьбу партии с абстракционизмом». На следующий же день в газете «Известия» появилась огромная обличительная

тельная статья под названием «Наглая вылазка», в которой, разумеется, говорилось о «стилягах» и «раскрашенных девицах», которые «попытались протащить в нашу жизнь свои западные ценности». Потом начались разбирательства...

Этого города давно уже нет ни на карте, ни вообще на земле. Сейчас в том месте столица одной из стран ближнего зарубежья. А где-то рядом по-прежнему есть небольшой промышленный городок под названием Темиртау, что в переводе означает Железная гора. Там мы оказались после того, как вся эта компания молодых целинников разъехалась по разным городам Советского Союза. Одних вынудили уйти с работы, другие сами уволились в знак протеста. Бои с партократией за свой новый мир они, конечно, проиграли.

Темиртау был нашим временным пристанищем, поэтому даже книги, занимавшие целую комнату в новой квартире, лежали неразвязанными. Это был 1968 год, мои родители находились в удрученном состоянии, и я до ужаса боялась, что меня когда-нибудь забудут забрать домой из детского сада. Но однажды этот унылый город исчез из моей жизни. Летом меня, как всегда, увезли к бабушке на Кубань, а осенью привезли уже в Улан-Удэ, где родителям предложили преподавательскую работу и дали комнату в институтском общежитии. Да, они продолжили свое движение на восток за каким-то общим светлым завтра.

Но не будем забегать (вернее, залетать) так далеко вперед. Дальше я пролетела над маленьким Горно-Алтайском. Из самолета он совсем не виден, но я знаю, что там внизу есть центральная площадь с памятником Ленину, где меня принимали в пионеры. Тетя, у которой я тогда жила, забыла купить мне для этого синюю юбочку со складкой на боку, как у всех девочек, и я одна стояла в строю в короткой танцевальной юбке. Это даже не юбка была, а просто два квадрата ткани на резинке, что так не шло к белой форменной рубашке и пионерскому галстуку... Прощай, Горно-Алтайск, мои дети уже не будут пионерами.

Впереди у меня был полет над Байкалом, который всегда впечатляет. Я сделала несколько кадров, и телефон запечатлел крыло самолета над необозримой водной гладью, в которой отразился какой-то совсем небывалый небесный свет. Вскоре мы приземлились в столице Бурятии — городе Улан-Удэ. Когда самолет заходит на посадку, я всегда узнаю наш район за сверкающей на солнце рекой Удой (потому он так и называется — Зауда), зеленую ниточку бульвара Карла Маркса и желтый коробок общежития.

С этим городом, а точнее, с районом бульвара Карла Маркса в этом городе у меня связаны самые, пожалуй, душевные воспоминания первых школьных лет. В те годы я была уверена, что Карл и Маркс — это такие неразлучные друзья (совсем как мы с Маримой), что в честь их прекрасного союза нашему бульвару и дали это двойное имя. А потом, чтоб не было уж никаких сомнений, построили здесь кинотеатр и назвали его «Дружба».

В аэропорту встретил меня муж Маримы Амгалан и сразу предложил остановиться у них в квартире, сам он летом живет на даче. Их новый дом построен на бывшем пустыре, как раз на том счастливом пятачке моего детства, между кафе «Саяны» и бульваром Карла Маркса, куда выходило окно моей комнаты и где мы с Мари часто играли. Но я обещала погостить у подружки Галки, и Амгалан отвез меня к ней, как говорят местные, «в кварталá». Галка к тому времени получила на почте тяжеленный ящик с моими зимними вещами, который из-за веса я не могла взять с собой в самолет, и поджидала нас с горячими буузками и холодной водкой. Амгалан был за рулем, поэтому долго не задерживался. Дальнейшее я описывать не стану, к делу оно не от-

носятся. С Галкой мы видимся редко, но метко. И темы наших разговоров всегда важные, а сами разговоры продолжительные. От радости встречи я забыла, что пить водку наравне с бурятками для меня — смерти подобно. Поэтому когда на следующий день мы с ней поехали на кладбище к моему отцу, я думала, что и мне там уже самое место.

Находится кладбище за городом, высоко на сопке, солнечно, хвоей пахнет... Мы не сразу нашли папину могилу, цепи со столбов вокруг нее были украдены. Поговорили о том, что портрет надо бы поменять, помолчали, помянули. Я позвонила Мари в Китай и она, объясняя дорогу между могил, привела нас к месту, где недавно похоронена ее мама. Там мы тоже немного прибрались, положили цветы, Мари плакала.

Как ни крути, а все-таки придется рассказать о том грустном впечатлении, которое произвели на меня знакомые с детства места. Я имею в виду район кинотеатра «Октябрь», где находилась потом наша квартира. Раньше там была площадь, за которой возвышалась и тянулась далеко вправо, вдоль трамвайных путей, и влево, до самого стадиона, мощная ограда, построенная еще в те времена, когда этот район считался окраиной города. За этой оградой был большой парк имени Орешкова, героя Великой Отечественной войны. Помню этот парк запущенным, с аллеями разросшихся между сосен каких-то колючих кустов, которые весной цвели желтыми сладкими бубочками. Широкие мостики с подгнившими досками и толстыми качающимися перилами были переброшены через несуществующие ручьи; вечно скрипучие чугунные качели с облупленной краской, белеющие останки безрогих оленей и безруких спортсменов свидетельствовали о былом размахе и давнишнем застое.

Ничего этого больше не существует. На месте парка сейчас что-то непонятное, и оно начинается сразу за площадью, в центре которой по-прежнему еще возвышаются стела и скульптурная группа «Воинам Бурятии, павшим в годы войны». Раньше позади этого памятника стояло здание сталинской архитектуры, тот самый кинотеатр «Октябрь», а рядом в том же стиле — ворота в парк. Этот кинотеатр и начинал широкий проспект имени своего 50-летия. Мимо кинотеатра вниз по проспекту бежали трамвайные пути, отгороженные от тротуаров теми же кудрявыми кустами, а вдоль улицы на многих домах по вечерам зажигались неоновые надписи. Напротив моего окна, например, на серой типовой пятиэтажке с булочной в первом этаже светилось: «Цвети, родная Бурятия!» А на нашем длинном 120-квартирном доме и лозунг был длиннее: «Учение Ленина бессмертно, потому что оно верно». В общем, все было логично и гармонично.

В этот раз я прогулялась в районе своего бывшего дома после того, как на железнодорожном вокзале встретила с Бадармой, женой нашего посредника Доржика, и она помогла мне купить билет до Эрляня. Был солнечный день, поэтому я не знаю, светятся ли теперь эти лозунги, но стела и скульптурная группа героев торчат ни к селу ни к городу посреди площади, раздражая взгляд полным отсутствием архитектурного замысла. Фоном для этого памятника являются уже не кинотеатр и парковые ворота, а что-то невразумительное. На месте, где они когда-то были, буквально через забор друг от друга, красуются новые объекты: кавказский ресторан (с павлинами!), недостроенный православный храм красного кирпича, площадки для дрессировки собак и тут же спортивная, а за ними многоэтажное блестящее здание странной формы (видимо, очередной торговый центр), метко называемое в народе унитазом. Короче говоря, кто смог, тот и отхватил себе кусок дорогой городской земли.

От бывшего парка осталась одна аллея, теперь очень широкая, покрытая зачем-то тротуарной плиткой и перегороженная в нескольких местах (тоже с непонятной целью) квадратными цементными клумбами с потрескавшейся землей и без растений.

Людей на этой аллее (да и вообще в парке) во время моей прогулки не было. Сосны в основном вырублены, остались только самые тонкие и чахлые. От центральной аллеи расходятся такие же пустынные дорожки с беседками (в каждой из которых сидело по охраннику) и убогими лавочками, стоящими на самом солнцепеке. Вдоль одной из этих дорожек выстроились грубо сработанные под соцреализм (поклон в сторону СССР) мужские и женские фигуры в спецодежде и с атрибутами разных нужных профессий: серпами, молотками, ведрами и подсолнухами. Про медную (на вид) скульптуру, которая является достойным центром этого богатого уродства, вообще не хочется писать. Там сидит некто огромный в шляпе с загнутыми полями, с удочкой в одной и айфоном в другой руке. По-видимому, он символизирует связь современного человека с цивилизацией и природой.

Увы, это была не встреча с прошлым, о которой я мечтала, а удручающее своим убожеством зрелище настоящего. Поэтому на обратном пути я в Улан-Удэ задерживаться не собираюсь.

Из дневника. 21 июля 2018 г.

Завтра, то есть уже сегодня, продолжится мое путешествие из Петербурга в Китай. Я сяду в Улан-Удэ на поезд Москва—Пекин, который через полтора суток привезет меня в приграничный китайский городок под названием Эрлянь. Там на многолюдном вокзале встретит меня китаец по имени Ау и сопроводит в гостиницу, откуда мы на следующий день отправимся уже в Солон-Гой, место моей новой работы. Закупила на дорогу яблок, печенья, чайных пакетиков, растворимого кофе и «Доширака».

В поезде до Улан-Батора бывалая соседка по купе развлекала меня рассказами об алчных таможенниках и помогала заполнять всякие необходимые при пересечении границ бумажки. В Улан-Баторе ее встретил муж (работник посольства, как она говорила), и она вышла вместе со всеми своими ведрами и баулами. На границах ее почему-то очень тщательно досматривали и наши таможенники, и монголы. Заставляли развязывать свои тряпки, которыми были накрыты ведра с дачными сливами и вишней, прощупывали все баулы, внимательно проверяли документы. К счастью, несмотря на мой огромный багаж, никаких трудностей при выезде из Монголии и въезде в Китай я не испытала. Впрочем, как и до этого, при выезде из России и въезде в Монголию. Ни один таможенник не обратил на меня никакого внимания. Видимо, везде они достаточно профессиональны, чтобы видеть, насколько я не представляю для них интереса.

Опасения, основанные на рассказах Амгалана, что в Улан-Баторе подсядут монголы и сразу начнут пить водку, тоже не оправдались. От Улан-Батора до самого Эрляня я ехала в купе одна. Вообще, вся эта дорога была спокойной, проводники-китайцы вежливые, туалеты относительно чистые, а в тамбурах можно курить. Кондиционеров в поезде нет, но повезло с погодой. При выезде из Улан-Удэ накрапывал дождик, и в первую ночь даже пришлось надеть тонкий монгольский свитер из мягкой шерсти, что подарила мне Галка. Потом, конечно, началась жара, но не дикая, поэтому даже пустыню Гоби я проехала без особенных испытаний на выносливость. Только мелкая рыжая пыль покрыла столик, конец постели и поручень у окна в коридоре. Я фотографировала на телефон то рассвет над степью, то редкие стада между холмов, то какие-то небольшие поселения и платформы с непривычными уже названиями: Чойр, Сайн-Шанда, Дзамын-Удэ... Красивее всего получилось небо на закате. Да... небо. Глядя в окно поезда, я вспоминала свой недавний полет на восток. Мне казалось, что теперь,

направляясь уже на юг, я не просто возвращаюсь в прошлое, а проваливаюсь в него вместе со всем поездом.

Наверное, китайский работодатель приказал жене Доржика сэкономить на моем билете, ведь деньги за дорогу по условиям контракта мне возвращались. Так я подумала, войдя в выдавший виды вагон. В поезде были и новые, современные вагоны, там ехали иностранные туристы, некоторые из самой Москвы. Думаю, что это именно для них около станций и полустанков, которые мы проезжали в светлое время суток, вальяжно играли в баскетбол и волейбол команды, состоящие из рослых, хорошо сложенных азиатских юношей в красивой спортивной форме. Глядя на эти «потемкинские деревни», я опять вспомнила советское время.

Это было в том счастливом году, когда мама осталась со мной летом у бабушки. Обычно родители привозили меня на Кубань, а сами уезжали работать. Но и на этот раз маму вызвали из отпуска на какую-то научную конференцию, проходившую в Новосибирске. И она решила взять меня с собой, чтоб перед учебным годом за мной специально не возвращаться. Мне было тогда, наверное, лет двенадцать. Нас поселили в гостинице Академгородка, которая стоит прямо в бору. Соснами меня, конечно, было не удивить, но это же не поход с палатками и кострами, а первый в моей жизни гостиничный номер с чистым постельным бельем, с душем. Никакого сравнения с кубанской общественной баней по субботам! После душа мы с мамой завтракали в просторной светлой столовой, где с нами приветливо здоровались незнакомые люди. Потом мама уходила на свои заседания, и для меня наступало совершенно свободное время. После бабушкиного огорода, где постоянно нужно было то поливать, то полоть, то собирать что-то, это казалось каким-то невообразимым, райским счастьем. Я просто гуляла по территории Академгородка, читала на лавочке книжку или кормила белок с руки.

В то же самое время в этой гостинице (только, кажется, в другом ее корпусе) жила сборная по футболу. Никогда еще до этого я не видела одновременно столько симпатичных парней! Как будто их выбирали специально не только по физическим данным, но и по внешности. А может, так оно и было? Они же представляли лицо страны, как, например, Гагарин с его открытой улыбкой... Эти взрослые красивые ребята со мной иногда заговаривали на прогулке, но так вежливо, как богатыри с царевной из сказки. Мне тогда казалось, что такое возможно только при коммунизме.

Наконец проводник принес мой билет и жестами показал, что нужно готовиться на выход. Я собралась и, как мы условились по телефону, повязала на голову белую косынку, почувствовав на миг себя сестрой милосердия. Это был опознавательный знак для встречающего меня китайца Ау. С двумя сумками, одна из которых очень объемная, и неподъемным чемоданом, что дала мне Галка в Улан-Удэ, я кое-как протиснулась в тамбур, но спуститься самостоятельно с вещами на платформу не могла и задерживала общее движение. Несмотря на это, ни проводники, ни пассажиры (среди которых были и европейцы) совсем не собирались мне помогать. Просто стояли и без всякого выражения смотрели на мои тщетные потуги. Не знаю, как скоро кто-то из них догадался бы что-то сделать, но тут одна молодая китайка, уже отошедшая от поезда, подбежала обратно, и мы с ней кое-как вытащили на платформу мой багаж. Потом она на русском языке (наверное, московская студентка) предложила проводить меня до самого вокзала, но я поблагодарила и отказалась, потому что мои чемодан и сумка были на колесиках. В здании толпились все пассажиры поезда, но с вещами оказалась только я одна. Там ли я вышла? Это вообще Эрлянь? Никто из работников вокзала не понимал моего вопроса. Видимо, по-китайски это название звучит как-то иначе. Потому что даже Пекин у них произносится что-то типа Бейд-

жин. В конце концов эта же милая девушка объяснила мне, что да, все в порядке, просто это граница, здесь досмотр документов, а все остальные пассажиры после проверки вернутся в поезд и поедут дальше в Пекин.

За стеклами вокзала уже маячил интеллигентный молодой китаец в очках, это был Ау. Он заулыбался, завидев среди массы в основном черных голов мою белую косынку, но потом, как мне показалось, слегка приуныл. Видимо, от размера моего багажа. За то время, пока у всех в длинной очереди передо мной штамповали паспорта и брали отпечатки пальцев, на улице успело стемнеть. С большим трудом объяснив охраннику, что мне не нужно следовать за остальными пассажирами через другое крыло вокзала обратно к поезду, я выкатилась со своими чемоданами через специально для меня отпертую дверь в город. «Ни хао!» (Здравствуйте!) Похоже, иностранцы не очень частые гости в этом Эрляне.

Вокзал со стороны улицы и ближайшие дома были украшены разноцветной подсветкой. «Пьиоля!» — вежливо восхитилась я. Ау понимающе улыбнулся и кивнул: «Бьютифул». Я обрадовалась, что в крайнем случае смогу воспользоваться своими небольшими познаниями в английском. Но вскоре выяснилось, что Ау знает по-английски всего несколько слов. Он показал на телефоне страницу переводчика, где уже были заготовлены фразы на русском языке. «Сейчас мы купим билеты на завтрашний поезд, а потом пойдем в гостиницу». О'кей!

После покупки билетов он показал мне экран своего телефона, и я прочитала в нем: «Хочу пригласить тебя на ужин в полдень». «Так на ужин или в полдень?» — засмеялась я. Ау жестами показал последовательность наших действий: сначала спать, а потом есть. Это означало, что на следующий день, перед тем, как сесть в поезд, надо будет перекусить, так как ехать предстоит еще долго. Потом я уже не раз убеждалась, что с этими телефонными переводчиками бывает большая неразбериха. Например, когда мы с одной новой коллегой, тоже «русской лаоши» (русской учительницей), ожидали каких-то документов, Ау произнес в свой телефон по-китайски: «Человек из полиции придет позже», но мы этого не поняли, потому что в переводе было написано: «Ландшафтный дизайн должен быть другим». Ну что тут скажешь? Сначала это смешно, конечно, но через некоторое время начинает раздражать, как любая недобросовестная работа.

На ресепшне в гостинице китаянка долго тарасилась на мою шенгенскую визу, пока я не взяла в руки паспорт и не открыла его на нужной странице. Одноместных номеров не было. Ау тоже жил в двухместном, он заселился еще с утра, когда приехал в Эрлянь из Солон-Гоя, чтобы встретить меня. Мы поднялись в мой номер, в нем даже на первый взгляд оказался большой беспорядок. Одна кровать была разобрана, в ней кто-то недавно спал, полотенца и одноразовые тапочки валялись где попало. Увидев мое лицо, Ау написал в телефоне: «Я возьму тебе другой номер» — и ушел вниз. Вернулся с той же китаянкой с ресепшна, которая стала пожимать плечами и показывать на другую кровать. Мол, есть же где спать! Ау ей что-то сказал, и она сердито начала убираться. Я взяла чайник и хотела налить воду, но Ау испуганно замотал головой и принес откуда-то маленький кулер. Оказывается, из крана воду в Китае пить категорически нельзя, здесь другие стандарты очистки. Например, учительницу рисования Зину, приехавшую из Бурятии на неделю раньше меня, не предупредили об этом, она пила и потом маялась животом. Думаю, что и я могла бы оказаться в таком положении, не будь в этот момент рядом Ау.

Недовольная китаянка наконец закончила уборку номера. Ау, отказавшись от чая и подключив мне вай-фай, тоже ушел. Мы договорились встретиться завтра в 12 ча-

сов, чтобы пойти «на ужин в полдень». Я осталась одна и, увидев на столе пепельницу, с наслаждением закурила. Первым делом позвонила домой, сказала, что все благополучно. Мари тоже ждала моего звонка. «Ты там помойся нормально», — предупредила она. Конечно, я собиралась принять душ после дороги. Но она настаивала, чтоб я вымылась «по-человечески, с головой». «Здесь все это очень трудно, сама увидишь. Ты приедешь вечером, а утром у меня работа. Не будем тратить на это время, хочется же поговорить». Впоследствии я убедилась, насколько она была права.

Марима... моя первая подруга! Когда-то мы вместе ходили в первый класс и были влюблены в одного мальчика-скрипача. С ней я написала первую свою книгу. И мне вдруг захотелось пожить так же беззаботно, как в детстве, когда мы почти не расставались, наскоро выполняя уроки, чтоб заниматься тем, чем хотим. <...>

В привокзальной гостинице туалетная комната оказалась довольно просторной, и в ней не сразу, но все-таки нашлось все необходимое. Тут я впервые увидела, как устроен китайский душ. Душевой кабины нет, а вода льется тонкой струйкой из трубочки, прикрепленной к стене, в маленькую дырочку на плоском полу. Если включить душ чуть сильнее, то вода не успевает уходить и вытекает в комнату. Я не торопилась: до завтрашнего «ужина» у меня была куча времени.

После водных процедур я всегда засыпаю с трудом, а в гостинице Эрляня и вовсе не спалось из-за близости вокзала. Хорошо, что я захватила с собой беруши. Но все равно, несмотря на духоту, пришлось закрыть окна. Вспомнилось, как заведующая приозерской поликлиникой, когда подписывала мои медицинские документы для рабочей визы, удивилась: «В Китай? Ой, они же такие шумные!» Мне тогда показалась ее реакция обывательской. Подумаешь, какая барыня! Теперь я это вспомнила. Никогда еще не слышала я такого орущего вокзала, а бывала на многих. Непонятно, зачем так кричать, причем в громкоговорители? Вспомнился анекдот из советских времен, где иностранец на переговорном пункте спрашивает: «Почему этот человек в кабинке так кричит?» Ему отвечают: «Он с Омском разговаривает». Тот удивляется: «А может, проще — по телефону?» Но несмотря на вокзальные крики, отдохнуть мне все-таки удалось. Кровать широкая, мягкая, и белье довольно чистое. После двух суток жесткого вагона, сделанного и оснащенного еще в советские времена, вполне.

Перед сном я попыталась представить, как бы я справилась тут одна. Дело в том, что Амгалан предлагал мне сделать эту пересадку самостоятельно. Оказывается, в дни моего приезда в наш культурный центр проходил музыкальный семинар, на котором работала Мари, поэтому ее не отпускали меня встретить, как было обещано. Это обстоятельство выяснилось буквально накануне моего отъезда из Улан-Удэ, а именно когда Амгалан по просьбе Мари возил меня на Байкал. Оттуда мы и говорили с ней по скайпу. Я, конечно, огорчилась, что она не приедет в Эрлянь, но сказала, что в таком случае китайцы должны найти того, кто меня встретит и проводит до места. Потому что я не грузчик, и с таким количеством вещей, да еще ночью, без языка, в чужой стране мне будет трудно даже просто добраться до гостиницы, не говоря уже обо всем остальном. Мари обещала подумать, потом перезвонила и предложила взять у Амгалана их большой чемодан на колесиках. Я ответила, что чемодан я уже одолжила у Галки, но это не решение всей проблемы, и если меня не будут встречать, я вообще никуда не поеду. Проведу остаток лета у папиных родственников в Иркутске и вернусь в Питер. Она ответила, что попробует договориться.

Но меня тогда удивила реакция Амгалана: «Риму жалко... Что она сейчас будет там ходить ругаться? Да ничего с тобой не случится, доедешь сама, я же ездил». Я даже оторопела. Сравнил! Он же бурят и понимает хотя бы по-монгольски, да и вообще

мужчина... Кстати, это был уже не первый похожий случай за последний год, когда мне морочат голову и не выполняют договоренности. Особенно, помню, стали удивлять в конце переговоров, когда я уже сделала все документы, потратила на это кучу денег и времени, и они поняли, что я точно приеду. Короче говоря, если бы Мари не перезвонила и не сказала, что меня встретят, моя поездка так бы и не состоялась. Очень грустное впечатление на меня произвела реакция подруги. Она настолько боится беспокоить свое теперешнее начальство просьбой, что была готова подвергнуть меня неприятным испытаниям.

К слову сказать, та же молодая коллега Зина рассказывала, как хлебнула переживаний на этой пересадке. К счастью, на вокзале она случайно встретила художника Баяра, который тоже ехал в Солон-Гой. Китайцы даже не сказали ей, что человек из Улан-Удэ едет к ним тем же поездом! Просто возмутительно такое отношение к людям, которых сами же пригласили. Может, они считают, что с работниками так и следует поступать? Или о нас должен был побеспокоиться посредник? Но Доржик, отвечавший, как я понимаю, за набор учителей из России для этого центра, в последний месяц вообще куда-то пропал. Его жена Бадарма в конце сама вела со мной переговоры, а на вопросы о нем отвечала что-то невразумительное: «Даржа Тарбаганович много работал, он устал, уехал в деревню немного отдохнуть». Уехать в деревню, не закончив дело, которым упорно занимался целый год? Странно все это.

И тон Мари, и выражение ее лица при сообщении, что меня все-таки будут встречать, мне не понравились. Но я привыкла по возможности осуществлять задуманное до конца. Как в поговорке, что лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. «Тебя встретит наш бухгалтер Ау, — недовольно сказала она. А потом, усмехнувшись, добавила: — В кои-то веки будешь ночевать в гостинице с молодым человеком». И получила в ответ: «Я сейчас на Байкале ночую с твоим мужем, так что мне не привыкать».

В 12 утра постучал Ау. Я была уже готова и предложила взять с собой вещи, чтобы освободить номер и не платить лишнего. Наш поезд на Солон-Гой отправлялся в 14 часов. Но Ау сказал, что вещи мы оставим здесь, так удобнее. Возможно, это потому, что тут платят не за сутки (с 12 до 12), а по количеству часов, точно не знаю. Чефанку (столовую) со свободным столиком мы нашли не сразу. Пришлось обойти три или четыре, так как попали мы в обеденное время. Только в последней удалось остановиться, и то нам освободили стол у раздачи, где, по всей видимости, едят сами работники. Ау заказал мне яичницу с помидорами, а сам взял тофу. Все это принесли «на подушке» из риса. С рисом здесь едят все блюда, вместо хлеба. Пока нам готовили еду, Ау по моей просьбе обучал меня пользоваться деревянными палочками, правильно их держать и зажимать между ними кусочки квашеной капусты, которая стояла и на других столах в маленьких мисках. «Капуста свободна», — написал он в телефоне, чтобы я не стеснялась, имея в виду, что она не оплачивается. Нам было очень смешно, потому что у меня плохо получалось управляться с этими приборами. Когда я наконец приспособилась их правильно держать, то попросила его сфотографировать меня на мой телефон. Фотографии вышли очень удачные.

Мы вернулись в гостиницу за вещами и отправились опять на вокзал. У нас был сидячий вагон, который выглядел внутри как наша электричка. Только кресла (по три в ряд) напротив друг друга в красивых чехлах из зеленой обивочной ткани и с вышитыми подголовниками, а между ними столики. Но меня поразила организованность китайцев во время посадки. Поезд подается ровно за 15 минут до отхода, и вся эта огромная толпа народа, выстроившись в очередь и быстро предъявляя билеты на входе, загружа-

ется со всем своим багажом, который мигом распахивает на верхние полки, и рассаживается по своим местам. Ау ростом с меня и телосложения неатлетического, но он тоже очень ловко, хоть и с серьезным усилием, поднял и уложил туда же мои огромные чемодан, сумку и даже рюкзачок с ноутбуком, который я обычно ношу на спине.

Все время мне было неудобно перед ним за свой большой багаж. Я, конечно, тоже тащила, но ему досталось тяжелее. А что поделать? Я же приезжаю на целый год, поэтому вещи на все четыре сезона везу, да еще танцевальные костюмы, пояса с железными монетками, браслеты, подсвечники для танца с огнями и прочее, очень тяжело. Когда еще выходили из гостиницы, он показал телефон с надписью: «Была еще белая сумка». Надо же, заметил! Я ответила жестами, что она находится внутри чемодана. Он вообще очень внимательный, но ненавязчивый. Купил мне на дорогу бутылку воды, отвечал на все вопросы, переводил с помощью телефона слова китайки, сидевшей рядом, а ей — мои.

Мне захотелось в конце нашего путешествия что-нибудь ему подарить, а все питерские сувениры я уже раздала в Улан-Удэ. Осталась только ложечка, которой я пользовалась в поезде, с изображением Исаакиевского собора на ручке. Не повезу же я ее потом обратно? Вот эту ложечку я и подарила Ау. «Презент?» — спросил он. Я кивнула. Он взял двумя руками, дотронулся ею до лба, потом — до груди и хотел положить в сумку. Я обратила его внимание на ручку ложки и сказала: «Санкт-Петербург». Он попытался повторить непонятное название. «Россия, Петербург...» — старалась объяснить я. Он не знал, о чем я говорю. Тогда я сказала: «Ленинград». И тут он закивал! Странно. А откуда же к ним едет учитель беллиданса, из Ленинграда, что ли?

Во всем вагоне, да, наверное, и во всем поезде я была единственным человеком с европейской внешностью, поэтому все на меня смотрели с любопытством, особенно девочка-подросток с прической каре и брекетами во всю улыбку, которая сидела рядом. Она захотела со мной сфотографироваться, что Ау и исполнил. Потом и я ее сфотографировала вместе с мамой и маленькой сестренкой. Эта девочка была очень круглолицая и милая, а младшая вообще походила на куклу со смешным пучком волосиков на макушке. Китайка явно гордилась своими дочками, особенно тем, что их двое. Сейчас, говорят, в Китае разрешено иметь больше одного ребенка. Во всяком случае, во Внутренней Монголии, где мы находимся, у многих по двое детей. Китайцы маленьких детей любят, балуют и наряжают, как я заметила.

Кроме эпизода с девочкой, вся остальная дорога была очень утомительной. Не только потому, что пришлось сидеть на одном месте все пять часов (а за окном все те же степи и редкие стада), очень уж надоели торговцы. Поездная торговля происходит здесь не так, как у нас в электричках, где продавцы идут через весь поезд, что-то предлагая по пути пассажирам, а потом выходят на какой-нибудь станции. Тут же — два бодрых молодых китайца на каждый вагон. Сменяя друг друга, они громко кричат всю дорогу, поднимая над головой разные товары: игрушки, конфеты, какие-то приборы, шарики, наклейки... И так пять часов подряд! Просто пытка какая-то. Когда мы подъезжали к Солон-Гою, у меня голова была уже как чугунная. К тому же в вагоне работали мощные кондиционеры, и я замерзла, но приходилось терпеть, мне не хотелось беспокоить Ау, чтоб доставать из сумки, плотно уложенной наверху, теплые вещи.

На такси мы ехали минут сорок, город показался похожим на наши сибирские областные центры советского периода, только с восточными элементами в архитектуре, современными торговыми центрами и новыми многоэтажными домами. В общем, город как город. Но как только мы повернули с центральной улицы, все стало гораздо колоритнее. По обеим сторонам дороги потянулись одноэтажные длинные запущенные строения, называемые Мари «шанхайками», около дверей которых сидят

на ступеньках китайцы в неопрятной одежде перед ржавыми дымящимися мангалами, чефанят (едят). Вокруг бегают чумазные дети и играют прямо в пыли. И вот среди такого пейзажа стоит четырехэтажное здание с флагами Кореи, России и Китая над крыльцом. Это и есть наш международный очень культурный образовательный центр. Такси завернуло за угол и остановилось во дворе, окруженном типовыми пятиэтажками. Приехали.

Но неужели я сейчас увижу Мари? Я посмотрела вверх, и мне показалось, что она бежит на фоне неба по крыше ближнего здания. Потом я поняла, что это было действительно так. Наш подъезд (если его так можно назвать) выходит не сразу во двор, а на крышу прилегающего к общежитию строения, которое соединяет его открытым переходом с таким же зданием напротив. Потом Мари пропала и вынырнула прямо передо мной, когда я уже вылезала из машины. Оказалось, что в центре того перехода, на крыше, есть дверь, а за ней узкая лестница, ведущая вниз, уже во двор, куда подъехало наше такси. Мы с Мари вскрикнули, кинулись друг к другу и запрыгали, обнявшись.

В детстве, после первой нашей разлуки, Мари встретила меня почти словами пушкинской Татьяны: «Вообрази, я здесь одна, никто меня не понимает...» Моя мама вспоминает сцену той нашей встречи всегда с комическим пафосом, но я точно помню, что тогда моя подруга говорила совершенно серьезно. Эти слова повторялись ею (уже в шутку) каждый раз, когда я приезжала на студенческие каникулы из Ленинграда в Улан-Удэ. И вот теперь, почти через полвека со времени нашего знакомства, когда ее пригласили в Китай, она позвала и меня: «Вообрази, — сказала Мари, — я здесь одна...» И в данном случае это была чистая правда. В городе, куда я приехала, русских больше нет.

Ау смотрел на нас и улыбался. Теперь я знаю, что у него есть целый арсенал улыбок, относящихся к «русским лаоши», и эта была одна из лучших.

IV. РУССКАЯ ЛАОШИ

— И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай».

А. Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь

1. Первые впечатления. О письмах и технологиях

Разница во времени и твоя занятость не позволяют нам слишком часто разговаривать, так что писать все-таки придется. И это даже хорошо. Надо сказать, все эти новые технологии, с одной стороны, конечно, сделали возможным общение людей на любом расстоянии и в любой момент, а с другой — они лишили человека свободного времени и личного внутреннего пространства. Письма же можно писать и читать в любую свободную минуту. Одним словом, я тут поняла, что эпистолярный жанр — это не архаика. Это взаимная свобода и уважение. Дай бог, чтоб и эти понятия не ушли в прошлое, так же как ушли бумажная переписка и неторопливый интерес людей к тексту как таковому, а не просто к информации, в которой нет теперь недостатка.

Прости, я уверяла тебя, что буду исправно сообщать все подробности о своем пребывании в Китае, но так ничего пока и не прислала. Нельзя сказать, что по техническим причинам мои письма отсюда трудно отправлять. Только с бумажными, если кому-то пришла бы фантазия их написать, были бы проблемы. Этому есть объяснение, хоть и странное для людей из западных стран. Маша и Арсений хотели отправить

мне сюда открытку из Италии, где они сейчас находятся на свадьбе у друзей, но я просила этого не делать. Машенька всегда присылала нам из своих поездок открытки с видами Парижа или Нью-Йорка. Они доходили не только в Петербург, но и в Колтуши, и в Приозерск. А тут если на конверте будет адрес не на китайском языке, письмо просто не доставят. Что говорить о сотрудниках почты в Солон-Гое, если даже работники гостиницы, находящейся в приграничном городе Эрлянь, не знают ни одного иностранного языка? Когда говорят, что Китай очень развитая страна, нужно понимать, что имеется в виду только развитие технологий, но не людей. Это многое объясняет, но далеко не все.

Дело в том, что благодаря тем же технологиям не должно быть никакого затруднения с переводом любого адреса на китайский язык. Боюсь, что этого не делают они только потому, что им здесь просто не нужно расширять общение людей с внешним миром. Организованные и проинструктированные китайские делегации, которые теперь ездят по всем странам, это одно, а вот личная переписка людей — это не в интересах государства. Очень знакомый социалистический подход. Но, честно говоря, и капиталистический не лучше. Эти же на голубом глазу признаются, что все наши электронные носители находятся под их присмотром. Да и черт с ними! Моя мама в ответ на предупреждение о прослушивании телефона однажды сказала: «Пусть слушают, может, поумнеют». Так что пусть читают.

Я могла бы подключить к вай-фаю свой старенький комп, чтоб не ломать глаза в телефоне и отправлять тебе свои письма. Тем более что молодая коллега Зина, учительница рисования из Бурятии, помогает мне со всеми этими гаджетами. Правда, скайп, который у нас тут является основным средством общения с домом, то и дело срывается, и там появляются надписи на разных языках, в том числе и иероглифы, сообщающие о том, что в мой аккаунт кто-то пытался войти из Америки (из Америки! О ужас!). Зина каждый раз с большим трудом восстанавливает мне связь. Многие функции Интернета тут и вовсе блокируют по идейным соображениям.

Знаешь, перед отъездом Алена пожелала мне «новых побед». Я ответила ей, что Китай победить нельзя. «Проверь!» — сказала она. Так вот, первые результаты проверки показывают, что я, похоже, была права. Теперешнее мое настроение давно и точно описано в твоём стихотворении, которое я переводила, помнишь? «Без щита вернусь, а может — на щите». Вот поэтому я и не писала тебе, пока были еще свежи впечатления от новой жизни. Хотя... какая уж там очень новая? Сдается мне, что нечто подобное, то есть весь этот Восток вместе с его социализмом, я уже видела в своей жизни, и все это еще тогда до смерти надоело.

Правда, в Улан-Удэ меня потрясло одно новое обстоятельство, да так сильно, что я чуть не повернула оглобли. (Это когда меня не хотели встречать в Эрляне.) У меня тогда даже мелькнула мысль, что теперь можно не ехать ни в какой Китай, не заниматься всякой ерундой типа преподавания танцев живота китайкам, а вернуться и начать писать давно задуманную вещь. Я ведь, собственно, только для этого иехала. А общение с подругой детства и танцы — это просто приятный бонус, без которого можно и обойтись.

2. Начало работы. Ученицы

За последний месяц в нашем образовательном центре прошло два так называемых семинара, музыкальный и изобразительный. Это типа курсов повышения квалификации, когда преподаватели музыкальных и художественных школ из разных райо-

нов Китая приезжают и занимаются по специальностям у «русских лаоши» (русских учителей). С музыкантами, буквально с утра до ночи, вела уроки Мари. А кто же еще? С учителями рисования — коллега Зина и еще Баяр (художник из Бурятии), он приехал работать не как мы, по контракту, а только на семинары. Вот с их семинаристами мне и велено было провести два открытых урока беллиданса.

Пока не забыла, расскажу о самом большом удивлении с момента моего приезда в Китай. Хорошо, что Мари предупредила, иначе я бы, наверное, упала! Когда меня представляли будущим ученикам, эти взрослые люди выстроились в ряд и, кланяясь в пояс, хором произнесли: «Ни хау, лаоши!» (Здравствуйте, учитель!) Повторяю, я была готова, но все равно сильное впечатление. А в конце урока они говорят: «Си си, лаоши!» (Спасибо, учитель!) И тоже хором, с поклоном.

Накануне первого занятия я сильно нервничала, но потом написала план-конспект, повторила кое-что перед зеркалом и пошла. Урок — он и в Китае урок. Мои объяснения переводила китайка Тан (мы ее называем Таней), которая учится балету в Петербурге и хорошо знает русский язык. А на втором я уже так увлеклась, что даже забыла попросить, чтоб снимали. В конце китайцы говорили: «Си-си, лаоши!», а коллеги: «Харизма, блин!» А еще, так трогательно, когда я после первого урока выходила из нашего центра, в вестибюле меня поджидали завуч Хо и бухгалтер Ау с переводчицей, чтоб спросить, могут ли мужчины танцевать эти восточные танцы? Видимо, очень понравилось. Но я не стала вдаваться в подробности, а просто сказала, что это другой Восток — арабский, там мужчины только сидят и пьют чай, а женщины перед ними танцуют. Когда Таня с улыбкой перевела мой ответ, ты б видела, как Хо и Ау удивленно хохотали!

Тут же все наоборот, мужчин гораздо больше, им впору самим танцевать перед китайками. Связано это с тем, что из-за долгого запрета иметь двух и больше детей случился демографический перекос в сторону мужского населения. Раз можно было рожать только одного ребенка, то большинство семей выбирало сына, вот теперь и расхлебывают. Кстати, ты обратила внимание на фотографии парковых скульптур, которые я выкладывала после прогулки? Там везде мама и сын: то мама стирает, а сынок принес ей покушать, то мама сидит с ногами в тазу, а сынок ей ноги моет. Вот такое официальное направление в воспитании.

Знаешь, я, грешным делом, подумала: может, беллиданс им и вообще ни к чему? Ведь танец живота (то есть — танец жизни) для деторождения придуман. А в Китае народу и так хватает. Помнишь, как твоя подруга Лавравишнева попросила меня станцевать на ее свадьбе? Она считала, что прыгнула в последний вагон с этим замужеством, поэтому хотела насчет деток подстраховаться. И в том, что у нее теперь есть Машка и Мишка, я вижу свою заслугу! Шучу, конечно. Сейчас вполне можно и позже рожать. Но об этом ритуальном аспекте беллиданса я китайкам не рассказываю, на всякий случай. Вспомнила, как мой папа образно объяснял мне в детстве, как много на планете китайцев: «Если все человечество рассадить в ресторане за столики, то за каждым будет китаец».

Ученицы у меня очень милые и старательные, они сразу хотят перенять все, что видят. После первого же урока все друженько заказали по Интернету себе разноцветные пояса с монетками и уже на второй пришли звенящие и очень довольные собой. То же и с «сытинами» (шарфами). И стоит мне прийти в новом костюме, обязательно самые модницы (Нана и Сюна) на следующем уроке появляются в чем-то похожем. Мы с ними договорились, что я буду называть их так: Лина, Нина, Яна, Туяна (это вторая Яна), Муна, Сюна... Во-первых, им нравится, что их танцевальное имя созвучно с именем Анна, то есть с учительским именем. А во-вторых, их и правда неко-

торых так зовут. Например, Нану, дочку нашей Му-ин (Муны), нашу художницу Зину-лаоши, которая тоже ходит на мои занятия. Вообще в моей группе много «своих»: уборщица Ши (вот ее имя осталось почему-то, как было), чиновница от культуры Ли-на (нескладная, но очень упорная) и ее красивая подруга Сюна. Эти ходят каждый день, но и «чужие» стараются не пропускать, тем более что они платят за уроки. А на прошлое занятие девушка Дина пришла с пятилетней дочкой, и эта мартышка так здорово все повторяла! Похоже, у танца живота в Китае есть перспективы.

Когда я собиралась в Китай, меня предупреждали, что здесь все наполнено символизмом, и просили быть осторожной. Вот, к примеру, был у нашей студентки сердечный друг китаец. (Это мне Алена рассказывала такую историю.) И в какой-то момент развития их отношений он предложил ей... Нет, не руку и сердце — предложил ей съесть грушу. Она ответила, мол, грушу так грушу. Он принес, разрезал и стал есть, внимательно и серьезно поглядывая, как ест она. Потом он от нее ушел, совсем ушел. Наша девушка была удивлена и огорчена этим. А китаец уверял, что она сама этого хотела. Он же ее по-человечески спрашивал, не пора ли им съесть грушу, то есть — расстаться? Эту историю я вспомнила сегодня, глядя на фрукты, которыми вчера меня одарила красавица Сюна, пытаюсь что-то объяснить жестами. Надеюсь, что-то хорошее. Может быть, это тоже что-нибудь символизирует? Она принесла целую сумку, там и дыня, и нектарины, и яблоки. И между прочим, такие завернутые в сетки штучки, очень похожие на груши. Не пора ли уже мне собирать чемоданы? Шучу, конечно. Но если серьезно, очень приятно такое отношение.

* * *

А у нас недавно был ливень! Только успели в нашем очень международном и очень культурном центре крышу толем покрыть, чтоб потолки не протекали, а тут и проверка! Пока я любовалась стихией, моя хозяйственная подруга схватила коврик, что лежал у дверей, спустилась вниз и повесила его на перила крыльца. Потом она метнулась в туалет, взяла палочку для мытья окон, раскрыла их и провела ею сверху вниз по стеклам. В результате, когда кончился ливень (буквально через несколько минут) и опять начало жарить солнце, коврик и окна испаряли влагу и сияли чистотой.

Вчера я впервые отправилась одна в дальний магазин, где была объявлена очень выгодная скидка на краску для волос. А переходить дорогу в нашем Китай-городе — это своего рода аттракцион, несколько экстремальный. Ходьбы минут пятнадцать, но три перехода. «Зебры» кое-где есть, но нарисованы они в прошлом веке, и на них никто не обращает внимания. Все едут и идут, как хотят, полная свобода! Люди, переходящие дорогу, лавируют между машинами (даже женщины с колясками!), а водители транспортных средств объезжают пешеходов. Никто никого не пропускает, но и не давит почему-то. Как-то они все интуитивно чувствуют, что, например, вот это такси сейчас повернет через двойную сплошную в обратную сторону, а вот эта сумасшедшая русская вдруг встанет как вкопанная посреди дороги или рванет наперерез машинам, зажмулив глаза. Короче, краску для волос я купила (много, до конца контракта должно хватить), но седины у меня прибавилось.

3. Учитель-лошадь. Китайская медицина. Борщ невозможен.

Интересно, что у китайцев совсем нет буквы «р», и звук такой они не могут воспроизводить. Поэтому Мариму они называют Малима, а раньше и вовсе говорили про-

сто «Ма», обращались так: «Ма-лаоши». Это очень смешно, потому что «ма» по-китайски «лошадь», то есть буквально «учитель-лошадь». А ведь я ей давно говорила, что она слишком много работает! Но за это, видимо, в качестве поощрения китайцы в нашу квартиру дали духовку, и я теперь пеку пироги, как дома. У Мари тут был день рождения, и я испекла два — один с капустой, другой с рыбой. Первый украсила лошадью из теста (ма-лаоши), а на втором изобразила рыбку. Это тоже Мари, но только на отдыхе, на Желтом море, куда мечтает поехать, если ей дадут хоть неделю отпуска.

Праздник наш вполне удался, но накануне были некоторые сложности. Представляешь, не купить цветов! Ни магазинов специальных, ни лотков, как мы привыкли. Наверное, просто нет здесь такой традиции, чтоб цветы дарить. И действительно, я не могу припомнить, чтоб кто-то, например парень с девушкой или мужчина с женщиной, шел по улице Солон-Гоя с букетом. На Востоке вообще не принято публично проявлять свое отношение. О том, чтоб на улице обниматься-целоваться, вообще речи нет. Впрочем, такого я и в Улан-Удэ никогда не видела.

Мы с Зиной долго объясняли нашей директрисе Му-ин, что хотим подарить букет на день рождения подруге. В конце концов вечером, после работы, нас отвезли на другую окраину города в какой-то склад. Похоже, там оформляют букеты для официальных мероприятий. Мы походили, выбрали охапку розовых гвоздик, но хозяйка цветочного склада не знала, сколько денег с нас взять. Вот такая невидаль! Ну, кое-как потом разобрались. А когда вышли на улицу, то обнаружили, что машина, которая нас сюда привезла, уехала. Как добирались до школы — это целое приключение, долго описывать, как-нибудь потом расскажу. Зато ты можешь себе представить, как наутро удивилась и обрадовалась этим цветам именинница!

Ты, наверное, видела наш с Мари портрет, который я по этому поводу выложила в сети? Его автор — бурятский фотограф по фамилии Арбатский, нам по 18 лет. Помню, мы тогда приехали в Улан-Удэ на первые студенческие каникулы (она из Владивостока, а я из Ленинграда) и зашли к моему папе на работу. Арбатский нас увидел и не смог устоять перед таким материалом, начал снимать. Вот один из тех снимков и оказался настоящим шедевром: там сущность каждой видна благодаря контрасту. Это тот случай, когда «вода и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой».

У Мари мать русская, а отец бурят, но я таких метисок никогда не видела: пышные волосы, светлее моих, а глаза и вовсе голубые, только разрез немного выдает. И все-таки, как сказала ей одна знакомая: «Ты пахнешь, как бурятка». А если выглядишь, как ежик, ведешь себя, как ежик, и пахнешь, как ежик, то, скорее всего, ты ежик. Но Мари только пахнет, а по внешним признакам нельзя догадаться, кто она. И действительно, кожа наша отличается: у русских она более сырая какая-то, от перемены температур мы то потеем, то краснеем, то мурашками покрываемся, а у бурят — более плотная, как дубленая. Потому и пахнем мы по-разному. То-то я каждый раз удивлялась, что в лесу на меня всегда больше клещей налезало, чем на моих спутников-бурят. Наверное, насекомые тоже чувствуют, когда «русским духом пахнет».

Я тоже здесь работаю (в смысле — танцую) много, гораздо больше, чем в Приозерске. Да разве это работа дома была? Два раза в неделю, и то, если захочу. А то позволю девочкам, мол, чувствую себя не очень, давайте лучше в следующий раз. А вот тут работа! Занятия веду вечерами по полтора часа, шесть раз в неделю. Год в таком режиме — это же типа армия. Личное время бойца только в первой половине дня. Да и оно сначала было занято. Новых русских лаоши возили по всяким поликлиникам, фотографировали, мы сдавали кровь на анализы и прочее. Даже письмо любимой подруге некогда было написать.

Поначалу от такой нагрузки очень болела спина, впрочем, это могло быть и от жесткой постели. А вот с лопнувшим в глазу сосудом пришлось обратиться в аптеку. А что значит без языка «обратиться в аптеку»? Все приходится объяснять пантомимой. Нужно было срочно что-то предпринимать. Не знаю, почему это происходит (уже не в первый раз), то ли давление здесь другое, то ли общее напряжение дает себя знать таким образом. Это не больно, вообще не чувствительно, только выглядит страшно, весь глаз постепенно заливаается кровью.

Очень неприятно, что случилось это в самый неподходящий момент, перед вторым открытым уроком. Когда я увидела себя утром в зеркале, то ужаснулась и помчалась в аптеку, даже не зная толком, где она находится. Мари объяснила, где ближайшая, но она открывалась позже, а мне нужно было срочно. Я бежала по улице и всем встречным показывала на свой глаз, потом изображала, как закапываю в него капли, и в конце из пальцев делала крестик. Понимали не все, но некоторые догадывались и указывали направление. В итоге через несколько кварталов я нашла открытую аптеку. Там молодая испуганная монголка продала мне какие-то капли в малюсеньком пластиковом пузырьке за два юаня. Похоже, она никогда не видела еще в своей жизни таких людей, то есть не азиатов. Да еще с кровавым глазом, кошмар! Но лекарство оказалось хорошее, сразу стала проходить краснота, и вечером, во время урока, я уже никого не испугала.

Китайцы вообще молодцы насчет медицины, надо будет маме что-нибудь привезти от последствий инсульта. Не знаю, правда, как при их социализме обстоят дела со стоматологией. Не хотелось бы это проверять опытным путем. Я ведь собиралась еще в Питере перед поездкой подремонтировать зубы, но Амгалан торопил меня вылетать и уверял, что лучше зубы сделать за неделю в Улан-Удэ, цены там, по его словам, гораздо ниже, и у него есть хороший стоматолог. Но это оказалось неправдой, цены там, наоборот, выше (я узнавала), а знакомый стоматолог не брал трубку. Надеюсь, что Бог милует и я обойдусь в этом году без стоматологической помощи.

* * *

Наконец-то новые «русские лаоши» получили свою первую китайскую зарплату. Это пачки малиновых бумажек по 100 юаней с портретом великого кормчего. По этому поводу была устроена вечеринка, во время которой погас свет. Мы позвали завуча Хо, который живет в этом же общежитии, только этажом ниже, он что-то сделал у себя в телефоне, и свет загорелся! Вот что мне нравится в Китае, так это такая система оплаты коммунальных услуг. Если у кого-то кончились на счете деньги, просто отключается вода или свет. Поступили деньги на счет — сразу все включается автоматически. И это сделано для каждой отдельной квартиры, так что коммунальщикам нет никакой возможности жульничать. Вот бы и нам так.

Когда я получала свою худенькую (по сравнению с другими) пачку денег, то изобразила, что она такая тяжелая, даже не унести мне ее. Бухгалтер Ау оценил шутку, весело и дружески улыбнулся.

* * *

Вчера утром мы с Зиной попросили уборщицу нашей школы, китаянку Ши, проводить нас на рынок. Мари с нами не пошла, отсыпалась за неделю. Ну, что тебе сказать про азиатский базар? Там, кажется, есть все, кроме того, что нужно русским лао-

ши, — сметаны и свеклы. В магазинах этого тоже нет, борщ невозможен. И несмотря на то, что там было большое разнообразие продуктов, мы, к удивлению Ши, не купили вообще ничего. Просто не смогли. Это же какой-то страшный сон, когда, например, выпечка (кстати, мне очень там понравились пряники в виде человеческих фигур) на прилавках лежит бок о бок с сырыми курами! Нет уж, обойдемся.

Когда шли обратно, на центральной площади города увидели огромный светящийся (среди бела дня) стенд с портретами двух грустных китайских мужчин. Я спросила у Ши, кто это: хорошие они или плохие? Она ответила, что они «пухао» (плохие), так как взяли кредит в банке и не отдают. Так, мол, написано на стенде. Прикинь! Это прямо как у нас в советское время были доски позора с пьяницами и дебоширами: «Они мешают нам жить». А тут, значит, обогащаться банкам мешают. Эх, коммунисты... И вокруг — море осенних цветов, очень красиво, но я не стала фотографировать, расстроилась.

А сегодня произошло забавное. Мне передали, чтоб я пришла к директрисе нашей Му-ин, которая привезла для нас свеклу! Я очень удивилась, но пошла посмотреть. Видимо, она спросила у уборщицы, что русские лаоши искали на рынке, и решила угодить. Но когда я подходила к крыльцу школы и увидела эту «свеклу», то еле удержалась, чтоб не захохотать. Пол крыльца было завалено огромными зелеными длинными корнеплодами, ботва их свисала со ступенек до самого асфальта. А Му-ин, очень довольная своим поступком, говорит мне, мол, забирайте, Анна-лаоши, и ешьте на здоровье! Потом, конечно, расстроилась, когда я сказала, что это не то, что свекла должна быть маленькая, круглая и «ред» — я показала красный фломастер на ее столе. И нужно нам ее для борща от силы две штучки. А не целый кузов мотороллера! Но этого я ей уже не сказала.

* * *

Вечером я наблюдала, как наш Баяр, установив на крыше под моим окном мольберт, рисовал наш китайский дворик. Я потом попросила показать, что получилось. Знаешь, все-таки он хороший художник, сумел сделать вполне симпатичный этюд на таком скудном материале. Там в середине дворика есть прямоугольный то ли огородик, то ли цветник с разными растениями, в том числе с подсолнухами, они очень украшают окружающую серость. Кстати, там торчит парочка свекольной ботвы, представляешь! А говорили, что свекла здесь не растет! Я сфотографировала ее и показала Му-ин и Ау, что мы имеем в виду. Ау хитро улыбнулся и изобразил, как натягивает капюшон и крадучись идет воровать, выдергивает свеклу и прячет за пазуху. Я на эту пантомиму засмеялась, но Му-ин испуганно затрясла головой, мол, такого делать нельзя! Забавно, что она думает, будто русские лаоши на это способны. Тут же за воровство, наверное, все еще руки отрубают? Шутка-шутка. Просто казнят, и все.

4. Запомни эти удовольствия. О брезгливости

«Remember those sweet» — написано на постельном белье, которое мне выдали в нашем учительском общежитии. «Запомни эти удовольствия». Или, если быть точной, эти сладости. Да уж, удовольствие... Тут огромная, почти квадратная, кровать с тонюсеньким матрасом, положенным на деревоплиту, и плоская продолговатая подушка с какой-то крупной внутри. Материя, правда, вполне симпатичная, гладкая и плотная с милым рисунком. Верхняя половина пододеяльника, простыни и од-

на сторона наволочки ярко-желтая, а другая — темно-синяя, но в белую полоску. И по всему этому пляжному фону то здесь, то там гуляет пара пряничных жирафов с лицами (если так можно выразиться), повернутыми друг к другу, под карамельно-кремовыми облаками и призывом: «Remember those sweet».

Здесь практически никто не говорит и не понимает по-английски, поэтому не следует удивляться некоторой фривольной игривости надписей на постельном белье, купленном китайцами для общежития иностранных учителей. Видимо, им просто нравятся иностранные буквы и их написание. Мари досталось белье абстрактной бордово-белой расцветки с еще более эротической надписью: «Give all your love» (Отдай всю свою любовь!). Она говорит, что ее муж Амгалан, когда приезжал в марте (он привозил ей весенние вещи), очень смеялся над этими словами. Буряты — народ сдержанный и всю любовь ни за что не отдадут, видимо.

Я по примеру Мари подстелила вниз зимнее и летнее одеяла, свернув их в два раза (из-за этого приходится спать на одной половине кровати), а укрываюсь пододеяльником, благо лето, жара стоит, но все равно очень жестко. Уснуть трудно, и по утрам с непривычки все кости болят. Уверена, что это наслаждение мне специально запоминать не придется. Трудно будет забыть. Хотя все равно, если не запишешь, то привыкнешь ко всему, и тогда, как говорится, пиши пропало.

С первых же дней стало очень тяжело общаться в быту. Мари, видимо привыкшая за последние месяцы к одиночеству, начала меня строить и равнять под свои правила. Я была не против их выполнять (ты же знаешь, в мелочах для меня нет ничего принципиального), но нервный тон и дерганая манера подруги говорили, что она недовольна мной целиком. Кажется, Мари ожидала другого от моего приезда и нашей совместной жизни. А может, от моего поведения здесь вообще? Или она совсем забыла меня, или думала, что в другом месте и я стану другой? Обиды мои (на ее взбрыки из-за всякой ерунды) накапливались, и я стала отвечать резко, а иногда и со слезами. А ведь нам с ней предстоит прожить вместе, как минимум, год до окончания контракта.

Справедливости ради надо сказать, что она умерила свои претензии после объяснения, на которое сама же меня вызвала, и даже признала свои выходки очень некрасивыми. Но и я теперь стараюсь не раздражать ее лишним раз своими привычками. Например, я перестала высоко поднимать утром жалюзи, хоть мне и приятнее видеть строящийся в отдалении синий многоэтажный дом, а не только шанхайки под окнами. Еще мне бы хотелось ходить по квартире раздетой в сильную жару, когда еще окна не освещены электричеством и со стороны улицы ничего не видно. Да и четвертый же, вообще-то, этаж! Странно, что Мари на словах утверждает, будто ей до мнения «этих засранцев» нет никакого дела, но одергивает меня, если я начинаю громко возмущаться, когда китаец, например, испражняется прямо на улице. У нас под окнами такое происходит постоянно, и я не хочу этого терпеть. Она и сама может крикнуть в окно такому ссыкуну: «Пу хао!» (Нехорошо!) Но только из-за закрытых штор, чтоб ее не было видно.

Недавно одна из ее подруг, которая тоже раньше работала в Китае, в разговоре по телефону спросила ее обо мне, нравится ли мне здесь. Мари, смеясь, ответила, что не все. «А что, и у вас там тоже харкают? — сразу догадалась подруга. — А я думала, что только мне так не повезло с городами». Я, кстати, поначалу тоже думала, что в более крупных городах дело обстоит иначе, чем здесь. Но оказывается, нет, везде харкают прилюдно, такая особенность. Говорят, что во время Олимпийских игр в Пекине распространяли даже специальные памятки для населения о том, чего нельзя делать при иностранцах. В частности, если таксист будет харкать в окно, то пассажир имеет полное право не оплатить проезд.

Китайцы же вполне могут этого не делать. То есть такой физиологической потребности, как и у всех людей, у них нет. Никто ведь ни разу не видел и не слышал (потому что это делается очень громко), чтобы кто-то из китайцев, которые сейчас толпами ходят, например, по Невскому проспекту, смачно харкал и отплевывался. Их, видимо, специально и строго насчет этого инструктируют перед поездками в другие страны. Поэтому, отправляясь в Поднебесную, люди в большинстве своем и не подозревают, с каким неприятным обычаем им придется столкнуться. Правда, теперь в Интернете много написано об этой особенности их поведения в общественных местах. Хорошо, что я не заглядывала на эти страницы перед поездкой, иначе у меня не хватило бы решимости принять это приглашение. А может, я бы не поверила. Мало ли что можно написать? Но это есть, и в таком объеме, что не дает любоваться ни красивыми видами города, ни другими приятными вещами, которые здесь присутствуют. Только обратишь свой восхищенный взор на пейзаж с пагодами, на широкую лестницу между крепостными стенами, ведущую к храму на холме, на особенно кудрявые облака в невероятно широком (даже в городе!) небе, а тут вдруг рядом этот харкающий звук. Тьфу! Просто мучительство какое-то. Любая толерантность имеет свои границы, но для того, чтоб их расширить, Китай, думаю, одно из самых подходящих мест на земле. Мне уже удалось прокатать здесь свою терпимость, я стала менее брезглива.

Сначала очень раздражали запахи, особенно в обед, когда все начинают готовить (чефанить). Теперь даже не всегда окна в это время закрываю, привыкла. И со звуками так же. Но за окнами тут слышно только людей. То сборщик железного мусора орет, будто ему кое-что прищемили, то продавщица из частного магазина едет на своем мотороллере, груженном туалетной бумагой, и рекламирует свой товар. Я сначала даже подумала, что это кошка каждый день вопит, выглянула. А вот машины и мотоциклы у них тихие. Электрические, что ли? И еще. Каждый день взрывают петарды. Но про это — отдельно...

Раньше я боялась есть тут в общепите, но потом Мари показала мне вполне подходящие заведения, где набор чистой посуды после посудомоечной машины выдается каждому в прозрачной пленке, сам ее разрываешь и накладываешь еду из общей чаши. А блюда мы стараемся заказывать только вареные, после термической обработки. Никаких салатов и полусырых продуктов не берем, на всякий случай. Недалеко от нашей школы есть такое кафе, которое мы называем «Куклы» (потому что в витринах там действительно сидят китайские куклы, изображая традиционную трапезу), там мы бываем довольно часто. На больших экранах в нем видно все, что происходит на кухне, и повара чисто одеты, в белых колпаках.

Единственный минус этого кафе — общительный хозяин, который знаком с нашим начальством. Обычно он подсаживается к нам и начинает показывать в телефоне какие-нибудь фотографии, на которых, например, он почему-то в форме советских солдат времен войны участвует в представлениях художественной самодеятельности. Мы вежливо смотрим, улыбаемся и киваем, а тем временем еда остывает. Поэтому все равно в рабочие дни мы стараемся готовить дома. Даже покупаем уцененные переспелые фрукты и варим варенье. Но это уже так, ради ностальгии. А чаще всего чай пьем с хрустящими палочками (сухим кормом, так Мари их называет), которые берем в одной семейной пекарне неподалеку. Эти палочки и сгущенка в тубиках — любимое наше лакомство здесь.

В магазинах здесь очень дорого то, без чего нам ну никак, а именно — хлеб и вода. Поэтому угроза посадить на хлеб и воду могла бы звучать наоборот, как обещание сытой жизни. Мне она пока не грозит, но я все равно купила это платье. Толь-

ко не говори, что лучше бы оно было не черное и что мне больше идет приталенный силуэт. Не надо! Во-первых, это китайский шелк. Во-вторых, скидка. В-третьих, здесь очень жарко, а оно свободное... Короче, нравится оно мне! А пока на хлеб и воду не заработала, буду пивом и рисом перебиваться.

5. О вере и чистоте. Китайские маски

Гуляя в выходной по городу, мы часто попадаем на какие-нибудь представления или концерты на площадях. Этот район Китая называется Внутренняя Монголия, и живут здесь не только китайцы, но и монголы, поэтому такие мероприятия ведут не двое артистов (мужчина и женщина), а четверо. Двое в национальной одежде (это монголы) и двое в гипюре, блестках и кружевах (китайцы). А в обычные дни простой народ после работы танцует на площадях. И не каждый сам по себе, а все одновременно делают одинаковые танцевальные движения. Я сняла и выложила в сети самое массовое, но это только один уголок, в других местах площади другая музыка и другие танцы. А русская речь, которая слышится на видео, это мы с Мари обсуждаем, как все организовано. Должен же быть тот, кто музыку включает и движения показывает? При социализме культпросветработа всегда на высоте! То же относится и к массовой физкультуре. Производственной гимнастикой занимаются все служащие. Когда хожу по городу в обеденное время, вижу, как из разных офисов и банков выходят одинаково одетые группы и начинают синхронно выполнять разные упражнения.

Тут вообще очень многое делают на улице. (Это не то, о чем ты подумала, вернее, не только то.) Например, в одном небольшом парке мы видели, как стригут и бреют пожилых людей (бесплатно, как я поняла), обрабатывают ноги от грибка, делают еще что-то подобное. Это, конечно, ужас, потому что волосы, пена и вот это вот все разлетается от ветра. А тут же и угощения на лотках... Бррр!!! Мы сначала, когда слышали музыку и увидели скопление народа, подумали, что ярмарка-гулянье, как у нас бывает на какой-нибудь День города. Ну, в общем-то, так оно и было, только с местным колоритом. Наверное, тоже придется купить и носить маску, чтобы не дышать этим всем. Я там чуть не рыдала от смеха, вспомнив про карманную пепельницу, которую недавно подарили Мари. Это такой кошелечек, можно окурочку не тушить даже, а просто туда класть и, застегнув на кнопку, носить в кармане. Чтoб не засорять природу! Как же нам без карманной пепельницы-то обойтись в такой чистоте? Очень смешно...

Ну и для полноты картины пару слов про то, о чем ты подумала чуть раньше. Справедливости ради надо отметить, что общественные туалеты тут есть, их достаточно, и они бесплатные. Но почему ими пользуется не все, для меня загадка. Может, это такое проявление внутренней свободы? Нет, я серьезно. Вроде как протест против всяких ограничений — прилюдное испражнение вскормленных в неволе орлов молодых. Правда, сидящих «в позе орла» взрослых я все-таки пока не видела. И на том спасибо.

После прогулки беседовали с Мари за чаем о вере. Я, конечно, не знаю толком, но мне кажется, что местные жители вообще не имеют никакой религии. Они то, что называется в полном смысле слова безбожники. Потому что даже дацан, в который мы хотели сегодня попасть (но часы были нерабочие, поэтому мы только погуляли вокруг), очень отличается от действующих буддийских храмов, которые есть в Бурятии и Санкт-Петербурге. Он красиво расположен на большом холме, виды

на город, лежащий внизу, открываются чарующие, но это все-таки скорее туристический объект. У Мари это не вызывает удивления, она вообще себя позиционирует как атеистка, хотя с большим уважением говорит про своего Амгалана, который серьезно (по ее словам) занимается ламаизмом, читает мантры и даже дошел уже до какого-то официального уровня. Она почему-то с гордостью говорит о том, что буддизм — это, собственно, не религия, а учение. Из ее рассуждений получается, что понимать — это хорошо, а верить — глупо. Как будто у человека эти вещи не связаны между собой! Хотя у некоторых, может, и не связаны.

Ее поразила твоя история, когда я рассказала, что ты, переехав в Россию, со временем перекрестилась в православие. Я пыталась объяснить, что если занимаешься русской литературой, то это практически неизбежно. <...>

Кстати, говорят, тут недалеко есть какая-то китайская баня, было бы любопытно туда сходить, я даже собиралась, но Мари отговорила. При здешнем отношении к гигиене это мероприятие ей кажется небезопасным. Не хватало еще что-нибудь подцепить. Лучше уж будем хлюпать над своим унитазом. Да, я тебе еще не писала о нашем мытье?

В нашей квартире (очень просторной, надо сказать, комнаты отдельные и небольшие, но объединенные кухня и гостиная — хоть танцуй!) есть малюсенький туалет, примерно два на два метра, где стоят стиральная машина, унитаз и имеется так называемый душ, пользоваться которым почти невозможно. Голову приходится мыть, наклонившись над унитазом, а тело — плеская на себя из ведра, поставленного на крышку того же унитаза, потому что из душа напор воды возможен только очень слабый. Дело в том, что на полу нет ни поддона, ни порога, отделяющего туалет от остального помещения, а если вода вытечет из туалета, то она может испортить отопительную систему всей квартиры, которая находится в полу. Как ни старайся мыться аккуратно, вода на полу все равно накапливается, ее приходится собирать тряпкой и выжимать в унитаз, после чего опять хочется помыться. Я спрашивала Мари, почему они не сделают все по-человечески. Она ответила: «Да ты что! Они и так тут выше головы прыгнули, обустроявая наше общежитие. Мол, мы знаем, как русские это любят!» Подозреваю, что основная причина такого неудобного устройства просто в экономии воды. Ну и хитрецы!

По моим наблюдениям, китайцы в большинстве случаев не отличаются особой предупредительностью по отношению к своим работникам. Например, про ту же воду для питья и приготовления пищи, что ее можно заказывать, а не покупать в магазине, Мари узнала только после моего приезда. А живет здесь уже с самого января. Она и остальные «русские лаоши» полгода носили фляги каждый день из магазина. Это, во-первых, тяжело, во-вторых, очень дорого (в десять раз дороже заказанной) и ужасно неудобно. Нужно постоянно помнить, есть ли дома вода. Ограничивать себя в потреблении воды при таком сухом климате невозможно. Да и зачем? Я сначала удивлялась, а потом все-таки спросила у нашего директора, нельзя ли и нам в общежитие заказывать такие же бадьи, как стоят в школе (так мы называем наш центр) на каждом этаже. Оказалось — без проблем! Но почему не сказать было раньше? Или это тоже — в целях экономии?

* * *

«Юго-восток — ненастная страна», как поется в одной хорошей песне. Ну, не знаю, не знаю. Это какой-то другой юго-восток. Погоды здесь стоят солнечные, но ветре-

ные. Я раньше никак не могла понять, зачем китайцам эти маски? Кто-то говорил, что здесь постоянный смог, плохая экология и прочее. Но тогда бы они в первую очередь на детей их надевали, так нет же, дети без масок. Потом было предположение, что маску носят больные, чтоб никого не заразить. Но не может столько человек одновременно болеть, не эпидемия ведь. А если они, наоборот, боятся сами заразиться, то тоже непонятно от кого, если почти все в масках. Думала, что мания какая-то у китайцев, загоразиваться от других на всех уровнях: то строят Великую стену, то надевают маски, то Интернет блокируют... Перед отъездом сюда я прочитала, что маска — это просто элемент азиатского костюма, мол, современно, модно-молодежно. Молодежь, конечно, их носит, самые разнообразные: яркие и не очень, и в клеточку, и полосатые, и даже разных конфигураций, не говоря о расцветках. Но и женщины, которые сидят у проезжей части рядом с магазинами и торгуют овощами, тоже все в масках, а это уже явно не ради моды, а просто от пыли.

А помнишь, в рассказе у Солженицына Иван Денисович тоже такую тряпочку завязывал за ушами на затылке. Мол, признали ээки, что тряпочка такая от мороза помогает. Так что этот «элемент азиатского костюма» и у нас был распространен на довольно обширных территориях, причем не так давно.

6. Приезд Доржика. Начало проблем

У «русских лаоши» в рядах пополнение: приехал Доржик. Это тот самый посредник, с которым я и вела переговоры о работе. Оказывается, он хореограф и тоже будет преподавать. Мало того, его жена Бадарма через неделю тоже должна появиться. Интересно, что она будет вести?

Еще перед моим отлетом из Питера эта Бадарма бомбила меня звонками от имени своего мужа, чтоб я поторопилась. И я вылетела сразу же, как только получила визу. Но и в самом начале моего пребывания в Улан-Удэ эта бомбардировка продолжалась. Она настаивала, чтоб я в первый же день после прилета села в поезд, который проходит там раз в неделю. Я объясняла, что специально прилетела в Улан-Удэ, выбрала этот маршрут, потому что у меня здесь есть дела, иначе я летела бы через Пекин. Но она долбила свое: «Надо ехать сегодня! Они ждут. Вы не знаете китайцев!» Наконец поезд ушел без меня, и звонки прекратились. В конце концов, это было смешно, как будто китайцы без танцев живота просто помрут за эту неделю! Контракт должен начать действовать с момента моего приезда, такие были условия. В чем проблема-то? Им, значит, можно месяцами не отвечать на письма, затягивать с решением, не вникая ни в чьи планы и обстоятельства, все что-то проверять и высчитывать месяцами, а тут прямо — батюшки, загорелось!

Когда я встретилась с Бадармой в Улан-Удэ, чтобы купить билет до Эрляня, я еще не знала этого слова «пу мимбай» (не понимаю), но у меня сложилось такое впечатление, что жена нашего бурятского посредника по-русски хоть и говорит, но меня совсем не понимает. Теперь-то ясно, что «пу мимбай» это как раз была я, а не она. Бадарма просто делала то, что ей велел муж. Когда я спрашивала ее о нем в лоб, она замолкала. Тогда мне казалось, что она молчит потому, что ей неловко за те неудобства, которые Доржик причиняет своим невыполнением обязанностей. Но теперь я поняла, что сильно ошибалась. Мари мне объяснила, что есть такие бурятские женщины, настоящие чемпионы по молчанию, они это умеют не хуже китайцев. Ты думай про них, что хочешь, а они будут просто молчать, ведь несказанное лучше сказанного, его к делу не пришьешь.

Оказалось, что Доржик этим летом ни в какой деревне не был, в это время он учился на курсах в Шанхае, чтоб получить корочку руководителя культурно-образовательного заведения и стать правой рукой нашего главного начальника Си-ина. Во время застолья по поводу своего приезда он сам признавался в этом безо всякого смущения, а даже наоборот. Вот, мол, какой он хитрец-молодец, теперь у него есть корочка, дающая право быть завучем или даже возглавлять культурное образовательное учреждение в Китае. А то, что я весь последний месяц нервничала, не знала, что делать, меняла туда-сюда свои планы, не получая ответы на свои письма, и все это по его вине, это нормально? Все это ерунда, говорит он, все же хорошо, ты же приехала? Приехать-то приехала, но доверять-то теперь как? Нам же еще предстоит целый год общаться друг с другом, квартиры на одном этаже, дверь в дверь.

Еще Мари и Доржику не нравится, когда я или Зина пишем в сети свои впечатления от Китая. Они-то хотят выглядеть достойными и благополучными людьми, которые путешествуют и живут исключительно по своему желанию в замечательной стране с многовековой культурой, где их ценят и уважают. Пусть, мол, все завидуют! Но на самом-то деле этот современный Китай имеет такое же отношение к тому великому Китаю, как теперешний Египет к своим фараонам и пирамидам, а мы — к протопопу Аввакуму. Стыдно, наверное, признать правду. Недаром Мари на прямые вопросы о том, почему она тут живет, если так брезгует, тоже загадочно молчит.

Амгалан, правда, говорит еще о разнице курса, на котором в Китае наши хорошо зарабатывают. Но уверяю тебя, что это «хорошо» только для людей из депрессивных регионов. Вот поэтому все «русские лаоши» здесь только из Бурятии. Я вижу все своими глазами, и меня трудно убедить в том, что они выиграли счастливый билет. Мари тут недавно обмолвилась, что несколько лет назад они с Амгаланом собирались купить жилье в Турции. Но потом Россия с Турцией поссорилась, и этот их проект накрылся. Я спросила ее тогда, что они там собираются делать. Она ответила: «А знаешь, просто жить». Детей у нее нет (да она их и не очень любит), музыка для нее только средство заработка, а что в таком случае значит «просто жить», я не понимаю. Чем жить-то?

* * *

С 1 сентября вижу на улицах много школьников, они одеты в одинаковые (типа спортивных) костюмчики и пионерские галстуки. Форма у каждой школы своего цвета. Сразу видно, откуда кто-нибудь сбежал, чтоб болтаться во время уроков по магазинам. И мальчики, и девочки носят немаркие и немнущиеся штанишки и курточки, очень удобно. Как вспомню наши белые кружевные воротнички и манжеты, которые нужно было каждую неделю отпарывать и стирать! Да еще физкультурную форму со «сменкой» с собой таскать... А тут — кроссовки обул, повязал поверх куртки красный галстук и — всегда готов. В том числе и на физкультуру. Правда, материя, мне кажется, для детей могла бы быть более натуральная, ведь в школе они целыми днями, то есть «продленка» обязательна. Никаких тебе учебников с собой и уроков дома, чтоб родителям тоже можно было целыми днями работать. По утрам вижу, как детвора в школу идет — с одной бутылкой воды в руке.

Только мне кажется, что эта одинаковая одежда вводит их в заблуждение. Они привыкают, что люди мало чем отличаются друг от друга. Мы, которые тоже воспитывались при социализме, всю жизнь потом удивляемся, когда вдруг оказывается, что не «все равны». Но китайцы пошли еще дальше: они этими одинаковыми брющка-

ми и курточками в гражданах воспитывают убеждение, что по своей сути женщины и мужчины тоже одинаковые. Но ведь это же обман! А уж про индивидуальные особенности я вообще не говорю, уникальность каждого человека — это самый страшный враг социализма. Я так рада, что мои дети росли уже в те годы, когда вообще не было формы и не государство решало, что им удобно, а что полезно.

* * *

От завуча Хо нам передали посылочку (не поверишь!) со свеклой. Оказывается, заказали ее нам китайцы по Интернету, это вообще умора. Видимо, они поняли, что «русские лаоши» (в том числе и буряты) без борща могут погибнуть тут от ностальгии. Шесть корешков, каждый из которых аккуратно упакован в белую нейлоновую сеточку. Мы разделили ее по-братски, по две штуки на каждую квартиру «русских лаоши». И мы с Мари, когда из своей доли приготовили борщ, большую кастрюлю, всех пригласили: и Хо, и Зину, и Доржика. В общем, праздник устроили. И представь, этот Хо, прежде чем даже попробовать мой настоящий кубанский борщ, взял и перевернул всю солонку и весь перец в свою тарелку! Мы аж ахнули все хором, но потом рассмеялись, конечно. Китайцы вообще едят очень острую пищу. Про такую еду на Кубани говорят: один ест, а двое в рот дуют. Думаю, потому и не вымерли при такой антисанитарии.

* * *

Вчера китайцы сильно нас огорчили. Причем, похоже, из лучших побуждений. Когда мы с Мари ушли на свои уроки, они пришли в нашу квартиру и принесли дополнительные шерстяные одеяла. Это хорошо, конечно, но почему без нас? Мы редко отсутствуем одновременно. И наверняка же они ходили в обуви. Ну, пришли, положили бы на диван и ушли. Так нет же! Они заходили в наши спальни! Мало этого, они вошли в мою комнату и перестелили по-своему мою постель (!): добавили тонкий матрасик, расстелив его на всю ширину, и забрали ватное одеяло, на котором я сплю, сложив его вдвое для мягкости. У них что, совсем нет понятий о частной жизни? Как можно заходить в спальню ко взрослому человеку без его ведома? Я в шоке от этой простоты. Это же не гостиница, здесь не гостят, а живут, и живут не дети, а учителя! У нас даже со студентами так не поступают. Попытаюсь, конечно, сегодня объяснить, что это «пухао»... а там посмотрим.

Но вот что особенно странно. Это была целая делегация, как я потом узнала. К нам с этими одеялами зашла не только уборщица Ши, а директор Му-ин, и почему-то с бухгалтером Ау, да еще и Доржигом. Зачем? Я ничего не понимаю, пу-мимбай, короче. А у меня там комп открыт, сигареты на столе... То-то я еще в школе заметила, что Ау как-то странно улыбался, глядя на меня. Пришла домой, а тут вон что. Мари тоже возмущена, обещает поговорить с Ау «при случае». Только, думаю, этот случай никогда не настанет. А жаль, она хоть и не очень хорошо, но уже умеет разговаривать без переводчика.

7. Большой чифан в честь господина Си

Недавно приезжал самый главный наш начальник, господин Си-ин, руководитель центра. Он курирует несколько подобных школ в разных городах Китая. По случаю

его приезда всех лаоши возили в нескольких такси на большой чефан. У меня в этот день опять глаз залило кровью, и в ресторане я сидела в темных очках, как шпионка или как звезда шоу-бизнеса, которая скрывается от папарацци. Что за напасть такая, не пойму?

Расскажу лучше тебе про китайский ресторан. Это совсем не то, что ты думаешь. Почти ничего общего с тем рестораном, куда мы с тобой и другими поэтами ходили во время фестиваля «Петербургские мосты». Должен быть обязательно круглый стол, а вокруг него сидят с одной стороны мужчины, с другой — женщины, как в юрте. Желательно восемь человек (эта цифра здесь очень важная: символ бесконечности), самых важных сажают спиной к окну, лицом к двери, причем остальные должны долго отказываться от привилегии сесть к ним поближе.

Но самое интересное, что в этом ресторане каждый сам себе готовит кушанье! Напротив тебя стоит индивидуальная кастрюлька с водой и каким-то корешком, на индивидуальной печечке. Набираешь в нее любые ингредиенты и специи с медленно крутящегося стеклянного круга в центре стола. Палочками, разумеется. Варится очень быстро, тут печки до 1600 градусов. Потом ловишь эти вареные кусочки и выкладываешь все в пиалу, куда перед этим сам положил соус, ешь. А в это время соседи, из уважения к гостю, накладывают тебе еще всего в кастрюльку. И так продолжается часа два-три. А официант только ходит и подливает всем в кастрюльки воды, потому что она быстро выкипает. В конце, когда круг в центре стола пустеет, этот бульон тоже переливают в пиалы и пьют. О том, как пьют водку, напишу отдельно. Это тоже целая китайская церемония.

Палочками есть сначала было непривычно, но потом они сами стали все цеплять, потому что вкусно. Все свежее — с пылу с жару, да под водочку... ммм! Приеду, научу и тебя так управляться. (Это же моя профессия — учить всему подряд.) Палочками есть, я имею в виду. Потому что с печечками возиться в твоей хатке вряд ли получится, а водку пить мы и по-русски умеем. А за ложку я только один раз взялась (честное слово!), когда соус вылизывала. Да и тут такие ложки смешные, что лучше уж палочками.

На центральном движущемся кругу были такие заготовки: мясо разных сортов, очень тонко нарезанное, лапша, овощи разные, тофу (я не знаю, что это) и всякие соусы, специи. Я хотела себе приготовить постные щи (очень надоело мясо, нам Му-ин подарила огромный кусок, в холодильнике лежит, никак не съедим его), но китайки с двух сторон из уважения накидали мне опять мяса в кастрюльку, пришлось есть. Все равно хорошо, бульон получился в конце такой, я чуть с пиалой не проглотила. С такой закуской, сколько ни пей, до драки не дойдет. Но это правильно, ибо руссоучилки облик морале!

Гости по важности распределяются от окна к двери, сначала важные и старшие, а дальше — по мере убывания этих качеств. Ближе к дверям сидят самые молодые и менее значительные. На самых важных местах у нас сидела чиновница от культуры с мужем, они и давали этот банкет в честь Си-ина. После них в одну сторону — господин Си-ин, а в другую — наша директриса Му-ин. (Кстати, говорят, что она его двоюродная сестра.)

Я и так сидела на очень почетном месте, сразу после Му-ин, но она решила меня еще «повысить» и начала пересаживать на свое место, ближе к чиновнице. Я упиралась всеми копытами, но не из ритуальных соображений, а потому, что хотела сидеть рядом с Зиной, которая не такая важная, да еще и молодая, но мне важнее, чтоб было с кем говорить по-русски. А чиновница эта тоже занимается у меня беллидансом,

как и директриса, им нравятся мои уроки, вот они и захотели выказать уважение. Короче, все-таки пересаживали меня на более почетное место, думая, что я скромничаю и потому отказываюсь. А потом они весь вечер говорили друг с другом через мою голову, да так громко, что я никого больше не слышала. Вывод такой: уважаемым быть приятно, конечно, но за это приходится платить большими неудобствами.

Ну а теперь — про водку, раз обещала. На фото в сети ты видела кувшины стеклянные величиной со стакан, в них (каждому) наливают водку. Это на весь вечер. Рядом стоит малюсенькая рюмочка, ее наполняешь уже сам, встаешь и идешь вокруг этого круглого стола к тому, с кем хочешь выпить. Что-нибудь приятное говоришь ему, чокаешься, пьешь. Показываешь, что выпил этот наперсток до дна, переворачиваешь: «Гамбит!» Значит — уважил человека, садишься на свое место. Так и ходят все по кругу туда-сюда. Все это начинается ближе к концу застолья, когда уже наелись всякого, да еще бульон этот жирный... Короче, по-нашему если считать, то ерунда какая-то, не опьянеть. Потому в результате — ни мордобоя, ни «Ты меня уважаешь?», ни чего другого, по интересам... Расплатились аккуратно, вызвали такси и разъехались по домам. Ну, может, еще сфотографировались на память. Все!

Но меня огорчило, что на этом чифане нашего прекрасного интеллигентейшего завуча Хо, который должен был сидеть ближе к важным людям, хитрый Доржик потеснил. Сам сел рядом с Си-ином, и, кажется, Хо этим был немного расстроен. Я в конце вечера подошла к нему с рюмочкой и сказала, что он самый красивый мужчина в Солон-Гое. Ему перевели, он засмеялся, обнял меня, и мы выпили. Мари на этом банкете не было, она уезжала отдыхать с Амгаланом на Желтое море. Я потом рассказала ей, как все прошло, она подозревает, что Доржик подсаживает Хо, метит на должность завуча. Вот же паразит!

Кстати, мне показалось, что господин Си-ин на меня тогда дважды недобро глянул. Один раз — это когда я с Хо выпивала и обнималась, а еще — это когда директриса Му-ин с чиновницей Линой рассказывали ему наперебой про занятия беллидансом. Они изображали руками танцевальные движения, довольно смеялись, показывая на свои животы, а потом на меня. Наверное, речь шла о том, что за это время Му-ин сбросила пару килограмм. Вот тогда Си-ин в первый раз на меня и прищурился (если так можно выразиться) и сказал Му-ин: «Какие-то вы слишком свободные стали». И Доржик с удовольствием перевел мне его слова. Как тебе это нравится? Если б этот господин знал, как мы с ними после занятий ржем! Их, например, очень смешит, когда я говорю Лине, делая страшные глаза, чтоб она быстрее переодевалась: «Муж ждет!» Слишком свободные... А какие они должны быть, забытые?

Да, я тебе не писала еще, но Амгалан своими звонками из Улан-Удэ все-таки (уж не знаю, как ему это удалось) выдал из китайцев разрешение на то, чтоб Мари отпустили на неделю с ним съездить отдохнуть. Это просто удивительно! Потому что даже на один день нам тут отлучиться никуда нельзя. Китайцы прямо не говорят, что это запрещено, но чинят всякие препятствия, чтоб только мы никуда сами не ходили. Даже в местную школу танцев мне почему-то нельзя сходить посмотреть. В первый же день после приезда сюда они заставили меня купить местную симку, чтоб всегда знать, где я нахожусь, и в любой момент иметь возможность вызвать меня. Мне-то тут звонить некому, а с Мари мы всегда вместе, если не на работе. Но им надо, чтоб мы были постоянно «на привязи», далеко не отлучались, мол, можем вдруг понадобиться начальству. И расписание занятий почему-то всегда неточное, в любой момент может измениться, так что будьте дома, пожалуйста, и ничего не планируйте. А уж насчет поездки в соседний город в единственный выходной даже думать не могли! Я, конечно, и не рвусь, нас и так тут постоянно куда-нибудь возят, как слонов напо-

каз. Но это опять напоминает мне СССР, когда все иностранцы были под контролем. Да и концерты их с флагами, и чефаны с иерархией и хвалебными тостами, с непременным исполнением «Катюши» тоже как из того времени. Меня от этого прям тоска накрывает.

Впрочем, в выходной нам и самим часто не до поездок. Этот день нужен для того, чтоб выстирать и успеть до вечера высушить постельное белье. Второго комплекта на смену почему-то не полагается. Когда было жарко, мы успевали это сделать: окна большие, солнца много, а теперь даже не знаю, пока отопление не включат, как будем изворачиваться.

8. «Несогласные». Первый снег

В последнее время куда-то пропала наша коллега Джин, лаоши из Кореи, давненько мы ее не видели. Она преподавала в нашем центре «хип-хоп», очень милая девушка. Мари говорит, что ее, скорее всего, отправили домой за нарушение условий контракта. Я сначала удивилась, а потом вспомнила один случай на прогулке, когда мы слышали музыку из открытого окна какого-то жилого дома. Это была та самая музыка, под которую наша корейская лаоши занималась со своими ученицами. В окне было заметно бодрое и ритмичное движение. Мари тогда предположила, что Джин втихаря от начальства дает частные уроки. Может, это и стало причиной ее преждевременного отъезда? Только вряд ли мы это узнаем доподлинно, потому что уж на этот вопрос китайцы точно не захотят нам отвечать. Мари еще сказала тогда, что и я могла бы так подрабатывать, например, в ресторанах. Посмеялись, представив, как я выгибаюсь с голым животом, а китайцы сидят с замершими в руках палочками и непроницаемыми лицами. А все-таки жаль, что я такая серьезная и лаоши, поэтому никогда не смогу воспользоваться подобной опцией.

Еще о «нарушителях дисциплины». Здесь редко встречаются люди хорошо, в смысле стильно, одетые. Но они есть, в основном это молодежь и женщины. А вот те, кто своим видом, так сказать, «бросают вызов обществу», практически отсутствуют. Только один раз нам повстречался такой персонаж в широкой шляпе, казаках и косяке, что называется «наголо». Этот пожилой китаец был явно с похмелья и сильно напоминал немывтого петербургского художника с Пушкинской, 10. Тут я первый раз пожалела, что не знаю языка. А то бы мы поболтали! Похоже, он был не против, но Мари меня срочно утащила. Я только успела ему показать большой палец в знак одобрения.

И вот на этом суровом общественном фоне странно мне было услышать рассказ моей подруги об одной китаянке, которую я про себя назвала Чацким. Потому что Мари, говоря о ней, выразилась в том смысле, что у нее, наверное, что-то не то с головой. Эта дама на пляже, где Мари с мужем отдыхала во время своего путешествия, загорала нагишом. А на все неодобрительные реплики сограждан отвечала обличительными монологами. Интересно, что в море эта свободолюбивая женщина заходила, надев предварительно купальник. И действительно, он же купальник, а не загоральник. Правда, не знаю, так ли это по-китайски. А если серьезно, то не могу объяснить. Может, для нее купальник выполнял ту же роль, что и маска на лице, защищал от проникновения внутрь чего-то постороннего? Через какое-то время ее, разумеется, забрали в полицию. Короче, в Китае тоже есть диссиденты.

А еще «несогласными» тут выглядят индусы. Правда, их мало, но я вообще не понимаю, как китайские начальники могут терпеть такие гордые осанки и такое высокомерное выражение лиц! <...>

* * *

Моя комната здесь обращена на восточную сторону, и в ней есть эркер. Точнее — на юго-восточную. Из него очень хороший обзор крыши, с которой надо спускаться еще через один переход во двор. И вот недавно, когда пошел первый снег, я увидела, как две девочки из хореографической группы фотографировали редко летящие снежинки. А я — их из окна. Они же из южных районов Китая, там вообще снега не бывает. Представляю, как их будет радовать лежащий всю зиму снег в Улан-Удэ, когда они поступят и будут там учиться. А самые талантливые, может быть, и в Питере окажутся, уж там-то снегу... да еще какого легкого и пушистого! У меня даже трехстишие по этому поводу родилось:

Две китаяночки из Гуанджоу
Фотографируют первый снег —
Балету учиться приехали!

9. Крутящиеся столы. Как дома

Думала я, что от всего такого уехала и год проживу в Китае буквально трудом и молитвой. Но нет, как говорится, свинья грязи найдет! За эти почти три месяца случались, конечно, и праздники, и застолья, но такого... Короче, позавчера состоялся показ наших хореографов, они отчитывались коммунистическому начальству, чему научили своих учеников. Показ прошел хорошо, и вечером администрация школы на радостях повела всех лаоши (не только хореографов) в ближайшую чефанку с крутящимся столом. Наши хореографы-буряты утром следующего дня, тоже на радостях, налепили буузы (это такие большие пельмени на пару) и тоже пригласили всех своих коллег. У них мы познакомились с каким-то монгольским профессором, который на радостях от знакомства повез нас показывать друзьям-монголам в дальнюю чефанку за очень большой крутящийся стол. Не помню, когда среди нас появилась еще китайская поэтесса... А когда и этот ресторан закрылся, стало понятно, почему один монгол постоянно пил только вино. Он просто был за рулем! Мы-то думали, что нас на этом микроавтобусе наконец-то везут домой, но когда поняли, что они хотят все это продолжить в круглосуточной чефанке, мы (я, Мари и Зина) собрали последние силы, сказали НЕТ и пошли пешком в общагу.

Вчерашнего дня не было, в голове крутились столы. Как мы провели каждая свои уроки, остается загадкой. Сегодня весь день безрезультатно ждали сантехника. А профессор весь день шлет приглашения и объяснения в любви. В общем, мы опять как дома.

За этими праздничными столами, которые один за другим следовали после показа, везде оказывалась какая-то местная поэтесса, которую после ее многочисленных выступлений на одну тему стали называть «Невеста Солон-Гоя». Она читала стихи про то, как в детстве жила в глубокой провинции и мечтала приехать в этот прекрасный город, который видела в юрте по телевизору. За столом она каждый раз вставала столбиком и минут по двадцать выступала без перерыва. Один китаец сказал буквально: «На тебя надо билеты продавать». Потом эта Невеста стала читать длинные стихи про мать. Мы выпивали и закусывали, а Доржик с воодушевлением все это переводил:

Первый человек, который нас встречает в мире, — мать.
Когда мы чего-то достигли, за нас радуется мать...
Когда мы чего-то боимся, обращаемся к матери.

И вдруг я вижу: у моей подруги на глазах уже слезы. А поэтесса с Доржиком продолжают:

Первое слово, которое мы говорим, рождаясь...

«Матерное», — подсказала я. Мари от неожиданности прыснула, а Доржик посмотрел с осуждением. В общем, похоже, что и в Солон-Гое тоже есть какое-нибудь приозерское литобъединение.

Есть тут и пожилые литераторы, которые сначала выглядят прилично, но под столом трогают тебя за коленку. Я по просьбе Мари сначала подарила такому профессору-лингвисту сувенирную куклу-путешественницу, купленную пред поездкой в крепости Корела. Потом пожалела, конечно. А когда на следующий день он звонил и пытался объяснить на разных языках, Мари включила громкую связь и после ее деликатного отказа приехать к нему услышала по-русски наглое: «Иди сюда!» Она чуть телефон не выронила. Посмеялись, конечно, но такого веселья нам и в России хватает.

Мы с китайцами точно братья. Даже слесари, которых вызываешь, очень похоже себя ведут. У нас тут одну дверь заклинило, в комнату Мари, она захлопнулась просто от сквозняка, а ключи были в комнате, потому что мы внутри квартиры ничего не закрываем. Пришел наш бухгалтер Ау с мастером, который сказал, что эти замки вообще плохие (пухао), и заменил сначала в моей двери, где замок был нормальный (я пыталась возразить, но Ау улыбался, как бы прося этого не делать), а потом в той комнате, в которой заклинило. Взял с Мари 100 юаней и ушел. А там просто дверь кривая, и ее теперь постоянно заклинивает. Но ведь 100 юаней лучше, чем 50, поэтому надо поменять оба замка. А работу можно не выполнить, ведь это не ему надо, а этим странным лаоши. Мы опять себя как дома почувствовали.

Но какие они все-таки страшные, эти коммунистические начальники! Было их несколько человек на показе у хореографов. Вроде такие же китайцы, но выражение лиц у всех какое-то мертвое, как у вурдалаков. Я ничего не придумываю, Мари тоже с этим согласна. Когда они свои речи по бумажкам читали после выступлений танцоров, аж смотреть было жутко. Мне кажется, когда слов не понимаешь, внешность гораздо больше впечатляет. Кстати, и наши с Мари фотографии с этого праздника тоже не так чтоб очень живенькие получились. А ведь мы целый день к нему готовились, чистили перышки. Когда Доржик только сказал, что завтра у них просмотр и всем надо быть при параде, Мари радостно заскочила ко мне в комнату и прыгнула на кровать со словами: «В чем пойдешь?» Прямо как девчонка! Конечно, ей скучно целыми вечерами шарики в компе гонять. Только и развлечений, что по скайпу с Амгаланом болтать да гулять со мной по городу. Поэтому каждое мероприятие на людях — целое событие.

Короче, мы принялись приводить себя в праздничный вид. Целый день красились, причесывались, наряжались. И результатом вроде бы остались довольны. А еще перед самым выходом, уже на пороге, Мари вдруг тревожно вскрикнула, вспомнив: «Аня! Духи!» В общем, вплыли мы в зал такими прекрасными (как нам обоим казалось) королевскими. Отсмотрели показ, прослушали речи и начали фотографироваться. И вот смотрим мы на эти фотографии, а на них не королевские, а унылые крашенные тетki. Просто ужас какой-то! Выглядим даже хуже, чем в обычные дни. Может, эти вурдалаки из нас жизнь выпили? Потому что когда без них мы в ресторан пошли, там уже фотки нормальные получились. Потом мы с Мари долго ржали, вспоминая свою тщательную подготовку и, особенно, это ее тревожное: «Аня! Духи!»

За большим чефаном опять пели «Катюшу» и «Подмосковные вечера» — это неизменная традиция на здешних застольях. Просили Мари спеть про есаула и его коня (хоть какое-то разнообразие), но и это тоже не в первый раз. Один монгол зачем-то приволок с собой совсем древнего отца. Мари говорила мне, мол, посмотри, какой хороший сын, как хорошо он ухаживает за своим отцом. А мне этого дедушку было жалко. Мы потом с ним фотографировались еще, тоже непонятно зачем. Как будто для отчета какого, потому что ему самому это точно было уже не нужно. Только еда мне в их ресторанах (в отличие от кафе и забегаловок) нравится. Не вся, но там много разного, и всегда можно найти что-то подходящее. В этот раз была какая-то вкуснящая рыба в ореховом соусе и на десерт груши в карамельном сиропе! Впрочем, груши, кажется, были на предыдущем, официальном чефане. Но помню, что каждый раз, когда эти блюда подплывали ко мне, я тормозила крутящийся стол и палочками цепляла себе кусочек. Хенхаочи! (Очень вкусно!)

10. Прием у губернатора. Очень странное место

Позавчера нас принимал губернатор, маленький сухопарый человек с неподвижным лицом. Это был грандиозный прием с банкетом и концертом. Мне вспомнилась сцена из фильма про Ивана Васильевича: «Царь трапезничать желает!» Только стол, разумеется, был круглый, но оба круга (внешний неподвижный и внутренний крутящийся) покрыты белой скатертью, и посуда изысканная, и приборы, что называется, «фарфор и бронза на столе». А бутылки с водкой какие красивые, хрусталь в золоте!

Каждому из «русских лаоши» настоящие артисты в роскошных национальных костюмах пели шикарными степными голосами что-то наподобие «К нам приехал — к нам приехал... Пей до дна! Пей до дна!» Подносили пиалу и накидывали на шею синий ритуальный шарф. А в пиале водка, но, к счастью, не китайская, а монгольская, она 38 градусов всего и не такая противная, без отдушки. Все русские лаоши «проверочку» прошли. Ну, как говорится, за атамана! (То есть, простите, за губернатора!) Угадай, кто после этого пустился в пляс? Конечно, я, Зина и Му-ин. Нам включили какую-то индийскую музыку, мы подстроились и задорно изобразили недавно разученный танец. И опять мне вспомнилась сцена из того же фильма: «Танцуют все!»

Но тут все не танцевали. После нас, ко всеобщему изумлению, поднялся из-за стола завуч Хо, и зазвучала музыка из «Лебединого озера». Он исполнил мужскую партию из балета вдохновенно, с горящим взглядом. Мари потом говорила, что ей показалось его выступление каким-то подобострастным, но я с ней не согласилась. Теперь понятно, что наш завуч репетировал вечерами, когда все уходило из школы. Однажды я задержалась после занятий и, проходя мимо одного открытого зала, где тихонько звучала музыка, заглянула. А там Хо в дальнем углу, который не попадал в камеры и не виден на экранах в вестибюле, стоял у станка и занимался. Оказывается, он раньше был солистом большого балета (вот откуда у него эта стать), а теперь на пенсии и работает завучем. Хо не местный, потому и живет в общежитии с учителями. Может, это выступление было его лебединой песней, и губернатор тут совсем ни при чем.

Знаешь, он внешне похож на одного известного китайского кинорежиссера, про которого я читала после того, как посмотрела фильм «Зажги красный фонарь». Кино страшное, про жен и наложниц в Древнем Китае, но отличное. Меня тогда удивило, что у этого режиссера пятеро детей, за рождение каждого из которых (начиная со второго) он платил государству большие деньги. А жена у него знаменитая танцовщица.

Ну, вот что за законы такие, когда людей, приносящих славу стране, эта страна штрафует за деторождение?

Не знаю, есть ли у нашего Хо дети (если есть, то они уже взрослые, наверное), но недавно к нему приехала жена, тоже очень приятная женщина. Мы пока не знаем, как ее зовут, называем между собой «дама с собачкой». Это действительно так, она гуляет с беленькой и, кажется, беспородной псинкой на поводке. Они живут сразу под нами в такой же квартире, и по утрам мы с Мари теперь слышим то лай собачки, то знаменитые оперные арии, она у него певица, оказывается. Хо стал выглядеть повеселее, а то совсем грустный ходил. Только при встрече всегда улыбался и приветливо говорил: «Нихао, лаоши!» (Здравствуйте, учитель!) Мы тоже ему отвечаем: «Нихао, лаоши!» Мне нравится, что в нашей школе принято такое обращение ко всем, без различия должностей.

На этом приеме у губернатора жена Хо сидела напротив меня, прямо через стол, и всем своим видом и жестами показывала, что ей понравилось, как я танцую. Она же первый раз это видела. Мне тоже от такого соседства как-то веселее тут жить стало.

* * *

Справа из моего окна видна улица, противоположная сторона которой состоит из ряда одноэтажных каменных бараков с плоскими крышами. На этих крышах долго лежали и сохли связки лука, их убрали только после того, как выпал и растаял снег. Станный способ заготовки, мне кажется. Такие связки овощей иногда лежат и в центре города, прямо на пороге чефанок (столовых) вдоль тротуара. Кафе, где таким образом сушат вымытую зелень перед приготовлением салатов, мы обходим стороной.

По той улице, видимой из восточных окон нашей квартиры, мы с коллегами ходим после работы в ближайший продуктовый магазин. И всякий раз по дороге наблюдаем картину, которая поначалу производила на нас сильное неприятное впечатление, но теперь мы привыкли. Толпа китайских рабочих с улицы заходит в барак. Помещение не очень большое, это понятно по тому, что ярко освещено только одно окно рядом с дверью, остальные окна совершенно темные, значит, там другие помещения, отделенные стеной. Пока мы проходим по противоположной стороне улицы, толпа быстро уменьшается, но если не смотреть в освещенное окно, а только на дверь, то будет непонятно, куда помещается столько народу. Но в огромном окне, как на экране, видны широкие нары в два яруса, на них вошедшие укладываются, но не вдоль стены, а плотно поперек. Здесь темнеет рано, когда мы идем в магазин после занятий, еще только девятый час, но они ложатся спать, потому что встают, похоже, часа в четыре.

— Видишь? — говорю я Зине-лаоши. — А ты удивляешься, что у тебя в соседней комнате люди меняются, а постельное белье им никто не меняет. Тут вон и вовсе без белья спят, и ничего.

Я говорю это специально весело, но понимаю, почему Зина удрученно молчит. Нам-то с Мари хорошо, мы вдвоем, поэтому в нашу квартиру никаких китайцев не подселяют, а она уже устала убираться за своими соседками. Зина родом из Кяхты, жила в частном доме с родителями и сестрами, а училась в Улан-Удэ. Так вот она рассказывает, что там наших студентов после отъезда китайцев тоже заставляли убирать комнаты. Кто платит, тот и может плевать на всех остальных. Это, конечно, общий принцип, но на востоке он осуществляется уж слишком буквально.

Зато теперь благодаря такому соседству она быстро осваивает китайский язык, который ей нужен, так как, кроме рисования, она взялась преподавать еще и русский.

Китайцы почему-то рассчитывали на меня, но я сразу отказалась, у меня контракт только на беллиданс. Зина рада, потому что ей нужен большой заработок. Трудностей в преподавании она не испытывает: есть учебник, он очень примитивный, называется «Дорога в Россию». А желающих учить детей русскому языку здесь много, и нашему центру это выгодно.

У меня складывается впечатление, что все, кто может, хотят переехать в Россию. Но совсем не оттого, что населения много, а земли мало. Земли пустой здесь — завались! Стоит даже просто проехать, как я, несколько часов на поезде от Эрляня до Солон-Гоя, чтобы убедиться. Или пустые степи неплодородны? Я когда-то читала в мемуарах декабристов, что до их появления в Забайкалье только ссыльные старообрядцы выращивали овощи. Местные жители раньше тоже считали, что ничего не растет. Вообще-то, нигде ничего не растет, особенно если не сажать. Жены декабристов развели в Сибири такие огороды, что сами удивлялись своим урожаям. И в Казахстане, говорят, тоже до приезда ссыльных (особенно «западэнцев») не выращивали овощи. Разве что испортили китайцы свою землю химикатами для быстрых урожаев? Не знаю.

Есть и еще одна причина, чтобы ничего тут на земле не делать, — мало воды. Но для некоторых современных стран это почему-то не является препятствием. Что, в Израиле или Арабских Эмиратах много пресной воды? Кстати, в Солон-Гое есть река. Как-то сразу после приезда нас с Зиной везли на такси подписывать очередные документы, фотографировать или сдавать кровь на анализы, и мы переезжали довольно широкий мост. Я попросила Зину спросить через телефонного переводчика у сопровождающего нас Ау, как называется река, которую мы проезжаем. Он ответил: «Никак. Просто река». Мы с Зиной переглянулись. Не может быть. Или он не знает, или опять «на этот вопрос они не хотят отвечать». Но какой смысл скрывать от нас название реки? Похоже, все, что не приносит быстрых денег, им просто неинтересно. Поэтому река — река, и все. Мы потом посмотрели в Интернете, река здешняя называется так же, как весь район, обычное дело. <...>

Сейчас из-за холода мы по квартире ходим уже в угах, а спим не только в свитерах, но и в шапках. Я понимаю, почему в России революция произошла осенью. Каждый год, когда у нас начинается отопительный сезон (который почему-то не начинается!), даже во мне поднимается классовая ненависть. Можно, конечно, потеплее одеться и, что называется, «греться изнутри», но хочется уже и поработать. Некоторым это желание непонятно. Как и то, что не любую работу удобно выполнять в рукавицах. В Китае то же самое! Спасибо Ау, он заказал нам всем по Интернету очень теплые пижамы.

Лучше напишу-ка я тебе о странном, о том, что кажется мне здесь интересным. Вот уже второй раз с момента отъезда из Питера я теряю ориентацию, но не в пространстве, а во времени. Первый случай произошел еще в поезде, когда я общалась с попутчицей, проявляя к ней внимание и уважение, какое принято проявлять к не очень интересным, но пожилым людям. Потом оказалось, что ей нет еще сорока лет, она едет в Монголию, где работает ее муж, они недавно поженились и мечтают о детях (!). Причем дело не в той женщине, она-то выглядела вполне благополучной, дело в моем восприятии возраста.

И вот вчера опять, уже здесь. Беседуем о жизни с Зиной-лаоши за рюмочкой чая. Она рассказывает о своей семье, о тяжелых взаимоотношениях родителей и говорит: — Я только недавно стала с папой нормально общаться. Подумала, он же стареет. Да и вообще, надо же кого-то любить.

Мне понравилась такая взрослая искренность этих слов, и я спрашиваю:

- А сколько ему?
- Сорок пять.
- !

Боже... И только тут до меня доходит, что она совсем ребенок. С этим странным восточным феноменом надо разобраться. Дома у меня таких проколов не было.

А еще в нашем городе есть одно ОЧЕНЬ странное место. Здесь в любой день недели беспрерывно происходит одно и то же действие: под одну и ту же музыку (играет живой оркестр) люди с китайскими веерами одинаково маршируют рядами, а сказочные персонажи таскают по кругу какую-то «королеву». Мы уже два месяца это наблюдаем во время своих вечерних прогулок. Причем это не праздник, так происходит каждый божий день! Не знаю, что будет зимой. И все участники этого шоу — пожилые люди. Не исключено, что это зарядка-развлечение для пенсионеров. Потому что «королева», которую носят в украшенных носилках, каждый раз другая, новая бабушка. Я хотела пошутить, что они похороны репетируют, но не стала. Зина бы, конечно, рассмеялась, но насчет Мари я не уверена.

* * *

У Зиной-лаоши сегодня был день рождения, и в честь этого мы записали видео ее сольного танца. Она занимается у меня с самого начала. Всего три месяца, а человек уже так двигается, горжусь! Немножко плечевой пояс еще зажат, но это потому, что художница. Освободится со временем, если будет продолжать. Жена Доржика, Бадарма, когда не сопровождает мужа и не стучит на кухне ножами, тоже у меня занимается, но до Зиной ей далеко. И не только потому, что она позже начала. Просто Бадарма учится танцевать «для него», а Зина — просто потому, что это красиво.

11. Балет для взрослых. Годовщина революции

Хореографический показ прошел, и сегодня стайка тоненьких китайских девочек отправилась прямиком в Россию. Я видела, как они холодным утром, почти в темноте, стояли внизу у крыльца в своих пуховичках со своими чемоданчиками и махали окнам общежития, где жили последние два месяца и где сейчас, наверное, еще спали все их «русские лаоши». Осталась одна девочка, ее тут называют Пашей, которой почему-то не дали визу. Я думаю, она просто не сдала экзамены. Наверное, Паша тоже в это время стояла в окне и махала им. У меня сердце сжалось, как представила.

Я все думала, чем же будет заниматься Доржик, когда балетные девочки, которых он натаскивал, уедут в Россию? А он вот что придумал. Увидев, как мои ученицы-китайки старательно занимаются, чтобы стать более грациозными, решил тоже вести занятия со взрослыми. Но работающие женщины (а других тут нет) могут заниматься только вечерами, поэтому три вечера из шести у меня забрали под уроки «балета для начинающих». И получилось так, что мои ученицы стали ходить то ко мне, то к нему. Я тоже сходила на один из первых уроков, посмотреть, как это выглядит. Ты можешь себе представить зрелище, когда обыкновенные взрослые тетki перед огромными зеркалами пытаются изобразить, пусть даже не очень сложные, балетные па? Смешнее и жалче зрелище трудно придумать! Пара из них была даже в белых прозрачных юбках наподобие пачек у балерин. Ну, «пиоля!» (красота!), что тут еще скажешь.

Вот чем хорош беллиданс, так это тем, что его движения могут выполнять женщины любого возраста и сложения. Да и пафос совершенно другой, чем в балете. В белли-

дансе главное — женственность, соблазнительная грация. Их можно развивать, потому что эти качества в большей или меньшей степени есть у каждой женщины. Но Доржик все равно, ему нужны рабочие часы и их оплата. Интересно, из чего китайцы будут ему платить? Мой минимум прописан в контракте (полтора часа ежедневно), поэтому мне они не могут снизить оплату. Впрочем, не мое дело, через день так через день, еще лучше. Но он же пытается и меня учить: «Похлопай по попке ту же Му-ин, пусть растрясется!» Его Бадарма довольно хихикает, слыша подобные наставления, а я пребываю в некоторой растерянности.

Недавно Мари ходила с Доржиками (так мы называем эту супружескую пару) на выступления каких-то наших спортсменов из Бурятии, которых привез сюда один бывший бурятский депутат. Вернулась в полном восторге. Принесла мне гостинец — сало и черный хлеб. (По хлебу я действительно соскучилась, тут вместо него все какие-то белые резиновые булки.) Мари мне передала, что Доржик удивлен, почему я не хожу на его уроки. Интересно, зачем?

Но тут меня больше не самонадеянность Доржика удивила, а ответ подруги. Она сказала буквально следующее: «Анне-лаоши у тебя трудно заниматься, она же не профессионал». Прикинь! И она сама мне рассказывает, даже с сочувствием. Как тебе нравится? То есть вести свои уроки каждый день мне было нетрудно, а вместе со своими же ученицами заниматься через день у Доржика мне уже не по силам? Странно Мариша меня защищает, ведь она же знает правду, знает, как я отношусь к «балету для взрослых»... Смешно, но мне чего-то не договаривают, я чувствую. Вспомнилось, как говорил Штирлиц: «Не люблю, когда меня держат за болвана в старом польском преферансе. Я — игрок!» А я вот не игрок. Не хватало еще начать вникать во все эти их игры. Боже упаси!

Кстати, свои занятия с тетками наш ленивый Доржик ведет, сидя на стуле, и проводит он их не один, а вместе с китаянкой, которую все зовут Юной, гимнасткой. Он только говорит, а она показывает все движения. Да еще его жена Бадарма на подхвате — ходит по залу и поправляет дамам ножки и плечики. Вот она (учитель младших классов по образованию), видимо, настоящий профессионал! Кажется, я тут действительно чего-то «пу мимбай» (не понимаю). Что вообще происходит? Мне на занятиях стало почему-то нельзя в середине урока для закрепления разученных движений включать видео, привезенное из дому. А тут, значит, так? Кстати, за моей флешкой, на которую я скачала основной набор упражнений по беллидансу, целая охота началась. Я иногда забываю ее в школьном компьютере, и она исчезает, а потом снова появляется. Да разве мне жалко? Пусть берут и копируют, раз у них проблемы с ютубом. Я даже сама стала им теперь предлагать, если хотят и дома заниматься.

А насчет Доржика все очень подозрительно. Я прикинулась дурочкой и спросила у Мари, при чем тут Юна, зачем она на его уроках? И моя подружка на голубом глазу отвечает, что мужчина-хореограф не может показывать женские движения. Нет, ты когда-нибудь такое слышала? И как быстро она сообразила, что ответить, просто восторг! Мне даже жаль ее стало. Похоже, вертится она в последнее время между двух огней. Замышляют Доржики что-то, и она это знает, но сказать не может. Чувствует, что я молчать и хитрить не стану, выдам ее с потрохами, если узнаю что.

Да, я тебе не писала еще про эту Юну. Она очень интересный персонаж. Приветливая и услужливая, живет тоже в общежитии, напротив квартиры завуча Хо, сразу под Доржиками. Она вела у балетных девочек (до их отъезда в Россию) китайскую гимнастику. Я видела на финальном показе их выступление, впечатляет. Китайская гимнастика вообще ошеломляющее зрелище. Такое девчонки со своими телами вы-

творяют, да как синхронно, глаз не отвести! А еще Юна часто сидит за компом в кабине Хо и что-то печатает как секретарь. В общем, я не знаю, какая у нее здесь должность, но она везде для всех что-то делает. Во время «большого чифана» (застолья) она всегда сидит далеко, не на почетном месте, а, наоборот, спиной к двери, и то и дело вскакивает что-то кому-то поднести, налить.

Мне она скорее нравится, но Мари всегда фыркает, говоря о ней. А я не вижу ничего плохого в ее восточном поведении. И если услужливость есть в твоём характере, то уж лучше угодить всем, чем только начальникам, правда? Мне, например, недавно для группового танца не хватало одного человека, так Юна отозвалась на мою просьбу и быстро выучила все движения, присоединилась. Мало того! Когда я предупредила, что на следующем занятии будем снимать танец на видео, она пришла нарядная и при макияже. Это, мне кажется, многое говорит о ее отношении и к людям, и к делу. А как она гимнастикой с девочками занималась, так вообще выше всяких похвал! Я даже специально заходила к ней на уроки, чтоб поглазеть. Уж не знаю, чем она для Мари нехороша.

* * *

Вчера вечером (7 ноября) наш сосед, завуч Хо, удивил нас с Мари, постучав в дверь с блюдом китайских поз (бууз), которые приготовила его жена. Сегодня мы им «отомстили» кусками капустного и рыбного пирога. (Я тут наловчилась их печь, главное — с мукой в магазине угадать, не купить крахмал какой-нибудь: все же этикетки с иероглифами.) Так китайские товарищи поздравили нас с годовщиной нашей социалистической революции. Но и мы не ударили в грязь лицом!

12. Человек с Луны или Мата Хари

Была в моем детстве такая любимая книга, вернее, книги — «Дневники Миклухо-Маклая». Туземцы считали его человеком с Луны. Вот и я себя иногда здесь так чувствую. Особенно когда Мари говорит: «Ты что, с Луны свалилась? Мы же в чужой стране. Они этого не понимают». Чего они не понимают, что договор нужно выполнять? Как можно вообще не понимать, если организовали уже несколько международных образовательных центров? Выходит, будто они совершенно другие и поэтому вправе требовать от меня соблюдения каких-то своих, а не общепринятых правил. Еще Миклухо-Маклай доказывал, что все люди по своей природе равны. И между прочим, живя на островах Зеленого Мыса среди дикарей, он делал свою работу, проводил научные исследования, а не становился дикарем. И Мари не разубедить меня в том, что я знаю с детства. А тем более — не господину Си-ину с его прихвостнем Доржином.

Чуть что: «Пу-мимбай!» (не понимаю!) Да все они прекрасно понимают, хитрят просто. Хотят, чтобы я русский преподавала. Мол, учеников на беллиданс мало ходит, а русский язык так выгодно. Вы, Анна-лаоши, сможете больше заработать, говорят. Конечно, но главное в том, что и они заработают гораздо больше. Во-первых, отвечаю я, мне не надо больше, деньги — не главное в жизни. Такая мысль коммунистов очень удивляет. Странно. Почему, казалось бы? А во-вторых, говорю, откуда взяться ученикам, если вы не даете рекламы? Молчат, улыбаются. Ну не могут они талец живота у себя рекламировать, оказывается! Социализм же у них. Но по контракту, говорят, у вас должна повыситься зарплата через четыре месяца, которые уже про-

ходят, вам нужно увеличить количество рабочих часов. Ах вот в чем дело! Так вы же их сами Доржику отдали. Хорошо, давайте разделим мою группу по возрасту, я уже предлагала, и будет больше занятий, а у меня — рабочих часов. Залов в школе много, места хватит. Но набор учеников в любом случае не моя забота. А они опять про русский, который пользуется большим спросом. Хоть кол на голове теши!

Да я и в России, если ты помнишь, вела только литературу, а от уроков русского отбивалась, как могла. И вообще считаю, что всех преподавателей русского языка и литературы нужно поделить на русистов и литераторов. Когда я ходила на городские курсы повышения квалификации, то прямо по выражению глаз коллег видела, кому какой из предметов ближе. Потому что язык — наука, а литература — вид искусства, их должны преподавать совершенно разные люди. Такие тонкости, конечно, я здесь не объясняю, просто настаиваю на том, чтобы было так, как прописано в контракте. Мало ли чего они еще от меня захотят? И цель моя была тут не заработок, а спокойно пописать, танцуя только вечерами. Да, еще китайское начальство не понимает, чем я занимаюсь днем, и это тоже их раздражает, видимо. Мари говорит, что Му-ин ее спрашивает постоянно: «Что Анна-лаоши делает целый день? Спит?» Волнует их этот вопрос. Может, потому и в квартиру тогда приходили без нас. Присматривались.

Но я еще дома предполагала, что русский будут навязывать, поэтому специально уточняла у Доржика во время переписки. Меня он уверял, что справка о том, что я работала учителем русского языка и литературы, нужна только для проверяющих документы, а преподавать я буду исключительно беллиданс. Думаю, они рассчитывали на то, что, когда я окажусь здесь, у меня не будет выбора, да и выгоду почувствую, соглашусь. И еще я услышала, что у меня нет высшего хореографического образования! Как будто они не знали, изучая целый год мое досье. Амгалан тогда еще советовал мне добыть где-нибудь подходящие документы, что я танцы официально преподаю. С советских времен терпеть такого не могу! Когда-нибудь кончится очковтирательство? Я сразу ему тогда сказала, что не буду липовых справок делать, если я им зачем-то нужна, пусть берут, как есть.

Очень мне трудно вести переговоры, тем более что бурятские посредники тоже юлят. Похоже, муж моей подруги Амгалан не ожидал такого упрямства с моей стороны. Интересно, что они там с Маришей втихаря от меня по скайпу обсуждают каждый вечер? Если он знал об их планах относительно меня и уверял, что я соглашусь на русский язык, то он, конечно, влип. Ну что ж, поделом, не надо было мне голову морочить. Может, знай я заранее, то и так бы приехала и вела бы целый год у их хайзиков («хайцзы» — дети) русский язык. Только, если честно, чтобы преподавать любой язык как иностранный, недостаточно быть носителем, надо специально учиться. А так — что я, что художница Зина будет вести его, разница небольшая. Помнишь, как ты пыталась финскому внука Кашина учить? Вот примерно так это преподавание выглядело бы и у меня здесь. Но если б я на это согласилась, то еще дома постаралась бы подготовиться, договор есть договор. Ехала бы зарабатывать и зарабатывала бы. Просто не надо было врать с самого начала. А теперь уж — дудки!

Короче, настроение совсем не танцевальное и вообще не рабочее. Боюсь заболеть от нервов. Занятия беллидансом провожу с каменным лицом, просто механически. Это, конечно, никакая не работа, халтура это. Му-ин чувствует неладное на уроках, сначала всем своим поведением показывает недовольство, но я на это не реагирую. Тогда она все-таки не выдерживает и уходит с середины занятия. А подруга моя тоже хороша, говорит: «Тебе что, трудно улыбаться им?» Я огрызаюсь, что такого пункта,

чтоб улыбаться, в договоре нет. Грубо, конечно, но что мне остается? Они пытаются меня нагнуть, а я — ходи и улыбайся! Вызывал меня для разговора несколько раз главный начальник, господин Си-ин. Показываю ему конкретные пункты договора, а он машет головой: «Нет-нет, это для вас». В каком смысле — для меня? Контракт подписан с двух сторон, а выполнять условия должна только я? Потому что это их страна, видите ли! Но они же сами хотели «русскую лаоши»? Вот и получили. Или они хотели русскую только внешность?

Ну вот скажи, вот для чего они заключали со мной договор на беллиданс? Выходит, что он тут никому (кроме теток, которые в восторге от наших занятий) не нужен, а нужны только деньги, которые бы им платили за уроки русского языка богатые родители, желающие потом отправить детей в Россию. Но простите, у меня были другие планы. И потом... не хочу я последнее зрение сажать на проверку тетрадей. Мне в России в свое время хватило. А мои китайские ученицы — взрослые чистоплотные женщины, у которых душа лежит к «пьиоля» (красоте). А не только к деньгам! Представь, мне они нравятся не меньше, чем те, кого я дома к ЕГЭ по литературе готовлю.

Конечно, любые танцовщицы отличаются от литературных учеников, как жители Поднебесной от небожителей. Но только ни с теми, ни с другими у меня никогда проблем не было. Недовольны мной всегда только начальники. (Причем чаще всего — мужики!) А потому, что им и результат обучения нужен, но и достигать его лучше как-нибудь так, чтоб учитель цену себе не знал и по струнке ходил. Хотят и рыбку съесть, и на елку влезть. А просто одно добросовестное выполнение учителем трудового договора их не устраивает. Им нужно еще, чтобы человеку от работы головы было не поднять. А может, они опасаются, что у меня слишком много свободного времени? Что я что-то там свое пишу, живя на их территории? Тоже мне, Мату Хари нашли!

Знаешь, мне тут такая странная мысль пришла... даже не знаю, как к ней относиться. Во время одного из разговоров с этим Си-ином хитрый Доржик, который переводил мне его слова, а ему — мои, предложил мне такое. Мол, я буду по-прежнему вести беллиданс, а если придет проверка, то должна буду изобразить учительницу русского языка. Я от удивления, видимо, так вытаращилась, что они быстро заговорили между собой, а меня оставили в покое. Так, может, и сам договор (его вариант иероглифами) был про русский язык, а не про танцы? Нет, не могу поверить. Не сумасшедшие же китайцы, чтоб так рисковать! Но Доржик мог перевести, конечно, как угодно, с него станется.

Мари заметно нервничает, хочет и со мной не поссориться окончательно, и с Доржиком приличные отношения сохранить, он же ей еще может пригодиться. Говорит, что когда-нибудь он готов помочь ей устроиться в другой центр, в более крупный город с более крупной зарплатой. Сегодня она ходила с ним для разговора в пивнушку. Бадарма, разумеется, там тоже присутствовала. Видно, о чем-то они про меня там договорились. Вернулась она деловая и предложила подумать и найти «настоящую причину», по которой можно было бы расторгнуть мой контракт. Как будто не достаточно того, что они не выполняют условия! Понятно, что на выплату неустойки они никогда не согласятся.

Но Мари уже и раньше намекала на мое «слабое здоровье», на то, что мне «трудно». Трудно мне стало только после того, как приехал Доржик и начал интриговать, забирать мои рабочие часы. Совершенно не переношу такого поведения коллег, хотя понимаю, что изменить что-либо не в моих силах. Думаю, надо будет согласиться, если китайцы готовы меня отпустить «по состоянию здоровья», пусть так

и будет. Но единственное, на что я могу пожаловаться, так это на глаз, в котором периодически лопаются сосуды. Что, конечно, происходит не от физических трудностей, а от нервов. Но Мари за это ухватилась. Она-то меня знает и понимает, что я все равно так, как они хотят, работать не буду, нашла коса на камень. Но, как говорится, лед тронулся!

* * *

На днях приснился мне Иосиф Бродский. Я с ним отчаянно флиртвала, причем вполне успешно. Но не с какой-то глупой целью, как ты могла бы подумать. Там была еще одна женщина, типа подруга моя, это она хотела посмотреть, как живут поэты. Ну, чтоб пригласил он нас. И видимо, у меня получилось.

Дома у него стоит рояль в спальне, ну и письменный стол тут же. (Известное дело, полторы же комнаты.) На рояль никто не обратил внимания, а про стол он сказал, что у женщин такого не бывает, чтобы около кровати прямо. Ну, или не должно быть, не помню. И тут, во сне, я вспомнила, что у меня в Китае сейчас именно так и есть. Я начала спорить, смеяться и называла его Йозефом. Но самое странное то, что из окна его комнаты была видна моя любимая пирожковая на Восстания... «Этого не может быть!» — подумала я и проснулась. Рассказала Мари, что снился Иосиф Бродский, а она отвечает:

— Это тот, который на Васильевском острове умер?

— Нет, только обещал.

— Ну, все равно, мертвые — это к перемене погоды.

А сон ведь мой — совершенно петербургский! Надеюсь, что не только погода переменится. Потому что дальше так невозможно.

13. В ожидании отъезда. «Правдивые» истории

Сегодня Мари мне объявила (ей передал Доржик), что занятий беллидансом больше не будет. Меня отпускают, и не на зимние каникулы в Бурятию (раньше такой вариант обсуждался), а совсем! Наконец-то определились. Говорит, что мне собираются оплатить все полностью, даже обратную дорогу до Питера. Вот это да... Похоже, что Мари в этом заинтересована (во всяком случае, так выглядит) даже больше моего, говорит: «Моральный ущерб они, конечно, тебе не возместят, но материально ты не должна пострадать». Ну, дай Бог. То-то бухгалтер Ау так натянуто мне улыбался в последний раз. Впрочем, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Главное, понять, когда будет расчет, и позвонить Арсению насчет обратного билета на самолет. Тут почему-то вообще ничего заранее узнать невозможно. На прямые вопросы китайцы глухо молчат.

Приходил Доржик и просил написать расписку в том, что договор расторгается из-за моего состояния здоровья. Ага, счас! Отдавая ему расписку, я сказала, что перевести ее для китайцев он сможет так, как ему нужно.

*Господину Си-ину
от Анны-Лаоши*

Расписка

Наш с Вами контракт прерывается по обоюдному согласию. Никаких претензий к работодателю не имею.

01.12. 2018

НЕВА 5'2025

Доржик психанул, но бумажку взял и ушел, хлопнув дверью. Все это происходит на глазах у Мари, она сохраняет печальный нейтралитет.

* * *

Чувствую себя неважно, не хотелось бы заболеть на дорожку. Надеюсь, это просто последствия отравления. Дело в том, что на прошлой неделе китайцы принялись вдруг за ремонт в общежитии. Решили превратить эркеры в лоджии, отгораживая их от комнат стеклянной стеной с дверью. Хорошо, конечно, хоть потеплее будет. И мне сначала понравилось, как ловко два человека работают, такие оба маленькие (на вид — отец и сын), а так быстро все этажи застеклили. Да еще форточку в туалете по моей просьбе поправили, и теперь ни с кровати, ни с горшка не сдувает. Но все материалы, которыми они пользуются, оказались ужасно ядовитыми! И непонятно, зачем ремонт делать при нас, скоро же каникулы? Вот уедем, тогда и остекляй тут, что хочешь. Нет, им так неинтересно, им нужно, чтоб мы отравой дышали, наверно. Тут давно стоят морозы, открывать окна можно только на очень короткое время, и от запаха ядовитого герметика деваться было некуда, особенно ночью. Потом три дня головы у всех лаоши от боли раскалывалась. Ну, вот что за наплевательское отношение к людям? Или они правда «пу мимбай» (не понимают)?

* * *

У Мари год работы заканчивается 12 декабря. Мы решили, что поедem домой вместе, я подожду. Зато теперь почти две недели у меня здесь абсолютно свободные! Хожу в наш любимый японский отдел супермаркета (Минисо) и покупаю всем сувениры: колпачки для сушки волос, китайские мочалки, шелковые сытины (шарфы) и прочую приятную мелочь. Перед самым отъездом вместе с Мари ходим и закупим сигарет, чаю и шоколад (молочный здесь очень вкусный) для гостинцев. А ученицам-китайкам раздариваю свои браслеты, пояса, и подсвечники для танца с огнями. Му-ин, увидев мои подарки, очень трогательно озабочилась прощальным чефаном. Договорились, что пойдем на следующей неделе небольшой компанией: я, Мари, она и Лина с мужем.

* * *

Прочла на досуге восторженный пост об одном парне из Иркутска, который давно живет и работает в Китае. Про жизнь этого «героя нашего времени» можно, считает автор, написать целый роман. Описана история действительно невероятная, и сначала было любопытно читать. Но только до слова «единоборства». Оно напомнило мне одного знакомого, который занимается всеми этими ушу-укушу. Я его знаю с детства, поэтому мне бы очень хотелось верить во все его «китайские достижения». Но это, к сожалению, невозможно. На самом деле все, о чем он говорит, не совсем так. Да и (чего уж там)... совсем не так! В этом я всякий раз убеждаюсь при встрече. А по рассказам на расстоянии можно и поверить, что все в его жизни складно и восхитительно. В последние годы я с ним перестала общаться даже дистанционно. Просто не знаю, как реагировать на такое безбожное вранье.

В Китае я узнала еще несколько таких историй и поняла, насколько «правдивы» рассказы наших соотечественников об их успешной, полной почета и уважения жизни в Поднебесной. Тем, кто хоть чуть-чуть разбирается в психологии, понятны грустные причины такого компенсаторного поведения. Все подобные победы и достиже-

ния — полная ерунда. Басни для тех, кто никогда тут не работал. Зачем подобные истории писателям, понятно, зачем читателям — тоже. Но и насчет «героев» у меня не осталось никаких сомнений. Жизнь иркутского парнишки — сюжет для романа, говорите? Только не пишите сейчас психологические романы.

Все трое моих российских коллег нашего китайского центра приехали из Бурятии, одного из самых депрессивных регионов страны. Но деньги, которые в Китае может заработать человек из России, не основная причина, по которой сюда едут и работают годами, рассказывая о том, как замечательно они тут живут. Для многих людей почему-то очень важно то, как они выглядят в глазах окружающих, которых они в то же время глубоко презирают. Подобное отношение мне кажется чем-то подростковым. Когда нам «ни до кого нет дела», но мы зачем-то постоянно и упорно трудимся над собственным имиджем. Причем у наших такое представление рассчитано как на своих бывших коллег и знакомых в России, так и на нынешних китайских работодателей. В результате знакомые видят только то, что им хотят показать (красивые фотографии с семинаров, рестораны, поездки...), а для коммунистического начальства притворство и показуха — вообще норма поведения.

До того, как началась моя история, я знала лично только одного человека, который ездил работать в Китай. Это была русская девушка, преподаватель английского языка, дочь моего алтайского одноклассника Пашки Орлова, хорошая, правильная девочка. Так вот она очень быстро вернулась и никому не советовала повторять ее опыт. А теперь расскажу о тех, про кого узнала недавно.

Настя-лаоши (тоже русская), учительница рисования, приехала в Солон-Гой одновременно с Мари, а уехала через два месяца по семейным обстоятельствам и возвращаться не стала. (Она как раз жила до меня в квартире с Мари.) На ее должность (учителя рисования) Доржик нашел двадцатитрехлетнюю буряточку Зину, чьи отец, мать и две сестры живут в трудных материальных условиях, выплачивая огромный кредит. Зина ему благодарна, потому что зарплата в Китае выше в разы, а отчетов, которыми задавили российских учителей, нет.

Сам Доржик, у которого дочка учится в Пекине, несколько лет в Бурятии занимал должность проректора. Ректором так его и не назначили, он обиделся, взял отпуск, окончил в Шанхае какие-то курсы и теперь в культурно-образовательном центре Солон-Гою исполняет роль посредника между «русскими лаоши» и Си-ином, стараясь держать себя с нами как старший по бараку, подсиживая между делом талантливого и доброго китайца — завуча Хо. Еще Доржик выписал сюда жену, которая раньше была правой рукой своего проректора, и со временем, думаю, он ее и здесь пристроит на какую-нибудь не слишком заметную должность в качестве серого кардинала. Возможно, Бадарма втихаря будет вести мою группу беллиданса. Недаром же она так упорно у меня занималась. Или русский у Зины заберет. Но даже и таким людям здесь не очень просто, в Поднебесной никому удача с неба не падает. Для достижения желаемого приходится постоянно интриговать.

Про Мари я тебе уже рассказывала. Но такие, например, как Настя, у кого нет увлеченных амбиций, а есть душевные привязанности, возвращаются сразу же, как только представилась возможность. Думаю, что и Зина уедет, когда поможет своей семье решить финансовые проблемы и сама, что называется, станет на крыло. Только вернется она, может быть, не совсем домой (не в Кяхту и даже не в Улан-Удэ), а в Россию. Она восприимчива к литературе, у нее неплохая художественная подготовка, ей нужно обязательно дальше учиться. Для такой девочки Питер — самое место. Но пока ей приходится многое терпеть и помалкивать. Надеюсь, что ее азиатского упорства на все хватит.

* * *

Вот и опять я пакую чемоданы, чтоб через неделю отправиться на двух поездах и двух самолетах преодолевать границы восточных стран и российские просторы. Но на этот раз я точно знаю, куда еду и зачем. Домой, Новый год встречать!

Как все-таки хорошо, что мы уезжаем до всех новогодних праздников. А представляю, что тут будет твориться в китайский Новый год! Мари с ужасом вспоминает прошлогодний февраль, когда от непрерывного грохота им с Настей тут было вообще некуда деваться. Она показывала мне в телефоне короткие видео «торжеств», но я и так верю, потому что даже в обычные дни нам приходится то и дело вздрагивать от пальбы. Причину традиции мы так и не поняли. На наши вопросы китайцы отвечали, что свадьба или другой праздник у кого. Ну, допустим. Раз народу много, свадьбы могут быть каждый день. Но почему с шести утра? Скорее всего, какая-то ворожба вроде бросания монет в определенных местах и завязывания тряпочек на деревья. Скажем, собирается человек идти устраиваться на работу или решать другие свои дела и, чтобы ублажить духов, способных ему в этом помочь, приносит в жертву утреннюю тишину и сон окружающих. Нормально? Ну а уж когда на самом деле свадьба была, мы подумали, что война началась. Молоденькая наша Зина даже испугалась по-настоящему.

Потому, наверное, и кошек у них нет. За все время здесь я кошек видела только дважды. Один раз при входе в супермаркет, другой на улице, за забором. Первую мальчик на руках нес, это была маленькая черная кошечка. Я кинулась, чтоб погладить, но Мари меня отдернула: «Не приставай!» А второй, наверное, был кот. Рыжий и облезлый, он во дворе ближайшей школы что-то ел из железной миски. Зина очень хочет завести тут себе котеночка, она бы его после окончания срока домой в Кяхту увезла (близко, сразу через границу почти), но взять его негде.

V. СТРАХОВКА

— Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один.

*А. Н. Островский.
За чем пойдешь, то и найдешь*

Письмо I

Благодаря тому, что контракт мой все-таки расторгнут, этот Новый год я встретила в обнимку со своей кошкой Таисией. Интересно, что будет означать такая встреча? Например, прошлый год, который практически весь у меня прошел под знаком Китая, я впервые встретила не дома, а в ресторане, среди чужих людей, но зато с танцами и фейерверком во дворе заведения. Из знакомых там были одна здешняя танцовщица и четверо ее родственников. Ну и чем все это обернулось? Жизнью среди китайцев, общением только с Мари, ее мужем да еще тремя бурятами, ежедневными танцами, которые из приятного увлечения превратились в тяжелый труд, и постоянными взрывами петард за окном. И теперь в примету — как встретишь, так и проведешь — верю свято! <...>

Сегодня ровно год с того момента, как я, по словам нашего остроумного батюшки, получила «небесную прописку». Ты этого не помнишь, потому что еще в дека-

бре уехала домой, а когда вернулась, я уже закрутилась с китайскими делами, да так и не рассказала.

Оказывается, в детстве я не была крещена! Представляешь? И выяснилось это только прошлой зимой, причем совершенно случайно во время одного разговора с мамой, когда я приехала поздравить ее и тетю с наступающим Новым годом. По какой-то ассоциации мама заговорила о крещении, причем стала уверять, что меня крестила наша кубанская няня. Я насторожилась. Даже испугалась, не путается ли у нее уже в голове, как у старшей сестры? Ведь всю жизнь крестной моей считалась тетя Рита Асанина, мамина подруга еще с целинных времен. Дальше у нас состоялся такой диалог:

— А как же Асанины? Они же тебя всегда кумой называли.

— Ну, мы с ними так просто еще в Целинограде договорились. Тогда хотели тебя дома крестить (все же комсомольцами были), позвонили в церковь, а поп не пришел.

— Почему?

— Мороз сильный был.

— Ну, допустим. А при чем тут няня?

— А она тебя еще после рождения сразу записала.

— Куда «записала», в библиотеку?

— Понимаешь, тогда в Кореновке церкви не было, ее разрушили, и нянечка наша ходила в молельный дом. Крестным твоим она записала своего брата... Он очень хороший человек!

— Мама, ну при чем здесь... меня туда носили?

— Нет.

— Как же так, мама? Это же не просто обряд, это таинство! Его нельзя совершать заочно, как отпевание, например. Мы же с тобой крестили моих детей, и даже тогда ты не сказала...

— Да я как-то не подумала.

Вот такие мы православные.

И тогда, чтоб не впадать дальше в грех осуждения родителей, я решила сама все быстро исправить. Бегая в Питере по ученикам, я по дороге заглянула во Владимирский собор и сразу попала на огласительную беседу. Но обряд крещения там совершали по будням, когда я нахожусь дома. А в Приозерске, наоборот, крестят по выходным, когда я работаю в Питере. Я рассказала нашему отцу Олегу о своей проблеме, и он согласился окрестить меня одну на неделе после Рождества. Так и произошло.

Накануне спросила его про стоимость обряда, а он стал возмущаться: «Так нельзя спрашивать! Мы не назначаем цену! Только добровольные пожертвования! Священникам же благодать совершения таинства бесплатно дана, так и мы должны». Странно, а почему же тогда во Владимирском соборе мне не постеснялись назвать сумму? Наверное, для простоты, потому что народу там много. Правда, после наш батюшка добавил: «Лучше купите и принесите то, что нужно для храма. Муку для просфор (высшего качества), бутылочку хорошего оливкового масла (елей) и кагор (только не из „Пятерочки“, а настоящий, массандровский), это для причастия». И в результате то на то и вышло.

Все это, конечно, неважно. Главное, что 10 января 2018 года меня крестили! Одну, в почти пустой церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Только несколько постоянных прихожан стояло у дверей, а когда я выходила из храма, они поздравляли меня и улыбались. И надо же такому случиться, что именно во время моего крещения в храме отключилось электричество! Горели только лампадки и свечи. Это, конечно, очень красиво, но воду для купели невозможно было хоть чуть-чуть подогреть. Поэтому поливали меня совершенно ледяной, но и это было почему-то весело.

Но вот что самое интересное. Как только я договорилась тогда о дате своего крещения, с моей поездкой все и закрутилось. Сколько времени до этого китайцы мне голову морочили! А тут сразу дело сдвинулось с мертвой точки. Видно, без этой «небесной прописки» мне путь в Поднебесную был закрыт. Если так, то небесная — это единственная канцелярия, чей бюрократизм в интересах человека.

Письмо 2

В общих чертах тебе уже известен конец моего путешествия, но ты желаешь знать подробности обратной дороги? Что ж, теперь я уже успокоилась и смогу рассказать историю прощания с Китаем и возвращения.

Я получила расчет еще 30 ноября и могла улететь в Пекин, а оттуда прямо до Петербурга. Но мы с Мари решили, что уедем вместе, когда у нее начнется отпуск. Она проработала год без выездов в Россию. Наш отъезд из Солон-Гоя в Эрлянь был назначен на 12 декабря. Потом пересадка на поезд до Улан-Удэ, куда мы прибывали 14-го числа, а дальше я уже одна улетала в Питер. В общем, обратно я добиралась по тому же маршруту, как и туда, только теперь летела с пересадкой не в Москве, а в Новосибирске.

Праздничный ужин накануне нашего отъезда затянулся. Мы обменялись с нашими соседями («русскими лаоши») подарками. Бадарма искренне радовалась богатому синему поясу с монетками, учебнику по беллидансу, диску с музыкой, а может быть, и всей ситуации. Зина плакала. Она нарисовала мой портрет (теперь он висит в маминой комнате в Колтушах) и написала трогательные слова на его обороте. Я даже наберу их для тебя, чтоб ты поняла, какая это чудесная девочка:

«Если бы моя жизнь была книгой, Вы были бы одной из самых интересных страниц. Анна-Лаоши, спасибо Вам за все рассказанные истории, за Ваши уроки танцев и уроки жизни, за вкусные пироги и горячий чай, за заботу и поддержку, за доброту и совместные походы по магазинам! С Вами было очень весело, тепло и уютно. Надеюсь, что мы с Вами не прощаемся».

Портрет я сразу уложила на дно чемодана, чтоб не забыть. Доржик все ждал с моей стороны ритуального лицемерия. Когда же я начну его благодарить за посредничество? Ведь он помог мне сюда приехать и заработать, а потом еще и без материальных потерь расторгнуть с китайцами контракт. Моральные потери, которые я понесла по его вине, он не считал, видимо, чем-то существенным. Поняв наконец, что ничего, кроме холодного приличия, с моей стороны не дождется, он резко встал и ушел. За ним засемила его вечно улыбающаяся Бадарма, не забыв, однако, забрать к себе на время отсутствия Мари нашу духовку. С Зиной я еще посидела, уговаривая ее обязательно писать мне, обязательно звонить и вообще приезжать в Питер.

Несмотря на усталость, уснуть от волнения ни мне, ни Мари так и не удалось. Утром мы встали в пять часов, а к половине шестого уже были готовы на выход с вещами. Оглядев на прощание опустевшие комнаты, проверив еще раз документы и закрепив на себе сумки-пояса с пачками заработанных юаней, мы наскоро выпили кофе и постучали в дверь напротив нашей квартиры, где жили Доржики. Открыла Бадарма и унесла к себе мой матрас с одеялами, о чем договаривались еще накануне, потому что к ним должна была приехать на Новый год дочка из Пекина. Потом она пожелала нам счастливой дороги и закрыла дверь, а мы со своими чемоданами и баулами начали спускаться в темноте по узкой лестнице. Бухгалтер Ау еще вчера заказал нам такси, и оно уже фырчало в морозной ночи у подъезда внизу, когда мы проходили по крыше-переходу. Но перед последним лестничным пролетом наши тяжелые сумки подхватили чьи-то сильные руки. Неужели все-таки Доржик? Погрузив все вещи в машину, мы

в темноте тепло обнялись с провожающим. Им оказался наш добрый сосед снизу, завуч Хо. Ну а кто же еще?

Приехали мы на вокзал вовремя и, мелкими перебежками переноса вещи, добрались до поезда, шедшего на Эрлянь. Хорошо, что на этот раз билеты Ау нам купил не в сидячий вагон, а даже в купейный, всю дорогу мы дремали. В Эрляни предстояло выкупить заказанные им же билеты до Улан-Удэ и дожждаться одиннадцати вечера, когда здесь проходит поезд Пекин—Москва. Еще в Солон-Гое мы планировали, что оставим вещи в камере хранения и погуляем по городу, купим продукты на дорогу, посидим в кафе. Но Амгалан посоветовал ничего не придумывать, а дожждаться вечера в какой-нибудь ближайшей к вокзалу гостинице и оказался прав. Во-первых, там смотреть совершенно нечего, а просто ходить по городу бессмысленно и морозно. Но самое главное то, что Мари совсем расклеилась. Она была в меховой шубе, такой же шапке и в кожаных сапогах на каблуках. Это, конечно, красиво и теплее моей пихоры с уггами и вязаной шапочки, но тяжеловато для дороги. Мари еле таскала ноги.

Да она вообще слабее меня, чего не скажешь по внешности. Я хоть и похудела от китайской жизни, но ежевечерние занятия танцами не прошли даром — очень окрепла за это время. Она же сидела целыми днями за инструментом в холодном классе, вот и результат. Год такой жизни, и любая физическая нагрузка станет непосильной. Я заметила еще раньше по тому, как долго она мыла полы в нашей большой квартире. Мне регулярная уборка вообще никакого труда не составляла и времени занимала не очень много, поэтому я проделывала ее чаще, чем она. Для нее же это было целое мероприятие, на полдня. Но удивительно вот что. После любого посещения нашей квартиры китайцами (слесарями, водносами или кем-то другим) она подскакивала и принималась мыть пол, двери, ручки дверей и все, к чему они прикасались. Тщательно, с хлоркой и очень быстро. Причина такого энтузиазма, видимо, в ее повышенной брезгливости, которая придавала ей сил. Бедный человек, ей же через месяц сюда возвращаться!

Мари уже отработала год, но продлила контракт до следующего лета. Я вспомнила разговор с Амгаланом в самом начале моей поездки. «Риму жалко», — говорил он, когда ей нужно было всего только попросить о том, чтоб меня кто-нибудь встретил в Эрляни. Разве трудно? А то, что она живет и работает в таких условиях, постоянно преодолевая себя, не жалко? А ей себя не жалко? Все-таки тяжелое это дело — восточная любовь к деньгам. Но на сей раз Амгалан оказался молодец, посоветовал не экономить, а заплатить за гостиницу и провести день спокойно, в тепле. В его интересах, чтобы жена благополучно добралась до Улан-Удэ. Ну и я с ней заодно.

Мы остановились в той же гостинице. Номер нам дали тот же самый, в котором я ночевала по дороге туда, только на этот раз он оказался прибранным. Лифта в этой гостинице нет, поэтому тяжелые чемоданы мы оставили внизу (китайка с ресепшна открыла нам какую-то кладовую со швабрами), взяли с собой только сумки с продуктами и дорожными вещами. Мы долго завтракали, отдыхали на мягких (по сравнению с общежитием) кроватях и первый раз за все время смотрели забавный китайский телевизор. Там шел исторический сериал, не требовавший никакого перевода. И без языка было ясно, кто злодей, где красавица и какие коварства замышляются против наивного и доброго, но бедного и смелого героя. Реклама, прерывавшая сюжет фильма в самых драматических местах, по стилистике походила на наши рекламные ролики первых лет перестройки. Дикторы в новостях (думаю, что и сами новости) были хоть и китайские, но тоже вполне советские. Мари пила горячее питье из порошков, которые я привезла из Петербурга по ее просьбе. Хорошо, что пакетиков хватило нам до самого отъезда. Душ здесь тоже покомфортнее нашего (все познается в сравнении),

и я долго его принимала, смывая с себя, как мне казалось, все неприятности последнего месяца. Завтра опять 13-е число, думала я, только уже не июль, а декабрь. И к счастью, не пятница.

Не стану описывать, как долго мы искали тот закуток, где нужно было выкупить наши билеты, и кому мы звонили, и на каких языках пытались объяснить, и всю неразбериху со временем (в дороге оно почему-то исчисляется по-разному), когда невозможно узнать, во сколько именно прибывает поезд в Улан-Удэ. А мне было важно, чтоб рассчитать время и не опоздать на самолет. Скажу только, что ехать вдвоем было веселее, и сама дорога со всеми таможенными контролями прошла вполне благополучно, впрочем, как и в первый раз. Мы даже счастливо избежали одного неприятного приключения.

После пересечения китайской границы очередная сотрудница монгольского пограничного контроля, проходя по поезду с каким-то аппаратом (я такой видела впервые), направила его на Мари и остановилась. Оказывается, датчик показал повышенную температуру у пассажирки. В тот момент мы имели вполне реальный шанс быть высаженными из международного поезда. Даром, что здесь все харкают, кашляют и плюют, но людей с температурой быть не должно. Такой поворот, мягко скажем, не входил в наши планы. Во-первых, на 14-е число у меня уже был билет на самолет из Улан-Удэ до Санкт-Петербурга, а во-вторых, монгольская больница не совсем то место, где можно пожелать оказаться подруге, да еще во время долгожданного отпуска. К счастью, нам удалось убедить пограничную сотрудницу, что это чистая случайность, мы только что пили горячий чай, вот и поднялась немножко температура, а вообще-то, пассажирка чувствует себя отлично и покинет поезд совсем скоро, через сутки, почти сразу после того, как мы заедем в Россию. Фух, обошлось! Дай бог здоровья красивой молодой монголке, понимающей по-русски.

После инцидента Мари и вправду почувствовала себя гораздо лучше. И настолько, что когда мы подъезжали к Улан-Удэ, она потащила самый тяжелый чемодан по проходу в тамбур. Я ей говорила, что Амгалан войдет и вынесет все вещи, он успеет, поезд стоит пятнадцать минут. Но она ответила: «Что ему лишнее носить? И надо будет быстрее в машину, он же выйдет без куртки, может замерзнуть». И упорно продолжала таскать. Я, конечно, присоединилась, хоть была очень удивлена в очередной (но не в последний) раз такими трепетными супружескими отношениями.

На этом пока закончу. Остальное допишу завтра, что-то тяжело вспоминать вдруг стало.

Письмо 3

Захотелось написать, как говорили в детстве, «я обратно в Улан-Удэ». Слово «обратно» в Сибири иногда употребляется в значении «еще раз» или «опять». Этот город я трижды (прямо как в сказке) покидала навсегда и все никак не могла покинуть. Первый раз так случилось не по моей воле: меня увезли на три года маминой аспирантуры, что в детстве равносильно вечности. Но вечность прошла, мама вернулась из Ленинграда, и меня привезли обратно. Второй отъезд — после окончания школы. Тогда я уже сама улетела поступать в ленинградский институт и думала, что не вернусь. Но, окончив учебу, через пять лет с молодым мужем и маленькой дочкой вернулась обратно. И в последний раз я покинула Улан-Удэ только после развода, когда уже с двумя маленькими детьми все-таки улетела в Петербург. Теперь кажется неслучайным, что все мои отъезды были связаны именно с Питером, самым европейским из наших городов. Нет, первые два все-таки с Ленинградом.

До самолета у меня было времени только на то, чтобы помыться после поезда, перекусить и ехать в аэропорт. Мари с тоской обошла запущенный дом, прикидывая, с чего бы начать наводить порядок. Но когда мы сели за стол и выпили коньячку, она постепенно развеселилась и уже стала планировать, на какое новогоднее мероприятие пойдет, чтоб застать как можно больше знакомых, и обдумывала, в чем там появиться, чтобы поразить присутствующих своим благополучием и процветанием. Я тоже присоединилась к обсуждению ее нарядов. Уж не помню, на какой из модных китайских обновок мы тогда остановились. Настала пора моего тоста. Прямо как в Китае, честное слово! Но тут я на радостях, что скоро все это закончится, уклоняться не стала, а благодушно объявила, мол, несмотря ни на что, я очень рада этой поездке. Потом (по предварительному совету Мари) подарила Амгалану свою китайскую симку для удобства сообщения с женой во время их будущих путешествий по Китаю. Рассказала, как Мари помогла мне с рассказом, который скоро будет напечатан в одном питерском журнале, как я прокачала за эти месяцы танцевальные умения... Ну, в общем, съездила не зря, кое-что узнала, еще больше поняла. Короче говоря, спасибо за все, было интересно. Амгалан остался очень доволен моей речью и даже удивленно пошутил: «А я уж думал, что и здороваться с нами теперь не станешь». Ага, решила я, понимает, что рыльце в пушку, чувствует свою вину за создавшуюся ситуацию. Значит, не все потеряно. Но если б я только знала, как скоро его слова перестанут быть шуткой!

Я перепаковала чемоданы, освободив Галкин, и попросила отдать его с моей благодарностью, китайскими сигаретами и пакетиком зеленого чая в кармашке. Мы горячо простились с Мари, пообещав друг другу писать, звонить и в следующем году, когда у нее закончится контракт, поехать вместе на какой-нибудь курорт для поддержания здоровья. И Амгалан повез меня в аэропорт. Тут начинается финальный и показательный эпизод поездки, поставивший точку в моем многолетнем романе с Востоком.

Очень хотелось спать. В поезде бесконечные таможенные проверки проходили ночами, и я надеялась выспаться в самолете. А через десять часов я должна была уже подлетать к Петербургу, совершив всего одну полуторачасовую пересадку в новосибирском аэропорту Толмачево.

Итак, Амгалан поехал меня провожать. К моему удивлению, в аэропорту Мухино (так с недавнего времени называется улан-удэнский аэропорт) было пусто, и представитель авиакомпании сказал, что мой рейс по техническим причинам задерживается часов на девять (!). Этот самолет еще не вылетел из Пекина. На мой вопрос, почему они не сообщили заранее эсэмэской или на почту, мне стали врать, что всем было сообщено, и предложили бесплатно оставить вещи в камере хранения. Пришлось так и сделать. Да уж, достойная компенсация за неудобства! Амгалан сказал, что ничего от них больше не добьешься, он в прошлый раз летел из Китая домой на том же рейсе и просидел в пекинском аэропорту голодным целый день, а потом компания уверяла, что пассажирам были предоставлены и горячее питание, и все условия для отдыха.

Положение мое становилось очень неприятным. Амгалан предлагал решать быстро, остаюсь я или еду с ним обратно. Я боялась уезжать из аэропорта, чтоб как-нибудь не опоздать на задержанный рейс, но после двух с половиной суток в китайских поездах у меня не было сил просто болтаться в аэропорту. И я решила ехать обратно, взяв у представителя авиакомпании номер телефона, чтоб самой узнавать информацию о нашем рейсе. Представитель был явно доволен, что так легко избавился еще от одной пассажирки.

По дороге Амгалан почему-то заехал в мастерскую за каким-то телевизором, и тут выяснилось, что он едет не в город к Мари, а к себе на дачу, как и собирался сделать после того, как проводит меня. У него там сегодня дела, а Рима пусть отдыхает. Зачем ей волноваться зря? Потом узнает. Да какая разница? Конечно, досадно, что так получилось, но он же отвезет меня вечером на самолет, как и обещал. «На даче есть Интернет, и можешь поспать пока». От такой неожиданности я растерялась и на некоторое время вообще утратила дар речи. Первая мысль у меня была позвонить Галке, но я вспомнила, что ее в городе нет, она уехала на какой-то шаманский слет. У меня не было ни русских денег, ни здешнего номера телефона Мари. И тут только до меня стало доходить, с каким беспробудным эгоизмом я имею дело!..

Приходилось признать, что надежд на сохранение дружеских отношений нет. Да, похоже, их и не было. Он хлопотал о моей поездке в Китай перед Си, договаривался с Доржиком, писал мне, уговаривал и звонил, потом возил на Байкал, и все это только потому, что ему было выгодно, чтобы я поехала. Необходимо было жену в Китае удержать, а для этого подруга детства — самое подходящее средство. Но тут еще полбеда, ладно. И не очень честно он описывал мне преимущества поездки, но все-таки заботился. Теперь же, когда Мари там привыкла, год доработала, контракт продолжила, а от меня все равно больше никакого толку, а наоборот, только недоразумения, то могу и в уголочке подождать, пока самолет не увезет наконец. Буддийскими практиками он занимается! До уровня дошел! Ну-ну.

На его даче я подключилась к Интернету и выложила пост с просьбой о помощи на ночной пересадке в Новосибирске. И только после этого разревелась.

Из дневника. 14 декабря 2018 г.

А есть ли среди вас те, кто пожелает провести ночь с танцовщицей из Китая? Тогда подъезжайте в аэропорт имени Покрышкина и встречайте самолет из аэропорта Мухино. Я-то надеялась уже сегодня вечером быть в Питере, так как пересадка займет полтора часа, но рейс отложили на полсутки, и мое пребывание в Новосибирске, видимо, затянется. На самом деле я и сама бы справилась, но вещи очень тяжелые, а сил больше нет. Хелп ми!

Время от времени я звонила в аэропорт, новостей о нашем рейсе мне не сообщали. Амгалан сварил кашу с ягодами (он очень следит за своим правильным питанием) и позвал есть. Увидев мое заплаканное лицо, он сказал, что очень сочувствует, но ничем не может помочь. Я ответила, что может. Попросила вызвать такси и дать мне сто рублей.

Мари, когда оправилась от шока, вызванного моим внезапным появлением (она-то была уверена, что я уже подлетаю к Питеру), тут же достала недопитый утром коньяк, и мы с ней все обсудили. Она уже успела выспаться, а я просто валилась с ног.

— Я закажу такси в аэропорт, а ты пока поспи, — сказала она и вдруг добавила: — Только не ложись в этой одежде...

Что-то подобное я уже слышала сегодня. Амгалан, когда показал кровать на даче, где я могу отдохнуть, предупредил: «Только не в одежде, ты в ней в поезде ехала, а я тут сплю». Интересно, а как я должна была лечь, если все мои вещи в камере хранения? Ему даже не пришло в голову, что мне может быть неприятно раздетой ложиться на его постельное белье. В общем, я тогда уже все поняла: и тут продолжался Китай. От Амгалана я это стерпела, не выразив даже удивления. Просто попросила дать мне какое-нибудь покрывало и прилегла сверху. Но когда услышала похожую фразу от любимой подруги, меня как подкинуло:

— Что, диван испачкаю?

— Я просто хочу, чтоб тебе было удобней, — огрызнулась она.

«Как вы мне оба надоели», — подумала я и тут же уснула, не раздеваясь.

Проснувшись, я услышала в коридоре голос Амгалан, он был уже готов ехать в аэропорт. Мари тоже собралась меня проводить. Она надела куртку мужа и выглядела в ней очень мило. Конечно, все ее вещи были уже выстираны. Но не шуба же? Просто сейчас ей совсем не для кого быть роскошной «дамой в мехах», а лучше — этаким кукушонком в капюшоне. В машине она обратилась к мужу с нежным упреком, рассчитанным на то, что я слышу:

— Ну что же ты сразу мне не позвонил?

Мы долго, медленно ехали в морозной дымке и огромной пробке. Я сидела сзади и смотрела на город, который когда-то любила, мне было грустно. Сухой и колкий мороз, ранние зимние сумерки и знакомые места вернули ощущение детства и бесконечности времени. Вспомнился кинотеатр «Дружба» с плоскими каменными перилами по сторонам невысокой лестницы. По ним мы с Маримкой после школы самозабвенно катались целыми часами, пока вокруг освещенного фонарями кинотеатра не наступала полная темнота и мама приходила звать меня домой. Кинотеатра «Дружба» уже нет, его тоже за чем-то разрушили, хотя он был добротный и построен в стиле советского конструктивизма. На этом месте теперь аляповатое здание театра русской драмы. Русской, потому что есть еще и бурятская драма.

В машине играло радио, и я расслышала слова песни о городе:

Улан-Удэ, Улан-Удэ, Ула-а-ан-Удэ-э-э!

Ты уезжал, я говорила: «Быть беде...»

По телефону неожиданно сообщили, что уже объявлена регистрация на рейс, причем смс о прибытии своего самолета из Пекина я так и не дождалась. Амгалан заметно занервничал, боясь опоздать из-за пробки. Приехали впритык, да еще камера хранения оказалась закрытой, и мы искали кого-нибудь, чтобы получить вещи. Наконец прибежала остроносая девушка в оранжевой жилетке работника аэропорта и открыла камеру со словами: «Надо было раньше приезжать». Одной из последних я зарегистрировалась на рейс и сдала багаж. Фух! Потом достала из сумки дорожную подушку (прощальный подарок Доржигов) и, нацепив ее на шею, бодро улыбнулась. Мари смотрела тревожно и печально: «Сообщи, как прилетишь». Мы обнялись, и я, подхватив ручную кладь, пошла на посадку. Когда прошла контроль и оглянулась, Мари стояла в проеме и все так же грустно смотрела мне вслед. Я вспомнила финальную фразу из нашей с ней детской книжки: «И еще издали девочки крикнули друг другу: „До свидания!“» Подумала, что теперь вряд ли. За ее плечом маячил Амгалан. Я помахала им рукой.

Простившись в зале вылета со своими друзьями, я послушно взяла на входе бумажку о задержке рейса и вместе с остальными пассажирами прошла в так называемый «накопитель». Но одна девушка стала громко и уверенно говорить работнице аэропорта, выдававшей справки, что на них нет ни печати авиакомпании, ни подписи ее представителя, и требовать другую, с которой можно будет потом обратиться за страховкой. Несколько молодых людей ее поддержали. Сотрудники аэропорта отвечали, что они всегда выдают только такие справки о задержках рейсов, и торопили садиться в автобус. Молодые люди во главе с девушкой начали настаивать на встрече с представителем авиакомпании, по вине которой они на целые сутки опаздывали на работу. Как я поняла, у них в Новосибирске тоже должен быть стыковочный рейс (кажется, на Красноярск), который они пропустили из-за этой задержки. Кстати, наш

самолет летел из Пекина и задержался по неизвестным для пассажиров причинам, нам так ничего и не объяснили. Китай продолжался!

Работники аэропорта говорили, что самолет уже отправляется, но молодые люди отвечали, что ждали десять часов, поэтому теперь пусть немножко подождут их. Нескольких человек (и я в том числе) присоединились к бунтующим. Я ни на какую работу не опаздывала, мне просто стало интересно, чем кончится. Другие пассажиры уже сели в автобус. Наконец у оставшихся в накопителе собрали посадочные талоны, и мы ожидали еще минут двадцать. Прибежала та же остроносенькая, что выдавала мне вещи из камеры хранения, и, резко спросив: «Больше никто не летит?», закрыла веревочкой выход на аэродром. У двоих «несогласных» сдали нервы, они поднырнули под это условное ограждение и прыгнули в отъезжающий автобус. Наконец, еще минут через десять, пришел представитель авиакомпании. Он начал, запинаясь, зачитывать фамилии и раздавать посадочные талоны, которые были теперь с правильными печатями и подписями. На очередную фамилию никто не отозвался. Активная девушка догадалась, что это один из сбежавших. «Мужик!» — прокомментировал кто-то из молодой компании, и все засмеялись. Тогда девушка, чтобы ускорить процесс выдачи талонов, сказала: «Давайте мне, я в самолете раздам». И мы сели в подошедший только за нами автобус. Прощай, Улан-Удэ!

Рассказ о пересадке в Новосибирске потребует много времени. Поэтому протиснемся до завтра.

Письмо 4

В Новосибирск наш самолет прилетел около двух часов ночи. Те, кому предстояла пересадка на стыковочные рейсы, на которые мы все опоздали, выстроились в очередь к стойке авиакомпании S7. Меня беспокоил мой багаж. Вдруг все-таки придется получать его и перерегистрировать? После всего случившего за дорогу я уже еле таскала ручную кладь (по пять килограмм в каждой сумке) и на спине рюкзак с ноутбуком. Правда, в Улан-Удэ обещали, что вещи из самолета без дальнейшего нашего участия перегрузят на те рейсы, куда нас зарегистрируют, где будут места. Но тут выяснилось, что если я не получу сейчас багаж, меня дальше не отправят. Новосибирские представители той же авиакомпании ответили, что в Улан-Удэ меня уверяли в отсутствии проблемы для того, чтоб я просто быстрее улетела, ничего больше не выясняя. Прямо так, открытым текстом и объяснили. И опять: здравствуй, Китай! То есть это было обещано, но они не обязаны выполнять то, чему я поверила. Доверчивость пассажира — не их проблема. Я что-то подобное еще при отлете заподозрила, но тогда мне было не до вещей, с подружкой детства прощалась. Ну и, конечно, хотелось надеяться, что так и будет, как сказали.

Неожиданно зазвонил телефон с незнакомым номером. Неужели кто-то отозвался на мой сигнал sos, брошенный в сеть? Меня разыскивал некто Леонид Савинов, он сказал: «Евгения Гольцова из Иркутска попросила меня вам помочь». Я ответила, где нахожусь. Он не выглядел ни суперменом, ни героем, даже наоборот. Просто невысокий интеллигентный человек в очках с азиатскими чертами лица. Но это было нормальное человеческое лицо, в нем не было никакой хитрости. И с этого момента на душе стало теплее и легче. А до его появления мне казалось, что мои последние силы уходят на то, чтоб только не впасть в отчаяние. Следующий рейс на Петербург в одиннадцать утра, на который хорошо бы еще попасть, но без получения неподъемного багажа меня не зарегистрируют.

А багаж мой вообще потерялся! Оказывается, его не выгрузили из пекинского самолета, и моя сумка с костюмами и реквизитом для арабских танцев чуть не улете-

ла обратно в Китай. Я никогда бы не поверила в то, что увидела своими глазами, эти несколько комнат с полками до потолка в багажном отделении аэропорта Толмачево, которые заняты потерянными чемоданами и сумками... Не представляю, как бы я справилась там без этого человека, без Леонида. Теперь мы с ним ходили от представителей авиакомпании к представителям аэропорта, ругались с теми и другими, выясняли, разбирались, но все это были уже пустяки. Главное, я была не одна. Иногда кто-то из нас оставался с вещами, а другой продолжал добиваться багажа, билета, места в гостинице...

Когда к четырем утра в конце концов все устроилось, я мечтала только рухнуть и проспать до самого отлета, до одиннадцати часов, но из вежливости все-таки предложила Леониду выпить пива «за успех операции». Он ответил, что, к сожалению, не может больше задерживаться, потому что завтра (вернее, уже сегодня) у них в Новосибирске начинается конкурс «Лидеры России», где он эксперт. «Все готово, но надо немного поспать», — скромно улыбнулся он. У меня челюсть так и отвисла! То есть незнакомый человек помогал мне даже не потому, что у него было свободное время, а просто потому, что его попросил об этом тоже малознакомый человек, причем из другого города? Удивительная история!

Собственно, вот и все о перипетиях моей тяжелой дороги. После той ночи у меня начался сплошной праздник. В номере я оказалась с женщиной с нашего улан-удэнского рейса, которая тоже летела до Питера. У нее не было багажа, поэтому в гостиницу она поселилась раньше меня. Я наконец сняла и повесила пихору, а насквозь промокший свитер положила на батарею. Потом долго-долго опять принимала душ (третий раз за эту дорогу) и снова не могла нарадоваться тому, как прекрасно течет вода. Наутро всех «задержанных» бесплатно кормили в ресторане гостиницы, там был шведский стол. Ты же знаешь, я не очень прихотлива в еде, но именно тогда, помню, вдруг ощутила, насколько соскучилась по привычной европейской кухне. Гуляя по знакомому с детства аэропорту Толмачево, я удивлялась его обновленным интерьерам, которые вчера в нервотрепке даже не заметила. Мы с моей милой попутчицей фотографировали друг друга на их фоне и весело болтали, ожидая посадки. К сожалению, у меня куда-то пропал потом номер ее телефона, помню только, что работает она в каком-то салоне красоты на Петроградской стороне, а фамилия у нее очень петербургская — Арапова.

На одиннадцатичасовом рейсе летело много людей из нашего вчерашнего самолета. После отдыха в гостинице и вкусного завтрака все были благодушно настроены, а один мужчина даже говорил, что такая задержка рейса — вообще пустяки. Вот в Чите, например, прилетевшие ночью или рано утром люди вообще ожидают открытия аэропорта прямо на аэродроме, у дверей. С ним в прошлом году такое было. Аэропорт там, рассказывал он, по часам открывается, как магазин. Пассажиры смеялись его словам, но некоторые, мне показалось, верили. Как долетели, я не очень помню, только надпись на коробочке с едой, которую раздавали в самолете, осталась в памяти: «Посетите Землю!» Нарисована там была какая-то дурацкая рыба с выпученными глазами. Мне почему-то стало смешно, когда я ее увидела. Еле потом успокоилась. Наверно, нервы сдали.

Под конец поделюсь радостью, потому что невероятно горда собой. Сразу по прилете я заставила себя сесть и написать в страховую компанию о задержке рейса. Мне пришлось сначала изучить, а потом приложить к запросу уйму разных документов. Но я все сделала! И сегодня пришло уведомление о зачислении на карту страховки. Шесть тысяч рублей! Думаю, страховая компания не сильно разорилась, выплачивая такие деньги, ведь правильно оформленные посадочные талоны были только у десятка пассажиров из всего самолета.

Алексей КАРАВАНОВ

РАССКАЗЫ

Слог Алексея Караванова может показаться аскетичным, если не заметить тонкого изящества, которым он проникнут. Он и в развитии сюжета избегает внешних эффектов, предпочитая взрыву глубину и тайну. Читайте и наслаждайтесь. И запомните это имя: Алексей Караванов.

Александр МЕЛИХОВ

МИРА ИКОНА

Дверь отворяется, и я с Мирой захожу в больничный храм, становлюсь частью потока. Тут одни взрослые, пожилые, в тусклых одеждах и платках. Выглядят печально. Девушек нашего возраста вроде бы и нет. Хотя есть дети, стоят молча, держат за руки мам и бабушек, но тоже на вид несчастные, серолицые. Это очередь из болей и надежд.

Я ставлю телефон на беззвучный и смотрю на Миру, чтобы еще раз убедиться, насколько она тут не похожа на остальных. На ней короткое темное платье, на ногах белые гольфы и черные туфли с высоким каблуком и застёжкой. Кожа у нее гладкая, цвета топленого молока, цвета книжных страниц из самых дорогих изданий. Она и есть такое дорогое, лучшее издание.

Пытаюсь заглянуть за головы людей и наконец-то вижу икону. Даже с расстояния заметно, что под ликом какие-то потеки. Люди перед ней кланяются, ставят свечи. Пламя подрагивает от шепота. Мне кажется, я слышу «помоги», «спаси», «даруй».

Одни отходят, другие продвигаются, никто громко не разговаривает. И вот двое стариков, стоявших перед нами, уходят в сторону притвора, а мы с Мирой останавливаемся напротив иконы. Богородица чуть склонила голову, правую руку держит немного выше сердца, но не прислоняет к груди. У нее кричащие глаза, как живые, а слезы текут струйкой. Даже не знаю, с чем их сравнить. Немного похожи на молодой мед. Я смотрю на Миру и сразу понимаю, что она не ожидала увидеть подобное.

— Вот... — говорит она. — Это настоящее?

Не знаю, как ей ответить. Я ведь и сама не верила, что будет так правдоподобно. Ну краска потекла, ну выцветать начала, а тут...

— Да, — отвечаю я.

Чувствую, что люди рядом мысленно нас осуждают. Ни у меня, ни у Миры нет в руках свечей, мы не молимся и ни о чем не просим. Мы просто глазеем.

Я беру ее за руку и тяну к выходу.

Алексей Караванов родился в 1985 году, окончил Южный федеральный университет, проживает в Ростове-на-Дону. Публиковался в журналах и альманахах «Edita», «Без цензуры», «ДЕГУСТА.РУ», «Молоко», «Царицын», «Футарк», «Альдебаран», «Млечный Путь, XXI век».

На улице все тот же теплый сентябрь, солнце, зеленые деревья. Возле стоящей неподалеку беседки толкаются мальчишки, явно что-то не поделили. В воздухе две бабочки кружатся друг вокруг друга, как будто тоже перед дракой.

Мы покидаем территорию больницы, проходим площадь перед институтом, идем дальше. Сложно заговорить о чем-то, взгляд иконы, такой настоящий, отчаянный, стоит перед глазами. Но Мира словно и не потрясена. Хотя это в ее натуре, это я вечно восхищаюсь всем подряд, вечно начинаю нервничать по любому поводу. Ей же все равно, хоть небо рухнет.

— Пока главное не забыла, — я отсчитываю три купюры.

Она кладет деньги в сумочку, достает телефон и начинает набирать сообщение. Явно какому-то парню. Но убирает палец от экрана и смотрит на меня.

— Чего мы молчим? Ты думаешь, это настоящие слезы? Как так может быть?

И я вижу, что Мира наконец-то смотрит с интересом, а не отстраненно.

— Не знаю, но выглядело не как подделка.

— Ага, совсем.

— Да ладно, просто краска потекла, — меняю я настрой разговора.

— И так похоже на плач?

— Да знаешь, на разных картинах может по-разному краска потечь. Это я тебе как художник говорю. И тут просто совпало, что именно потекла под глазами. Не слезы это, эффект, будто слезы, — я не верю сама себе. — В мире очень много картин, икон, тысячи. На многих краска течет в разных местах. Вот на этой просто совпало.

— Да, наверное, так, — соглашается Мира.

— Видишь, теперь все понятно. Какие мы умные, правда?

Прихожу домой, скидываю верхнюю одежду, но фотоаппарат пока что оставляю в рюкзаке. Кричащий взгляд иконы, ее слезы передо мной, будто она тут, на стене в моей комнате, а не там, в храме. Я беру телефон и пишу сообщение Даниилу:

«Не ожидала».

«Ты о чем?» — отвечает он.

«Видела как раз икону, про которую ты говорил. Реально как плачет».

«Да, потрясающая».

Вечером, поужинав легким салатом и выпив йогурт, я наконец-то достаю карту из фотоаппарата и подключаю ее к компьютеру.

Сегодня в моей черно-белой сессии участвовала Мира, как всегда, дюна, как обычно, а третьей была тень.

Небо на фотографиях бледно-серое, даже дюна кажется белее. Мира на переднем плане, полностью в кадре, я никогда не отсекаю часть ее тела краем снимка. Она слегка склонила голову, слегка набок, ее черные волосы самые черные, зловещие на свете. Не знаю, с чем сравнить их цвет. Как хорошая виниловая пластинка. И рядом тень, сильно наклоняется, точно стрелка часов указывает на два часа пополудни.

Выбрать тень в качестве актрисы — хорошая идея, когда снимаешь в черно-белом. Цвет — не ее тип снимка, не проявляется в нем полностью ее актерское дарование.

Я приближаю одну фотографию, где выражение лица Миры кажется мне наиболее удачным. Смотрю ей в глаза. По ее взгляду кажется, что она ничего не хочет, ничто ей не нужно, никто ей не нужен. Мире не надо мира. И само собой, она не смотрит в кадр, не смотрит на меня.

Возвращаю фотографию к изначальному размеру. Нет, тень — это хорошо, но такие эффекты были в прошлом веке у каждого известного и не особо известного фотографа. Нет, это не оригинальное видение, а подражание. Нет, с таким мне не попасть в главную галерею. Да, тень, я тебя увольняю, снимайся у кого-нибудь другого.

В следующий раз надо придумать что-то особенное.

* * *

Пока электричка везет нас к дюнам, Мира переписывается в телефоне со всеми своими поклонниками, а я смотрю в окно, мне не надоедает. Рамка окна — это тоже края фотографии, электричка тоже фотограф. И ей все не нравится, отмечает кадр за кадром. Прямо как я.

Люди в вагоне уставшие, хотя время утреннее. Или не выспались. Мальчишка, сидящий напротив нас, не отрывает взгляда от Миры. Правильно, пацан, смотри, ведь такой красоты ты больше не увидишь. Этот час в вагоне продлит твою жизнь на несколько лет.

Там, где заканчивается город, начинаются дюны. Где дюны — наша остановка. С нами выходит семейная пара с ребенком. Мы с Мирой смотрим и ждем, в каком направлении они пойдут, чтобы самим пойти в другую сторону. Нам не нужны посторонние.

Пока мы ступаем по песку, мне хочется сказать, что я так ничего и не придумала за эти дни. Не придумала гениальный кадр. Мы проходим один песчаный холм за другим, и я решаю, что вот этот, ничем не отличающийся от остальных, подойдет. Устанавливаю штатив, закрепляю фотоаппарат, выбираю монохромный стиль и настраиваю фильтры. Достаяю из сумки босоножки для Миры. Я всегда снимала ее в классической обуви, но в прошлый раз она набрала много песка в туфли, поэтому сегодня мы решили, что лучше ей будет просто переобуваться.

Она переобувается — очередной совершенный образ готов: платье цвета темное бордо, пояс чуть ниже талии, аккуратная сумочка, плотные черные колготки и босоножки, тоже бордо. Я смотрю, как она выглядит в объективе. Мне кажется, что даже лучше, чем в жизни. Все же искусство красивее жизни.

Я выбираю режим съемки в пятьдесят кадров и снимаю, как Мира резким движением выбрасывает в воздух содержимое сумочки. Фотоаппарат запоминает полет тюбиков помады, заколок, карандашей и шпилек.

Мы собираем все обратно, и Мира, поднявшись чуть выше по дюне и став вполоборота, повторяет фейерверк. Снова фотоаппарат плавно снимает каждое мгновение.

Выбираю другие ракурсы, прошу Миру то смотреть в объектив, то отвернуться, но уже понимаю, что вечером, когда буду просматривать материал, мне снова ничего не понравится.

— Все не то, — говорю я.

— Ты о чем? — удивляется Мира. Она действительно не понимает.

— Давай пройдемся.

Она переобувается в свои баскетбольные сникеры, я упаковываю все в рюкзак, и мы просто отправляемся вперед по дюнам, в сторону океана.

— Ты считаешь, что у тебя получаются плохие кадры? — спрашивает Мира.

— Не то что плохие, даже хорошие, но это не то, что нужно, — я смотрю на Миру и замечаю ее вопрошающий взгляд. — Только ты не думай, тут не в тебе дело, ты как модель просто... очень хороша. — Я чуть не сказала «мой идеал». — Сами сюжеты кадров пока какие-то скучные.

— А что нужно? — Мира подбивает песок, словно бьет по невидимому мячику.

— Магия и правда, — отвечаю я неосознанно и сразу задумываюсь: почему мне на ум пришли эти слова?

— Хорошо, поняла. Вернее, не поняла.

— Ну... — я думаю, как бы объяснить не только ей, но и самой себе. — Это то, как я бы хотела, чтобы люди видели мои работы. То есть что-то реальное, жизнь, но и некую магию в ней, не бытовые зарисовки.

— Теперь чуть понятнее.

— Лучшее фото — это то, которое затягивает тебя. Видишь его на стене и протягиваешь руку, точно к другой реальности, куда хочется попасть. Или как сфотографировать человека так, что хочется сразу подсесть к нему, поговорить.

Пока что дюны скрывают океан, но скоро мы дойдем до берега. Уже слышен шум, точно к уху приложили раковину.

— Да, бывало такое, — говорит Мира.

— Это с какими фотками у тебя такое бывало?

— Не с фотками, а в общем бывало, — она задумчиво смотрит себе под ноги.

Песок дюн желтоватый, темнее кожи Миры, но в черно-белом изображении и она, и дюны станут бледными. Не знаю даже, с чем сравнить их цвет. Будут точно мел.

Я понимаю, я всегда это знала, что Мире неинтересно искусство. Ее просто влекут легкие деньги. Я заплачу ей за сессию, а она купит что-то из косметики, скормит сумочке новую безделушку. Или потратит на какие-нибудь духи, на амулеты и колечки.

На подходе к берегу можно заметить верхушки осветительных мачт. Когда-то давно, задолго до моего рождения, на месте этих дюн был порт, край города. Но постепенно ветры стали усиливаться, стягивать песок, засыпали все песком, скрыли лавки торговцев, публичные дома, брошенные корабли. Только мачты освещения полностью засыпать не удалось. Их верхушки, шероховатые от ржавчины, с разбитыми прожекторами, теперь немногим выше людей. С одной мачты и сами прожекторы сорвали, остались два крепления, точно рога.

Дома я покадрово рассматриваю съемку. Получилось, на удивление, не так и плохо. Фейерверк из сумочки хорошо смотрится. Только вот...

— Сегодня потусуюсь с ребятами, — сказала Мира, когда я отдавала ей деньги за сессию.

Я сижу перед экраном и представляю, что она скоро со своими друзьями нагрянет в какой-нибудь притон с неоновым освещением, где бутылки сами разливают по бокалам пиво, смех переплетается с музыкой, и каждый отбирает, отбирает, отбирает у меня Миру.

Все, что мы обговорили с заказчиком, я выполняю быстро и хорошо. Я не для того заканчивала художественную школу и все на свете курсы дизайнера, чтобы тратить сутки на нехитрую графику. Потом выбираю лучшие фотографии с Мирой из последних сессий и выкладываю на свой сайт.

Через некоторое время появляются первые комментарии, потом еще, еще. Многие хвалят, но нет восторгов. «Красиво», — пишет один. «Красивая», — пишет другой. Все в таком духе. «Не разбираюсь в искусстве, но мне все нравится», — пишет один из частых посетителей. Это самый содержательный комментарий на сегодня.

«Удачное фото», — приходит на телефон сообщение от Даниила.

«Спасибо», — отвечаю ему.

Даниил тоже не восхищается. Значит, не совсем получилось, нужно что-то такое, что сразу вызовет шквал восторгов. Я начинаю перебирать старые снимки с Мирой, еще те, когда я снимала ее не в дюнах. Сколько я уже с ней фотографий наделала — не счесть. Вот она сидит за столом, кулаком подпирая щеку. Ее волосы сплетены в две толстые косы, прям школьные.

Вот она стоит на железной дороге в сером пальто, бежевых колготках и высоких сапогах. У нее в руках мой старый разбитый фотоаппарат. По объективу стекает не-

что черное, якобы мазут — на самом деле это просто дегтярный шампунь. От фото пахнет креозотом.

На этом кадре Мира рядом с деревом, у которого крупные острые листья. На Мире платье с широкими рукавами.

А вот она на семнадцатом этаже клиники, остановилась перед окном во всю стену и смотрит на город. И можно разглядеть самые разные строения. Вот бизнес-центр, высокий и блестящий, будто из стали, будто космическая ракета на старте. Вот небольшой дом спрятался за огромным торговым центром. Выглядывает, следит из-за угла за новенькой десятиэтажкой.

Как я подсматривала за Мирой, стоя за деревом. Я блуждала по городу, искала случайные отражения в витринах, мелькающих призраков в окнах, очертания гаргулий на фасадах старых домов. И случайно увидела ее, когда она выходила из института. Ее в тот момент обнимал какой-то старшекурсник.

Я вернулась домой, подключила фотоаппарат, стала пролистывать осенние фото, которые тогда наделала, но все они увядали прямо на экране, а те, что с Мирой — тогда я не знала ее имени, — можно было рассматривать, восхищаться ими. Они бодрили, как чашка эспрессо.

Снова пишет Даниил, отвлекая от воспоминаний:

«А вообще, что интересного, что новенького?»

«Все хорошо. Так и не расскажешь, чтобы коротко».

Я задумываюсь, рассказать ему в сообщениях, позвонить или в каком-нибудь кафе обсудить с ним свои творческие планы? И придумываю кое-что получше.

* * *

Даниил, его лучшая подруга Тома и наш общий знакомый Никита сегодня с нами в песках. Я стою позади объектива и управляю фигурами в кадре, как настоящий режиссер.

Никита прячется за дюной, а его рука задрана над песчаным хребтом. Даниил и Тома стоят по сторонам, изображают растительность. Они похожи на деревца, которым подстригли ветки. Я так и назову фотографию — «Деревья в пустыне». А чуть правее от центра кадра стоит Мира, опирается на одну ногу и вторую чуть согнула в колене. На ней шелковое платье с крупной вышивкой на подоле.

Затем другая композиция: трое сидят, скрестив ноги, с чашками в руках, а Мира обходит всех, наклоняет старый железный чайник и сыплет из него песок в чашки. Это фотография будет называться «Чай в пустыне».

Я перемещаю актеров и создаю новую картину, которую назову «Фрагменты в пустыне». Никита, Тома и Даниил становятся так, чтобы попадать в кадр только отчасти: половина от одного, рука от другого, нога третьего. В центре кадра, полностью являя свое совершенство, Мира.

Но это все скуновато. Надо что-то придум... не успеваю закончить мысль, как меня осеняет.

Говорю, чтобы Никита обнял Тому, изобразил ее жениха. Они обнимаются, стесняются, но не ропщут. Правильно, вы сейчас статисты, а мнения статиста не существует.

Я проверяю, попадают ли они в кадр. Попадают в кадр. Затем говорю Даниилю:

— Стань боком, вот там, — показываю ему рукой. — Ага, так, а теперь опустись на колени.

Он послушно опускается.

— Мира, а ты стань перед ним и смотри на него, как хозяйка пустыни на своего слугу.

Мира подходит и становится напротив Даниила, смотрит сверху вниз. У него немного приоткрываются губы, как если бы стало трудно дышать носом. Мира, я всегда знала, что ты можешь так легко выдерживать взглядом душу, выдерживать самое главное.

Тома вырывается из рук Никиты и отходит в сторону. Это такой естественный порыв, который ценней любой актерской игры. Я успеваю заметить, что ее взгляд на один миг был полон даже не возмущения, а отчаяния. Она тоже почувствовала, что Даниилу трудно дышать, ведь забирают душу.

— Ладно, глупый кадр, — говорю я, но знаю, что первым делом, когда окажусь дома, достану из фотоаппарата именно этот кадр, где Тома с отчаянием смотрит на дорожного друга.

Начинаю фотографировать Тому, говорю ей, что она хорошо получается. Она вроде бы даже верит. Делаю какие-то дурацкие снимки, какие тут всякие любители делают для страниц в соцсетях. Это чтобы поднять всем настроение.

Расстилаем покрывало, достаем еду, которую взяли для пикника.

— Вкусно, — говорит Мира, жуя бутерброд.

— Да, хорошо, что собрались так, познакомились, — говорит Тома. Но ее слова звучат неискренне.

— Надо, чтобы не последний раз, — Даниил искоса поглядывает на Миру.

Он так же поглядывает на нее, когда мы в электричке едем обратно. Зацепила, это понятно всем. Мне кажется, это понимают даже какие-то бабушки в старомодных шляпах и дети с бамбуковыми тросточками в руках. Но тут нечего стесняться, Даниил, ты сам не знаешь, что час созерцания совершенства добавляет год жизни, а может, и больше.

Я смотрю на пейзаж за окном.

Мира кусает яблоко.

Электричка оставляет дюны позади.

Съедает вместе с огрызком.

Вечером, дома, я разбиваю видео на кадры и нахожу самый ценный, где одна девушка пугается красоты другой. Таким можно гордиться, но все же что-то гложет меня. Кадр хороший, только поступила я не очень хорошо. Даниил ведь мой товарищ, он очень дружен с Томой, а они могут и чуть-чуть повздорить из-за сегодняшнего.

Даниил, наверное, чувствует сейчас едва ощутимое напряжение в разговоре. Такая тишина, которая заметней любого шума. Как перед грозой: тихо, все затаилось, но иногда потрескивают провода, призывая молнию.

— Случилось что? — наверное, спрашивает Даниил.

— А то ты не знаешь? — наверное, со злобой отвечает Тома.

— Что?

— Да ты так пялился на ту девку, — говорит она с такой злобой, что молнии решают обойти город стороной.

— И что такого?

Я представляю, что Даниил очень удивлен. А Тома сама не понимает, откуда эта озлобленность, почему так давит сердце. Но причина ей понятна — та девка, Мира. Ничего, Томка, ты еще подрастешь, смиришься. Иначе никак, иначе будет слишком тяжело. Хотя, наверное, я бы тоже злилась на твоём месте.

* * *

Но нет восторгов на моем сайте, нет восхищения с придыханием, никто не теряет спокойствие и сон. А значит, у меня пока что мало шансов получить выставку в глав-

ной галерее, попасть в ее альманах. Остается просто ходить мимо и злиться, глупо злиться на главную галерею, ждать, когда же пригласят. Я будто корабль, который подплыл близко к берегу, но который не пускают к причалу. И вот уже столько лет перемигиваюсь с маяком.

Я все о ней знаю, знаю, что туда нужно именно пробиться, нужно своими работами сокрушить других. Ведь если твои фотографии не смогут сокрушить, то в них найдут мелкие огрехи, лишние точки, задевающие глаза отсветы, портящие все косые линии на заднем плане нижнего угла. Будут критиковать за яркую чувственность или за отстраненную холодность. Тебя назовут банальным или, возможно, любителем излишней оригинальности. Поэтому надо сразу сбивать с ног, хватать за горло и не давать вздохнуть, задуматься.

Но пока что я только приближаюсь, только подхожу ближе.

Подхожу ближе.

Подхожу.

А она захлопывает двери: «Увы, ты мне не подошла».

В галерее часто выставляют работы современных фотографов, но их имена нам, местным любителям фотографии, ни о чем не говорят. Люди без имен, без биографий. Их никто не знает, у них нет страниц в соцсетях или своих сайтов. Точно сама галерея их создает. Такие соломенные человечки, оживленные в час полуночи поцелуем ведьмы.

А простым людям из плоти и крови туда не попасть. Разве что твои фотографии сами способны оживлять соломенных человечков, поднимать из могил мертвецов.

Я все знаю о главной галерее, но пока что она ничего не знает обо мне. Нужно сделать так, чтобы узнала.

— И ты мне поможешь, — говорю я камере и провожу пальцем по кольцу фокусировки. Мне нравится его рифленая поверхность.

* * *

Я подхожу, ставлю свечу и достаю телефон, чтобы сфотографировать икону. Она так же плачет, как и несколько недель назад, так же завораживает.

— Дочка, зачем снимаешь? — говорит стоящая рядом бабушка.

— Молодым сейчас на чувства других плевать, — поддерживает ее мужчина из очереди.

Никто не хватается меня за руку, не оттаскивает, но я почему-то не могу пошевелиться, будто сама стала фотографией. Запах ладана становится сильнее, кружит голову.

— Таких и чудо не проймет, — произносит еще кто-то.

В толпе начинается гул, на меня злобно смотрят, только я уже расколдована, снова могу двигаться. Убираю телефон в карман и отхожу. Что это было? Меня будто на несколько секунд парализовало всеобщее осуждение.

Отворачиваюсь и быстро, почти бегом, подхожу к двери, толкаю от себя, спускаюсь по паперти и иду прочь. Мне просто хочется уйти. Но не пройдя и половины больничного парка, останавливаюсь. Да почему я испугалась осуждения посторонних людей? Просто почувствовала злобу и замерла.

Сворачиваю на аллею, дохожу до ближайшей скамейки и сажусь. Наклоняю голову и закрываю лицо ладонями. Наверное, со стороны может показаться, что мне плохо.

— Вам плохо?

Я убираю руки и вижу одного из тех, кто осуждающе смотрел на меня в церкви.

— Нет, ничего, — отвечаю я.

— Что?

— Ничего, — громче повторяю я и поднимаю голову.

— Зря там на вас набросились, не по-христиански это. Я вот тоже разозлился, но понял быстро, что плохо мы поступили. Простите нас.

— Да все нормально, — говорю я. Мне и правда немного легче.

— Хорошо, ладно. Но еще раз извините, не по-христиански это.

Мужчина уходит в сторону больничного храма, а я постепенно успокаиваюсь и начинаю думать, куда бы сходить, где бы найти вдохновение. Или украсть, отобрать вдохновение, утянуть из чьего-нибудь кармашка сердечного, сжевать за углом. Ну, и кусочек оставить, дома поделиться с камерой. Как же хочется пробиться на выставку, но там всякую ерунду не возьмут, нужны хорошие снимки, много хороших снимков.

Еще утром решила, что раз сегодня у Миры в институте занятия до самого вечера, то могу поискать интересные виды города, погоняться за мимолетной красотой. И как-то само принесло к больничному храму, и как-то сама появилась задумка. Но фотографию из Интернета я взять не могла: авторское право нарушать нельзя, если рассчитываю попасть в главную галерею. Возможно, для меня эта плачущая икона — не явление чуда, а явление красоты. Красоту же я хочу запечатлеть, сделать своей.

Достаю телефон, запускаю браузер и нахожу статьи об иконе. Оказывается, икону передал больничному храму один человек. На фотографии некий бородач средних лет, он кажется мне знакомым, но вспомнить не могу. Он нашел икону на чердаке загородного дома, доставшегося ему по наследству. Добрый человек оказался, икону передал, и вот уже какие-то люди, которым медицина была бессильна помочь, стали выздоравливать, чудеса последовали за чудесами... Понятно все, что еще я ожидала прочесть?

Давно никакие иконы не плакали, подсказывает Интернет. А вот раньше бывало, особенно накануне всяких напастей. Заплачет где-нибудь икона, и все — жди беды. Жди неурожай, мор, войну, гибель полярной экспедиции, схода поездов с рельс, без вести пропавших ледоколов. Хотя другой сайт пытается переспорить, говорит, что необязательно слезы Богородицы или Спасителя к беде. Но его затыкают голоса с форумов и каких-то сомнительных сетевых журналов. Религиозные энциклопедии пытаются всех примирить.

Поднимаюсь со скамейки, выхожу к площади перед институтом и просто иду без особой цели. В очередной раз я убедилась, что меня можно лишить воли, сделав замечание, сказав резкое слово, а вернуть уверенность может проходящий мимо человек. Будь иначе, я бы не застревала в пространстве, услышав осуждения посторонних, меня не приводили бы в чувства простые извинения. Неужели художники настолько зависимы от зрителей, настолько подчиняются всем и каждому? Это как боязнь, что найдут лишнюю деталь на твоём любимом кадре, какой-нибудь выбивающийся локон в волосах Миры и высмеют тебя за эту деталь, и не сможешь потом творить и не сможешь просто в руки брать камеру.

Замираю на полушаге. Вспомнила! Бородач, который передал икону храму, это один из посетителей моего сайта. Тот самый, который «не разбирается в искусстве, но ему все нравится».

На ходу пишу ему сообщение в профиль. Он довольно быстро отвечает.

«Здравствуйте. Какая честь! Что вы хотели спросить?»

«Я узнала, что вы передали больничному храму ту самую икону, которая плачет. Она ваша?»

«Да, передал. Но она уже не моя, я ведь ее подарил».

«Вы не против, если я ее сфотографирую ради искусства?» — фраза получается какой-то глуповатой.

«Не против. Если честно, даже не понимаю, зачем спрашивать разрешения».

«Ну вы ведь хозяин иконы».

«Так уже нет, говорю же, подарил храму. Да ее и фотографировали репортеры. Хотя зачем вам именно фотографировать?»

Я размышляю, не хочется рассказывать о своем замысле.

«Ладно. Спасибо вам»

«Да не за что».

Закрываю переписку, озираюсь и думаю: может, все те люди без имен и биографий, чьи работы появляются в главной галерее, просто чуть смелее, чуть увереннее. Может, и так, думаю я и останавливаюсь около ресторана с азиатской кухней. Не нужно бояться, не нужно спрашивать разрешения. Нужно попробовать быть смелее.

Вечером, перед самым закрытием больничного храма, я дергаю дверь на себя и вхожу. Людей поменьше, чем было днем, но все равно стоять в очереди, ждать. Замечаю, что многие свечи на панихидном столике скривились. Когда подходит моя очередь, я достаю из рюкзака фотоаппарат, крепко прижимаю локоть к боку, чтобы рука не дергалась, и начинаю снимать.

Я жду упреков, возражений, но никто ничего не говорит.

* * *

— Сядь ровно, голову поверни чуть вправо и немного наклони. Так, правильно. А теперь правую руку немного над сердцем, но не прикасайся, просто держи так ладонь. Вот, хорошо.

Мира сидит у меня в квартире, перед нею объектив камеры, установленной на штативе. Все уже настроено. Я достаю тюбик карандаша для слез и подхожу.

— Это чтобы слезы потекли, — объясняю я. — Актеры такой используют.

Мира все понимает, опускает руку и с удивлением смотрит на меня.

— Нет, не хочу.

— Ты чего? — застываю с тюбиком в руке.

— Не знаю, не хочу, — она отворачивается в сторону, будто напуганная.

— Не знаешь?

— Я иконы изображать не буду, — несмело говорит она. И добавляет смелее: — Не буду.

— Ладно тебе. Ты верующая?

— Не знаю...

— Не знаешь? Как можно такое не знать? Ты ведь на всякие движухи ходишь, вы там явно не под образами сидите и жития святых читаете.

— Хожу, ну и что? — с каждым словом она все смелее.

— И что тебя смущает?

— Просто это неправильно. Я не хочу...

— Ты сейчас на оплате, — чувствую в своем голосе издевательскую интонацию. — Могу даже прибавить.

— Да не хочу я, — она резко поднимается со стула. Край ее платья немного помят. — Зачем тебе я? Вот с нами в пески ездила Тома, сфотографируй ее.

— Она не подходит.

— Я тоже.

— Подходишь. Смысл в том, что человек, увидевший фото, должен подумать, что модель красивее иконы. Истинная красота в людях, — несколько высокопарно произношу я.

Мира хочет что-то сказать, но не говорит. И я понимаю, что она боится каких-то условностей. Чего? Кары небесной?

— Ты чего испугалась?

— Дело не в страхе. У меня мать ходит в церковь. Что если она увидит меня на таком фото?

— А если она узнает про твои зависания на квартирах всяких сынков богатеньких родителей? — я начинаю злиться. — Обрадуется мама? Какая разница вообще? Ты уже взрослая, должна решать как взрослая.

— Нет, — смело говорит она и качает головой.

— Не нет, а да. Садись.

— Это ерунда, — ее голос полон эмоций, протеста.

— Мне лучше знать, — говорю я.

— Нет.

— Мнения статиста не существует, — я протягиваю карандаш к ее глазам.

Мира убирает мою руку, чуть ли не бьет по ней и делает шаг в сторону.

— Мне пора, — холодно говорит она. — А еще подумай, если есть некие сынки богатеньких родителей, как ты говоришь, то зачем мне работать?

Мира уходит, я ничего не говорю ей вслед.

Оставляю камеру на штативе, почему-то нет сил ее отсоединить. Вообще ни на что нет сил. Жалею себя, ругаю себя. Смотрю на фотографию плачущей иконы. Сама по себе она интересна, но если добавить рядом плачущую красивую девушку, то получится диптих. И рождается идея о красоте земной и небесной... А так — просто икона, текут слезы, никак не наплачется. Что же это с миром должно случиться? Но массового плача икон нет. Что-то с городом? С людьми? Или просто с кем-нибудь... Со мной? Да ладно, кто я такая, чтобы плакать обо мне. Но мне бы хотелось, чтобы плакали именно по мне, чтобы мое горе заставило все иконы мира прослезиться, разрыдаться, закрыть лицо ладонями. Они бы плакали, их бы пытались успокоить, но ни у кого бы не получалось.

Вечером, когда приходит темнота, я успокаиваюсь. И мир за окном тоже не шумит, притих. Мне кажется, я слышу далекий ветер в дюнах.

* * *

Мира ушла. И следующий день оказался днем прошлого, из тех времен, когда мы с ней еще не познакомились. Как будто мир достал старый дневник — такой красивый, с толстой обложкой, похожей на обитую кожей входную дверь, — и давай перечитывать. Я где-то в тех днях, когда только присматривалась к дюнам, думала, что ничего интересного в них нет, фотографировала темноту в тоннелях метро и оранжевые закаты. И мне казалось, что кадры получаются лиричными, особенными, что они завораживают.

Ведь не так много времени прошло с тех пор, но мои взгляды изменились, и сегодня все эти тоннели с закатами видятся мне любительской дребеденью. Кадр, который может сделать любой человек, никакой ценностью не обладает. Мир обманывал меня, подсовывая ложную красоту.

Со мной связывается заказчик, просит создать ролик для сайта. Нет настроения, я специально создаю что-то шаблонное, безыдейное. Заказчику же все нравится, он доволен. Я получаю не только полную оплату, но и бонусные.

Связывается другой заказчик, я выполняю работу еще стандартнее, в ней нет и намека на оригинальность. Но и на этот раз все довольны, щедры.

И снова мне начинает казаться, что каждый новый день копируют мои фотографии прошлых лет: те же наклоны у ветвей деревьев, те же позы у людей, так же зевают кошки на подоконниках. Даже из окон машин и динамиков телефонов звучат уже забытые песни-однодневки. Или это я раньше не замечала, что ежедневно все повторяется и повторяется.

Камера ждет, наверное, ей скучно, но я не могу заставить себя снимать всякую ерунду, это не то, что приблизит меня к главной галерее, а только отдалит. Нельзя делать шаг назад. Если я снова начну фотографировать необычные облака и мотыльков со звездочками на крылышках, то растеряю всех, кто видел во мне интересного фотографа, художника. Обыденное всегда было мне чуждо. Зачем мне показывать людям то, что они могут увидеть и без моей камеры? Зачем рассказывать простые и не особенно интересные истории?

Я сама ведь заинтересовалась фотографией потому, что мне всегда была интересна та часть моей жизни, которую я не помню. Отец показывал мне фото, на которых я делаю первые шаги. Я этого не помню, но старые фотографии все отлично помнят: и как я была одета, и как сосредоточенно смотрела. Вот я, маленькая и хорошенькая, сижу за столом, подпирая щеку рукой. Волосы заплетены в две толстые школьные косы. Спустя десятилетия я попрошу Миру повторить это фото. А пока я еще ребенок. Но я не помню тот день. Солнце ярко светит в окно, свет лужей разливается по глянцевой клеенке. Тарелки и чашки, которые не дотянули до сегодняшнего дня, — я не помню такие, ни разу не видела. Хотя, судя по фотографиям, еще как видела. Вот я в детском бальном платье, такой ангелочек девятнадцатого века. И тоже не помню этого, для меня это как раз девятнадцатый век, то время, когда не родились еще мои бабушка с дедушкой. Я с полотенцем на голове, я в солнцезащитных очках, я с кем-то обнимаюсь — все это тоже девятнадцатый век.

Я не помню тех дней, но ведь все они были.

Сажусь за компьютер пролистать разные фотографии, старые, ерундовые, и знаю, какая сейчас промелькнет. Не хочу видеть, но все равно листаю, уже готова отвернуться, только не то что отворачиваюсь, а застываю. На экране Мира анфас, слегка улыбается и смотрит наконец-то прямо в камеру, на меня. Я прокручиваю колесо мышки, приближая ее губы. Чуть привстаю, но снова откидываюсь в кресле. Еще приближаю, еще, Мира ближе, но все же там, за пределом экрана. Кручу и кручу колесо, уже одни полупрозрачные цвета, одни пиксели, а я все приближаю, давай запрыгни ко мне через это окно.

От грусти и полного отсутствия вдохновения в один из дней приглашаю Тому. Прошу ее немного склонить голову, поднять правую руку чуть выше сердца, провожу по ее векам карандашом для слез. Примерно через минуту она плачет. Делаю несколько снимков.

Возможно, Тома чувствует себя актрисой, а я чувствую себя бездарностью.

Хвалю ее, отпускаю, а потом захожу в меню и выбираю всю сессию. «Вы действительно хотите удалить эти фотографии?» — спрашивает фотоаппарат. Я не сомневаюсь, я удаляю, ведь они никуда не годятся. Нет смысла даже пробовать создать диптих.

Вечером выхожу пофотографировать темные улицы, без долгой выдержки и расширения диафрагмы: что прорвется сквозь тьму, то прорвется. Но возвращаюсь ни с чем, ничего не прорвалось.

Зато прорывается сквозь всю эту грусть сообщение. От нее:

«Привет. Есть время поговорить?»

Я стараюсь не вспоминать, что злилась на нее, злилась, что она посмела не поверить в мой талант.

— Привет, — говорит она по телефону, и я сразу понимаю по интонации, о чем будет разговор. — Да, нормально... Тоже ничего... Да, немного некрасиво получилось... Вот да, хотела спросить: ты не одолжишь мне немного? Я совсем без денег...

— Да легко. — Месть очень сладка. — Я тебе могу заплатить, нужна лишь одна фотография.

Мы обе понимаем, о какой фотографии речь. Она молчит, дышит в телефон. И просто отключается.

Господи, как глупо, зло и глупо. Почему жажда мести так сильна, почему я не могу бороться с ней? Ведь можно перезвонить, сказать, что да, могу одолжить, даже просто так могу перечислить, надбавкой за прошлые удачные сессии. Но я почему-то не могу сделать такую простую вещь — перезвонить.

Мира тоже не звонит, не пишет. А вдруг ей деньги нужны на что-то срочное, важное, не на ерунду. Что же делать, как быть?

— Ты мне не помогаешь, ты... — почти кричу на камеру.

И на секунду вижу себя со стороны. Как же глупо, Господи.

Звоню Даниилу.

— Слушай, — начинаю я ему объяснять, — помнишь Миру?.. Да, ту красивую... Знаю, она не может не понравиться. Есть такое дело, можешь позвать ее на съемку?.. Да все нормально, согласится... Только смотри, я переведу тебе деньги, а ты ей заплатишь, хорошо?.. Надо так, надо. Тебе что, не хочется пофоткать такую девушку?.. Где? Да в те же дюны езжайте...

Когда мы заканчиваем разговор, мне становится легче. Жажда мести немного ослабла, отступила. Теперь можно пойти прокатиться на троллейбусе, выпить коктейль.

* * *

«Договорились с ней?» — пишу я Даниилу утром.

«Ага. Не думал, что она согласится. Сегодня днем съездим. Какая-то она скромная даже. Мне тогда показалось, что она другая».

Ладно, все получилось.

Выхожу на улицу с фотоаппаратом в рюкзаке. Смотрю, есть ли что в мире интересного сегодня. Нет, все те же страницы старого дневника.

— Ничего интересного, — подсказывает мир вокруг.

И тут я задумываюсь: а что если Мире деньги были нужны на очередную алкогольно-постельную тусовку. А что если они с Даниилом сдружатся, она станет его моделью. Или потянет его в свою компанию. А что если без меня...

Дохожу до остановки, доезжаю до вокзала, на электричке добираюсь до песков. Мы всегда с Мирой ходили примерно одним и тем же путем. Значит, они должны были пойти туда же. А если нет? Вряд ли, Даниил не сильная личность, почти наверняка Мира сейчас ведет его за собой.

Поднимаюсь на одну из дюн, осматриваюсь. Ни души, все тот же песок, все те же песчаные волны с подветренной стороны. Они напоминают мне — даже не знаю, с чем сравнить, — полосы на шкуре тигра. В моем мире тигры бананового цвета.

Иду дальше, теплый ветер обдувает лицо и шею, приносит запах океана. Останавливаюсь на хребте дюны, смотрю вниз и сразу замечаю дорожки следов. Шли двое. Может, и они. Даже скорее всего. Даже точно.

Спускаюсь и, держась следов, иду к хребту следующей дюны. Поднимаюсь осторожно, не хотелось бы попасться им на глаза.

Не попадаюсь, а вот они попались, вижу их хорошо. Даниил, как я и предполагала, просто фотографирует Миру на фоне песков, без особых сюжетов. Надо будет его попросить, чтобы он не выкладывал эти фотографии в свой блог, ведь Мира только моя звезда, только на моем сайте она должна блистать.

Устанавливаю штатив и, закрепив фотоаппарат, делаю несколько снимков. Довольно забавно получается: снимаю с расстояния, как парень фотографирует девушку. Отсюда они выглядят такими небольшими, почти игрушечными на фоне песков. И как же хочется попросить их разыграть какой-нибудь сюжет, что-нибудь художественное. Задумываюсь, как бы им дать о себе знать. Хотя чего тут думать...

«Я вас вижу», — пишу Даниилу.

Издали трудно разглядеть, как он достает телефон и читает, поэтому я смотрю в экран фотоаппарата и приближаю изображение. Даниил читает сообщение, оборачивается и сразу видит меня, машет рукой и показывает Мире. На ней платье в горошек, на шее красная лента, но обута она в сникеры. Даниил-Даниил, всему тебя учить. Я нажимаю на экране иконку с его именем.

— Да, решила за вами проследить, — говорю я.

— Разрешаю, следи, — отвечает он.

— А вы могли бы изобразить, что я вам скажу?

— Конечно.

— Хорошо, тогда скажи Мире, чтобы она сняла платок с шеи и подняла его над головой... Скажи ей изобразить маяк. А сам спустись пониже и изобрази корабль.

— Какой еще корабль?

— Да ладно, сам придумай. Просто ложись на спину и руки с ногами задери, точно это мачты у тебя. Создаем фотку «Корабль перемигивается с маяком».

Он смеется. Я вижу на экране фотоаппарата, как он говорит с Мирой и указывает на меня. Она качает головой, явно не соглашается.

— Дай ей трубку, — говорю я Даниилу. Он передает телефон.

— Мира, слушай.

— Слушаю, — резко говорит она.

— Извини меня, пожалуйста. Я была не права, не нужно было пытаться заставить тебя делать то, чего ты не хочешь. Ты очень дорога... Ты лучшая модель из всех, кого я знаю. Замену тебе я не найду, да и не хочу искать. Давай помиримся?

Мира явно не была готова к такому порыву извинений. Недолго помолчав, она произносит:

— Хорошо, проехали. Но я возьму плату и с тебя, — слышно, как она улыбается.

— Конечно, конечно. Тебе Даниил объяснил, как нужно стать?

— Объяснил.

— Начинаем.

Она возвращает телефон Даниилу, снимает красный платок и поднимает его над головой. Платок трепыхается на ветру, точно змейка пытается вырваться из рук. Что-то мне сегодня живность всякая мерещится: то тигры, то змеи. Я показываю Мире раскрытой ладонью, что я готова, хотя понимаю, что она не может разобрать жесты с такого расстояния. Даниил спускается, ложится на песок и изображает что-то мало похожее на корабль.

«Принимай разные позы. Я потом выберу нужную», — пишу ему, смотрю на экран фотоаппарата и вижу, что кадр дергается, помехи рисуют в зловеще-черных воло-

сах Миры птицу, которая отлетает и за один миг уносится за хребет дюны. Или это не птица была, а летучая мышь. Сегодня точно день звериных миражей. Немного приближаю изображение, открываю настройки фильтров.

Черное пятно, но явно не птица выглядывает из-за дюны и сразу увеличивает-ся, превращается в черного быка. Он останавливается на одной вертикали с Мирой и задирает рога. Солнечный диск в точке над ним будто поднялся из его головы. В первое мгновение я вижу всю картину как восхитительный, уникальный кадр. Про такие спрашивают на выставках: «А как это было снято?» В первое мгновение я не понимаю, откуда тут вообще взяться быку. Но он не мираж, он настоящий, огромный, как дирижабль.

Я отсюда чувствую его взгляд, его злобу и застываю, как тогда в храме перед осуждающей толпой. Снова голову туманит ладан, как если бы запах принесло сюда ветром. Бык поникает, точно сейчас развалится от собственной тяжести. Но не разваливается, это только обман, он готов к какой-то своей битве со всем миром, он начинает спускаться по склону дюны. А Мира — это и есть мир, ведь слово «мир» произошло от ее имени. У меня все сильнее подрагивают пальцы, я больше не вижу идеальный кадр. Нужно схватить телефон и нажать на иконку с фотографией Миры, но Даниил опережает меня, он в панике машет руками, показывая ей обернуться. Мира оборачивается, делает шаг назад и падает. Мне кажется, я чувствую, как замирает ее сердце, ведь мое уже сжалось в комок. Бык идет прямо на нее, ступает тяжело, но его копыта не проваливаются в песок. Он еще раз поднимает голову и водит полумесяцем своих рогов из стороны в сторону, а свет дня тускнеет, сами дюны не хотят стать свидетелем того, что сейчас произойдет.

Вдруг понимаю, что все еще держу руку на фотоаппарате. Нужно что-то сделать, нужно, но только падаю на колени с застывшей согнутой рукой — это все, что у меня получается. Тело почти не слушается меня, я не могу сжать пальцы. Не могу справиться со страхом, овладеть собой, я не могу даже закричать, но понимаю, словно кто-то подсказывает, по ком плакала икона. Она плакала не по смерти тысяч людей, не по землетрясениям, оползням, не по жалкой и ненужной мне, а по Мира, самой красивой на свете, по таким можно плакать. Такие постоянно погибают в финалах грустных сказок.

Даниил застыл, Мира застыла, как на кадре, это еще один невероятный кадр, который точно будет выставлен в главной галерее. Ведь что может сбить с ног и шокировать, привлечь сотни и тысячи людей сильнее, чем реальная, запечатленная смерть. Такая необычная смерть в пустыне, не с косой, а с черной шкурой и загнутыми рогами.

Мне трудно, но я поднимаюсь и прерываю запись — хватит, я не хочу вспоминать такое, этого не должно быть, никто не должен знать об этом. Бык останавливается в нескольких шагах от Миры, будто оцепенел. Утихает ветер, перестает шуметь дюна. И я понимаю, что нужно сделать. Пальцы продолжают не слушаться, как чужие, от усилий рука сейчас переломится. Промахиваюсь, но со второй попытки выхожу в меню фотоаппарата, выбираю сегодняшнюю запись и нажимаю «удалить». Фотоаппарат спрашивает, уверена ли я. Так и написано: «Ты уверена?» Как будто через него говорит сам бог всех фотографов. Выбираю «да», едва не продавливая кнопку.

Бык разворачивается, поднимается на дюну и уходит за ее хребет, унося мои лучшие кадры. Я сажусь на песок и с трудом подношу руки к лицу, закрываюсь от света, от сегодняшнего дня. Стараясь успокоиться, мне не нужна истерика. Нужно успокоиться. Слышу, как подходят Даниил с Мирой, слышу хруст песка под их ногами, легкий ветерок шуршит в их одежде. Даниил останавливается недалеко от меня, а Мира подхо-

дит близко, приседает рядом и смотрит мне в глаза. В первое мгновение мне кажется, что она совершенно спокойна, ни одна черта ее лица не дрожит.

— Ты ведь что-то сделала? — спрашивает она.

Я качаю головой, у меня нет сил ей ответить. Она снова говорит:

— Я там почувствовала, что это ты что-то сделала, спасла меня. Так ведь?

Начинаю задыхаться от волнения, глотать воздух. Мира не моргая смотрит на меня, словно видит в первый раз. Я качаю головой, показываю — не смотри так, не надо.

Она отодвигается, садится сбоку и кладет свою ладонь на мою. Я чувствую, как пальцы перестают дрожать, как мне становится спокойнее, как затихает волнение.

— Я не знаю, откуда у меня такие мысли, но почему-то мне кажется, что ты как-то его прогнала, — говорит Мира.

А я думаю, что нужно что-то сказать в ответ и при этом не разреветься, но ничего не приходит на ум, ничего. Всех сил только и хватает, чтобы выдохнуть и проговорить:

— Зря ты села на песок, такое платье испачкаешь.

* * *

У Миры опять в институте пары до самого вечера, зато в галерее новая выставка. Надо бы сходить посмотреть, ведь все равно зайду, не даст покоя. Хочется сходить. Пока там нет моих творений, но ничего, буду равняться на лучших. Буду догонять, буду искать новые сюжеты для кадров с Мирой. Она на удивление быстро отошла, словно случай в дюнах — это так, обыденность.

Чего ждать, если хочется? Приезжаю на троллейбусе, перехожу по зебре дорогу, подхожу к галерее. Кажется, она стала выше, шире, чем раньше. Видать, я сама обмелчала, лишилась чего-то своего, уникального. Мне даже салон троллейбуса показался слишком просторным.

Девушка на ресепшене говорит мне, что на втором этаже выставка художественной фотографии некой Безымянской. Не знаю такую, первый раз о ней слышу. Очередная неизвестность во плоти. В буклете тоже никакой информации.

Поднимаюсь по лестнице, прохожу мимо кафе и оказываюсь в зале с новой выставкой. Все работы выполнены в черно-белом цвете, как и у меня. Значит, нужно переходить на цвет, а то монохром уже у каждого второго. На снимках толпы людей, в буквальном смысле. Толпы на улицах, в вагонах метро, в больничных палатах, в обычных комнатах обычных квартир, в этом самом зале. И среди всех этих людских масс одно место всегда свободно от человека, его занимает тень. Я узнаю ее и улыбаюсь. Не рассмеяться бы. Откуда тут эта тень, которую я... уволила. Это ведь она, тень Миры. Ее вырезали из моей фотографии? Как она могла тут оказаться? Это какая-то насмешка.

Смотрю в буклет, где, само собой, как не было никакой информации об авторе, так и нет. Сама Безымянская будто тень. Это тень Миры стала фотографом и выбрала себе такую фамилию?

Я озираюсь. По залу ходят люди, смотрят заинтересованно. Молодые парочки перешептываются, но им не особо интересно, больше увлечены друг другом.

Один старичок буквально любит фотографии. Подхожу к нему и спрашиваю:

— Извините, а вы, случайно, ничего не знаете об авторе этих работ?

— Нет, — он качает головой, искоса посмотрев на меня.

Остальные люди, куда ни глянь, тоже не выглядят искусствоведами, знатоками биографий современных фотографов.

— Алиса? — слышу я рядом, оборачиваюсь и вижу бородача, посетителя моего сайта и бывшего хозяина иконы.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — говорит он и представляется: — Меня Глебом звать-величать.

— Приятно познакомиться. — Я киваю и снова смотрю на фотографии с людьми и тенью Миры. Наверное, сейчас засмеюсь.

— Я не особенно разбираюсь в художественной фотографии. Не просветите, это все талантливо или бездарно? — бородач обводит рукой зал.

— Это... оригинально, — я едва сдерживаю ухмылку.

— Вижу, у вас хорошее настроение. Давайте я угощу вас чаем?

— Пойдемте.

Мы садимся в местном кафе, которое расположено недалеко от лестницы.

— Интересная выставка, — говорит бородач и размешивает чай ложкой, хотя сахар и не сыпал.

— Тут могли выставить и мои работы, — начинаю говорить я и понимаю, что не смогу смириться с чьим-то успехом, вот просто не смогу. Я должна буду войти сюда как автор, не как зритель.

— А вам этого хочется? Мечта? — он подносит чашку к губам и отхлебывает.

— Можно и так сказать, — я отворачиваюсь, смотрю в окно и говорю: — Слышала, что икона ваша не плачет уже. Получается, все страшное, о чем она плакала, случилось.

— Или еще впереди.

— Да ладно. Если рисовать масляными красками, то они могу потечь потом. Если пропитать икону маслом, то оно может потечь, когда много свечей рядом горят. А там столько свечей горело, аж голова кружилась.

— Она плакала до того, как я передал ее храму.

Бородач ставит кружку на стол и ухмыляется.

— Знаете... — он задумывается, точно готов произнести что-то интересное. — Ладно, расскажу вам.

— Что расскажете?

— Да про икону. Я ее на чердаке нашел, мне дом достался по наследству...

— Я читала, — перебиваю я и тут же добавляю, чтобы не выглядеть невежливой: — Извините.

— Ну раз читали, то хорошо. Но я не рассказал тогда репортерам этим, как все было, а потом они написали, что вот плачет икона и это все некое предупреждение о каких-то бедах. Я даже сам тогда поверил, но потом понял, что это ерунда.

— Я тоже так думаю, — соглашаюсь я. — В новостях все, что ни расскажут, то все бедствия и катастрофы.

— Нет, не в том смысле. Просто дом, где я ее нашел, старый, ему лет сто, наверное. Даже больше. Икона на чердаке хранилась, накрытая такой толстой тканью. И вот я сперва, когда ее нашел и снял с нее ткань, не понял, а потом сообразил. Она ведь так долго на темном чердаке простояла, под покрывалом, а тут ее освободили наконец-то после целого века темноты. Это были слезы от счастья, ведь она увидела свет.

НОЧЬ ВЫСОКОЙ МОДЫ

— Девочки, сегодня ночь, которую мы с таким нетерпением ждали, — заканчивала хозяйка города свою речь, стараясь говорить так громко, чтобы слышно было всем.

И в этот момент Катя почувствовала, что под столом кто-то тянет ладонь к ее ноге, хочет провести вдоль от лодыжки до коленки. Она откинулась назад и заглянула

под стол. Парень, совсем молоденький, замер, смотрел испуганно. Катя пнула его, он выкатился из-под стола, быстро распрямился и побежал прочь из аудитории.

— Ничего себе, — сказала сидящая рядом Люба.

— Ладно, не отвлекаемся, — призвала хозяйка города. — Скоро я вас отпущу. Все мы прекрасно помним, что дает нам сегодняшняя ночь.

— Я не виновата, — прошептала Катя, наклонившись к Любе.

Виноваты были ее колготки с рисунком гипнотизирующих спиралей, ярких и красных на белом капроне. Закручиваются, выходя из центра, огибают круг, второй, третий... На такие засмотришься — и о себе позабудешь.

Люба посмотрела на Катю так, словно говоря: «Ну ты и стерва», и снова взглянула на хозяйку города.

Хозяйка напомнила всем про закон сохранения молодости, подтвержденный документами и экспериментами. Закон, гласящий, что здания сразу ветшают и разрушаются, стоит им остаться без человека. Только архитектурные шедевры могут долго простоять без людей. Напомнила, что те, кто одевается плохо, быстро теряют красоту, чахнут, стареют. А этого бы нам, женщинам, хотелось в последнюю очередь. Даже не в последнюю, совсем не хотелось бы. Поэтому сегодня мы все будем красивыми, неразрушимо красивыми.

— Будем, — прошептала Люба.

Катя заметила, что Люба осталась с приоткрытым ртом, точно неслышный звук застрял между губами.

— Вы, мои любимые, не зазнавайтесь. В эту ночь даже противницы высокой моды, даже те, кто носит круглый год одно и то же... — хозяйка не договорила.

Все девушки следом за ней взглянули на окно. По ту сторону стоял какой-то мужчина и целовал стекло. Ну точно рыба присосалась к стенке аквариума.

— Видите, они уже влюбляются, — прокомментировала хозяйка города.

Все в них влюблялись, когда они вышли из здания института и пошли вдоль улицы, отстукивая каблуками по асфальту. Это было шествие очень-очень красивых платьев. Да и остальные жители разodelись хоть куда. Благо ночь выдалась теплая, спокойная, с маслянистой желтой луной, с редкими перистыми облаками.

Какой-то мужчина приподнял котелок, кивнул, как бы признавая, говоря: «Да, красивые». Так и застыл, загипнотизированный красными спиральями на колготках.

— Это на всех так действует? — спросила Люба.

— Нет, конечно, только на самых чувствительных, — ответила Катя.

Несколько девушек присоединились к шествию, еще несколько, каблук градом стучали по асфальтовым дорожкам. Наряды задевали края других нарядов, точно хотели смешаться, будто краски на палитре. Край длинного платья взлетел и коснулся пояса идущей рядом девушки, проскользил по юбке. Пышный рукав раздул щеки, задержал дыхание.

Толпа, длинная, как десять поездов, свернула за магазином фарфоровых изделий, потянулась к центральной площади. Потянулась по улицам, освещенным огнями баров и кафе, витринами аптек и ювелирных магазинов. Еще и разноцветные лампочки протянули по стенам домов между вторым и третьим этажами. Некоторые мужчины, сидящие в барах, смотрели на шествие модниц по-детски восхищенными глазами.

— Зайдем, — предложила Люба и махнула в сторону одного кафе.

— Пошли, — сказала Катя. — Все равно спешить некуда.

Внутри сидели несколько парней. Едва закрылась дверь за модницами, как парни положили вилки и ножи на тарелки, поставили чашки на стол. Катя прошла между столиками, прокрутилась на месте, и все, кроме одного, в белой рубашке, застыли.

— Не действует гипноз? — спросила она у него.

Он не ответил. Она села напротив, закинула ногу на ногу. Парень продолжал молча смотреть на нее, на платье, такое аккуратное, дорогое, идеально сидящее, точно нарисованное на теле толстым слоем ткани.

— Вы... — тихо произнес он и замолчал.

— Да? — Катя мельком взглянула на Любу, которая стояла у двери и едва заметно улыбалась.

— Вас... еще найдут, — парень снова многозначительно замолчал. И добавил: — А я уже нашел.

— Понятно, — Катя взглянула по сторонам, потом снова на парня. — Интересно твою реакцию проверить.

Она макнула палец в пиалу с красным соусом и поднесла его к белой рубашке парня. Парень не реагировал.

— Ты чего? — резко сказала Люба. Взгляд ее говорил: «Совсем сдурела?»

Катя опустила палец и провела по столу линию, потом снова макнула и добавила завитушку. Получился то ли иероглиф, то ли буква «К».

Поднявшись со стула, она подошла к двери, открыла, и они с Любой покинули кафе.

Толпа девушек все двигалась и двигалась в сторону главной площади. Те, с кем раньше шли рядом Катя и Люба, были уже где-то там, близко к сцене и столикам под открытым небом.

— Да понятно все с ним, — объясняла Катя. — Он уже в кого-то втрескался. Нашел, как он сказал. Поэтому на него и не действуют красные спирали.

На площади перед часовой башней среди одетых со вкусом девушек стояли и такие люди, по одежде которых было заметно, что они не сильно разбираются в высокой моде: у кого аляповатый цветок в петлице, у кого пиджак из лоскутов, у кого старомодные очки. Некоторые додумались натянуть на своих домашних животных убогую одежку. И ничего не выглядело хуже, чем балетные пачки и маленькие шелковые блузки на собачках.

Со сцены доносилась музыка. В этом году всех развлекал квартет из трех духовых и барабана.

За столиками, выставленными вдоль витрин лучших бутиков и магазинов именитых брендов, уже сидели модницы, постукивали коготками, покачивали ножками. Манекены едва заметно косились на них, хотели познакомиться. «Красивые девчонки, — подумала Катя, — но все же я лучше».

«Не зазнавайтесь», — само собой вспомнилось наставление хозяйки города.

— Вон свободный, — указала Люба.

Они прошли к столику и не успели еще присесть, как рядом возник официант, склонившийся в полупоклоне. Он записал, что они желают выпить и отведать, и легкой походкой направился к следующему столику.

Мимо прошли книжные страницы, приколотые булавкой к юбке, и цилиндр с плюшевыми телевизионными антеннами.

Катя откинулась на спинку стула, запрокинула голову назад, чтобы почувствовать, как повиснут в воздухе густые вьющиеся волосы, и взглянула на небо. Звезды светили тускло, словно кто-то провел по ним ладонью, забрал половину света.

— Хозяйка назовет тебя лучшей? — спросила Люба.

— Не знаю, мне все равно, — ответила Катя. Но подумала, что нет, не все равно, что да, очень хочется признания.

— Шансы у тебя хорошие.

— У тебя тоже.

— Не, у меня не такие. Тебя главная больше любит.

— Даже... не... знаю... — растянула Катя фразу. И вспомнила, как недавно хозяйка города хвалила ее, но и предупреждала:

— Ты можешь быть лучшей, но делаешь недостаточно...

— А что будет достаточным? — спросила тогда Катя.

— Поймешь, когда из-за тебя парни будут из окон вываливаться, — с улыбкой ответила хозяйка.

Катя тоже улыбнулась.

Официант принес бокалы с вином, сушеные водоросли, оливки и два стакана с водой. Поставил на столик и удалился, смотря по сторонам.

— Совсем не восприимчив, — заметила Люба.

— Ага.

Они подняли бокалы, и Катя сказала:

— За нас, за самых.

Музыканты на сцене продолжали играть что-то спокойное. Одна мелодия начиналась, уступала другой, возвращалась, растворялась в следующей. Было заметно, что эти трубачи и барабанщик могут играть так всю ночь и им не надоест. Им не нужно спать, не нужно есть, им достаточно дарить людям свою музыку.

Подшел мужчина в бордовом пиджаке с оранжевыми отворотами. Кричащими, дурацкими. Поднял стакан с виски, чокнулся с воздухом и сказал:

— За самых-самых.

Добрые слова скрасили смущение, вызванное нелепым внешним видом. Мужчина поклонился и пошел дальше.

Катя еще раз осмотрела собравшихся. Были тут и рукава, спадающие до колен, точно как у грустных клоунов, были тут и шляпы с рогами, и юбки из резины. А один парень хоть и неплохо был одет, но ходил по площади с расстегнутым ремнем, язычок и бляшка мотались из стороны в сторону.

— Они просто стараются вас позабавить, рассмешить, — объясняла как-то раз хозяйка города. — Поэтому и надевают такие странные одежды.

— Ты не думала, — начала Люба, поставив бокал на столик, — что снова могла бы придумывать модели одежды?

— Нет, — сказала Катя. — Не хочется к этому возвращаться.

— У тебя неплохо получалось.

— Неплохо — это считай, что плохо. Вот если бы лучше всех... — Катя прервалась, а потом повторила: — Лучше всех.

— Вот, а говоришь, что тебе все равно.

— Я не об этом.

— Да ладно. И мне, и тебе, и всем нам, — Люба указала ладонью на собравшихся, — хочется вырваться к самым звездам.

Катя еще раз подняла голову, взглянула на небо.

— Что-то звезды твои сегодня тусклые.

— Померкли на вашем фоне, красавицы, — сказал будто из-под земли появившийся мужчина в черном пиджаке с зелеными рукавами.

Он собирался еще что-то сказать, но так и замер, согнув руку в локте, точно для милостыни.

— Опять, — Катя привсталала, подвинула свой стул и села так, чтобы спрятать ноги с гипнотическими колготками под столом.

— Этот явно не из наших, — Люба щелкнула пальцами перед глазами мужчины.

Катя помахала салфеткой перед его лицом — волна влево, волна вправо. Мужчина моргнул несколько раз, зажмурился, открыл глаза и опустил руку.

— Будто в извятие превратился, — произнес он. — Чего только не случится. Так я хотел...

— Мы друзей ждем, — перебила Катя.

— Да, конечно, да, — мужчина сделал два шага назад, низко поклонился и пошел в сторону людей, собравшихся ближе к сцене.

— Послушный, — сказала Катя.

Она смотрела ему вслед, чувствуя облегчение, как если бы это не случайный человек отстал, а тот, кто надоедал годами. Так легко стало, точно балласт сбросила. Какая-то легкость растекалась по телу.

— Что-то мне самой голову ночь эта кружит.

— В смысле? — спросила Люба.

— Стало слишком легко.

— А было тяжело, что ли?

— Не так выразилась. Точно пусто стало внутри.

— Ладно, выпьем за наши маленькие слабости, — Люба подняла бокал. — Вино немного зеленоватое, ты заметила?

В этот момент мимо них прошла хозяйка города. Она была одета в черное свадебное платье с открытыми плечами. Пышная юбка тяжело волочилась по тротуарной кладке.

Собравшиеся расступались перед ней, и когда она поднялась на сцену, музыканты аккуратно закончили играть, точно так и было задумано. Хозяйка города подошла к микрофону. Резко заиграла совсем другая мелодия.

— Не жди признаний, нет ничего глупей. Лишь будь собою, будь других смелей, — запела она низковатым голосом. Скорее не столько низковатым, сколько теплым, с легкой хрипотцой, немного царапающей воздух. — Оставь тарелки с чашками, не мой. Пусть гости сами убирают за собой.

— Она еще и певица? — удивилась Люба.

Катя сама была удивлена.

— Получается, так, — сказала она и подумала, что да, хозяйка хороша, но и я не хуже, не хуже.

И то ли от великолепного вида хозяйки города, то ли от гула людей, которые что-то кричали, ей снова становилось легче и легче, как если бы земное притяжение переставало на нее действовать.

— Пойдем к сцене, — предложила Люба и, не дождавшись ответа, поднялась со стула.

— Пойдем, — вздохнула Катя, тоже поднялась и пошла следом.

— Не кусай подушку, не считай гудки, не думай о других, себя спаси, — продолжало веять теплом со сцены, продолжало слегка царапать воздух. — И красоте пусть будет вечен срок. Ты сама и корень дерева, и ветвей листок.

Едва они подошли к стоящим у сцены, как их окликнули.

— Эй, мы здесь.

Окликнула Саша, еще одна ученица хозяйки города. Катя и Люба подошли к ней и ее парню. Саша была одета со всей строгостью сегодняшней ночи: кремовое платье, перчатки в цвет и тон, строгая сумочка. А ее парень Михаил напялил на себя костюм с нашивками в форме львиных морд. Выглядело очень по-дурацки.

— Как вам исполнение? — спросила Саша.

Люба с ухмылкой покачала головой.

— Нам тоже нравится, — сказала Саша.

Катя внезапно подумала, что Сашу ведь тоже могут назвать лучшей, почему нет? Да любую могут назвать, если спокойно помыслить, без самолюбия.

Хозяйка города тем временем уже не могла сдерживать свои эмоции, как ни старалась, и начала немного вертеться. То одним плечом вперед, то другим, то локоть поднимет, то прижмет. А то и видно, как ногой топнула под пышной юбкой.

«Да все равно я лучше, — подумала Катя. — Ты из лучших, а я лучше всех. Даже если не признаешь, с этим ничего не поделать. Но надо, чтобы признала, чтобы все признали. Ведь тогда другие будут по закону обязаны называть меня самой-самой, должны будут преклоняться».

— Вы записались на выставку? — спросила Саша.

— Ага, утром записались, — ответила Люба.

— Здорово. Тогда пойдемте вместе.

— Можно.

— Тревогу прочь, в красе своей явись, не дай затмить себя, собой гордись, — повеяло еще немного тепла.

Катя поднесла ладонь к животу, не хотела пускать это тепло, золотое, из середины лета. Но оно уже было внутри, смешалось с зеленоватым вином. И будто не стало ничего там, исчез желудок. Она явно ощутила, что ниже груди у нее пустота. Сделала пару шагов назад, развернулась.

— Ты куда? — спросила Люба.

— Сейчас, мне нужно, — сказала Катя и неуверенно шагнула. «Нет, не падаю», — подумала.

Прошла к столику, за которым они с Любой сидели, опустилась на стул и вытянула ноги вперед. Кто-то из стоящих рядом замер, но это было неважно сейчас, было все равно. Что это за странные мысли, не могу ведь я быть еще живой, когда все внутри исчезло. Но вот надавливаю и чувствую ткань, кожу, а дальше пустота, нет мышц, желудка, печени, других органов. Если сильнее нажму пальцем, то продырявлю сама себя насквозь.

Катя наклонилась вперед, точно что-то обронила и теперь смотрит, куда закатилось. Затем выпрямилась, взяла стакан с водой и выпила. Холодное, прозрачное потекло, разбавило смесь золотого и зеленоватого. И огни лампочек, протянутых вдоль стен домов, немного потускнели, словно выпили воду с Катей за компанию, разбавили свое свечение. Внутри ощутила прохладу. Есть желудок, точно есть, вода холодит стенки. Никогда не думала, что такие мысли могут так обрадовать.

Подошел уса́тый мужчина в рубашке с толстыми эполетами.

— Тут мне, проходя мимо, смотря на вас, подумалось...

Катя подняла руку и показала жестом «ближе к делу».

— Я как увидел... — мужчина не договорил, но явно не был загипнотизирован. Его как будто что-то напугало в облике Кати.

— Что? — спросила она, сама испугавшись этого испуга в глазах мужчины.

— Да что-то странное ощутил, будто мне тяжело стало. Знаете, бывает, говорят: как камень проглотил. Вот и я так.

Катя покачала головой, выдохнула. Она посмотрела на друзей, которые не замечали ее, погруженные в песню, где уже рифмовались короткая юбчонка и длинноногая девчонка. Поднявшись со стула, она пошла к углу ближайшего дома.

— Вы куда? — спросил уса́тый.

— Сейчас, мне нужно.

Кто-то у нее на пути замахал руками, будто пытается оплести невидимыми нитями. Другой стоял замороженный. Еще один не давал пройти, ступал туда, куда ступала она. Влево — он влево, вправо — он вправо. Не смешно. Катя взяла и наступила ему на ногу каблуком, точно скорпион ужалил. Обошла его и подумала, что этот теперь долго ее не забудет. Завтра придет, станет сюда же и будет ждать, застыв на одном месте. И послезавтра придет, послепосле, послепослепосле... Пока какая-нибудь добрая и заботливая Герда не спасет его, не разморозит сердце.

Катя зашла за угол вещевого магазина и прислонилась к стене. Волосы зажало между плечом и холодным камнем. Протянула руку к животу, боясь прикоснуться.

В этот момент песня хозяйки города закончилась, квартет затих. Собравшиеся начали скандировать, радостно выкрикивать, как они ее любят, обожают, без нее совсем не могут. Подняли руки над головой, точно ловя в воздухе оставшиеся ноты ее голоса.

— Я хотела всем вам сказать, что уже выбрала ту, кого мы будем считать символом красоты весь следующий год. Но она зазнается.

Все замолчали, затаились, замерли. Даже собачки в дурацких одеждах притихли, заблестели глазками, словно надеясь, что кого-то из них тоже могут выбрать.

— Я хочу, чтобы она сама назвалась, — сказала хозяйка.

Девушки боялись переглядываться друг с другом. Каждая думала, что ей ничего не стоит назвать себя лучшей девушкой года. Но в чем тут подвох?

— Я не буду вас мучить, принцессы мои. Пусть назовется та, кто любит свое имя выводить красным.

Кате показалось, что она все поняла еще до того, как хозяйка закончила фразу. Мысль опередила слова. Теперь нужно было бы выйти из-за угла, вернуться на площадь, предстать перед всеми. Но тело не слушалось.

А остальные девушки стали нервно оглядываться по сторонам, разочарованно смотреть на стоящих рядом. Каждая не могла припомнить, чтобы писала что-то красными чернилами.

Не только желудок пропал, но и легкие. Катя замерла и чувствовала, что не дышит. Не дышит, но живет. Да, она поняла: вот назовусь, взлетит мое имя голубкой над толпой, а сама в этот миг стану полой, превращусь в ходячую оболочку, буду как одежда без тела, говорящая одежда.

— Я не вижу ее, она не с нами, — легко поцарапало воздух со сцены. — Покажись.

«Сейчас лучше уйти подальше», — решила Катя, шагнула от стены и направилась в глубину переулков, где темнее. Чтобы не нашли друзья, не потянули обратно. Не буду думать о пустоте внутри, ведь если бы эти мысли были правдой, я бы не могла никуда идти, да и ни о чем бы не думала.

— Покажись, — прозвучало из подворотни.

Фонари на стенах домов светили ярче обычного, словно им добавили света. Тут были и прохладные зеленоватые, и золотистые, теплые. Сейчас запоят о чулках и влюбленных глазах. «Да что за наваждение!» — злилась Катя. Сзади что-то послышалось, зашуршало. Она обернулась, но никого не увидела. Тот же проулок, уходящий к центральной площади. Свет разливался по вымытому тротуару, а вот окна были черные, точно квартиры смолой затопило.

«Куда бы пойти, куда бы направиться?» — спросила себя Катя. И направилась без раздумья. Повернула, свернула, завернула — вышла к какой-то ограде. По решетке закручивались растения, но и без освещения фонарей в самом центре участка можно было увидеть домик. Даже не домик, а, скорее, огромную мраморную беседку. Или не беседку вовсе, а алтарь.

«Хозяйка ведь сама меня подбивала гордиться собой, украдкой хвалила, — подумала Катя. — Выделяла взглядом на собраниях. Специально? Хотела приструнить конкурентку? Она явно знает что-то о сегодняшней ночи. Знает, что сегодня сам мир опустошит всех гордецов».

— Да, гордость вырывают с потрохами, — будто сказал мир вокруг.

Подул ветер, несильный и теплый. Тени деревьев на стене строения замахали веточками, словно начали играть скрипичный концерт.

Внутри строения никого не было. Оно напоминало церковь, которую возвели, но не стали украшать. Ни разу не внесли икону, не зажгли ни одной свечи. Долго тут властвовало молчание, царил тишина, стала почти живой, поэтому и глотала шум.

Катя пошла дальше. Где-то на соседней улице переговаривались двое — парень и девушка. Он говорил красиво, она смеялась красиво, звонко. Все ближе и ближе, почти рядом, вот и угол дома, поворот, дорожки пересекаются — но нет никакой парочки. Несколько гласных звуков, остатки разговора, растворились в пустоте. Пустота.

«Какие глупые попытки напугать! — усмехнулась про себя Катя. — И что дальше, что за следующим углом? Крадущиеся длинные тени? Может, сырой запах крови? Внезапный скрип дверей и птичий крик? Нет, меня такое не заставит бояться».

Никаких посторонних звуков не было, словно неведомые силы подавили всякий шорох, всякий скрип. Ни единого колыхания в воздухе, как перед ливнем. Молчание и покой. Божественная тишина.

«Может, когда вокруг все замирает, это даже страшнее, — подумала Катя. — Но меня не то что не пугает, а даже не заставит замедлить шаг».

Шаг вперед — стук каблука, шаг — стук, еще — еще. Такой осязаемый тяжелый звук, сейчас людей разбудит.

Два дома по пути были снова затопленными смолой, а над дверью третьего горела электрическим светом надпись «Вместо снов». Катя вспомнила, что это название ночного кинотеатра, который открыли какие-то энтузиасты, и вошла.

В темном кинозале было почти пусто. Пожилой мужчина там, женщина дальше, еще один пожилой мужчина. Катя прошла вдоль прохода и села на кресло в предпоследнем ряду.

— Это не так трудно, — сказал актер на экране, обнимая актрису.

— Конечно, это легко. — Даже в черно-белом изображении было видно, насколько крепкие, идеальные зубы у актрисы. — Не пожалей только.

— Уже жалею. — Актер покосился в зал.

Актриса едва коснулась губами его губ, отстранилась и сказала:

— Будешь жалеть еще больше.

— Если останусь с тобой?

— Попробуй, это не так трудно.

Актер все косился и косился в зал. Да, косился прямо на Катю. Даже зрители начали оборачиваться, задумчиво глядеть на нее. Сейчас актер отбросит свою белозубую партнершу, шагнет с экрана, подойдет к Кате и начнет говорить еще большую бессмыслицу, чем диалог в фильме.

Зрители впереди занервничали, заерзали. Их мысли можно было прочесть: мы пришли фильм посмотреть, а не на стильных девчонок оборачиваться. Только не получается не оборачиваться.

Катя сама начала ерзать, эти чужие мысли липли к ней. Нужно было уходить. И правда, зачем людям реальная красота, когда есть красота на экране.

Она быстро скинула туфли, стянула колготки и положила их на сиденье рядом. Снова обулась.

Поднялась, простучала каблуками и покинула зал. Актеры притихли, провожая ее взглядом.

Звуки улицы вернулись, но шум гулянья в центре явно поутих. Чувствовалось в самом воздухе, что люди начали уставать от забав. Катя осмотрелась и заметила в одном окне девочку, которая спала, положив голову на подоконник, как на подушку. Рядом с девочкой лежала большая книга с закладкой.

С непривычки холодило ноги.

Из-за угла дома вышла кошка, поставила лапы на угол и грациозно потянулась.

— Вас проводить? — услышала Катя за спиной и дернулась. Обернувшись, она увидела пожилого мужчину, одного из зрителей.

— Спасибо, не нужно, — она покачала головой.

Пожилой был плохо одет, в скучный плащ канареечного цвета. Был бы он хотя бы интересным...

— Нет, спасибо, не нужно.

— Мне не трудно, — сказал он и беспомощно улыбнулся.

— Я сама дойду, — Катя сделала два шага вперед и добавила: — Кошку лучше проводите, а то всякое может случиться.

Пройдя немного вперед, она в очередной раз свернула за угол и остановилась. Не хотелось возвращаться к липким взглядам и паучьим движениям, оплетающим личное пространство. И без них понимала, что она лучше всех. Других вариантов быть не может. Как не может быть внутри желудка, легких, даже сердца. Она дернулась, но сердце не издало стука, его кто-то украл. Не могла вдохнуть, но жила, не стучало в груди, но стояла на ногах, видела улицу, фонари, ночное небо. Одна тусклая звезда, будто позвав на помощь, мигнула несколько раз.

«Вот смотрю на черные окна, на свет, растекшийся по дороге. Значит, жива, но почему-то внутри ничего нет. Становлюсь живой оболочкой», — не отпускала Катю мысль.

— Покажись, — снова донеслось из подворотни, поцарапало стены.

Катя шагнула. Стук каблуков словно кто-то заглушил, сделав набойки бесшумными. «Или во мне не осталось веса», — подумала она.

Оперлась одной ногой на каблук, попыталась надавить на него, чтобы он треснул. Но не получалось, не хватало силы. «Да что же это такое, почему исчезаю изнутри? Не должна исчезнуть, ведь я самая лучшая. Мир не может потерять самую лучшую. Хватит глупить, мир. — Она немного подняла ногу и стукнула каблуком, стукнула еще, сильнее, жалила по-скорпионьи, точно хотела выбить у города право быть прежней. — Самая лучшая, самая. Хочу называть себя лучшей — буду называть». Стукнула еще раз, стукнуло сердце, прохлада полилась в легкие. Оказывается, это так невероятно — когда в груди ритм, когда внутри воздух.

Где-то далеко послышалось «покажись». «Покажи себя, свою красоту. — Мысли Кати становились все тверже. — Сейчас покажусь, ждите только. Эта ночь закончится моим торжеством, моим. Это лишь внутреннее перерождение, но я все выдержу, все. Я так просто не сдамся», — подумала она и пошла дальше. Каблуки стучали уверенно, кололи дорожку. Все в переулках замерло, перестало шуршать и скрестись, как испугалось. «Мне уже не нужно признание, — убеждала Катя сама себя. — И так все понятно. Это не они должны меня признавать, это им нужно будет просить меня о признании, запрашивать мое одобрение». И она представила, что сейчас найдет обратный путь на площадь, поднимется на сцену, отберет у хозяйки города микрофон и споет о том, что рано, никто не будет спать. И звезды сгрызли ногти, придется подметать. Да и луну загнали под кровать.

Все вокруг замерло. Мошкара перестала ломиться в лампы фонарей, свет не дрожал. Замерли тени, замерли капли, стекавшие по стене. И без гипнотизирующих колготок мир заворожился.

Одно окно, на четвертом этаже, не было залито смолой. Там горела тусклая лампочка, и некто смотрел на Катю своим черным взглядом. Она остановилась, уже зная, что сейчас произойдет. Некто отворил створки, занес ногу, подтянулся и встал на подоконник в полный рост.

— Не надо, — еле слышно проговорила Катя.

Некто шагнул вперед. Могло показаться, что он застыл в воздухе и не падает только потому, что мир вокруг никак не поймет, зачем он решил прыгать. Но сейчас мир вспомнит, что те, кто шагают из окон, разбиваются.

— Да обычная я, обычная, — громко сказала Катя, чтобы услышало все вокруг. — Такая, как все, ничем не лучше других, — она вдохнула глубже и произнесла еще громче: — Глупо было зазнаваться. Я не самая-самая, я простая. Даже похуже некоторых.

Наклонила голову, волосы упали с плеч, повисли.

— Просто некая девушка, — совсем тихо прошептала. — Не надо так.

Парень сошел с подоконника обратно в комнату и затворил оконные створки. «И чего хотел увидеть, — подумал он, — сам не знаю. Поздно уже, спать пора, да и на улице все равно ничего интересного».

ДНЕВНИКИ НАТАШИ ИЛЬИНСКОЙ 1941–1942 годы

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В прошлом году исполнилось девяносто пять лет со дня рождения моей мамы Наталии Борисовны Ильиной. Она родилась 11 августа 1929 года в Ленинграде в семье врачей, выпускников 1-го Ленинградского медицинского института, Бориса Вячеславовича Ильиного и Анны Владимировны Николаевой. Отец прошел финскую кампанию фронтовым врачом-терапевтом, а перед войной работал научным сотрудником у академика Г. Ф. Ланга, защитив кандидатскую диссертацию и почти подготовив к защите докторскую. Борис Вячеславович был призван в армию на третий день войны старшим ординатором хирургического отделения эвакуационного госпиталя (ЭГ) № 1327, затем был помощником начмеда госпиталя ЭГ № 2015, а с 22 января 1942 года направлен в действующую армию главным терапевтом 23-й, а затем 67-й армий Ленинградского фронта; в первой половине 1944 года стал главным терапевтом 3-го Белорусского фронта. Анна Владимировна, ее мать, работала терапевтом в больнице им. Свердлова, которая обслуживала партийных, советских и хозяйственных руководителей Ленинграда. Во время войны на базе этой больницы был сформирован военный госпиталь для комсостава, и Анна Владимировна проработала в нем всю войну сначала вольнонаемной, а с весны 1942 года была переведена на казарменное положение. Кроме Наташи, в семье рос сын Олег (1932 г. р.), которому исполнилось девять лет к началу войны.

Семья Ильиных — Николаевых занимала две комнаты в четырехкомнатной квартире № 6 в доме 64 по набережной реки Фонтанки у Чернышева моста. В этой квартире, кроме них, проживали родственники: брат Анны Владимировны Александр Владимирович Николаев (дядя Шура), главный режиссер и актер Областного драматического театра, с дочерью Ириной, которая была на два года старше Наташи, и сестра Анны Владимировны Варвара Владимировна Забрежнева (тетя Варя), вдова политического деятеля В. И. Забрежнева, бывшая актриса, художник-надомница, инвалид второй группы, у которой еще в середине 1930-х годов был диагностирован рассеянный склероз. На момент начала войны в Ленинграде находились все, кроме Ирины, которая после окончания учебного года успела уехать на каникулы к матери на Черное море, где та служила актрисой. Именно благодаря сплоченности, взаимопомощи и любви они смогли все вместе пережить первую блокадную зиму, помогая не только друг другу, но и семье сестры и матери Бориса Вячеславовича Ольге Вячеславовне (тете Оле) и Анне Ивановне (бабушке).

После смерти моей мамы в 2016 году, разбирая ее бумаги, я нашла эти блокадные дневники и письма военного времени. Родившись в Ленинграде и именно в той самой квартире, где она пережила зиму 1941–1942 годов, я, конечно, много слышала о блокаде. Найденные дневники и письма произвели на меня ошеломляющее впечатление, ведь писала их двенадцатилетняя девочка в холодной квартире при коптилке, скрупулезно записывая происходящее вокруг с ней и членами ее семьи. Дневник она стала вести сразу после начала войны и с небольшим перерывом на июль–август 1941 года вела его до апреля 1942 года, того момента, когда они с братом Аликом (Олегом), тетей Варей и их бывшей домработницей

Нюрой (Анной Усковой) доехали в эвакуацию до родины их отца Бориса Вячеславовича и Нюры, село Вохму Вологодской (ныне Костромской) области, и устроились там жить.

В детстве Наташа мечтала стать писательницей и начала писать пьески еще до войны. Многие годы она вела дневники. Весной 1943 года газета «Пионерская правда» проводила конкурс на лучшие стихи, рассказы и музыкальные произведения. На конкурс было подано более двух тысяч стихотворений и рассказов, и жюри в составе писателей Е. Благиной, Л. Кассиля и Л. Квитко присудило две первых премии, три вторых и восемь третьих. Наташа получила третью премию. После войны она посещала литературный кружок при Дворце пионеров и была приглашена юнкором в газету «Смена». Однако жизнь свою в дальнейшем решила связать с наукой.

В том же составе они вернулись из эвакуации в Ленинград в июле 1944 года. Наташа окончила школу с золотой медалью, после которой поступила на биолого-почвенный факультет ЛГУ. После окончания университета она была принята в аспирантуру и в 1956 году защитила кандидатскую диссертацию. Всю свою жизнь она проработала научным сотрудником в Институте цитологии АН СССР. В конце 1989 года защитила докторскую диссертацию и была признанным специалистом в области физиологии клетки, диапаузы насекомых и картированию политенных хромосом хирономид (комаров-звонцов). Последние двадцать лет своей жизни, будучи на пенсии, она провела в Канаде, куда переехала моя семья.

Мама написала короткие воспоминания о блокаде, которые были изданы группой волонтеров из Канадской ассоциации ветеранов Второй мировой войны из Советского Союза в 2010 году в Торонто. В дневниковых записях мы используем часть этих воспоминаний в виде вставок в скобках, помеченных курсивом, как и другие добавления, сделанные самой Н. Б. Ильинской в более позднее, по сравнению с моментом написания дневника, время. Дополнительные материалы, уточняющие некоторые свидетельства дневника (письма Н. Б. Ильинской и ее тети В. В. Забужневой родителям Н. Б. Ильинской, цитаты из воспоминаний Б. В. Ильинского), даются в кавычках внутри основного текста. Подстрочные примечания принадлежат составителям. Расшифровка авторских сокращений и добавления, сделанные для лучшего понимания текста, даны в квадратных скобках. Цифры тоже расшифрованы и не помечены дополнительно. Орфография и пунктуация исправлены.

Ольга УШАКОВА

Я с юности знал о существовании блокадных дневников моей тети Н. Б. Ильинской и слышал несколько ее рассказов об эпизодах, вошедших в эти воспоминания, но полностью прочитал их только в очень взрослом возрасте. Не могу не согласиться с мнением моей двоюродной сестры О. Б. Ушаковой, что эти воспоминания являются поразительным историческим (а не только семейным) документом, и поэтому я с радостью помог их отредактировать и снабдить некоторыми необходимыми примечаниями.

Есть еще одно личное предупреждение, которое мне бы хотелось здесь сделать. Мой отец, О. Б. Ильинский, в первую блокадную зиму был девятилетним ребенком, дневников не вел и сохранил о том страшном времени только фрагментарные воспоминания. Однако некоторые события вполне закономерно врезались ему в память, и он несколько раз пересказывал их в кругу семьи. В частности, говорил он, очень долго в парадной дома 64 по Фонтанке, где они жили, лежал неубранный труп, и все жильцы просто через него переступали, пока А. В. Николаев (дядя Шура) не оттащил его в сторону по просьбе своих племянников. Вернувшись из эвакуации в 1944 году, папа снова зашел в родной дом и... по привычке перешагнул через пустое место перед самой лестницей.

Будучи мальчиком, я неоднократно бывал в этом доме, но, как легко догадаться, еще почти ничего не знал о блокадном прошлом моей семьи и потому не испытывал никаких эмоций, избегая по той самой лестнице (кроме чувств самых приятных, ибо большинство посещений приходилось на разнообразные торжества, совместные поездки за город и проч.). Этого не скажешь о дне нынешнем, поскольку, бывая в Санкт-Петербурге, я всегда прохожу по левому берегу Фонтанки от Невского проспекта до улицы Ломоносова, у той самой парадной всегда вспоминаю о безымянном жильце дома 64 и вижу мальчика, своего отца, переступающего через его труп.

У всех старых петербуржцев-ленинградцев, включая нашу семью, есть родственники, лежащие на Пискаревском, Серафимовском и других блокадных кладбищах. Со временем эти места стали мемориальными, и туда, чтобы почтить память жертв печально известных «900 дней», приходят самые разные люди. Так получилось, что мне это делать необязательно, ибо моим личным Пискаревским кладбищем стала парадная дома 64. Памяти его безымянного жильца — навечно неизвестного соседа моей семьи — и сотен тысяч других ленинградцев, у многих из которых не было даже могил, мне бы хотелось посвятить наш скромный труд.

Петр ИЛЬИНСКИЙ

Я раньше жила на Фонтанке-реке,
Возле дома Фонтанного невдалеке,
В дом Толстовский ходила зимой за водой,
Той, что еле тянулась алмазной струей.
Что алмазы! — Сравненье для наших лишь дней.
Нитью парки тянулась — вот это верней!
За алмаз не достанешь в блокаду воды,
Не растопишь им печь, не спасешь от беды.
И стояла часами в мороз за водой
Средь толпы молчаливой, как будто немой.
И не знали стоящие у колодца,
Что потом это мужеством назовется.

Н. Ильинская, 2006

ЛЕТО 1941 ГОДА

23 июня 1941 года

Воскресенье выдалось очень хорошее. Приехал папа и пошел за газетой. Мы пололи гряды¹. Вдруг приходит папа, он взволнован: «Война началась!» Мы перепугались. Взрослые совещались, что делать, и решили остаться на даче. Папа и мама уехали в город собирать папе вещи.

24 июня 1941 года

Ночью проснулись от выстрелов. Дом дрожал. Мы так были перепуганы и не знали, что делать. Инна и Олег со страху полезли на горшок. Тетя Оля² плакала, Лидия Дмитриевна³ тряслась. Один Александр Ефимович был спокоен и успокаивал всех.

¹ Летом семья Ильинских жила на даче в Песочной (А. В. Николаева унаследовала там часть дома от отца, В. Г. Николаева), в 25 километрах от Ленинграда по Зеленогорской, ныне Выборгской линии.

² Родная сестра отца Наташи — Ольга Вячеславовна Ильинская.

³ На даче в этот год проживали соседи по лестничной площадке на Фонтанке: Александр Ефимович и Лидия Дмитриевна Широкогоровы вместе с дочерью Инной (Инессой), которая училась в одном

28 июня 1941 года

Инна уезжает в город. Тетя Оля и дядя Вася⁴ приехали за последними вещами. Вдруг приезжает дядя Шура⁵ и говорит, что уже нескольких детей эвакуируют. Мы быстро собрались и поехали. Приехали в город в двенадцать часов. На трамвай было трудно попасть, особенно с собачкой Путькой. Добрались домой в час ночи. Я долго не могла уснуть и слышала, как мама и тетя Варя думали, что взять нам с собой.

29 июня 1941 года

Ночью, в три часа мама и Александр Ефимович ходили в школу на собрание, и мы узнали, что первая партия едет сегодня утром в восемь тридцать [утра]. Мама срочно начала стирать все, что нам необходимо. Я проснулась в пять часов, вымыла шею и стала помогать гладить. Тетя Варя шила мешки. Когда мы были готовы, я зашла за Инной. В школе было много ребят и взрослых. Все были взволнованы, и многие плакали. Нас записали в группу Валентины Константиновны⁶, и мы двинулись в путь. Мы шли пешком до Московского вокзала, родители следовали за нами. Нас посадили в вагон. Через окна мы переговаривались со своими родными. Мне, Инне и Олегу мама передала через В[алентину] К[онстантиновну] эскимо. Но вот загудел гудок, и поезд тронулся. Ехали четыре часа. Сначала ехали грустными, но потом стало скучно, и мы начали шутить и смеяться. Доехали до Малой Вишеры. Там нас покормили зелеными горькими щами (бурдой) и горячей манной кашей (которую мы не успели поесть). Потом снова сели в поезд и поехали до Большой Вишеры. По дороге я написала открытку домой. На станции мы отдохнули в школе. Долго ждали мы подвод, и старшие, среди которых были я, Инна и Ира Семьянова⁷, не дождавшись их, во главе с Зинаидой Дмитриевной⁸ пошли им навстречу в деревню Луга. Там мы отдохнули и стали ждать подвод. Наконец они показались, но увы, они ехали за малышами. Скоро они вернулись, на одной из них сидел Олег. Я отдала ему пальто, а Инна чемоданчик. Снова показались телеги, на этот раз это оказались наши.

С гиканьем и свистом все повскакали на подводы. Я попала на подводу вместе с Инной, Зорой⁹ и еще с несколькими ребятами. На телеге, покрытой тонким слоем травы, по отвратительной дороге, по мостам, которые представляли из себя бревна, должны были мы ехать восемнадцать километров. Тряска была ужасная, многие слезли с подвод и пошли пешком. Я и Инна часто слезали на ходу и снова вскакивали. Это хоть немного скрашивало однообразие нашего пути. Потом начались гонки. Одна из под-

классе с Наташей. А. Е. Широкогоров погиб от голода во время блокады. Л. Д. Широкогорова и Инна всю блокаду провели в Ленинграде и спаслись от смерти отчасти благодаря Б. В. Ильинскому, который сумел своевременно устроить в больницу сначала дочь, а потом мать (оставшаяся в одиночестве Инна жила в семье Ильинских), а отчасти благодаря А. В. Николаевой, которая их постоянно подкармливала, чем могла. В дальнейшем после седьмого класса Инна ушла из школы по набору в Мухинское училище (оно стало вузом только в 1948 году) на отделение скульптуры.

⁴ Василий Михайлович Бакулин — муж О. В. Ильинской (тети Оли).

⁵ Александр Владимирович Николаев — родной брат Наташиной мамы, Анны Владимировны Николаевой.

⁶ Школьная учительница Н. Б. Ильинской.

⁷ Одноклассница Н. Б. Ильинской, в дальнейшем вернулась из эвакуации и окончила вместе с ней школу № 216.

⁸ Лицо, неизвестное публикаторам. По-видимому, тоже школьная учительница Н. Б. Ильинской.

⁹ Зора Штерн, одноклассница Н. Б. Ильинской.

вод обогнала нашу, а у нас управлял лошадей один мальчик. Он не мог вынести этого и стал подгонять лошадь, но она устала, и вот тогда многие соскочили с телеги и пошли рядом. Наши соперники это заметили и проделали то же самое. И это делалось несколько раз. Потом на передней телеге сделали флаг из галстука, мы и другие сделали то же самое. Перед самой деревней все извозчики точно взбесились, так гнали своих лошадей. Каждый хотел приехать первым. Наша телега отстала, а мы и подавно. Мы слезли с телег, чтобы лошади легче было ехать, и вдруг она побежала. Мы устали и не могли ее догнать, но потом мы побоялись отстать и побежали. Когда мы приехали, то один дом был уже занят. Мы поместились в другом, но там не было сенников, и мы легли спать на голые доски. Спали мы с В[алентиной] К[онстантиновной].

2 июля 1941 года

Сегодня я получила дополнительный багаж, а основной еще не пришел. Живу я со своим классом вместе с Н[иной] Н[иколаевной] (Машковской)¹⁰. Ходим за вениками. Страшно устала.

4 июля 1941 года

Наш класс дежурит в кухне. Мы должны нарезать хлеб. Накрыть столы, вымыть посуду. Почистить и порезать картошку. Мы так измучились, только смогла взять багаж, как свалилась спать.

Получила наконец весь багаж. Устроилась хорошо. Сплю рядом с печкой. Место удобное. Спали хорошо.

5 июля 1941 года

Дежурю в комнате. Подмела полы, вытерла пыль и началась уборка: мы стали мыть полы. Шестнадцать человек мыли полы в двух комнатах, сенях и лестницу целый день. В этот день я научилась мыть пол.

6 июля 1941 года

Приехала мама! Как я рада! Мама привезла много одежды Олегу. Мне ватное одеяло и много сладостей. Она остановилась в комнате, где жила Зорина мама, и у них чуть не произошел скандал. Как много девочек от нас уехало.

«Мы живем в избе. Наша изба соединена с соседней одной лестницей. Там вчера устроили канцелярию, и там живут директор Ю. А. Воронцова¹¹ (Белкина мать), заместитель ее Евгения Николаевна Цейс¹² (наша учительница русского языка) и еще одна учительница. Вчера вечером Белка¹³ сказала, что мы ночью превратимся в лунатиков. Мы долго не засыпали, и Н[ина] Н[иколаевна] очень сердилась на нас. Как только она выйдет на улицу, мы такой шум поднимаем. [Белка] кричит: „Поход лунатиков начинается“ — и бегает по комнате. Н[ина] Н[иколаевна] вошла неожиданно, а Белка

¹⁰ Классная руководительница Н. Б. Ильинской и учительница математики в 1940–1941 годах.

¹¹ Имя и отчество Ю. А. Воронцовой, директора школы № 206, где училась Н. Б. Ильинская, публикаторам неизвестно.

¹² Евгения Николаевна Цейс преподавала русский язык и литературу в школе № 206 (наб. Фонтанки, 62), а после войны в женской школе № 216 (наб. Фонтанки, 48).

¹³ Белла Воронцова — одноклассница Н. Б. Ильинской.

как закричит: „Девочки, когда мы будем лунатиками?“ Н[ина] Н[иколаевна] и говорит: „Я вам дам «лунатики»!“ Вчера мы мыли полы у себя в домике. Целый день мыли шестнадцать человек, когда одна женщина вымыла бы это за час. Мы уже купаемся. 4 июля наш класс дежурил на кухне. Мы дежурили у кипяченой воды, мыли посуду, резали хлеб, чистили, мыли и резали картошку, раздавали еду, вытирали столы и обслуживали 470 человек. А нас было шесть девочек и шесть мальчиков. Мальчики таскали ведра с супом, кашей и водой. Мы так устали в тот день, что с ног валились. Особенно устаешь, когда бегаешь по деревне (а она очень большая) из конца в конец и зовешь классы по очереди на завтрак. Речка здесь маленькая и мелкая, но есть и глубокие места. Алик живет с Е[леной] Е[фремовной]¹⁴, а я, Инна и Белла Воронцова с Н[иной] Н[иколаевной]¹⁵.

7 июля 1941 года

Сегодня должна дежурить Ира Семьянова, а наш класс должен полоть поле, а ко мне приехала мама, и я поменялась с Ирой дежурством. Мама стирала белье, и я ей помогала. Потом мы ходили искать хозяйку молока, чтобы его покупать. Ира и Инна заболели. Вечером мама уехала, и я осталась без нее и без подруг: две больны, одна живет у [своей] мамы.

8 июля 1941 года

Сегодня у нас тревога. Как страшно. Многие дрожат от страха.

9 июля 1941 года

Второй день рвем щавель, так он нам надоел, что ужас. Сейчас опять тревога. Ходили играть с Беллой, Ирой и Леной¹⁶ в танцы. Потом помогли составлять список Е[вгении] Н[иколаевне]. Олег заболел, а Инна выздоровела. Мне пришлось сегодня и вчера пить целый литр молока в день. Я чуть не лопнула. Инна, Белка и Лена пропали. Мне скучно. Я поссорилась с ними из-за этого, но сейчас уже помирилась.

10 июля 1941 года

Утром не успела даже сделать постель, как к нам пришла Евгения Николаевна и велела мне переписать списки. Я сидела на скамейке и писала на подоконнике, писать было неудобно. Сижую, пишу и слышу, как Е[вгения] Н[иколаевна] и Ю. А.¹⁷ разговаривают о каком-то больном, как и с кем отправить его в город. Вдруг опять тревога. Когда все были на местах, с ужасом узнала я от Е[вгении] Н[иколаевны], что Олега отправляют в город из-за поноса. Ю. А. отпустила меня сбегать к Е[лене] Е[фремовне] и узнать у нее все подробно. Я побежала, на половине пути встретила Е[лену] Е[фремовну] и Галину Модестовну¹⁸. Они торопились, узнав от них все, я побежала

¹⁴ Елена Ефремовна — классная руководительница группы Олега Ильинского.

¹⁵ Текст в кавычках взят из письма Наташи своему отцу, Б. В. Ильинскому, написанного в тот же день, 6 июля 1941 года.

¹⁶ Лицо, неизвестное публикаторам.

¹⁷ Ю. А. Воронцова, см. выше.

¹⁸ Лицо, неизвестное публикаторам. Судя по всему, одна из школьных учительниц Н. Б. Ильинской или О. Б. Ильинского.

в лазарет и там разговаривала с Аликом. Потом я опять побежала к нему на дачу и стала собирать вещи. Когда я собрала вещи и отнесла их Алику, то, усталая, возвратилась назад домой. Потом я провожала его и получила от сестры записку, в которой она что-то написала [для родителей], но что, я не знаю, никак не могла понять.

11 июля 1941 года

Опять сегодня мыли полы. Мыть научилась лучше. Уехала в город Ю. А. (*директор школы*).

12 июля 1941 года

Сегодня утром приехала Лидия Дмитриевна. От нее я узнала, что мама велела братья меня. Я страшно огорчена, уговариваю Инну ехать со мной, чтобы мне не было бы в городе скучно. Наконец уговорила. Родителей приехала масса. Вместе с Е[вгенией] Н[иколаевной] я считала часов до десяти утра, было подано пятьдесят четыре заявления о взятии ребят. (*Шпиономания и борьба с паникерством были так вколоты пропагандой, что когда мы слышали от какого-то проходившего через село мужчины о том, что немцами занято так много городов и они продолжают наступать, наши руководители расценили это как паникерство и готовы были его задержать, вот только не сумели. Радио у нас не было, и никто ведь и не слышал о том, что сказано это было третьего июля самим Сталиным! Сразу после третьего июля к нам нахлынула толпа родителей, которые стали не только навещать, но и забирать своих детей. А мы помогали нашей руководительнице Евгении Николаевне Цейс — нам повезло, она нас хорошо знала, ведь она преподавала нам в четвертом классе русский язык — вычеркивать из списков всех, кого увозили.*)

Но как уехать? Народу много, а средств передвижения ни одного. Многие решили идти пешком, но мы решили ждать. Когда мы обедали, кто-то увидел машину, мы вскочили и побежали, но шофер не хотел никого брать, но многие все же сели. Машина шла в Ленинград, и мы поэтому все же на ней не поехали. Вечером должны были отправиться две подводы, но их заняли Аврутис¹⁹ и Медведецкая и никого не хотели пускать. Мы с ними не стали спорить. В это время подъехала машина, мы кинулись к ней. Она шла на станцию Чудово, где мы могли сесть на поезд. Ехать надо тридцать километров. Мы согласились и только сели, как к нам прибежали еще две семьи: Белка Финкельштейн с сестрой Дорой и мамой и Леля Либерман²⁰. Нас провожали, по-моему, лучше всех. Все девочки из нашего дома вышли прощаться с нами, Е[вгения] Н[иколаевна] и многие другие. Сколько раз я целовалась с Белкой!²¹ Как она останется без нас, ведь ей будет скучно... без своих подруг. Поцеловалась с Евгенией Николаевной, жму руки девочкам, еще раз целуюсь с Белкой, и машина трогается.

Мы едем по проселочной дороге. Какая красота вокруг! Перед нами открываются прекрасные виды. Представьте себе зеленые холмы, между которыми течет река, неглубокая, но очень широкая, недалеко от нее находится деревушка, а вдаль синее

¹⁹ Валя Аврутис — одноклассница Н. Б. Ильинской. Скорее всего, ею же была вторая упомянутая здесь девочка, о которой публикаторы не имеют сведений.

²⁰ Леля (Елена Марковна) Либерман — одноклассница Ирины Николаевой, двоюродной сестры Н. Б. Ильинской. В дальнейшем преподавала фортепиано в музыкальной школе и работала на Ленинградском телевидении.

²¹ По-видимому, здесь имеется в виду Белла Воронцова (см. выше), так как Белла Финкельштейн уехала вместе с Н. Б. Ильинской.

лес. В это же время с другой стороны — лес, и над ним, точно медный круг, опустилось солнце. Всего не опишешь, что видели. Все было очень красиво и приятно, если бы не ужасные проселочные дороги. На ухабах мы подсакивали и опускались так, что я стукалась о борт автомобиля, а Инна о стенку таза (который лежал в тюке). Беллу и Дору укачало, а я ехала и ела всю дорогу конфетки и сухарики. Ехали долго, причем во всех деревнях, начиная с нашей, к нам прицеплялись пареньки, которые ехали так километров четыре-пять, а потом соскакивали. Один раз, когда мальчики из одной деревни отъехали далеко от деревни, они прыгнули, а один из них испугался, и пришлось остановить машину. Я уже начала дремать, как мы подъехали к селению Грузино. Это селение очень огромное. Там есть и дворец, говорят, что там жил Аракчеев. Мы подъехали к берегу озера и остановились около. Как мы переедем на тот берег? — задала я себе вопрос. На пароме. Вот как, это будет интересно. Машина въехала на паром и остановилась. С платформы грузовика нам было видно, как за нами на паром въехала еще машина. Потом подняли мостик, и паром начал медленно отходить от берега. Через весь паром был протянут трос. Все мужчины, находящиеся на плоту, должны были зацеплять его такими «ручками» и тащить. Таким способом мы двигались. Но скоро все устали, и паром остановился, еще не дойдя до середины. На выручку поспешил катер «Стахановец». Он своим мотором стал вытягивать трос. Мы скоро подошли к противоположному берегу.

Дорога хорошая. Несемся во весь дух. Стараемся наверстать упущенное время. Дорога лежит между двух озерков. Они усеяны массой зеленеющих островков, на одном из них пасется стадо коров. Какая чудная картина. Вдали виден лес. Каждое дерево видно отдельно, а между тем это очень сплоченный лес. Серовато-синее июльское небо нависло над нами, а на нем висит совсем неподвижно луна. Как она похожа на заходящее солнце, только тогда было светлее и алые полосы отходили от солнца. Такой же, как у солнца, медный круг, таких же размеров. Мы едем и едем и наконец приехали. Приехали на станцию Чудово. Встали, а ноги не держат, мы их отсидели. Наконец вытащили вещи и отправились на вокзал.

13 июля 1941 года

Всю ночь мы не спали. Ночью были две тревоги, и мы со всеми вещами спускались вниз в подвал. Под конец мы так измучились, что еле передвигали ноги. Нам велели идти на платформу на Ленинград. Поезда ждали долго. Боялись, что с такими вещами не влезем, но нам помогли женщины, ехавшие на работы. Наконец мы в поезде! Во время дороги я спала. Вот и долгожданный Ленинград! Вещи нести тяжело. Носильщиков долго не было. Когда мы нашли носильщиков, на платформе почти никого уже не было. Солнце жгло немилосердно. Носильщик вынес вещи на площадь, а там мы наняли одного человека, который донес наши вещи до дому. *(Когда мы вышли на Невский, нас поразили произошедшие за наше отсутствие изменения: большие витрины заколачивали досками и засыпали песком, а окна в домах были [крест]-накрест заклеены полосками бумаги: полагали, что это спасет стекла при бомбежке. Сил садиться в трамвай уже не было. Мы добрались до дома пешком.)* Жара стояла ужасная. Потом мы узнали, что было +38° С в тени, а мы были, чтобы разгрузить пожитки, в ботах. Короче говоря, когда мы пришли домой, мы представляли ужасный вид: все в грязи, запыленные, в таких костюмах в такой день.

После этого я была три дня больна. Никак не могла в себя прийти. Все время хотела спать, хотя все время почти спала. Сегодня, в воскресенье кончила запись.

Конец дневнику. Когда ты будешь продолжаться? Может, скоро, а может, и через десяток лет. На этом кончаю дневник, в котором описала жизнь в деревне Озерня. Благодарю колхозников и колхозниц за помощь.

Может, я исписала зря двадцать страниц, но для меня это вечное напоминание о минувших днях.

Конец.

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА: СЕНТЯБРЬ 1941 — ФЕВРАЛЬ 1942²²

24.09.1941 год

Наконец, после долгого перерыва я решила продолжать вести дневник. Чтобы рассказывать про все, что происходит, надо начать с одиннадцатого августа. Одиннадцатого августа, в день моего рождения, была объявлена всеобщая эвакуация. Но никто не хотел уезжать. Но потом почти все разъехались. Белла второго (*сентября*) уехала в Омск. Мы с девятнадцатого августа все собирались, но до сих пор не уехали. Занятия до сих пор не начались, и вот почему. Восьмого сентября, в шесть часов дня, во время тревоги мы спустились в убежище. (*Я хорошо запомнила первый налет на город. Это случилось восьмого сентября. Мы с братом были на улице, когда завывали сирены, и сразу кинулись проходными дворами домой, но не успели добежать до парадной, когда вдруг раздались звуки, похожие на то, будто кто-то кидает в металлический таз пригоршнями мелкие камни.*) С этого времени началась бомбардировка Ленинграда. Девятнадцатого [сентября] мама дежурила (*в госпитале*) и в четыре часа попала под бомбежку, в здание упала бомба, но никого не ранило. Восемнадцатого (*сентября*) видела северное сияние. Оно было светло-голубого цвета. Вчера было двенадцать тревог. Изредка занимаюсь музыкой и русским. Страшно хочу учиться. От нашей Ирки²³ (*она была в Крыму*) нет вестей.

29.09.1941 г.

Пришла телеграмма от Иры. Она в Петропавловске²⁴. Ехала туда целый месяц.

30.09.1941 г.

Ходила с мамой к папе (*в госпиталь*). Видела разрушения в больнице им. Куйбышева. Как страшно, даже дрожь пробегает по телу. Снаружи дом как дом. И я поэтому удивилась, но мама мне сказала, что он пробит изнутри. Сквозь одно из окон я увидела небо. (*После первых тревог и бомбежек вылетели все стекла из наших огромных окон. Постепенно мы перебрались в ванную и на кухню, окно которой выходило во двор и стекла остались целыми, где мы, дети, спали на сундуках и даже на плите.*) Тетя Варя сидит дома (*она была инвалидом 2-й группы*), она страшно боится выходить из дома. Недавно мыла голову, стоя в коридоре, потому что в кухне не слышно (*звука*) тревоги. Она стояла в коридоре с намыленной головой. Заходили по пути

²² Примечания к тексту блокадного дневника были сделаны Н. Б. Ильинской в 1984 году. Как отмечено в предисловии, они даются курсивом, в скобках, внутри основного текста.

²³ Двоюродная сестра Н. Б. Ильинской (см. выше), жила вместе с ней в одной квартире, дочь А. В. Николаева (дяди Шуры).

²⁴ Город в Казахской ССР, ныне Республике Казахстан.

в школу. Видели Нину Николаевну (*мою учительницу математики по четвертому классу*). Она согласилась заниматься со мной арифметикой и найдет учительницу по русскому языку. Как бы я хотела, чтобы это была Евгения Николаевна. Как хорошо гулять по улице, особенно в такую погоду. А погода? Она чудесная, как никогда. Когда идешь по улицам, видишь, как кипит жизнь. Совсем незаметно, что жизнь остановилась, как думает тетя Варя.

3.10.1941 г.

Ходили на урок к Н[ин]е Н[иколаевне]. Немного опоздали. Она с нами повторяла пройденный материал. Потом мы узнали, что Е[вгения] Н[иколаевна] просила прийти к ней, когда мы будем в школе. Сидели довольно долго, наконец ее дождались. Но она сказала нам, что сейчас с нами поговорить не может, а у нас с ней должен будет предстоять длинный разговор.

После школы я ходила с мамой в парикмахерскую. Вечером была ванна. Олег вымылся хорошо, но меня в ванне застала тревога. Быстро я стала домываться, мама мне помогала. Потом я оделась и съела макароны. В это время стали стрелять. Мама меня посадила в нишу у двери в ванную. Потом мы оделись и пошли вниз к Трофимычу (*в дворницкую*). Ночь была лунная и прекрасная, светло было, как днем. Видно было даже оконные рамы на другой стороне Фонтанки. Ночь была беспокойная. Заснули мы только в пять часов утра в убежище. (*Октябрь мне запомнился тем, что налеты продолжались почти непрерывно, особенно по вечерам.*)

4.10.1941 г.

Проснулись поздно, в одиннадцать часов. К Е[вгении] Н[иколаевне] опоздали. Делали уроки по арифметике. К Альке приходил Севка²⁵. Играли в «смекалку». Ночь опять лунная. Видела луну, она выглядывала из-за облака, тонкого, как нитка. Опять спали в убежище.

5.10.1941 г.

Я простудилась, наверно, после бани. Чувствую себя скверно. Вчера во время тревоги рисовали с Инной девочек и дам. Она еще спала, когда в двенадцать часов я ходила в убежище за рейтузами. Начиная с третьего [октября] пишу чернилами собственного производства²⁶. Второго или первого октября видела странный сон, будто мы на даче играем в одну игру. Потом легли спать, и вдруг тревога. Все бежим почему-то в городе. Вдруг я, и Инна, и Таня Орлова²⁷ стоим перед парадной и видим, как над домом напротив появляются самолеты. Они летят какими-то фигурами, и от них, точно длинные иглы, тянутся падающие бомбы. Вдруг я вижу как будто нашу Иру и стою между нею и Олегом и прошу всех стать поближе, но на этом сон кончился.

8.10.1941 г.

Ходили с Инной в школу к Евгении Николаевне. Пришли, у нее сидела Мария Максимовна²⁸. Мы подождали немного. М[ария] М[аксимовна] ушла, и мы вошли. Евге-

²⁵ Детский друг О. Б. Ильинского. Иных сведений не имеется.

²⁶ Подчеркнуто Н. Б. Ильинской в 1941 году. См. ниже в тексте еще два сделанных ею подчеркивания.

²⁷ По-видимому, соседка (но не одноклассница — ее нет на фотографии класса) Н. Б. Ильинской. Ее родители упоминаются ниже в записи за 31.01.1942.

²⁸ Лицо, неизвестное публикаторам. По-видимому, учитель школы № 206.

ния сказала: «Это мои ученицы». А затем спросила, не принесли ли мы книги. Мы сказали: нет. Потом сбегали за книгами. Евгения [Николаевна] стала спрашивать нас, а затем задала уроки. Потом мы с мамой ходили к папе *(в госпиталь)*²⁹, хоть и просидели мы там полчаса, но с папой говорили минут пять, не больше. Он очень занят. Спала в убежище.

НАЧАЛИСЬ СНЕГОПАДЫ³⁰

9.10.1941 г.

Ходили к Н[ине] Н[иколаевне]. У нас с ней третий урок. Занимались мало. Она занята. Инна получила письмо от Ирки Кузнецовой³¹.

10.10.1941 г.

Были у Е[вгении] Н[иколаевны]. Занимались целых полтора часа. Она задала нам написать сочинение.

11.10.1941 г.

Сочинение я и Инна решили писать на одну тему: «Возвращение из Озерни в Ленинград». Как тут мне помог мой дневник. Прочтешь — и сразу все вспомнишь. Сегодня опять идем на урок, на русский.

В этот день заниматься не удалось. На следующий день тоже. В этот день ночью бросали зажигательные бомбы. *(На нашей крыше, кроме женщин, дежурили знакомые мне мальчики из бывшего шестого «А» класса. Они хвастались друг перед другом, сколько зажигалок им удалось погасить. Почти все они потом умерли от голода.)* Очень много бросали на школу³². *(И всю ночь учителя их тушили и сбрасывали с крыши — пожара не было.)*

12.10.1941 г.

Ходили к Евгении Николаевне. Она еще спала после ужасной ночи. Занимались с Н[иной] Н[иколаевной].

15.10.1941 г.

Занималась одна с Н[иной] Н[иколаевной]. Инна плохо чувствует себя.

18.10.1941 г.

Занималась с Н[иной] Н[иколаевной]. Инна тоже.

²⁹ В это время Б. В. Ильинский был заместителем начальника медицинской части (замначмед) в эвакуационном госпитале № 2015 у площади Восстания, относительно недалеко от дома.

³⁰ Написано заглавными буквами автором дневника.

³¹ Одноклассница Н. Б. Ильинской, вернулась из эвакуации и окончила вместе с ней школу № 216.

³² Из журнала дежурного Куйбышевского роно: «Всего на здание 206-й школы осенью 1941 г. сброшено 52 зажигательные бомбы. Все они потушены учениками и учителями».

19.10.1941 г.

Третьего дня приходила Лидия Гавриловна — моя бывшая учительница музыки. Мама хочет, чтобы я занималась с ней общеобразовательными предметами и музыкой. Я рада. Шью зимнее пальто своей кукле. Евгения Калистратовна дала мне читать «Записки школьника». Очень интересно. Вообще, она нравится мне больше, чем ее мать Глафира Никаноровна, учительница дяди Шуры и тети Вари по русскому. С ней можно поговорить. Она понимает меня. Точно чувствует мои мысли. Олег второй день будет есть голубя («Дядя Шура поймал на приманку, выложенную снаружи кухонного окна, двух голубей»)³³, а я не хочу. Сплю я вторую ночь на плите (*на кухне*). Тепло, но немного жестко. Вообще, какая хорошая вещь дневник. Я решила вести всегда дневник. Может, и он увидит свет, как, например, «Записки школьника»³⁴. Не только для этого дневник нужен. Он напомнит мне самой о прошедших временах. Я начинаю колебаться, быть ли мне профессионалом-писателем или нет. Я начинаю интересоваться наукой — физической химией. Папа вчера рассказал немного про нее. Сейчас я бы хотела служить и науке, и искусству одновременно. Я хочу проникнуть в тот микроскопический малый, малоизученный мир, на котором основано все. Я хочу суметь все это изложить красиво и легко на бумаге и сообщить своими иллюстрациями. Тогда я скажу: мечты моего детства закончены, но не работа. И я думаю, что хоть я и вырасту, но мечты мои останутся те же и станут реальными. Любовь к науке отчасти вселила мне книга Кузнецовой «Враг под микроскопом» про Луи Пастера³⁵. Это и должна вселять книга. Как ни странно, что все это я пишу в дни отечественной войны, но я почувствовала все это резче только сейчас. Все мои подруги и знакомые рассеяны теперь по всему СССР: Танюша, моя лучшая любимая подруга³⁶, в Ярославской области, Галья³⁷ на Волге, Белла в Омске, Ира К[узнецова] в Архангельске, Наташа К.³⁸ на Шексне. Остальные кто где, и про них я не знаю. Как я люблю школу. Я поняла это только теперь. Все учителя мне теперь дороги. Особенно Евгения Николаевна, Валентина Константиновна, Нина и другие. У бедной В[алентины] К[онстантиновны] убит сын. Как я ее жалею! Сегодня я изложила все свои мысли, скопившиеся у меня.

22.10.1941 г.

Начали заниматься с Лидией Гавриловной, моей старой учительницей музыки.

24.10.1941 г.

Вчера ходила с Аликом в школу и узнала у Евгении Николаевны, что Елена Ефимовна (*учительница третьего класса*) занимается на Загородном, [дом] девять, в бомбоубежище. Алик начал учиться в школе.

³³ Из воспоминаний Б. В. Ильинского.

³⁴ «Записки школьника» Эдмондо де Амичис были изданы в 1912 году в Санкт-Петербурге. Это книга — дневник ученика третьего класса итальянской школы. Автор рекомендовал книгу для чтения мальчикам от девяти до тринадцати лет. В книге описано все, что видел, слышал, думал и чувствовал ее герой.

³⁵ Адресованная детско-юношеской аудитории повесть О. И. Кузнецовой (1901—1948) вышла в 1931 году и неоднократно переиздавалась до войны.

³⁶ Таня Ланина, дочь Натальи Ильиной, школьной и институтской подруги А. В. Николаевой.

³⁷ Галина Кузнецова, одноклассница Н. Б. Ильинской, вернулась из эвакуации и окончила школу № 216.

³⁸ Лицо, неизвестное публикаторам.

30.10.1941 г.

Последний день занимаемся с Н[иной] Н[иколаевной]. В школе начнутся занятия (с пятого класса), мы должны будем помогать другим. Первый медосмотр.

31.10.1941 г.

Был артиллерийский обстрел нашего района, и убили Инниного дядю Колю Зезина³⁹.

1.11.1941 г.

Сегодня я пошла в школу в десять часов. Там были только ребята [из] девятой школы, и я ушла. *(Я продолжала ходить в школу: занимались три раза в неделю по два-три урока. С каждым разом приходило все меньше ребят, и в ноябре на занятиях присутствовало не больше шести-восьми человек. Из-за холода в одном помещении, перегороженном школьной доской, занимались два класса. Мы не раздевались, чернила в чернильницах замерзали, и писать было невозможно. Многие приходили из-за тарелки супа, которую давали без вырезания талонов из карточки.)* В два часа пошли с Инной в школу со двора. Осматривали [медицинские] сестры девятой школы. Учителя тоже чужие. Встретили там Липу, Нину⁴⁰ и ребят из шестого «А». Там видели Евгешу⁴¹. От нее мы узнали, что она у нас не преподает, так жалко! Я пришла из школы и прямо плакать хотела, так мне жалко с ней расставаться. У нас будет Наталия Афанасьевна. Я так расстроилась. «Наташа просила, чтобы ей дали добавочный хлеб: „Съесть могу еще столько, сколько я съела“»⁴².

4.11.1941 г.

Сегодня пошла в школу. Чуть не опоздали. Потому что в последний момент Таня вспомнила, что забыла записку *(о медосмотре)*, и мы пошли к ней. Когда вошли в класс, большинство ребят уже пришли и заняли передние места, только в третьей колонке все места были свободны, но мы не хотели сидеть у окна и сели во второй колонке на пятую парту. Я и Инна сидим вместе, Таня сзади нас с Ниной. Мы учимся через день по три урока. Наталия Афанасьевна учит хорошо, но мне все же обидно что она, а не Евгеша. Нина Николаевна спрашивала меня про доли и дроби. Был еще урок естествознания. Преподавала Анна Осиповна. Занимаемся в естеств[ознательном] кабинете. После урока пошли в столовую, и там нам дали суп: щи из кислой капусты, очень вкусно. Кто воспитатель, не знаю. Таня приходила и спрашивала, как решать задачи. Я ей объяснила. Жду с нетерпением следующего урока.

5.11.1941 г.

Сегодня произошли ужасные события. Вечером только успели поужинать, как прозвучал сигнал тревоги. Мы пошли *(в убежище)* через Гринберг[ов] *(квартира номер*

³⁹ В книге памяти блокадного Ленинграда есть запись: «Николай Дмитриевич Зезин, 1901 г. рождения, дата смерти ноябрь 1941 года. Проживал наб. рек. Фонтанки, д. 64, кв. 5. Похоронен на Пискаревском кладбище».

⁴⁰ Лица, неизвестные публикаторам.

⁴¹ Судя по всему, Евгения Николаевна Цейс (см. выше). И в 1941 году дети давали своим учителям прозвища.

⁴² Из воспоминаний Б. В. Ильинского.

восемь этажом выше, в которой был выход на черную лестницу и с нее в бомбоубежище. [Дело в том, что] выхода на черную лестницу у нас не было и добраться до убежища можно было только пробежав из парадной два шага по Фонтанке до подворотни, а затем по длинной изогнутой подворотне в круглый двор и уже из него до черного хода. Иногда мы пробегали через пятую квартиру, но случалось, что звуки взрывов заставляли нас на лестнице, тогда мы прятались под лестницей внизу, так как кто-то уверил нас, что лестницы самое надежное место — только прямое попадание их разрушает, и они не разрушатся, если обваливаются этажи рядом с провалом).

Тревога продолжалась долго, в середине тревоги последовали [удары] один за другим, сначала не очень сильный, потом все сильнее, так что потухли некоторые лампы, а другие замигали, и, наконец, последовал оглушительный взрыв: все вскочили и зашумели, поднялась паника. Я и Инна были в этот момент в большой комнате (убежища). Мы хотели пойти в маленькую и поспешили туда (там были наши тетя Варя и Лидия Дмитриевна). То, что я пережила, нельзя сказать словами, только у меня затряслись все поджилки, и я поняла, что будет, если бомба попадет в наш дом, а не в школьный палисадник и не на посту милиционера, и мне захотелось жить, страшно захотелось. (В эту ночь были сброшены бомбы вдоль Фонтанки: первая в дом номер пятьдесят, следующая — напротив Толстовского дома, затем в палисадник школы, дом номер шестьдесят два, рядом с нашим, и, наконец, на перекресток у моста Ломоносова, как говорили, целились в здание Банка⁴³.)

6.11.1941 г.

Второй день в школе. Инна, так как мы ночевали внизу (в убежище), не пошла в школу, и я сидела с Наташей Дубяго⁴⁴. (В это время Олег заболел воспалением легких, и его положили в детскую больницу. Однако вскоре его забрали оттуда, так как там у него отнимали еду более сильные дети. Первое время дядя Шура носил его каждую тревогу вниз, а потом назад в квартиру на третий этаж, пока тете не удалось договориться с ответственной за бомбоубежище, чтобы нам разрешили занять комнату, в которой находились машины для очистки воздуха. Кроме машин, там стояли садовая скамейка и большой стол. Мы перестали подниматься в квартиру во время кратких отбоев, и не только Олег, но и я, и моя подруга Инесса спали на большом столе. К концу длинной тревоги дышать в переполненном убежище становилось трудно, и мы вдвоем с Инессой, пока могли, крутили ручку агрегата.)

Кроме русского, по которому меня спрашивали и поставили пять, и арифметики, на которой засыпалась Стелла⁴⁵, у нас была еще история. Учительница Вера Константиновна мне понравилась, она нам рассказывала о двадцать четвертой годовщине (Октябрьской революции). В столовой ели суп из манной [крупы] с картошкой и помидорами.

Стекла все вылетели. (Как прошел декабрь, я помню плохо. В школу я уже не ходила, возможно, все мое время уходило на поиски воды.)

Первые числа января 1942 года

(От блокады у меня остались не только тяжелые воспоминания. Хорошо запомнилась новогодняя елка, организованная для детей в здании детской поликлиники

⁴³ В этом доме (наб. Фонтанки, 70—72) и до революции, и после нее, и ныне находится Банк России.

⁴⁴ Одноклассница Н. Б. Ильинской, тоже вернулась из эвакуации и окончила школу № 216.

⁴⁵ Стелла Крылова, одноклассница Н. Б. Ильинской.

на Кузнечном переулке. В тот день стояла мягкая с небольшим снежком погода. День выдался пасмурный, слышались глухие разрывы, идти по узкому Щербакову переулку было не страшно, а вот при переходе через заснеженную Владимирскую площадь [мы] убыстрили шаги. Мы шли на елку четвером: вместе с Таней Орловой и ее братом Люликом⁴⁶. В небольшой комнате собралось совсем немного детей. Как и остальные зрители, мы не снимали ни пальто, ни шапок. Для нас устроили концерт, от которого мне запомнились выступления фокусника и акробатов. Затая дыхание, я смотрела на фокус, который фокусник проделывал с обыкновенным яйцом. Почему-то мне казалось, что яйцо, конечно, сырое и оно может упасть и разбиться, когда он вытаскивал его то из рукава, то из-за пазухи или доставал его совсем из неожиданного места. А выступление пары акробатов, которые в тонких трико с блестками выступали в такой холод, когда мы все были в зимних пальто, вызвало ощущение тревоги за них. Как могут они выполнять акробатические номера, и особенно связанные с подниманием партнерши, на таком холоду, будучи голодными? Вот так примерно думала я в то время. Ни чтение стихов, ни пение не запомнились мне и не произвели впечатления. Утренник закончился в бомбоубежище, где для нас был накрыт стол. Накрыт без скатерти, но перед каждым около алюминиевой миски лежал небольшой кусочек хлеба, который запомнился на всю жизнь. Девушки-сандружинницы в ватниках разложили нам что-то горячее по мискам, и это был вместе с хлебом самый большой новогодний подарок. Темнело, когда мы вышли на заснеженную, всю в сугробах Владимирскую площадь, начал идти снежок, и вдруг где-то недалеко ухнуло — мы поскорее с середины площади нырнули в Щербаков переулок.

Другое событие — посещение спектакля Музыкальной Комедии «Три мушкетера» — почему-то запомнилось больше всего не самим спектаклем, а помещением театра. Первый раз в жизни я попала в Александринку⁴⁷. Спектакль состоялся днем. Я не знаю, были ли вообще в это время спектакли по вечерам, ведь в городе был введен комендантский час. Я пришла с дядей Шурой в это знакомое внешне мне с детских лет здание у Екатерининского садика, и первое, что меня поразило, был контраст нарядных мягких красных диванчиков в нижнем фойе и закутанной публики, людей, абсолютно на театральную публику непохожих. Потом это, конечно, ушло, и я с удовольствием следила за всеми перипетиями д'Артаньяна и его друзей, но вот сей-час от постановки и игры актеров в памяти ничего не осталось. Это все-таки так здорово, что в самое трудное время войны в окруженном врагами городе истощенные от голода актеры продолжали нести радость своим согражданам и что я не просто из книг, или по рассказам других смогла к этому приобщиться. Спектакль принимался с бурными овациями, так всем было по душе веселое представление, которое позволяло на время позабыть о всех тяготах блокады и войны.)

22.01.1942 г.

Утром, когда мама собиралась уходить, позвонил папа. Он должен был в девять часов утра уже уезжать. (По делам службы ему приходилось бывать в городе в Санитарном управлении. Так как мы жили недалеко от комендатуры, отец мог забежать к нам домой. Для нас это был настоящий праздник. Отец не курил и полагающиеся

⁴⁶ Как уже говорилось в примечании к записи от 05.10.1941, скорее всего, это дети соседей семьи Ильинских по дому 64, их родители упоминаются ниже в записи за 31.01.1942.

⁴⁷ С 25 декабря 1941 года спектакли Театра музыкальной комедии шли на сцене Александринского театра. В конце января спектакли временно были приостановлены из-за отсутствия электроэнергии. Здание Александринки имело хорошее просторное бомбоубежище и было относительно безопасным.

ему папиросы доставались моим дяде с тетей. Зная о предстоящей командировке, папа откладывал черные сухари и куски сахара в небольшой мешочек, содержимое которого высыпалось на стол и съедалось.) Накануне папа был у нас: мы пили вино и ели шпроты. Папа назначен главным консультантом, терапевтом финского фронта⁴⁸. Он доволен, и мы за него рады. Школы не было. У меня был понос. За водой ходила в дом Толстого⁴⁹. Тата⁵⁰. (На мою долю выпала добыча воды. Добыча воды превратилась в серьезную проблему. До Невы было далеко, а из Фонтанки брать воду было страшно: все ее берега были загажены — туда выливали параши. Сначала вода еще текла в бывшей прачечной, потом она сохранялась только в некоторых подвалах. За водой стояли большие очереди, иногда приходилось выстаивать на морозе ниже тридцати градусов! Для того чтобы не отморозить щеки, все в очереди стояли с закутанными лицами, когда в узкие прорези видны только глаза, а вокруг рта нависает на шарфах сугроб. Тут и не различишь, кто перед тобой: старик, женщина или подросток. Только один день воды в городе не было совсем. В этот день ее не было даже для выпечки хлеба, и карточки нам отоварили горсточкой муки. Я сгребала поварешкой нетронутый чистый снег с навесов над входом в подвалы в нашу посуду. Дома снег был растоплен, воду вскипятили на буржуйке, и даже в такой день мы пили чай.)

23.01.1942 г.

Вчера была тетя Юлия⁵¹. Она подарила нам самовар. Он очень красив. Стала заниматься с Олегом по всем предметам за третий класс. Вчера маме прибавили хлеба — 400 г. Ей дают теперь больше каши (на ужин целую банку). Стояли с тетей Варей за водой два часа. Дядя Шура уже заволновался и побежал за нами. Мы пришли в семь часов.

24.01.1942 г.

Прибавили хлеба 250 г, 300 г, 400 г⁵² и сахара по 150 г. Мы получили белую прекрасную муку. У нас большие победы. Школа опять не работает. Стояла за водой утром час тридцать минут и вечером два и три четверти часа. Воды нигде нет.

25.01.1942 г.

Вода везде замерзла. Только на Садовой в люке была вода, но там взять ее можно только силой. Будем брать из Фонтанки. Приехал Павлуша⁵³, он разведчик. Привез керосин и мыло. Рассказывал про фронт. Мама дежурила. Вечером съели шпроты, лепешки из кофе. Прочитала «Черную стрелу» Стивенсона. Погода была чудесная: солнце и мороз около минус тридцати пяти [градусов].

27.01.1942 г.

Воду брали из Фонтанки. В связи с этим второй день нигде нет хлеба. Дядя Шура стоял весь день, но не достал. Приходила тетя Оля. Ее обокрали в институте в убор-

⁴⁸ Б. В. Ильинский стал армейским терапевтом 23-й армии, оборонявшей Ленинград с севера.

⁴⁹ Наб. Фонтанки, 54.

⁵⁰ Домашнее прозвище Н. Б. Ильинской.

⁵¹ Близкая знакомая семьи Юлия Александровна (у ее сестры Агнии Александровны, в замужестве Пуртовой, Б. В. Ильинский жил во время своего обучения в мединституте), умерла от голода в 1942 году.

⁵² 250 г в сутки хлеба для иждивенцев, служащих и детей, 300 г — для рабочих и 400 г для военных.

⁵³ Лицо, неизвестное публикаторам.

ной — дочь дворника украла сумочку с моими варежками. У нее украли также в воскресенье и все карточки. Настроение ужасное. В школу не пошла. Звонил доктор Островский⁵⁴ от папы. Папа просил прислать с Дембо⁵⁵ валенки, одеяло, подушку. Ели на ужин мусс. Я взбивала.

28.01.1942 г.

Дядя Шура достал хлеб, стоял [в очереди] шесть часов. Воду стали брать во дворе из лопнувшей трубы. Ноги у меня примерзли ко льду, а затем подмерзли валенки. Когда я шла по лестнице, то поскользнулась и пролила бидон. Купили повидло (оно мне не нравится). Я мылась. Мозоль болит очень. Приходил Георгий Артамонович Самарин⁵⁶, принес чемодан папы и новости (новости очень хорошие). Радио не работает, два дня не работал телефон, только вчера заработал. Дембо уехал сегодня утром и не взял для папы вещи. Инна свалилась, она лежит. Хлеб теперь могут заменять мукой [на] шестьдесят пять процентов. Вечером мама принесла книгу «Айвенго». Заходил Юрий Трофимович, он очень плох⁵⁷. Ели вечером кильки и торт (из кофейной гуши). (Как жаль, что их было два, а не больше.) *(Каждый день у нас был суп, пускай в большую кастрюлю опускались всего две ложки крупы. Тетя умудрялась из, казалось бы, несъедобных вещей приготовить такое, что мы ели и нахваливали: например, студень из пачки столярного клея, сохранившейся среди дедушкиных инструментов, или лепешки из кофейной гуши.)* Настроение у меня плохое. На что похож город: грязь везде. Загажен. Даже на улицах все стали как бандиты. Мама боится идти с сумочкой и стала носить в противогазе (сумке от противогаза) все вещи.

30.01.1942 г.

Приехал папа! В три часа кто-то звонит. Я пошла открывать... и он! Папа рассказывает, что там очень холодно и он мерзнет. Он из Токсово ехал на машине до Лесного⁵⁸, а там пешком. Ходила с папой в комендантскую за обедом. Утром стояла за водой на улице Зодчего Росси полтора часа. Телефон не работает.

31.01.1942 г.

Сходила утром с папой опять в столовую. Папа пойдет в Юмки пешком⁵⁹. Он надел валенки, а венгерку и одеяло скатал в скатку и надел на плечо. В школу не ходила. Дядя Шура притащил воды вчера из школы. Вечером кончила «Айвенго» Вальте-

⁵⁴ Островский Анатолий Иванович (1885–1964) — главный токсиколог 23-й армии Ленинградского фронта. Полковник медицинской службы.

⁵⁵ Дембо Александр Григорьевич (1908–1995) — российский и израильский терапевт, один из основоположников спортивной кардиологии, доктор медицинских наук. Ученик академика Г. Ф. Ланга.

⁵⁶ Самарин Георгий Артамонович (1907–1972) — доцент, подполковник медицинской службы, заместитель главного терапевта Красной Армии. Ученик академика Г. Ф. Ланга.

⁵⁷ Художник, знакомый семьи Ильинских. Умер в блокаду. Фамилия публикаторам неизвестна.

⁵⁸ В поселке Токсово (около 32 километров от Санкт-Петербурга) во время войны располагалось несколько госпиталей, расстояние от него до Лесного (исторического пригорода Санкт-Петербурга, примыкавшего с севера к Выборгской стороне и ныне целиком входящего в состав Выборгского района) примерно 23 километра. Таким образом, в тот день Б. В. Ильинский прошел пешком не меньше девяти километров.

⁵⁹ Поселок Юмки расположен примерно в 23 километрах от центра Санкт-Петербурга (около пяти часов пешего хода с учетом климатических условий и состояния городских улиц в январе 1942 года). Во время войны там располагалось несколько госпиталей.

ра Скотта. Очень интересная [книга]. Мама принесла мне «Ледяной дом». У нас вечером было много гостей. Первыми пришли Орловы (Танины папа и мама)⁶⁰ насчет эвакуации, за ними тетя Вера и тетя Нюра Васильевы (тетя Нюра только вчера выписалась из больницы, выглядит ничего, а тетя Вера плохо)⁶¹ и, наконец, дядя Леня [Ильинский]⁶². Он сказал, что надо уезжать немедленно. (А Инна не хочет, им предлагали всем вместе, а теперь все лежат.) Рассказывал, что мерз в дороге (а как он был тепло одет!). Многие замерзают насмерть. В Вологде он объелся и заболел гемоколитом (одиннадцать дней), а затем (двенадцать дней) ел так много — 1 кг 200 г хлеба, 1 кг студня, 12 котлет, 2 обеда и 2 ужина — и не был сыт. Заработало радио. Все гости сидели у печки и грелись. Дядя Леня говорит, что Нонночка⁶³ мне писала два письма, а я не получила. У нее умер дедушка⁶⁴. Днем занималась музыкой и с Олегом.

1.02.1942 г.

Карточки детские не получили. К дяде Шуре все ходили артисты за карточками. В магазине давали крупу (мы не получили). Воду брала в Толстовском доме⁶⁵ — ходила два раза. Мама дежурит. Путька окончился. *(Собачку дядя Шура убил, и ее съели, но детям не сказали.)*

3.02.1942 г.

Пришел спекулянт. Выменяли 5 кг мяса на 500 г спирта и часы дяди-Шурины. Приезжал Арсеньев⁶⁶, привез от папы четыре пачки папирос (они так дороги: одна папироса [стоит] тридцать пять рублей. За шесть томов Пушкина — одна пачка «Звезды», масло и хлеб⁶⁷. Мама рада. *(Настоящей героиней была моя мама. Из госпиталя она приходила каждый день пешком после целого дня работы, идя посередине улицы, чтобы не затащили в подворотню и не отняли из противогазной сумки пол-литровую баночку, налитую только на самом дне ее довольствием за день, исключая порцию супа. Все она приносила нам в семью, где делилось на всех. А утром, еще в темноте, дорога назад, и неясно, где сейчас обстрел.)*

4.02.1942 г.

Заходила тетя Оля. Обещала принести спирт. Мама получила 1 кг сухого картофеля, три плитки шоколада, 1 кг гречи и 200 г сыра.

⁶⁰ Лица, неизвестные публикаторам. По-видимому, соседи семьи Ильинских. Их дочь Таня упоминается выше в записи за 05.10.1941 и в комментарии Н. Б. Ильинской о событиях начала января 1942-го.

⁶¹ Нюра Васильева — подруга А. В. Николаевой по даче на Песочной и главврач детской больницы в Ленинграде. Вера — ее сестра.

⁶² Двоюродный брат Б. В. Ильинского Леонид Никифорович Ильинский, сын дяди Б. В. Ильинского, Никифора Александровича Ильинского (см. ниже).

⁶³ Дочь Л. Н. Ильинского, троюродная сестра Н. Б. Ильинской. Была в эвакуации со своей матерью.

⁶⁴ Никифор Александрович и его жена Вера Кирилловна Ильинские умерли от голода в январе 1942 года и похоронены на Серафимовском кладбище.

⁶⁵ Дом № 54 по набережной Фонтанки. Упоминается Н. Б. Ильинской несколько раз (см. выше).

⁶⁶ Лицо, неизвестное публикаторам.

⁶⁷ В оригинале: «масла и хлеба».

7.02.1942 г.

Дядя Шура собирается уезжать. Труппа уже уехала. Сидели на вокзале двенадцать часов!⁶⁸

8.02.1942 г.

Тетя Варя вчера нагадала дяде Шуре, что он не уедет, и он никуда не уехал. Ищут машину. Олег потолстел. Он гуляет.

9.02.1942 г.

Обменяли тете Оле мясо и пшено, себе пшено. Ждем папу. Ходили с Олегом за водой в школу.

10.02.1942 г.

Пришла Мария Карловна Кудашева (учительница по музыке Стеллы и других детей). Она предлагает нам поступить в музыкальную школу. И тут же она нас проверила и велела завтра идти на проверку, но вечером пришла мама и сказала, что не считает нужным заниматься один месяц, и мы не пошли. Пришла Нюра, она пришла за Гашей⁶⁹ (та лежит больная у Самариных с поносом, температурой тридцать девять; в городе начались поносы). Тетя Варя опять гадала Нюре, что она уедет с нами; маме, что наша дорога задержалась, но скоро будет. Ждем папу. Получили мясо.

11.02.1942 г.

Прибавили хлеб: 300 г, 400 г, 500 г и маме (т. е. военным 600 г). У мамы украли 300 г хлеба. Ходили с Олегом за водой в школу. Дядя Шура ходит по магазинам и покупает промтовары. Вечером сидели у печки, и тетя Варя нагадала, что папа должен вот-вот приехать. Было двенадцать часов, мы все легли (кроме тети Вари), но спал только Олег. Звонок. Пришел папа. Я встала, поставила чай, поджарила папе хлеб. (Папа привез 1 кг 500 г хлеба, около 400 г масла и сахара.) Заснули в два часа ночи. Приходила тетя Оля.

12.02.1942 г.

Мама и папа хотят уже хлопотать об эвакуации меня, тети Вари, Алика, Нюры (*наша домработница до войны, уроженка села, соседнего с Вохмой в Костромской области, куда и решено было ехать в эвакуацию*)⁷⁰, тети Оли и Ляльки⁷¹ на машине. Сегодня

⁶⁸ Из-за предстоящего отъезда А. В. Николаева с театром в Боровичи стало ясно, что дома будет некому отоваривать карточки, поскольку родители, А. В. Николаева и Б. В. Ильинский, были на военном положении, а дети не могли ходить за хлебом. Поэтому встал вопрос об эвакуации детей вместе с их тетей В. В. Забржевной (инвалид 2-й группы, она тоже не могла участвовать в добыче продовольствия) и домработницей Нюрой. Домработница была приходящей и одновременно работала санитаркой в больнице.

⁶⁹ Подруга и односельчанка Нюры, работала домработницей у Самариных (см. выше).

⁷⁰ Б. В. Ильинский был родом из Вохмы, где у него оставались родственники по линии его отца, В. А. Ильинского (дети его сестры Екатерины Александровны Поповой, урожденной Ильинской).

⁷¹ Лялька — Леночка, двухлетняя дочь О. В. Ильинской (тети Оли), двоюродная сестра Н. Б. Ильинской.

весь день папа хлопотал об этом. Папа купил краски (*на краски в эвакуации можно было обменять продукты, поэтому ее закупали и брали с собой*) и кильку. Ходили с Аликом и папой за обедом, принесли суп — щи и манную и пшенную каши с двумя котлетами. На двери комендантской висело объявление: «Продаю на продукты: спальню красного дерева, столовую белого дуба, прихожую черного дуба, бюро красного дерева, зеркало, книжный шкаф и стол из красного дерева, гарнитур с персидским ковром, сервизы, хрусталь, ковры». И все это на продукты. Дочитала «Ледяной дворец»⁷². Читала «Вверх дном» Жюль Верна и «Черниговцы» Слонимского⁷³. Сейчас читаю «Двадцать лет спустя» Дюма. Хочу снова прочитать сперва «Три мушкетера». Ели сегодня утром кашу, в обед горох и мусс, а на вечер рольмопс⁷⁴ и мед. Мы шикарим — ведь сегодня дома папа! Тетя Тамара⁷⁵ и Марина уехали. Это мы узнали от тети Жени⁷⁶.

20.02.1942 г.

Мы вот-вот должны уехать. Складываем вещи, их много. Позавчера, семнадцатого февраля, мама ходила в Смольный, и там ей сказали, что раз у нас есть транспорт (*от воинской части отца*), то мы можем уезжать. Только перед отъездом надо принести карточки, и нам дадут эвакуационные листки и талоны на питание. Восемнадцатого февраля звонил папа (мы с ним условились, что он нам позвонит, если что-нибудь узнает насчет транспорта). Он сообщил нам, что, может, машина будет двадцатого или двадцать первого до Жихарева⁷⁷ и чтобы мы никуда не уходили. Вещей много у нас: чемодан (с нашими вещами), корзина (с хозяйством), тюк и заплечные мешки. У тети Вари портплед, чемодан большой, чемоданчик и заплечный мешок. С тетей Олей получилась целая история. Она сначала захотела ехать, затем ее заведующий отговорил. Восемнадцатого февраля она заходила к нам, и мы ее настроили к отъезду. Но мы ей сказали, что ей надо хлопотать через службу. Она весь день потратила, но ничего не устроила, а после ее ухода позвонил папа и сказал, что на машину есть шесть мест и если тетя Оля не поедет, то может поехать дядя Шура. Тетя Оля больше не заходила и о нашем скором отъезде не знает.

Последние дни были артиллерийские обстрелы. Сегодня ходила в школу за справкой. Делопроизводителя не было, и я не получила. Пришло письмо от Тани Ланиной — она в Молотовской области⁷⁸. Инна тоже уезжать собирается. Таня И. тоже хотела уехать⁷⁹. Мама сегодня не пошла на службу, и Нюра тоже.

Интересно [будет] вспомнить потом, как выглядел Ленинград в это время. На тротуарах и мостовой лежит утоптаный снег от 10 см до 1 м толщиной. Мостовая отделена от тротуара сугробами вышиной в мой рост. Трамваи, автобусы и троллейбусы не ходят с ноября месяца. На улицах целое шествие с саночками всех размеров и форм,

⁷² Скорее всего, имеется в виду «Ледяной дом» И. И. Лажечникова, упомянутый в записи от 31.01.1942.

⁷³ Историческая повесть Александра Леонидовича Слонимского (1881–1964), впервые издана в 1928 году.

⁷⁴ Маринованная селедка.

⁷⁵ Пергамент Тамара — школьная подруга А. В. Николаевой, жена адмирала Владимира Алексеевича Петровского. Вместе с дочерью Мариной уехала в эвакуацию в Сибирь.

⁷⁶ Жагуло Евгения — близкая школьная и институтская подруга А. В. Николаевой.

⁷⁷ Железнодорожная станция примерно в 80 километрах от Санкт-Петербурга, в тот момент — перевалочная база Дороги жизни, конечная станция Тихвинской железнодорожной ветки (сквозное движение до Тихвина, освобожденного 9 декабря 1941 года, было открыто 1 января 1942 года).

⁷⁸ Молотов — название г. Перми в 1940–1957 годах, дано по имени тогдашнего министра иностранных дел СССР В. М. Молотова.

⁷⁹ Лицо, неизвестное публикаторам.

от маленьких детских до больших лошадиных (только теперь их часто возят люди и еще со снегом). Во дворе ужас! Страшно взглянуть. [Дворы] все загажены. Я не могу ходить через наш двор, а во дворе дома четырнадцать⁸⁰ к помойке и лестнице на чердак не подойти. Покойников хоронят без гробов, в общих траншеях, зашитых в простыни. Везут их на саночках. И еще хорошо, если и так хоронят, а то на улицах бросают. У нас на Фонтанке так каждую ночь. Теперь каждый день слышишь, что умер тот-то и тот, и это никого не удивляет. Уже сейчас начались поносы, а что будет весной. Папа хочет перед отъездом уехать к нам, но не знаю, удастся ли или нет. Адрес мамы: Ленингр. 85 п/я 347. Адрес папы: _____⁸¹.

Мама зовет бабушку к себе, но не знает, согласится ли она?⁸² Сшили и связали мне варежки: верх полосатый вязаный из шерсти, затем верблюжья шерсть и, наконец, мех. Очень теплые, и хорошие, и красивые. Кончики малиновые, затем коричневые, синие, красные, голубые, светло-коричневые, как голландские или норвежские. В школе видела Н[ину] Н[иколаевну], сказала насчет отъезда. Она пожелала мне хорошего пути. Видела также М[арию] М[аксимовну], Н[аталию] А[фанасьевну], Т. А.⁸³. Про нашу школу передавали по радио и писали в газете.

26.02.1942 г.

Приехал папа двадцать пятого февраля. Пришла бабушка, она хотела повидать папу. Вечером в семь часов позвонили и сказали, что завтра мы уедем. Пришел дядя Лёня, он нас спрашивал, не нужна ли нам обувь. Он знает один магазин, где есть наши номера. Пришла вскоре и мама. Папа не знает, ехать нам или нет, он колеблется. Вчера он слышал, что озеро бомбят. И он за нас боится. В это время совсем нехвата [пришли] Инна с папой и мамой. Они расспрашивают о дороге и о том, нельзя ли ленинградцам в глубине Сибири найти работу. Наконец они ушли. Мама не хочет папу и слушать. Она говорит, раз решили ехать, так едем. Напоили папу, и он ушел в госпиталь, [ему] с дядей Лёней по пути. Бабушка осталась у нас ночевать. Я и Алик легли спать, и мама и тетя Варя стали зашивать корзину и чемоданы.

27.02.1942 г.

Утром встали рано. Поели манной каши и стали приготавливать последние вещи. Мама нервничает, да и все мы тоже. (Ведь в шесть утра нам звонили из Юкков и сказали, что машина будет в двенадцать часов.) Нюра не идет, а уже одиннадцать часов, маме пора идти сдавать карточки. Наконец слышится звонок, но это не Нюра, а тетя Оля, а за ней и дядя Лёня... Он принес нам две пары сандалий и башмаки Алику. Тетя Оля попрощалась с нами и сказала, что бабушка может прийти хоть завтра, а перед тем, как бабушка утром ушла, мы с ней условились, что она пойдет к маме вечером или утром. Наконец пришла и Нюра — двенадцать часов. Мама побежала в райсовет сдавать карточки, но через тридцать минут вернулась, к этому времени подошел из госпиталя и папа. Мама сказала, что нужно еще справку, что мы не получили карточек на март месяц. Мама побежала на службу, папу послали в военторг, там выдают сахар и крупу. Мама утром стояла на улице, а папа получит без очереди — он воен-

⁸⁰ По улице Ломоносова.

⁸¹ В тексте прочерк.

⁸² А. И. Ильинская, мать Б. В. Ильинского (см. выше), жила со своей дочерью О. В. Ильинской.

⁸³ Судя по всему, преподаватели школы № 206.

ный. Тетя Варя пошла в ЖАКТ⁸⁴, а я должна буду идти к папе, когда она вернется. Тетя Варя долго не шла, бухгалтера в ЖАКТе не было, но она пошла к нему на дом. Я ее встретила на улице и побежала на Инженерную в военторг к папе. Он стоял у прилавка, когда я заглянула туда, но магазин был так набит народом, что мне не было места постоять, и [я] вышла во двор. Минут через пять папа пришел, и мы пошли к райсовету. Папа шел быстро, так что я бежала. Я стала отставать и сказала, чтобы он шел вперед, а он пошел не к райсовету, а к райвоенкомату, и мне опять пришлось его догонять. Когда мы подошли, то мама тоже подходила.

28.02.1942 г.

Двадцать седьмого [февраля], выехав из дому, поехали по знакомым шофера, причем проезжали мимо [нашего] дома три раза. В девять часов в[ечера] выехали из Лесного со сборного пункта. Ехали сначала хорошо, затем началась пурга, и наша машина отстала от других, и мы стояли семь часов и чуть не замерзли. Хорошо, тетя Варя достала шерстяное одеяло, и мы все покрылись с головой и надышали теплый воздух.

«Часов в одиннадцать наша машина застряла на дороге в снегу. Поднялась страшная метель, и мы до утра стояли в открытом поле, замерзли так, что я, откровенно, думала, что пришел конец. Нюра сразу сдрейфила, забилась в угол и проклинала все на свете, Олег плакал. Я старалась всех ободрить. Взяла все вещи и сделала посередине машины нечто вроде загородки от ветра. Укутала ребят одеялом. Предложила двум нашим спутникам сесть вплотную с нами, достали шерстяное одеяло, закрыли всех с головами, получилось нечто вроде палатки, стало теплей, по временам все засыпали, но долго спать никому не давала, чтоб не замерзли. Днем часов в двенадцать подъехали к озеру. Озеро переехали за час сорок пять минут [и скоро были] в В[ойбокало], но станции не оказалось. За несколько дней перед этим она исчезла. Повезли дальше в Ж[ихарево]»⁸⁵.

Затем на озере шофер заснул, и машина въехала всеми колесами в сугроб. *(На восток мы ехали одни, а навстречу мчались машины, везущие в город оружие, хлеб, продукты. Никто не остановился помочь, вытянуть нас из сугроба. А сугроб был нашим спасением — за ним после бомбежки был тонкий лед, отмеченный вешкой. Если бы не появившийся в небе самолет, мы, наверное, бы застряли надолго. Но звук самолета мобилизовал наших шоферов. Когда тетя Варя спросила: «Это наш?» — они ответили: «Наш, наш», но быстренько скинули полушубки под задние и передние колеса, засунули лопаты, и таким образом удалось машину вытащить из сугроба.)*

Только двадцать восьмого [февраля] в четыре часа вечера все мы приехали в Жихарево, где нас накормили (там ели суп и кашу, шоколад, шпик) и дали сухой паек.

⁸⁴ Имеется в виду контора ЖАКТ (жилищно-арендное кооперативное товарищество). К тому моменту ЖАКТы как объединения уже были упразднены, но словоупотребление осталось в обиходной речи.

⁸⁵ Из письма В. В. Забрежневой (тети Вари) ее сестре А. В. Николаевой. Обычно эвакуированное из Ленинграда гражданское население попадало на восточный берег Ладоги в районе деревни Лаврово, куда к началу февраля 1942 г. уже дотянули железную дорогу от станции Войбокало, важнейшего транспортного узла на Дороге жизни. Однако детей и свояченицу Б. В. Ильинского везла госпитальная машина, которая шла дальше на юг, прямо в Войбокало, возможно, чтобы забрать там какой-то груз. Но как раз в те дни немецкая авиация разбомбила Войбокало (по изящному выражению В. В. Забрежневой, прекрасно знавшей условия военной цензуры, станция «исчезла»), поэтому шоферы приняли решение ехать к ближайшей функционирующей станции и там высаживать своих пассажиров. Станцией этой было уже упоминавшееся выше Жихарево, расположенное примерно в 15 километрах от Войбокало на юго-запад, то есть в противоположную сторону от Волховстроя, куда затем пошел эвакуопоезд. Логика войны не всегда совпадает с обычной географией.

В поезд нас посадили шофера на верхнюю нару. Там в вагоне была одна буржуйка. Дрова колол один мужчина. Ночью были в Волховстрое, где нас опять покормили. В Жихарево я заметила дядю Шуру, он ехал в этом поезде, выехав из города двадцать седьмого [февраля] в шесть утра. Днем он сошел уже с поезда.

1.03.1942 г.

В ноль часов утра были в Волховстрое (там ели щи, и колбасу, и хлеб).

2.03.1942 г.

В два часа ночи были в Бабаеве (где нам дали суп и 300 г хлеба).

3.03.1942 г.

Были в Череповце в двенадцать часов вечера (ели суп, и кашу, и хлеба 400 г).

4.03.1942 г.

В Вологде были четвертого [марта] в девять часов вечера (там нам дали хлеба 1 кг, масла 100 г, суп и кашу, кофе с сахаром).

5.03.1942 г.

В Данилове были пятого [марта] в один час ночи.

6.03.1943 г.

Всполье (под Ярославлем, как Сортировочная [станция] под Ленинградом). Там нас пересадили в другой эшелон, и мы жили [там] до 8 марта. Во время перевозки вещей Олег чуть не попал под поезд.

8.03.1942 г.

Женский день! Девять часов.

Но мы продолжаем стоять на станции Всполье под Ярославлем (туда можно ехать на трамвае) третьи сутки. К нам в вагон вчера сели двое: юноша с матерью. Он услужлив, пилил дрова, ходил за водой. Дневник я могу писать благодаря тому, что у нас (Нюша и Витя) вставили рамы со стеклами. Вставили уже две штуки, у нас стекло не лопнуло, а две уже треснули. Мы все еще не едем, все остальные эшелоны уже укатили. Еще вчера нам сказали, что мы уедем в одиннадцать часов утра, но эшелон не уехал. Сегодня утром рано сказали (по радио), чтобы все были в эшелоне, потому что поезд уедет через тридцать минут, но прошло несколько часов, а мы и с места не сдвинулись. Теперь нам сказали, что если мы не уедем до десяти часов, то нужно идти за обедом.

Исаак Абрамович (начальник эшелона, он у нас в вагоне со своей семьей: женой Кларой, дочерью Саррой, внучками Ларой, трех лет, и Ритой, одного года) вчера вечером с Нюрой, Нютой, Катей, Раей, Тамарой, Любой, Лялей ходили за печкой (у нас была паршивая), досками для топки, а мы их пока положили и устроили нары. До это-

го мы замерзали, не знали, откуда достать дров, а Сарра и Рая (будущая учительница) попросили у военных два полена дров, за ними Тамара, Люба и тетя Саша пошли тоже просить, им тоже дали. Затем Сарра попросила у военных из эшелона напротив пилу. И Витя (юноша, который просился к нам в вагон) стал пилить, и мы решили его пустить. К Исааку Абрамовичу все время ходят и к нам хотят всадить в вагон; у нас тут была драка: высаживали гражданку с двумя людьми. В одной из схваток Исаак Абрамович поранил руку. Он не голодал, сейчас в дороге они варят детям кашу, кисель, сами едят консервы, сухари белые. Иван Яковлевич⁸⁶ тоже, он пил в дороге сгущенный кофе с молоком. Вчера была оттепель, и мы с Нюрой вымыли посуду и взяли кипятку. Сейчас пошли за талонами для обедов. Тетя Варя уже третий день больна, у нее был понос, но она поправляется. В нашем вагоне двадцать восемь человек, а раньше в первую ночь было пятьдесят четыре! Но остальные перелезли в соседний вагон. Здесь покупают селедку за тридцать рублей, пачку каши за двадцать пять рублей. Буханку хлеба за пятьдесят-семьдесят рублей, а за папиросы и масло много можно сделать, за них мы достали рамы и доски. В два часа тридцать минут выехали.

9.03.1942 г.

В Данилове.

10.03.1942 г.

В Буге.

11.03.1942 г.

В Шарье.

12.03.1942

Мы приехали в Шебалино.

«В Ярославле нас пересаживали в другой поезд, первую ночь провели жутко, то есть ребята ничего, были на полке под одеялами, а мы с Нюрой внизу совсем замерзли. И то ли от холода, то ли я заразилась, но под утро захотела в уборную, пошла к двери, и вдруг у меня понос, и мне стало худо. Почти без сознания Нюра вытащила меня из вагона. Но вот кошмар: штаны все выпачкала, переодеть нет возможности. Полубессознательное состояние. С трудом Нюра меня уложила на нижние нары, и я три дня лежала пластом, изредка Нюра вытаскивала меня на улицу. По совести сказать, я думала, что мне крышка. Понос — я все под себя, подкладывала в штаны лигнин. Слабость ужасная. Вонь и ругань окружающих. Три дня простояли под Ярославлем и наконец двинулись. Тут поехали быстрее. Поехали обратно на Буй и дальше по своему маршруту. Меня умиляли наши зубные щетки, мыло и полотенца. Мы спали хуже скота, в грязи, скорчившись, без воды, в жуткой тесноте. Я с поносом, вонь. Когда в Шебалино мы выкинули вещи на снег, мы были счастливы. Тата в дороге тоже очень устала и похудела. Один Олег был самим собой. По дороге купить ничего нельзя. Но у нас хлеба хватало. Почти ежедневно обедали, так что мы в отношении еды обо-

⁸⁶ Лицо, неизвестное публикаторам.

шлись тем, что у нас было с собой. По дороге на станциях обходят вагоны и спрашивают: есть ли умершие. Ты представляешь картину. Откровенно говоря, если бы знать, что такая тяжелая дорога, то лучше не ехать»⁸⁷.

13.03.1942 г.

В одиннадцать часов приехали в Вохму и, ссадив А[лексея] П[етровича], поехали в деревню. «Алексей Петрович (пятидесяти двух лет), эвакуированный из Ленинграда в Вохму, он здесь машинистом работает, а в Ленинграде был начальником депо. Ехал он из Ленинграда с сестрой и зятем, которые умерли при приезде в Шебалино в больнице от истощения»⁸⁸. Маня встретила нас неприветливо: «А мы вас не ждали. Думали, Вася приедет». Ехали мы долго, почти полмесяца.

15.03.1942 г.

Тетя Варя в дороге болела гемоколитом. В Вохму мы приехали поздно тринадцатого [марта] и сразу повернули в Большедворки, где живем и сейчас у сестры Нюры, Марии.

В день Пометалы⁸⁹ была ужасная метель. Мело так, что устоять невозможно. Мы в этот понедельник ждали, что скажет Нюра, когда придет из Вохмы. Нюра сказала, что завтра идти в школу.

17.03.1942 г.

Во вторник пошли в школу, еле дошла на первый урок, опоздала.

Пока еще мы живем в Большедворках у сестры Нюры — Мани, но на днях думаем переехать в Вохму, так как в школу ходить трудно (особенно мне: школа моя находится на другом краю, у кладбища). Каждый день нужно идти 2,5 км, а мне все три в один конец. На ходьбу уходит один [час]. А шесть уроков кончаются в три часа, солнце же садится в пять, а в полвосьмого совсем темно⁹⁰. Зато здесь в шесть утра уже светло, мы уходим в восемь, к девяти, в школу. Мы живем все в одной избе (комнате): Маня с мужем и двумя детьми, годовалым Витькой и восьми[летним] Леней, еще три квартирантки-трактористки⁹¹.

**Материал подготовлен
О. Б. УШАКОВОЙ и П. О. ИЛЬИНСКИМ**

⁸⁷ Из письма В. В. Забрежневой ее сестре А. В. Николаевой. Как видно из него, В. В. Забрежнева чудом выжила, три дня она была практически без сознания и с поносом. Потом вспоминала, что ей с трудом удалось уговорить начальника эшелона не высаживать ее из поезда.

⁸⁸ Из писем В. В. Забрежневой сестре А. В. Николаевой.

⁸⁹ День памяти мученика Феодота Кириинейского, в народе — день Феодота Ветроноса, 15 марта.

⁹⁰ Электричества тогда не было ни в Вохме, ни в Большедворках, и после захода солнца жизнь приостанавливалась.

⁹¹ Здесь дневник обрывается.

РАВНОВЕСИЕ СТРАХА И РАВНОВЕСИЕ УВЕРЕННОСТИ

Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, знаменитый британский политик (более шестидесяти лет член парламента) и дважды премьер Соединенного Королевства. Но премьеров много, и имена их, как правило, известны только специалистам, а Черчилль возглавлял правительство с 1940-го по 1945 год в кошмарную и судьбоносную эпоху Второй мировой войны. Именно поэтому памятник в Лондоне поставили только ему. Громоздкий, напористый, сутулый, перекошенно опирающийся на палку. Чистая сила, ни малейших потуг на красоту.

Великие государственные деятели... В чем, собственно, их величие? Мне понятно, в чем заключается величие современника и соплеменника Черчилля великого физика Резерфорда: его планетарная модель атома определила путь мира на века. И заменить его было некому, его дар был уникален. Если бы не Резерфорд, расщепление атома могло произойти на десятилетия позже, а это бы радикально изменило ход человеческой истории. Но насколько уникальны главы государств? Не приписываем ли мы им величие тех объектов, которыми они управляют, как если бы приписывали мощь электроваз его машинисту?

Однако более чем через шестьдесят лет после его военного триумфа выходят биографии Черчилля, не изучающие, но лишь восхваляющие его личность. Например, книга Пола Джонсона «Черчилль» (СПб., 2014), переведенная А. Глушаковой с английского оригинала 2009 года.

Первый абзац задает генотип книги: Черчилль, «безусловно», наиболее значительная и наиболее привлекательная личность XX века. Прямо-таки Черчилль — это Ленин сегодня. Чтение этой книги, по мнению автора, может многому научить нынешних молодых людей: как извлечь уроки из трудного детства, как достичь максимума своих возможностей — физических, моральных и интеллектуальных, как, с самозабве-

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, главный редактор журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023). Премия «Неистовый Виссарион» за вклад в развитие критической мысли (2024).

нием предаваясь самым амбициозным проектам, оставаться верным дружбе и не растерять благородства, сострадания и порядочности. Не растерять сострадания, занимаясь амбициозными проектами в кабинете, все-таки легче, чем сохранить его на поле боя, где молодой Черчилль бывал неоднократно, попутно в качестве журналиста заработав себе при этом крупное имя. И крупные для молодого автора деньги. Поставив себе целью пробиться в парламент путем военной славы.

Что ему и удалось. Во время англо-бурской войны он попал в плен, бежал и немедленно отправился обратно на фронт.

Трудно сказать, чего здесь было больше — патриотизма или честолюбия. Но трудом его во всяком случае не назовешь.

В итоге он зарабатывает десять тысяч фунтов и собирает целую коллекцию боевых наград.

И не теряет сострадания — пишет матери из Судана в 1899 году: «Я ощущаю острое первобытное желание убить кого-то из этих отвратительных дервишей... И я предвкушаю удовольствие, с которым буду это делать».

Но война в Европе его страшит как жестокое и душераздирающее кровопролитие. Он уже в начале века понял, что демократические войны страшнее аристократических: «Месть народов страшнее мести министров. И войны народов будут страшнее, чем войны королей». Что противоречит его же популярному высказыванию, что демократия — наихудший способ правления, исключая все остальные: наилучший общественный строй так же невозможен, как наилучшее лекарство. Он и сам стремился снизить градус социального напряжения в Англии авторитарными методами, а его германская политика заключалась в том, чтобы поддерживать 60-процентное превосходство в количестве современных боевых кораблей.

Но после Первой мировой, не закончившейся и по нынешний день, в которой Черчилль побывал и неудачливым полководцем, и командиром батальона во Фландрии, он так отозвался о ней в своей огромной книге «Мировой кризис»: «И ни простые люди, ни правители не смогли провести границу дозволенного»; «И когда все было кончено, пытки и каннибализм оказались тем немногим, что в христианских странах еще оставалось под запретом: просто в них не было практической пользы».

Война — в конечном счете это господство нагой целесообразности: полезно все, что служит победе. Не очень понятно, что так бесило Черчилля в большевиках, придерживавшихся ровно этого принципа. Вернее, понятно: большевики вели борьбу с либеральной цивилизацией, казавшейся ему единственно возможной: «Они ведут бесконечную войну против цивилизации. Их цель — уничтожить все институты власти, все правительства, все государства, существующие в мире. Они стремятся создать международный союз нищих, преступников, бездарностей, бунтовщиков, больных, дебилов и дураков, который охватит весь мир. В этой войне, как Ленин справедливо заметил, не может быть ни перемирий, ни компромиссов».

Черчилль прав в том отношении, что для разрушения «старого мира» большевики не брезговали никаким «человеческим материалом», но при строительстве собственного мира они стремились задействовать отнюдь не бунтовщиков и дебилов, что особенно выразительно показала победа над Германией — победа не только оружия, но и технической мысли. К сожалению, в пропагандистской борьбе и сам Черчилль не брезговал в том числе и антисемитскими сплетнями.

Он опубликовал большую статью, где разделил евреев на лояльных граждан своих стран, на сионистов, мечтающих восстановить исконное еврейское государство, и на международных террористов. Которые готовили всемирный заговор начиная с XVIII века — привет «Протоколам сионских мудрецов». Он уверял также, что в России еврейские интересы и центры иудаизма оказались незатронутыми, — порази-

тельно бессовестная ложь. В довершение Черчилль приписал Троцкому проект коммунистического государства под еврейским господством (Гитлер в «Моей борьбе» выразил полное согласие с этой версией). Чтобы избежать обвинений в юдофобии, Черчилль во вступлении исполнил краткий гимн во славу евреев: самый замечательный народ из всех, известных до нашего времени, однако в наши дни этот поразительный народ создал систему морали и философии, настолько же проникнутую ненавистью, насколько христианство — любовью. Приписывать коммунистическому интернационализму еврейское происхождение — это прежде всего фактически неверно.

Однако идея масштабной интервенции против красной России в Британии широкой поддержки не нашла: страна была измучена войной, да и социалистические идеи пользовались довольно широким сочувствием.

После войны Черчилль занимал высокие посты, ворочал большими делами — недостаточными, однако, чтобы войти в историю. Он начал становиться фигурой исторического масштаба не в программе какого-то созидания, но в программе противостояния Гитлеру, который с первых же дней прихода к власти открыто заявил о своем стремлении отменить Версальский договор и превратить Германию в самую могущественную державу мира.

В советской историографии обычно писали, что европейская элита закрывала глаза на эскапады Гитлера, выращивая в нем врага СССР, но Черчилль понимал примитивность афоризма «Враг моего врага — мой друг»: враг врага вполне может быть и твоим врагом. Как оно в данном случае и было. Его антигитлеровские речи становились все более пламенными, а когда последняя попытка откупиться от Гитлера («мюнхенский сговор») провалилась и Британия наконец решилась вступить в войну с Германией, после некоторого разброда и шатаний в мае 1940-го король назначил Черчилля премьер-министром. И в первой же речи в палате общин Черчилль произнес исторические слова: «Мне нечего предложить, кроме крови, тяжкого труда, слез и пота». Но цель ясна: «Победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь, потому что без победы не будет жизни».

Собственно, эта воля и эта вера только и превращают Черчилля в уникальную фигуру, а интеллектуальные, организационные его способности были хотя и незаурядными, но не уникальными. Примерно такими же обладает любой крупный руководитель.

Свое видение войны Черчилль впоследствии постарался воплотить в многотомном труде «Вторая мировая война» (М.: Воениздат, 1991), получившем Нобелевскую премию по литературе, хотя никакого отношения к литературе он не имел. Ну а что такого, Брежнев тоже получил Ленинскую премию по литературе. Обе эти премии выполняли одинаковые функции: продвигали в классики нужных людей (см. мою статью «Фабрика фальшивого золота»¹).

«Вторая мировая война» заглядывает в сотни, если не тысячи эпизодов, столкновений и проблем от Японии до Англии, и каждая маленькая победа вносит свой вклад в большую, и невозможно сказать, сколько потребовалось бы локальных поражений союзников на второстепенных участках, чтобы Германия сумела создать решающий перевес на главном фронте. Черчилль мог бы это и педалировать, педалировать заслуги своей страны и ее союзников, чтобы принизить мощь и героизм Советской армии, но, к чести его, он этого не делает.

И не переваливает вину на ненавистных ему большевиков: он подробно пишет, как Европа десятилетиями позволяла Германии снова обретать военное могущество. И на пике этого могущества, на пороге Второй мировой весьма холодно встретила «предложения о сотрудничестве, исходившие от русских накануне Мюнхена. Ес-

¹ «Иностранная литература», 2008, № 12, <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/12/me9.html>.

ли бы только английский народ знал и понимал, что, пренебрегши своей обороной и пытаясь ослабить оборону Франции, мы порывали теперь с двумя могущественными нациями, величайшие усилия которых были необходимы для нашего и их собственного спасения, история, возможно, приняла бы иной оборот».

Черчилль упоминает и о тщетности своих собственных усилий: «Я в то время настаивал на том, что только заключение франко-англо-русского союза даст надежду сдерживать натиск нацистов».

Любопытно, что «чистки» 1937-го Черчилль называет «беспощадными, но, возможно, небесполезными», ибо верит в заговор военных и коммунистов старой гвардии с целью свергнуть Сталина и установить прогерманский режим. Эти суждения опровергаются в издательской сноске.

Еще: советские предложения о помощи Чехословакии «фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это».

«Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись — германской агрессии или русского спасения. Именно необходимость сделать такой жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции».

Это в сотни раз о целесообразности сталинских репрессий против «социально чуждых»: ужас, который они внушали соседям, многократно перевешивал их «пользу», если даже она была.

«Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: „Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею“, или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по другому пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла».

«В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи». «Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».

Эта политика перестала быть реалистичной, когда «не предугадывая собственного будущего, Советское правительство наблюдало за крушением того самого Второго фронта на Западе, создания которого ему вскоре предстояло требовать с такой страстью и ожидать так долго и мучительно». И вполне возможно, что это равнодушие было запоздалой местью за давние попытки интервенции против Советской России. Недоверие посеять легко, а развеять очень трудно.

Черчилль не раз упрекает русских за их равнодушие к трудностям Англии, но любопытно, что он не находил понимания у собственной жены уже осенью 1941-го: «Моя жена очень переживала, видя, что невозможность оказания нами военной помощи России все больше и больше беспокоила и огорчала народ по мере того, как проходил месяц за месяцем, а немецкие армии лавиной катились через степи». Тогда она занялась сбором добровольной помощи медицинских средств и в конце октября выпустила такое обращение: «В нашей стране нет ни одного человека, который бы не был взволнован до глубины души ужасной драмой, происходящей сейчас в России. Мы поражены мощью русского сопротивления и искусством, с которым оно ведется. Мы искренне восхищаемся доблестью, стойкостью и героическим самопожертвованием русского народа. Но, пожалуй, больше всего нас потрясли муки огромного количества людей, внушившие нам ужас и сострадание».

В итоге были собраны около восьми миллионов фунтов стерлингов, в основном от людей небогатых за счет еженедельных отчислений.

К концу «Второй мировой войны» складывается впечатление, что союзники по-немногу научились больше считаться с интересами друг друга, а отношения Сталина с Черчиллем сделались если не дружескими, то уважительными. А в какие-то минуты даже сердечными. Любопытно, что оба они в прошлом вдоволь нанюхались пороха, чего не скажешь о современных лидерах, и это сделало их осторожнее.

Хотя я, возможно, и ошибаюсь. По словам Черчилля, они со Сталиным предварительно договорились о долях влияния, которыми будут располагать на освобожденных территориях, и жесткий конфликт начался вроде бы с того, что в Польше Сталин не пожелал дать ни малейшего участия так называемому лондонскому правительству, слишком сильно понадеявшемуся, что «Запад нам поможет». Черчилль и сам был не склонен из-за лондонских поляков переживать в чужом пиру похмелье, и главной причиной нарастающего противостояния с СССР, я думаю, был реальный страх перед мощью Красной армии. И вчерашний союзник стал обдумывать новую стратегию, сводившуюся к тому, что:

«*во-первых*, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения».

И так далее в том же духе.

А главное, урегулирование всех основных вопросов «должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали или, как об этом вскоре можно будет писать, освободили от тоталитарной тирании».

И в день всенародного ликования англичан по случаю капитуляции Германии Черчилль уже предвидел новое противостояние: «В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага».

Он его только предвидел, новое противостояние, или в какой-то степени его и создавал?

В знаменитой Фултонской речи 1946 года Черчилль сформулировал свой главный принцип: «Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами. Мы не можем и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и тем самым провоцируя кого бы то ни было помериться с нами силами».

Мне кажется, Черчилль не понимал, что избыток силы тоже провоцирует. После испытания атомной бомбы Нильс Бор начал убеждать Рузвельта и Черчилля поделиться атомными секретами со Сталиным для дальнейшего взаимного контроля. Реакции вскоре покинувшего этот мир Рузвельта мы не знаем, а Черчилль потребовал пригрозить Бору арестом или хотя бы открыть ему глаза на то, что он «находится на грани государственного преступления». В итоге Советский Союз все равно обрел ядерное оружие — ценой сверхусилия и еще более обострившегося недоверия к Западу. А обезоружила и развалила СССР иллюзия безопасности.

Так нельзя ли в международных делах равновесие страха заменить равновесием спокойствия? При котором государства больше всего будут опасаться вызывать страх друг у друга.

Или это чистая утопия?

Михаил СЕРЕБРИНСКИЙ

БОРИС РЫЖИЙ — ФРОНТОВИКИ — ЭСТРАДНИКИ

Диалог и самоопределение поэта

Борис Рыжий — «самый талантливый поэт своего поколения» (по мнению Е. Рейна), «один из самых читаемых поэтов конца XX века» (по мнению У. Веринной и В. Козлова), «последний советский поэт» (по мнению А. Машевского и И. Шайтанова) и одновременно первый поэт 90-х годов (по нашему мнению).

Основу творчества Б. Рыжего составляет лирика, корпус которой, впрочем, окончательно не сформирован. Еще не существует академического собрания стихотворений Б. Рыжего, но уже однозначно определены знаковые произведения «зрелого» периода его творчества 1995—2001 годов.

Именно эти тексты стали предметом теоретического анализа и комментирования в России. Первыми попытками осмысления доступного по сей день стихотворного наследия Б. Рыжего являются монографические работы Ю. В. Казарина «Поэт Борис Рыжий. Постигание ужаса красоты», «Внутренний мир и миры Бориса Рыжего», статьи Н. В. Барковской, Л. П. Быкова, А. К. Жолковского, К. Верхейла, И. О. Шайтанова. В начале 2010 года вышел специальный номер нидерландского журнала «Russian Literature» (Vol. LXVII), посвященный творчеству Б. Рыжего. Сам выход такого издания свидетельствовал об интересе зарубежных читателей и исследователей к творчеству поэта.

В России исследователей творчества Б. Рыжего привлекали прежде всего танатологические мотивы. Им посвящены работы Ю. Ю. Глухова, С. С. Ерлыгаева, К. А. Жулькова, Н. А. Непомнящих, А. А. Семина и др. Исследовался также авторский миф о поэте, целиком завязанный на смерти поэта и связанный с ним «метасюжет собственной преждевременной гибели».

Кратко комментировали основные образы и топосы стихотворений Б. Рыжего Т. Г. Кучина, Е. Коновалов и Н. А. Непомнящих.

Н. Л. Быстров и Т. Г. Кучина обращались к роли музыки в стихах Б. Рыжего. Т. А. Арсенова исследовала так называемые «стихотворения-фотографии» поэта, тем самым подготовив почву для дальнейшего интермедialного анализа его произведений.

Тем не менее до сих пор не существует ни одной литературоведческой монографии, посвященной поэтике Б. Рыжего. Это обуславливает актуальность нашей статьи.

Михаил Серебринский — поэт, переводчик, родился в 2000 году в Санкт-Петербурге. Стихотворения и стихотворные переводы публиковались в сборниках и в литературных журналах «Литературные знакомства», «Перископ», «Веретено», «Окно», «Южный маяк», «Балтика». Лауреат первой степени всероссийской премии «Молодой Петербург» в номинации «Поэзия» за 2021 год. Студент филологического факультета ЛГУ имени А. С. Пушкина.

Аспект поэтики Б. Рыжего, который будет рассмотрен, интертекстуальные связи, в частности связи с поэзией так называемых «фронтовиков» и «шестидесятников» (уже — «эстрадников»).

Сразу дадим несколько определений. Под поэтикой здесь и далее мы будем понимать раздел теоретической науки, иногда также называемый «частной» или «описательной» поэтикой, изучающий речевые, структурные и другие особенности художественного текста с целью описания различных видов объектов, которые могут являться как группой текстов, так и произведением одного конкретного автора.

Под интертекстуальностью будем понимать взаимодействие двух текстов, включающее в себя аллюзию, подражание и цитирование.

Объект нашего исследования — лирика Бориса Рыжего. В лирике автор продолжает традиции отечественной поэзии от Державина до советских поэтов и своих старших современников (С. М. Гандлевского, Е. Б. Рейна и др.). При этом Рыжий, описывая собственную социокультурную среду (промышленные районы Урала, Петербург на рубеже XX и XXI веков), смешивает культурные парадигмы. Так культурные и бытовые реалии XIX и XX веков проникают в современность, формируя художественный мир Рыжего. Факты литературной, культурной жизни прошлого актуализируются сегодня, они не просто сосуществуют, но и взаимодействуют. Приведем примеры.

Рыжий связывает сразу несколько эпох с их культурными кодами: дворянскую, усадскую, культуру России XIX века («Вы там остались, я проехал мимо — / с сигаркой, в бричке. Еле уловимо / плыл запах дыма»), культуру рубежа XIX—XX веков («Впрочем, есть номерок, / не дозволюсь, но все же / только один звонок: / „Я умираю тоже, / здравствуй, товарищ Блок...“»), советскую культуру, военную и послевоенную (этот аспект рассмотрим подробнее ниже).

Яркий пример смешения культурных парадигм — стихотворение «В безответственные семнадцать...». Тема стихотворения — поэт и поэзия, одна из центральных в творчестве Рыжего. Лирического героя «зачисляет в поэты» Аполлон, покровитель искусств, предводитель муз:

В безответственные семнадцать,
только приняли в батальон,
громко рывкаешь: рад стараться!
Смотрит пристально Аполлон:
ну-ка, ты, забобень хорею.
Парни, где тут у вас нужник?
Все умеем да разумею,
слышим музыку каждый миг.

Перед нами смешение сразу нескольких реалий (которые Рыжий вводит путем аллюзий): древнегреческий миф, экзамен в Царскосельском лицее и современная биографическому Рыжему — служба в армии. На стилистическом уровне перед нами — разговорный язык армейской среды: «рад стараться», «забобень». В него, нарушая стилистическое единство, автор вводит термин «хорей» и лексику «музыка», определяющую музыкальность поэтического текста.

Благодаря лексике героя мы понимаем, что действие стихотворения происходит в современных реалиях. На уровне сюжета наблюдаем: героя призывают в армию, но не в обычную (призывной возраст — 18 лет, а герою — 17), а в «поэтическую». В «батальон» поэтов его зачисляет Аполлон, как некогда молодого Пушкина в 17 лет

в поэты «зачислил» Г. Р. Державин на публичном экзамене в Царскосельском лицее 8 января 1815 года.

В рассуждениях Инны Торботряс находим подтверждение нашим гипотезам: «Анализируя стихотворение, мы понимаем, что речь идет об эпохе поздней культуры. Ее главное свойство — переосмысление прошлого. Борис Рыжий тоже его переосмысливает, но в контексте поэтической жизни, в системе культурологических и исторических реминисценций» [19].

Творческий метод автора, на наш взгляд, складывается из трех слагаемых: элементов романтизма, модернизма и постмодернизма. Для нашего исследования важны последние два аспекта.

1. К элементам модернизма относятся: восприятие Рыжим элитарного характера поэзии как искусства «для немногих» в эпоху «кризиса перепроизводства текстов» [8], интертекстуальность, игру и диалогизм без деконструкции культурных кодов, свойственных постмодернизму, смешение культурных кодов.

2. К элементам постмодернизма относятся: смешение высокого и низкого на идейном и стилистическом уровнях — подмена понятий прекрасного и безобразного, эстетизация низменного, смешение высоких и низких пластов лексики (так, стилизация под поэзию XIX века может включать obscene, в том числе матерную, лексику).

Отечественный философ А. Л. Казин определяет постмодерн как «бесценностное мировосприятие, веру в подлинное ничто, зашифрованное знаками ценностей». Здесь мы сталкиваемся с противоречием: постмодерн — априори бесценностная культурная парадигма. Борис Рыжий и его лирический герой является носителем вполне четких мировоззренческих и культурных установок. Как автор Борис Рыжий использует постмодернистские приемы: для его творчества характерна гиперцитатность, смешение культурных парадигм, игра, но при этом для Рыжего-автора абсолютно нехарактерна деконструкция как метод. Парадигмы смешиваются, но не обесцениваются. Культурные коды, цитаты из отечественной и мировой поэзии, пересекаясь, не утрачивают себя, а, напротив, дополняют друг друга. Таким образом, уместнее говорить о модернистском (нежели о постмодернистском) принципе синтеза искусств.

Фигура лирического героя Рыжего как бы находится вне времени. Своим лирическим героем он связывает все вехи отечественной поэтической культуры от Державина до современников — Олега Дозморова, Романа Тягунова и др., с которыми лирический субъект периодически вступает в бытовой и литературный диалог.

Борис Рыжий обращается и к зарубежной поэтической традиции, но в значительно меньшей степени. Характерно, что в «трех стихотворениях о Гекторе»¹ («Прощание Гектора с Андромархой», «Свидание Гектора с Андромархой», «Мщение Ахилла») Рыжий голосом повествователя обращается к героям «Илиады», в то время как лирический герой ни в одном из стихотворений не прописан, то есть не участвует в разворачивающемся действии.

Здесь мы вплотную подходим к теме войны, одной из важнейших для поэта. Она привносит и другие основополагающие темы: тему смерти (война у Рыжего обязательно «подсвечена» смертью), а также тему человеческого гуманизма, сострадания.

Отметим, что на Рыжего оказали значительное влияние два поэта-фронтовика: Б. Слуцкий и Д. Самойлов.

Алексей Мельников в воспоминаниях пишет: «...помню, что Борис с большим интересом принимал за Гандлевского, Слуцкого и Самойлова, которых я ему принес и ко-

¹ Коноплева Е. А. Три стихотворения о Гекторе: об одном несобранном цикле Бориса Рыжего // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: Сб. ст. и докл. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 171–177.

торых он до этого не знал. Первые два с тех пор были для него очень важными поэтами. <...> В свою очередь, Борис дал мне почитать Владимира Уфлянда, Генриха Сапгира, Глеба Горбовского, которых очень любил» [18] (заранее отметим перечисленные фамилии, но сейчас сосредоточимся на поэтах-фронтовиках).

Об особом отношении к Слуцкому Рыжий проговаривается и в собственном творчестве:

А я ему почти не возражал,
И как я возразить мог в самом деле,
Учитывая то, что Слуцкий жал
Ему однажды руку в ЦДЛе...

Илья Фаликов в книге «Дивий Камень» [16] пишет, что на одном из экземпляров книги «И все такое, все такое...» (подаренном Ирине Трубецкой) Рыжий, будучи автором, оставил следующий автокомментарий к вышеупомянутому тексту «В безответственные семнадцать...»: «написано под влиянием Б. А. Слуцкого».

Рыжий учится у Слуцкого и Самойлова человечности, состраданию к ближнему. Здесь берет корни и восприятие Рыжим войны как катастрофы, трагедии для человечества и для отдельно взятой личности.

В стихотворении «Прощание Гектора с Андромахой» пафос войны, стыда «великого перед маленькой отчизной» отступает перед маленькой бытовой деталью (в ней Рыжий отступает от Гомера): Гектор перед прощанием забывает снять шлем, что вызывает слезы у его маленького сына. Шлем не спасает Гектора от неминуемой гибели. Более того, «шлем упомянут как нечто, присущее Гектору как герою и воину, но заслоняющее даже от самых близких Гектора-человека, любящего мужа и отца» [9].

Надо сказать, что, в отличие от Слуцкого и Самойлова, война у Рыжего изображается абстрактно, причем почти всегда для этой абстракции справедливо утверждение «война = насильственная смерть» (упоминание «войны» вводит тему смерти):

...будто год 43-й идет.
Будто я от тебя под бомбежкой пойду —
снег с землею взлетят позади,
и, убитый, я в серую грязь упаду...

Или: «...в дом родимый, сливаясь с закатом <...> возвращайся убитым солдатом», «Там золотые самолеты / бомбят чужие города», «Никогда, никогда не пойду на войну, / никогда никого не убью».

Или:

«Где ты был, когда нас убивали?
Самолеты над нами кружились...»
— «Я писал. И печатал в журнале.
Чтобы люди добрей становились...»
<...>
«Так лежи в своей теплой могиле —
без тебя мне находятся судьи...»
Боже мой, а меня не убили
на войне вашей, милые люди?

Рыжий часто обращается к поэтам-фронтовикам не только в контексте военной темы. Так, Рыжий упоминает Слуцкого в стихотворении «До пупа сорвав обноски...». Герой стихотворения, заключенный, «разрывает сальный ворот» и демонстрирует «фраерам», что у него «профиль Слуцкого наколот: / на седеющей груди!» (в противовес «бугру», у которого «напортачен» И. Бродский). Очевидно, ни Слуцкий, ни Бродский не имеют никакого отношения к криминальной субкультуре эзков, за исключением некоторых стихотворений Б. Слуцкого, в которых описывается судьба опальных поэтов и прозаиков («Прозаики», «Кульчицкие — отец и сын» и др.), где Слуцким отмечены некоторые тюремные реалии. Поэты Слуцкий и Бродский введены Рыжим в совершенно чуждую им социальную среду, как был введен Державин в стихотворение «В безответственные семнадцать...». Поэт хочет обозначить, что ученики (или же — подражатели) Бродского и Слуцкого — два противоборствующих лагеря в том литературном поле, в котором существует биографический Рыжий и его герой. Герой примыкает к последователям Слуцкого (с Бродским у него другая, более сложная история). Для придания теме особого блатного колорита, излюбленного Рыжим, поэт использует развернутую метафору «разборок за понятия». Таким образом, Рыжий вновь «играет» с читателем, смешивая практически несовместимые культурные коды.

Рыжий также учится у Слуцкого говорить от лица всего поколения, сострадая каждому его представителю, говоря одновременно за живых и мертвых (причем в последнем случае неважно, кто перед нами: некогда любимая героем внезапно умершая девушка или «местный даун, дурень Петя» — для Рыжего значит каждый). Сравним:

А ты никуда не вышел.
Ты просто пророс травой,
и я, как собака, вою
над бедной твоей головою.

Б. Слуцкий

Ты была на ангела похожа,
как ты умерла на самом деле.
Эля! — восклицаю я. — О Боже!
В потолок смотрю и плачу, Эля.

Б. Рыжий

Или:

А когда он умер тоже,
не играло ни хрена,
тишина, помилуй, Боже,
плохо, если тишина.
<...>
Заплатил бы, попросил бы,
занял бы, уговорил
бы, с музоном бы решил бы,
Петю, б..., похоронил.

Б. Рыжий

«Рыжий продлил <...> поэзию милосердия, сострадания, когда страдание другого волнует поэта сильнее, чем собственное», — пишет Илья Фаликов [16].

Стихотворение «Разговор с Богом» Рыжего — перифраз стихотворения Слуцкого «Это я, Господи! Господи — это я!»:

Господи, это я
мая второго дня.
— Кто эти идиоты?
Это мои друзья.

Б. Рыжий

Это я, Господи! Господи, это я!
Слева мои товарищи, справа мои друзья.

Б. Слуцкий

Слуцкий в стихотворении рисует портрет своего героя, рассказывая о его ближайшем окружении, жене, говорит о личном восприятии Бога. Рыжий избирает манеру Слуцкого для того, чтобы рассказать о себе и о своем поколении, о своих товарищах. Последние, несмотря на то, что, согласно характеристике автора — «идиоты» и «мудочесы», достойны божественной любви. Рыжий также в ироническом ключе переосмысливает прецедентный текст Слуцкого, воспроизводя «монолог» лирического героя Слуцкого в приклатенной социокультурной среде.

К Давиду Самойлову Рыжий обращается реже. Стихотворение «Восьмидесятые, усадые...» Б. Рыжего — перифраз стихотворения «Сороковые, роковые...» Д. Самойлова. Рыжий снова использует прецедентный текст, взятый из другой социальной среды, другой культурной эпохи, чтобы рассказать о себе и о своем времени.

Самойлов пишет о фронтовой юности, его герой, как и все поколение, несмотря на ужасы войны, «худой, веселый и задорный», полный молодого оптимизма, способный находить прелести жизни в той обстановке, где они, казалось бы, заведомо невозможны.

Рыжий также развивает мысль о счастье в обстановке, не сулящей счастья. Перестройка, излет Советского Союза, вновь — приклатенная среда («расписана моя телуга», «трехрублевка, что надорвана, / изъята у Сереги Жилина», «обуют на мосту / три уха»), тем не менее стихотворение закольцовано следующим описанием: «Трамваи дребезжат бесплатные. / Летят снежинки аккуратные» — оно составляет категорию прекрасного для лирического героя и автора. Также категорию прекрасного и для героя Самойлова, и для героя Рыжего составляет молодость, повесничанье. Но на контрасте со стихотворением Самойлова у Рыжего между строк прочитывается мысль, озвученная в другом стихотворении: «...и думал — благо, не война».

«<...> Поэтика? Советская? Вполне. <...> Никуда не забегающая, ничего не открывающая, а почти стилизованная как еще один знак портретируемой эпохи. Этот стиль в разных его вариациях — поэтическая основа стиха Бориса Рыжего», — пишет Ю. В. Казарин [8].

Еще одна культурная доминанта «портретируемой» Рыжим советской эпохи (помимо поэзии фронтовиков), которую переосмысливает и с которой полемизирует Рыжий, — эстрадная поэзия. Лицом эстрадной поэзии в лирике Бориса Рыжего выступает поэт Евгений Евтушенко (что, скорее всего, обусловлено биографическим фактом знакомства двух поэтов). «Евтушенке» герой Рыжего дает негативную характеристику:

Евгений Александрович Евтушенко в красной рубашке,
говорящий, что любит всех женщин, —
суть символ эпохи,
ни больше, ни меньше...

Рыжий прямо проговаривается, что один из своеобразных культурных «кодов» советской эпохи — образ поэта Евтушенко.

Бессмертье плясало в красной
рубашке, орало и пело...

Эстрадная поэзия — громкая, она не близка Рыжему. Один из его любимых поэтов — Глеб Горбовский, представитель противоположного направления — «тихой лирики». Несмотря на любовь к фронтовикам (хотя бы двум, представителям официальной советской поэзии²), Рыжий ценит и поэтов-контркультурщиков (вспомним обозначенный нами читательский круг Рыжего), которые также ведут поэтическую борьбу с эстрадниками.

Образ поэта в лице Е. А. Евтушенко Рыжему не нравится, Рыжий создает своего приклатненного «пророка» по «пушкинскому» образцу:

...закуривай, присядь со мною, керя,
водяру пей...
<...>
Ступай, он рек, вали и жги глаголом
сердца людей, простых Марусь и Вась,
раз в месяц наливаясь алкоголем,
неделю квась.

Или:

Он курит неспешно,
он не говорит ничего
<...>
приемный, но любящий сын
поэзии русской.

А над Е. А. Евтушенко и его читателями подтрунивает, иронизирует, демонстрируя пренебрежительное отношение:

А Анна говорила <...>
что папа был приятель Евтушенки,
кивала на портретик Евтушенки...
<...>
Есть люди странные в подлунном мире,
поэтами они зовут себя:
стихи совсем плохие сочиняют,

² Хотя собственные стихотворения Б. Слуцкого после войны долгое время не печатались и увидели свет только в эпоху «оттепели».

а иногда рождают дочерей
и Аннами, конечно, называют.
И Анны, словно бабочки, порхают,
живут в стихах, стихов не понимают.

Так Рыжий «снижает», трансформирует и дискредитирует еще одну важную культурную доминанту официальной советской культуры — «эстрадную» поэзию. Тем не менее стихотворение снова заканчивается категорией подлинного для Рыжего — горем и последующим состраданием лирического героя:

А Анна говорила, говорила,
что, разбирая папины архивы,
так плакала, чуть было не сошла
с ума, и я невольно прослезился...

Итак, подведем итог. Две культурные доминанты, свойственные недавнему прошлому (относительно Б. Рыжего и его героя), уходящей советской эпохе, — поэзия «фронтовиков» и поэзия «эстрадников». В своей творческой манере Рыжий использует эти два культурных кода для описания своей эпохи и окружающей героя Рыжего блатной среды. Таким образом, культурные коды настоящего и прошлого смешиваются, получая при этом диалектическое развитие.

Рыжий воспринимает войну как большое человеческое горе, поэтому «сороковым, роковым» он противопоставляет «восьмидесятые, усатые». Противодействие ужасам войны — гуманизм и сострадание, «привитые» Рыжему фронтовиками. Поэту также не нравится «громкая» поэзия эстрадников в лице Е. А. Евтушенко. Он трансформирует образ поэта с помощью гротеска и в иронической манере предлагает читателю образ своего лирического героя-поэта. Противодействие «эстрадной поэзии», бездарной и смелой, — «тихая лирика», «привитая» Г. Я. Горбовским.

Литература

1. Быков Л. П. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Советское прошлое и культура настоящего: Моногр.: В 2 т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. — С. 167—174.
2. Верхейл К. Радость искусства, или Ударения Бориса Рыжего // Знамя. — 2007. — № 8. — С. 196—203.
3. Глухова Ю. О. Образ города в поэзии Бориса Рыжего // Новая наука: теоретический и практический взгляд. — 2015. — № 3. — С. 29—32.
4. Ерылгаева С. С. Мотив смерти в поэзии Б. Рыжего (на материале поэтического сборника «Типа песня») // Огарев-Online. — Саранск: Национальный исследовательский мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2018. — № 5. — [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/motiv-smerti-v-poezii-b-ryzhego-na-materiale-poeticheskogo-sbornika-tipa-pesnya> (дата обращения 28.03.2024).
5. Жолковский А. К. Об инфинитивных «Стихах уклониста Б. Рыжего». Новая и новейшая русская поэзия. — М.: РГГУ, 2009 — 365 с.
6. Жулькова К. А. О лирике Бориса Рыжего: мотивы смерти // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. литературоведения. — М., 2020. — № 2. — С. 165—170.

7. Казарин Ю. В. Внутренний мир и миры Бориса Рыжего: Моногр.; науч. ред. Л. Г. Бабенко; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2018. — 234 с.
8. Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. Постигение ужаса красоты // Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — С. 521–814.
9. Коноплева Е. А. Три стихотворения о Гекторе: об одном несобранном цикле Бориса Рыжего // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сб. ст. и докл. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 171–177.
10. Кучина Т. Г. Музы и музыка в лирике Бориса Рыжего // Голоса русской провинции: научно-художественный сборник / На-уч. ред. и сост. М. Г. Пономарева. — Вып. 6. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. — С. 233–240.
11. Непомнящих Н. А. «Чувство смерти» в поэзии Бориса Рыжего // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: Сб. науч. статей и докл. — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. — С. 141–158.
12. Непомнящих Н. А. Танатологические мотивы лирики Бориса Рыжего // Сюжетология и сюжетография. — 2016. — № 2. — С. 207–223.
13. Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных... Избранная лирика. Роттердамский дневник / Сост. Т. Бондарук, Н. Гордеева; предисл. Д. Сухарева. — М.: Искусство — XXI век, 2012. — 576 с.
14. Рыжий Б. Б. Оправдание жизни — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 832 с.
15. Рыжий Б. Б. Стихи. 1993–2001 / Сост. Г. Ф. Комаров. — СПб.: Пушкинский фонд, 2003. 376 с. Рыжий Б. Б. Оправдание жизни / Сост. и авт. послесл. Ю. В. Казарин. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 832 с.
16. Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий камень. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 382 с.
17. Шайтанов И. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Шайтанов И. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. — М.: Время, 2007. — С. 519–533.
18. Вспоминая Бориса Рыжего/ А. Мельников // Урал. — 2011. — № 5. — [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/5/vspominaya-borisa-ryzhego.html>.
19. Не салонный и не камерный: в «Сириусе» разобрали поэзию Бориса Рыжего // Сириус. Образовательный центр — [Электронный ресурс]. URL: <https://sochisirius.ru/news/4124/>.

Владимир НОВИКОВ

БОЛЬ НОВОЙ МЫСЛИ

Филологическая лирика

ОТ АВТОРА

Разгибается судьба, приближаясь к пику. Чтобы разгадать себя, надо кончить книгу. Не сулит уже тузов будущего прикуп, но слышней оттуда зов: надо б! кончить! книгу б! Годы надо потерять по дороге к мигу и не раз поумирать, чтобы кончить книгу. В жизни много всяких «но» — сверху или снизу, — но одно всегда дано: надо кончить книгу (1983).

Прозвучавший текстик — автокоммуникативный, то есть адресованный самому себе. «Люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся», — говорил мой любимый литературный герой Иван Александрович Х. Так вот, сей самодеятельно-риторический стишок «выкинулся» однажды при сочинении первой книги, а вспомнился недавно при написании книги последней. Ни малейшей претензии на «поэзию» здесь, конечно, нет: одна искренность. Может быть, такие простые эмоции свойственны и другим книгописателям...

«УСТАРЕЛ»

У входа в Лионский университет на берегу Роны встречаю (это в году так 2018-м) симпатичного и седовласого старшего коллегу-француза, приехавшего из Парижа. После обмена бонжурами спрашиваю у него о своем друге: как он там поживает на берегах Сены?

— Увы, он очень, очень устарел! — грустно покачивает головой собеседник.

Оговорка, конечно: вместо «постарел» выскочил в речи глагол с другой приставкой. Но оговорка значимая. И стареем мы, и устареваем.

Спасение — новая боль. Только она откроет новые смыслы.

ЭТЮДЫ ПЕССИМИЗМА

«Этюды оптимизма» Илья Ильич Мечников выпустил в 1907 году по-французски, а в 1909 году в русском переводе. Для оптимизма у него были некоторые основания. Жизнь удалась, в 1908 году получил он Нобелевскую по медицине и физиологии. Смело смотрел в будущее, мечтая продлить срок полноценной человеческой жизни.

Владимир Новиков родился в 1948 году в Омске. Доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. Автор книг о Пушкине, Блоке и Высоцком в серии «Жизнь замечательных людей», прозаических книг «Сентиментальный дискурс. Роман с языком» и «Типичный Петров», эссеистического «Словаря модных слов», «Книги о пародии» и др. Живет в Москве.

Заложил основы геронтологии. Завещал кушать кисломолочные продукты и изобрел мечниковскую простоквашу. Сам, правда, прожил всего семьдесят один год и скончался в 1916 году в Париже (не «сбежал» туда, а просто жил и работал, оставаясь при этом достойным сыном своего отечества). Не будем гадать, что бы он мог сказать о наступившей потом новой исторической эре. Уже в предисловии к «Этюдам» есть ноты отнюдь не жизнерадостные: «Еще никогда, кажется, наука не была так загнана в России, как теперь. Центры, долженствующие быть рассадниками ее, направлены на совершенно иной путь. <...> Не только научная деятельность, но и вообще всякий умственный труд не находит себе надлежащей оценки».

Звучит совсем не архаично. И такие *этюды пессимизма*, к сожалению, легко продолжить.

«БЕЙ ПЕССИМИСТОВ!»

«Оптимист» и «пессимист» — сами эти слова давно стали анекдотическими мемами. Но нелишне вспомнить, что когда-то «оптимизм» был мировоззренческой нормой, носившей принудительный характер.

Вспоминаю виденный в детстве художественный фильм о событиях 1917 года. К сожалению, не запомнил названия, и в Интернете ничего об этом кинематографическом шедевре найти не удалось. Но точно помню, что там темпераментный диалог ведут солдат крестьянского происхождения и революционный матрос, ушлый в политграмоте. Солдата все тянет бросить винтовку и убежать в родную деревню. А матросик корит его за «пессимистические разговорчики». После многократного презрительного повторения ключевого слова «пессимист» солдат идейно исправляется и бежит к Зимнему дворцу с винтовкой и с криком «Бей пессимистов!».

Били их потом, и не раз. Дважды встречается заветное слово в партийном постановлении «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 года. «Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества...» Надо ли объяснять, о ком это? Настолько стихи были «пропитаны», что ярлычок прилип к имени Ахматовой на долгие годы. И далее в документе говорилось: «Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни».

Казалось бы, через десять лет ситуация переменялась к лучшему, но в 1956 году Пастернак вписывает в «Чукоккалу» печальные строки:

И я испортился с тех пор,
Как времени коснулась порча,
И горе возвели в позор,
Мещан и оптимистов корча.

«Оптимисты» вызывают у него стойкое отвращение и сливаются с мещанами. Что же получается? Радоваться жизни — безнравственно? Но, как всегда, поэтический смысл — в речевых оттенках. Тут чисто пастернаковская обаятельная «неправильность». Глагол «корчить» обыкновенно употребляется в сочетании со словами «из себя», а здесь они опущены, отброшены эмоциональным потоком. Кстати, подходя строго логически: мещан в советской стране вроде бы из себя никто не «корчит». Правящая идеология борется с «мещанами» так же, как с «пессимистами». Ее адептам неведома чистая и одухотворенная радость жизни. Они только «корчат оптимистов», то есть по-мещански приспосабливаются к власти.

Тут вспоминаю вдруг, что у Дениса Васильевича Давыдова в «Современной песне» (1836) есть строка «Корчит либерала» — тоже с опущенным дополнением «из себя». Что ж, ДВД — поэт по языку довольно живой и актуальный.

БОЛЬ НОВОЙ МЫСЛИ

— В институте я слышала лекции самого Мераба Мамардашвили! Это было потрясающе!

— Вот это да! Завидую вам. А какие главные мысли вы оттуда вынесли для себя?

На этот вопрос вразумительного ответа не получаю. Очевидно, обаяние культового философа было так велико, что его теоретические построения отошли на второй план. Прикоснуться к знаменитости — вот главное.

Мне не довелось видеть Мераба Мамардашвили и слышать его говорение. Оно пришло через где-то напечатанные буквы. Прежде всего неприятное, колючее слово: НЕОБЩЕСТВО.

Само словечко-то как необязательный разговорный окказионализм мелькнуло еще в 1888 году в «Очерках русской жизни» Николая Шелгунова: «Дурные эгоистические привычки нашей мысли пришлось испытать на себе и земству. Положим, что и в земство вступали люди с теми же самыми дурными привычками, но их дурные привычки все-таки регулировались до известной степени земскою дисциплиной. А для нас всех остальных людей, для общества и необщества, ничего ни внешнего, ни внутреннего дисциплинирующего не существовало».

Но это у Шелгунова просто к слову пришлось. Такое «не» в разговорной речи прилагается к любому слову. Но новой лексической единицы при этом обычно не возникает. А тут Мамардашвили вводит в мозг читателя-слушателя это НЕОБЩЕСТВО как некий концепт, как категорию мышления. Мол, марксизм неминуемо ведет нас от общества к необществу.

Это что же? И я тоже частица необщества? Не совсем личность? А то и вообще — НЕЛИЧНОСТЬ?..

Как-то больно и обидно.

Но таково в принципе восприятие нами любой по-настоящему новой мысли.

Нужная боль, необходимая боль.

В СТОРОНУ КАРЛА МАРКСА

Куль личности Маркса. О нем не писали и не пишут, но он, по моим воспоминаниям, имел место. Во времена разоблачения культа личности Сталина и возвращения «к ленинским нормам партийной жизни». Кульминация — установление напротив Большого театра тяжеленного памятника работы Кербеля, который Фаина Раневская обозвала «холодильником с бородой».

Из Ленина тогда делали бога-сына, а Маркс, соответственно, выполнял роль бога-отца. В оттепельной мифологии он был личностью «намбэ уан» за всю историю человечества. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» — вколачивалось в неокрепшие юные умы. Неотразимо верными считались даже его ответы на домашнюю анкету. В основном там банальности: представление о счастье — борьба, любимое занятие — рыться в книгах... Но два последние пункта не лишены смысла. Любимое изречение: ничто человеческое мне не чуждо. Любимый девиз: подвергай все сомнению.

Вот когда я впервые ощутил боль по-настоящему новой (для меня тогдашнего) мысли. «Подвергай все сомнению»... Значит, и учение Маркса сомнению подлежит? Ты что, сам себя под вопрос ставишь, Карл?

Довольно скоро, начав изучать на первом курсе латынь (самый антитоталитарный и антисоветский предмет, доложу вам), узнал я, что последние два пункта Марксовой анкеты — это выражения, сформулированные задолго до рождения основоположника марксизма. Ничто человеческое не было чуждо драматургу Теренцию еще до нашей эры («*Homo sum, humani nihil a me alienum puto*»). А «*De omnibus dubitandum*» («Подвергай все сомнению») — основной постулат Рене Декарта, жившего в первой половине XVII столетия. Маркс просто блеснул ходячей цитатой, а сам едва ли может быть признан прилежным учеником французского философа. Не подверг он необходимому сомнению свои весьма спорные идеи об исторической роли пролетариата.

Так латынь помогла первокурснику переметнуться от марксизма к картезианству и пойти по пути Спинозы, Кьеркегора, да и того же Мамардашвили. Но Маркса все же я не презирал и виновником всех наших бед не считаю. «Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что второй подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?» — повторяли мы когда-то вслед за профессором Преображенским, взирая на очередные идиотизмы советской и постсоветской жизни.

ВТОРАЯ ДАТА

Сколько времени мы тратим на ходьбу по всяким конторам! И нынешнее нервное заполнение разных бумаг онлайн — ненамного лучше. Все это в конечном итоге — вычитание из жизни. Время, отданное бюрократической суете, принадлежит не жизни нашей, а, скорее, смерти...

Прихожу в очередной официальный офис. Первый этаж типовой семнадцатизатяжки. Охранница на входе — молодая женщина в полувоенном мундире: кого и что она, собственно, охраняет? Сидит лишь для того, чтобы мне сказать: «По коридору — направо, в конце».

Коридор узкий, в конце — каморка. За стареньким, чуть ли не советским столом — дама неопределенного возраста, в серой кофте, с неприбранными жирными волосами, без макияжа и маникюра. К встрече со мной явно не готовилась — как и я к встрече с нею.

Протягиваю свои бумаги. Слышу безликий неприятный голос:

— Даты жизни не указаны.

— Как же? Я заполнил год рождения...

Она раздраженно:

— Я сказала: даты жизни. Где тут у вас вторая дата?

С ума сошла она, что ли? Как я могу знать дату своей смерти?

А на лице ее вдруг — пустые глазницы. И вместо головы — голый череп.

Пол подо мною проваливается, лечу в бездну...

И, слава богу, просыпаюсь. В ночи, но дома.

ПРОБЛЕМА ВТОРОЙ ДАТЫ

Кто-то сказал, что дата смерти человека важнее, чем дата его рождения. Смерть подводит итоговую черту. При жизни все мы равны, а за чертой проясняется значимость личности.

«Как умирать после Высоцкого?» — растерянно произнес в июле 1980 года Юрий Трифонов. Через семь месяцев он получит свою «вторую дату» — 1981.

В прошлом веке «вторые даты» запоминались лучше, чем теперь, в нынешнем. Говорю это, имея в виду и собственную *слабеющую память*, и память культуры. Кстати, уловили цитатку? «Слабеющая память подобна потухающему светильнику. Слабеющую память можно также сравнить с увядающе незабудкою». Это мой любимый писатель — Козьма Петрович Прутков (1803—1863). Его как физической личности вроде бы и не было. Но его «клеветы» (братья Жемчужниковы и А. К. Толстой) обеспечили его и первой, и второй датами. А в итоге — бессмертием.

Да, вянет незабудка нашей общей памяти. В нынешнем столетии легендарной стала разве что дата ухода из жизни Бориса Рыжего — 2001. В том же году, кстати, покинули этот свет еще два культовых поэта — Александр Аронов в Москве и Виктор Кривулин в Петербурге. Добавлю еще, что это «вторая дата» Александра Володина и Виктора Астафьева. Сурово начинался век...

2002. В Москве — Владимир Корнилов и Юрий Давыдов, в Питере — Конечский, Шефнер и академик Александр Панченко. Беру только литераторов.

2003. Два легендарных военных прозаика — Василь Быков и Владимир Богомолов.

2004. Два легендарных, но очень по-разному легендарных автора — Эдуард Асадов и Сергей Аверинцев...

Стоп! Не буду больше томить читателя своей загробной эрудицией. Она обусловлена профессией. Для историка литературы и культуры «вторые даты» — необходимые ориентиры. Как отреагировал Чехов на революцию 1905 года? А как вел себя Гришка Распутин в феврале или октябре 1917 года? Помнящим «вторые даты» на эти вопросы ответить более чем легко: не дожили...

Далее — только о «суперстарах». Немногие вспомнят сегодня год кончины Ельцина (2007). Лучше, наверное, помнится год ухода Солженицына — 2008-й.

«В каком году мы с вами ни родились, родились мы в семнадцатом году», — пел в начале фильма «На графских развалинах» государственный голос — Владимир Трошин. Автор стихотворного текста — очень тогда молодой Евгений Евтушенко. В «семнадцатом году», однако, ему выпало не родиться, а умереть — в 2017-м. Его партнеры по первой тройке эстрадной поэзии — Вознесенский и Ахмадулина — ушли из жизни в 2010-м. Все уходы — довольно тихие.

Ну, и знаменитые из знаменитых: королева Елизавета II, первый и последний президент СССР М. С. Горбачев и первый футболист столетия Эдсон Арантис ду Насименту, известный больше под именем Пеле. Что их объединяет? «Вторая дата» — год 2022-й. Мировое сознание, однако, было тогда занято другим...

1991

Цифра эпохальная, как к ней ни относиться. Последний год существования СССР. Последний год существования «советской литературы»: в энциклопедиях про тех из нас, кто печатался до 1991 года, пишут: «советский и российский», а кто появился уже после пограничного столба, именуются просто «российскими» или даже «русскими». Впрочем, и здесь нет системности: для составителей справочников тоже существуют «свои» и «чужие». Членов своей тусовки могут по блату и не обозвать «советскими», даже при наличии у них старинных публикаций. А известному профессионалу почему бы не припомнить его «советское прошлое»? В общем, на смену советскому «Чем вы занимались до семнадцатого года?» пришло постсоветское: «Чем вы занимались до 1991 года?»

А многие тогда довольно успешно занимались своим главным делом: писали прозу, слагали стихи, ставили спектакли, снимали фильмы. И вот такая закономерность вдруг бросилась мне в глаза: большинство корифеев-шестидесятников, продолжавших плодотворно работать и в 70—80-е годы, после 1991 года не создали произведений, сопоставимых по качеству с их же творениями советского периода.

Когда написаны лучшие стихи Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко? Такие, которые можно, к примеру, включить в вузовские рекомендательные списки по истории отечественной словесности. Все — до наступления 90-х годов. Последний стихотворный шедевр Окуджавы — песня «Совесь, благородство и достоинство...» — появился в 1988 году.

После 1991 года продолжали писать Аксенов, Битов, Искандер. Уже без открытий. У Войновича сиквел «Чонкина» немного добавил к первым двум книгам. Жванецкий вершил свой неиссякаемый дискурс, но его «лирический герой» так и остался советским «технарем», не сделался постсоветским бизнесменом или бомжем.

Не берусь профессионально судить о кинематографе, но как простой «советский и российский» зритель могу констатировать, что Данелия и Рязанов не очень порадовали нас своими постсоветскими комедиями. Неуспешной была и последняя комедия Гайдая в 1993 году.

Почему не воспарили орлы-вольнодумцы в условиях свободы от цензурно-идеологических цепей? Обсуждаю этот вопрос с коллегами.

«Размножались только в неволе», — говорит Ольга Новикова. И еще такую метафору добавляет: убрали плотину — река обмелела.

А поэт и филолог Артем Скворцов выдвинул глобальное объяснение: обмеление пошло повсеместно. Ведь и мировая словесность за эту треть столетия не шибко баловала гениальными творениями.

Адресую исходный вопрос всем читателям.

ЦЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ

На радио когда-то была программа «Коллекция». Медийные лица коротко рассказывали о том, что они собирают. Кто крышечки от пива, кто курительные трубки, кто редкие виниловые диски. Претенденты на оригинальность трактовали слово «коллекция» метафорически, и, помнится, рекордом пошлости был ответ: «Коллекционирую хороших людей».

Терпеливо жду, когда и ко мне обратятся с таким вопросом. Потому что ответ у меня заранее готов, совершенно буквальный и простой: коллекционирую цельные вещи. Непонятно? Это термин такой. Он означает почтовые товары с напечатанной на них маркой, которая отдельно не существует. Такая марка терминологически именуется *оригинальной*. *Цельные вещи* не надо путать с *целыми вещами*, то есть такими, на которых простая, натуральная марка наклеена и погашена специальным штемпелем. Среди целых вещей особое место занимают так называемые картмаксимумы... Ой, извините, это уже избыточная информация.

А кратко и конкретно: я собираю КсОМ и ПКсОМ. То есть конверты с оригинальной маркой и почтовые карточки с оригинальной маркой. Среди любимых экспонатов — конверт, выпущенный к 250-летию юбилею Николая Ивановича Новикова в 1994 году (его портретик на марке, а слева — Московский университет), и карточка, выпущенная в том же году к столетию Тынянова). С начала 70-х годов собралось у меня более полутысячи карточек, а конвертов — еще больше. Надо еще добавить, уточнить: собираю я цельные вещи только *чистые*, без памятных гашений.

И вот, помню, прихожу как-то на это радио, не помню уже, на какую программу. А в кулуарах встречает меня ведущая «Коллекции» и просит произнести реплику для ее опроса. С готовностью вещаю в микрофон: друзья мои, коллекционирую я цельные вещи, то бишь конверты и открытки с оригинальными марками, причем чистые. И для оживления добавляю: и в искусстве, и в жизни тоже ценю я все цельное, чистое и оригинальное.

Чувствую, однако, что никакого впечатления на слушателей не произвожу. Цельные вещи интересны только тому, кто сам собирает эти цельные вещи. А метафорическая элоквенция моя (мол, цельность — большая ценность) ни до кого не доходит. Метафорика осталась в двадцатом веке. Если ты не с луны свалился, должен знать: наступила эра беспощадно буквального слова.

А куда девать все дорогие твоему сердцу цельные вещи? Это ведь не только открытки и конвертики. Это все твои сентиментальные воспоминания о встречах и не-встречах. Всякие сувенирчики. Фотки бумажные и цифровые. Пронзительные поэты прошлого века, забытые всеми, кроме тебя. Любимые тобой неповторимейшие русские художники-авангардисты с негромкими именами. Программки балетов с Плисецкой и спектаклей БДТ, ради которых вы приезжали в Питер... Все это твое, и только твое. Храни этот «милый хлам» в тайных уголках своей цельной души и не пытайся с кем-либо поделиться.

ПОДПИСКА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ

Меня как убеленного сединами педагога с внушительным стажем почему-то всегда царапали иронические, а то и саркастические сентенции некоторых моих коллег на тему незнания чего-то студентами. Мол, Юрия Домбровского не читали, имя Гаспарова слышат впервые. Не поддерживаю подобный дискурс, поскольку считаю так: если учащиеся чего-то не знают, то виноваты в этом их учителя. Мы с вами виноваты: не рассказали, не заинтересовали, не вовлекли в контекст.

Учитель в чем-то подобен доктору, а учащийся — пациенту. Представьте себе, что врач после приема начнет жаловаться:

— Ну и пациент пошел! У одного пневмония, у другого язва, а у третьего вообще онкология! Ни одного здорового человека!

У медиков существует понятие врачебной тайны. И нам не повредит своего рода педагогическая тайна. Не тащить наружу сор из избы, а тихо и терпеливо перерабатывать незнание в знание.

НЕ ЛЮБИЛ ВЫСОЦКИЙ ОТКРЫТЫХ ФОРТОЧЕК

В своей книге «Высоцкий» я использовал кое-какие факты и речения, о которых мне поведала его мать Нина Максимовна. Но некоторые мелочи как-то не вписались в повествование. Например, такая:

— Не любил Володя, когда в его присутствии кто-то вдруг открывал форточку. Ворчал: «Ну вот, опять. Свежего воздуха им захотелось...»

Странно, не правда ли? Человек, который сам был открытой форточкой в затхлом информационном помещении брежневской эпохи, который сам был ворованным свежим воздухом для миллионов людей, в своем повседневном быту не терпел сквозняков.

Значит, все-таки жизнь и поэзия не совсем одно. Ну, и еще: человек творящий часто противоречив чисто психологически. Иначе откуда бы он черпал драматизм и конфликтность?

«Другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один...» Это из «Героя нашего времени», о Печорине. С кого Лермонтов списал такую странность? С себя самого, наверное: с Высоцким-то он точно не был знаком.

МОЙ ЖАНР

Сергей Зенкин, известный и авторитетный теоретик литературы, ознакомился с написанной частью книги «День рождения мысли» и написал мне, что читает ее «как лирику», что ему интересны в первую очередь переживания автора. Лирика — *c'est le mot!* Принимаю и применяю! Лирика как субъективный род — в противовес объективному эпосу.

Лирика — это не всегда стихи, она может и в прозе притаиться. Лирика — это откровенное «я», не прячущееся ни за какое «мы». Но это «я» может иной раз встретиться с душевно близким «ты». Существует крайне рискованное выражение «лирический герой». Понятие, введенное примерно в одно и то же время Тыняновым и Андреем Белым, но с тех пор вульгаризованное и ставшее литературоведческим ширпотребом. Как педагог рекомендую такой методический прием: о лирическом герое стоит говорить только тогда, когда на место лирического «я» читатель может подставить «я» собственное.

И если незнакомому читателю вдруг захочется мое легкомысленное «я» на себя примерить — то и ладушки! «Then there's a pair of us», как говорила задушевнейшая Эмили Дикинсон. Тогда мы — пара!

АПОЛОГИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА

Всего должно быть в мире по два.

Да-да! И спорить с этим — подло.

RICCHI E POVERI

Бедный человек занят собой и своими бедами. Богатый — тот, кто может позволить себе роскошь интересоваться другими людьми.

МОЙКА 24

Такую вывеску в Москве я лицезрю я чуть ли не каждый день. Знаю, что это о круглосуточной мойке машин. Но мне как убежденному пешеходу такая семантика не интересна, и я всякий раз читаю данный иероглиф по-своему: редакция «Аполлона».

Набережная Мойки, 24 — таков был адрес легендарного журнала «Аполлон» в 1909–1917 годах. И квартира была, если не ошибаюсь, за номером шесть. Всякий раз, идя «вдоль Мойки, вдоль Мойки», то есть, по Кушнеру, вдоль истории русской литературы, здороваюсь с этим зеленым трехэтажным зданием. Ворота во двор там обыкновенно закрыты, и как теперь выглядит та квартира, не согласишься.

«Место силы» — говорят в подобных случаях теперь. Наэлектризованный отрезок набережной. И редакция «Невы» теперь поблизости обосновалась.

А питерцы-то как-то реагируют на омонимию «мойки» и «Мойки»? Все время собираюсь у них спросить и всегда забываю.

К чему рассказываю о таком несерьезном пустяке? Чтобы хоть на минутку отдохнуть от серьезности и трагедийности.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Ну вот, только успокоился немного и снова столкнулся с неудобной мыслью.

В раннем детстве я поначалу полагал, что война, начавшаяся после 1917 года, продолжалась вплоть до Победы в 1945 году. Потом уразумел разницу между двумя войнами — Гражданской и Великой Отечественной. А между ними — двадцатилетие мирной жизни. Про свою былую хронологическую наивность я вскоре забыл.

Но вот читаю эссе Александра Мелихова о войне в «Унесенных ветром», где в конце речь переходит на Россию с таким вот ошеломляющим пуантом: «Поминая злодеяния советской власти, нужно почаще задумываться, что в них порождалось идеологией, а что войной, Тридцатилетней войной 1914—1945-го».

А я все-таки воспринимал наши 20-е годы (до «великого перелома»-1929) как время относительно мирное. Утопические мечты, авангардные проекты. Продолжение Великой Эстетической Революции, начатой футуристами в 1913 году. Но увы, меч истории над всем этим бурным цветением уже был занесен...

Опять надо все заново передумывать, переживать.

АРОМАТ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

1960 год был объявлен годом Африки. Семнадцать независимых государств там появилось. Я по малолетству своему ликовал, глядя на политическую карту мира. Раньше Африка представляла в основном в двух монотонных цветах: английские колонии — в зеленом, французские — в бледно-лиловом. А теперь такое многоцветье! Раскрашивать контурную карту разными карандашами — немыслимое наслаждение!

А Евтушенко по этому случаю был послан непосредственно на жаркий континент. И оттуда советский поэтический «гонец из Пизы» (пардон — гонец из Ганы) нас оповещал:

И как за таинством, за танцем
следя у ганского села,
я прирожденным африканцем
сегодня чувствую себя.
Я африканец. Я лиловый.
Я цвета ночи и зари.
Я апельсинный и лимонный.
Я черный, светлый изнутри.

Шли годы. Одно из первых впечатлений по приезде в Москву — африканец в холле гостиницы «Украина», куда прибыли мы с отцом. Потом, конечно, я повидал их немало, хороших и разных, в университете, в общежитии на Ленинских горах. Духом времени был интернационализм, еще в 1871 году облеченный Эженом Потье в чеканные строки:

L'Internationale
Sera le genre humain!

Переводчик Аркадий Коц тут навертел отсебятину: «С Интернационалом воспрянет род людской!» Откуда он взял это «воспрянет»? В оригинале-то просто и прозрачно:

но: Интернационалом (то есть «международным») будет род человеческий. Ну, людской, если угодно.

Много лет спустя, в начале 90-х, ко мне приходит незнакомый французский журналист поговорить о современной русской культуре. Встречаю его на станции метро и вижу, что он по цвету кожи — густо-лиловый. Как в песне Вертинского и в стихах Евтушенко. Ничуть я не удивляюсь: французы — они последовательные интернационалисты (при всей их упертой лингвистической «франкофонии»), и коллега, направивший ко мне нового гостя, просто не счел нужным упоминать о его этнической принадлежности.

Сидим, говорим для удобства общения по-английски. Как-то вдруг всплывает тема имперского мышления. И тут собеседник мой восклицает: «Empire! I adore the fragrance of Empire!» То бишь: обожаю аромат Империи. Иными словами, он архаист и ощущает себя гражданином Французской колониальной империи — той самой, развалу которой я наивно радовался в 1960 году.

Как же соединить, сопрячь в одной голове интернационализм и имперскость? Не знаю, не понимаю до сих пор.

«ВАША КНИГА ПРОДАЖНАЯ»

«Лихие девяностые» — выражение двусмысленное, теперь, пожалуй, с преобладанием оценочного «негатива». А само прилагательное «лихой» — амбивалентное. Тут и «приносящий беду, злой», и «молодецкий, удалой». Причем на протяжении 90-х годов в нашем писательском быту можно проследить путь этого эпитета — от плюса к минусу.

В 1991 году у меня вышла книжечка «Писатель Владимир Высоцкий» (это еще не ЖЗЛ, не биография, только о поэтике). Тираж — 100 000 экземпляров. Лихо! Гонорар уже не советский, пожиже. Точно не помню сколько, важнее был моральный итог — реальная встреча с читающей Россией.

Потом начали падать — и тиражи, и гонорары. Советские издательства разваливались. Некоторые предприимчивые директора их приватизировали и бежали с деньгами за рубеж, чтобы конвертировать большое и славное книжное производство в какую-нибудь жалкую виллу на средиземноморском побережье (какое мещанство, какое убожество, черт побери!). Но появлялись новые, частные издательства. «Книжный сад» организовал Юрий Кувалдин, человек непростой, разный, я бы сказал, человек, но в ту пору деятельный. Издал «Женский роман» Ольги Новиковой тиражом 30 тысяч, а потом мой сборник статей, эссе и пародий «Заскок». Тиражом всего в одну тысячу, но в твердом переплете, на котором художница Галина Ваншенкина в слове «Заскок» перевернула букву «А» вверх ногами и закрасила ее белым цветом (прямо творческое соавторство!).

В то время книги филологов и критиков перестали издаваться тиражно. То есть наступила новая эра: авторы издают как-нибудь скромно свои монографии и сборники, а потом дарят их друг другу. Тоже неплохо, но от широкого читателя вдалеке.

Мой «Заскок» все же продавался в книжных магазинах (по 25 целковых, помню), и одна коллега сострила по этому поводу: «Ваша книга — продажная».

С тех пор выпускал я книги и непродажные, и «продажные». «Продажными» были «Роман с языком», «Словарь модных слов» и жэззэловская трилогия «Пушкин», «Блок», «Высоцкий». И тут дело не в гонорарной прибыли (она, в общем, невелика), а в «дистрибуции», в распространении. Из магазинов книга твоя попадает в руки незнакомых читателей. Самому автору не надо суетиться.

Сейчас время такое, что стесняешься дарить свои книги знакомым. Выходит очередным тиражом моя жэзээлка, и я не знаю, куда авторские экземпляры девать. К Высоцкому, например, в моем профессиональном кругу по-разному относятся, многие — снобистски. Зачем навязывать человеку книгу о нем? Тем более что теперь людям книги дома ставить некуда. Проще, когда человек книгу сам купил (часто для подарка) и подошел за автографом. Помнится, однажды коллега из Великого Новгорода, очень эстетная, написала отзыв на моего аспиранта. Я в порыве благодарности пишу: посмотрите, пожалуйста, мою библиографию и скажите, какую из книг моих можно вам подарить. И когда она «Высоцкого» выбрала, я шел отправлять ей бандероль на почту в настроении просто праздничном.

Книготорговля — не столько коммерция, сколько способ коммуникации между писателем и читателем. Желая всем пишущим «продажности»! А то ведь что у нас иногда получается? Вышел пять лет назад грандиозный труд Михаила Викторовича Панова «Поэтический язык Серебряного века». Л. Б. Парубченко готовила тест этого лекционного курса по какому-то гранту, и по условиям этого гранта в выходных данных прописано: «не подлежит продаже». Что за бред! Не знаю, как и куда разошлись 300 экземпляров, но ушли они безмолвно. Я, естественно, откликнулся в «Новом мире» (Панов, вообще-то, герой моей документальной повести, которую я про себя называю своей «четвертой ЖЗЛ»), но больше ничего не примечаю. По счастью, у меня есть PDF этой книги, и я всем, кому можно, предлагаю прислать файл по почте, но честно скажу: спрос невелик.

«Люди ценят только то, за что заплатили деньги», — говорит по этому поводу Ольга Новикова. Гипербола, конечно, но...

В общем, повторю: желаю всем братьям и сестрам во литературе «продажности»!

ПОСЛЕДНИЙ ВЕСЕЛЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Дэвид Лодж — любимый писатель нашей семьи. 28 января мы неизменно поздравляли его с днем рождения. В 2025 году ему исполнилось бы 90 лет, но не дожил он: ушел из жизни 1 января.

Четверть века назад в новомировской статье о филологическом романе я рассказывал, как, получив в Граце в подарок от австрийской исследовательницы Лоджа его книгу «Small World. An Academic Romance», влюбился в роман с первой страницы. Привез эту веселую книгу домой, и ее название стало не просто мемом, а категорией мышления. «В нашем смолвелде» — стали мы говорить о мирке писателей и филологов (а ведь в юности мы, вступая в него, считали этот мир большим). Кстати, со временем появился русский перевод под названием «Мир тесен». Да, есть здесь и такое значение, но на полках книжных магазинов видел я немецкий перевод «Das Kleine Welt» и французский «Un toute petite monde», то есть в обоих случаях «маленький мир». Об этом мире — и романы «Changing Places» и «Nice Work». В последнем из них директор завода, услышав, что его предприятие посетит женщина — профессор английской литературы, недоуменно переспрашивает: «English what?» Тем не менее между ними возникает роман. Любви в книгах Лоджа столько же, сколько юмора, а юмора столько же, сколько любви.

Дэвид не знал русского языка, но глубоко понял Бахтина и Шкловского по переводам. Он долго был профессором Бирмингемского университета, потом полностью перешел на художественную прозу. Его романы «Therapy», «Thinks...» и другие содержат мощный потенциал неподдельного веселья и, говоря по-нынешнему, «позитива».

О русских изданиях Лоджа писала в «Коммерсанте» Лиза Новикова, отмечая, что для понимания «теоретических уроков» писателя «специальной подготовки не требуется», поскольку «ответы на все теоретические вопросы могла дать только писательская практика». Да, Лодж пробуждает писателя в каждом читателе.

Мы же с Ольгой Новиковой при посредстве общего друга — английского слависта Майкла Пушкина — дважды встречались с писателем в Бирмингеме. Во время последней встречи он уже был поражен глухотой, но и это сделал темой веселого романа с непереводаемым названием «Deaf Sentence» (от «deaf» — «глухой» и «death sentence» — «смертный приговор»).

Последняя подаренная им книжка — «The Man Who Wouldn't Get Up and Other Stories». Мы показали ее Александру Ливерганту, который тут же перевел четыре рассказа и поместил их у себя в «Иностранной литературе».

По-нашему, Лодж вписывается в традицию русского филологического романа, начатую каверинским «Скандалистом». Отрадным было для меня появление в 2021 году статьи Натальи Ивденко «Логос наррации в филологическом романе», где сравниваются «Nice Work» и мой «Роман с языком». Лодж утоляет тоску по мировой культуре, обращая эту тоску в радость и веселье.

САМЫЙ СТАРЫЙ ДРУГ

Нестарый сосед по купе рассказывает, как отмечал недавно свой юбилей. Другой созвал старинных, выдержанных, как дорогой коньяк. С одним из них вместе еще в детский сад ходили. И вот старейший друг вставляет свое веское слово в общую беседу. Прорезает поток банально-сентиментальных воспоминаний о студенческих годах своим уникальным мемуаром, призванным ошеломить гостей:

— А я вспоминаю, как наш Олежка однажды в детском саду самым натуральным образом... обкакался. Грубоватая воспитательница назвала его засранцем, а все ребята над ним смеялись.

Хм... Не спрашиваю, рассмеялись ли гости за столом. И не знаю, как мне самому отреагировать на такой нарратив.

«ДА, ЭТО ТАК, НО ТОЛЬКО НИКОМУ НЕ ГОВОРИ»

«Если кто-то другом был в несчастье брошен, / И поступок этот в сердце вам проник — / Вспомните, как много есть людей хороших, / Их у нас гораздо больше — вспомните о них!»

Эти строки все помнят наизусть, во всяком случае люди старшего и среднего возраста. И между прочим, это не совсем «попса»: песню в 1956 году сочинил для «Карнавальная ночь» весьма интеллигентный поэт и драматург Вадим Коростылев. Знаковая песня, сохранившая отпечаток «оттепельного» гуманизма. На нее даже слагались дурашливые травестийные переделки типа «Если вас бутылкой трахнут по затылку...», что само по себе — признак легендарности. Что касается моих ровесников, то они потом и прожили целую жизнь в убеждении, что хороших людей в мире больше, чем плохих.

Но «хорошее настроение» бесконечно длиться не может. На склоне лет в голове крутится другая музыка. Инфопространство позитивом не балует. А если судить по сетевым «комментам», озлобленным, а порой и просто садистским, то хороших людей вообще нету как таковых.

«Если вы, нахмурясь, выйдете из дома...» Нахмурясь, выхожу из дома — в офлайн, в реал. Ну, и где здесь хорошие люди? Все поголовно идут такие депрессивные. Как и я, впрочем. Математическое мышление мне всегда было не чуждо. Что у нас в сухом остатке? Кого больше, кого меньше? Простая логика говорит, что хорошие люди — это меньшинство. Вот к чему мы приходим в итоге всех наших поисков. Боже мой!

— Кто тут мое имя всуе произносит?

Голос раздался откуда-то из полукустарников возле соседнего корпуса. Не горящих, а вполне жизнеподобных. А вот и вопрошающий выходит из-за угла. Нормальный мужик такой, повыше меня ростом, а по возрасту моложе. Худошавый, но неизможденный. Совсем не «седобородый», как пишут в поэзии, и не косматый, как рисуют на картинках. Борода аккуратная, чеховского типа. Взгляд пристальный и как бы нейтральный. Одет неброско, но пристойно. Странно, но примерно таким я себе Его и представлял.

— Да я тут подумал...

— Прочел я твою мыслишку. Ну, что тебе сказать? Да, это так: плохих больше, чем хороших. Чисто когнитивно, как у вас теперь выражаются. Это так, но только ты никому не говори. Ладно?

КНИГА ТИШИН И МОЛЧАНИЙ

а что же
можно было просто сидеть
и спокойно быть

К. Ш.

Сесть и сразу же начать писать — не мой стиль. Необходимо для начала молча побыть в тишине, отрешенно уставившись в лист бумаги, распластанный на столе или заправленный в пишущую машинку (это раньше), либо в пустой экран монитора (это теперь).

Минут пятнадцать или даже полчаса.

Как Ботвинник, который, сказывают, приходил на партию загодя, чтобы просто посидеть в одиночестве и посмотреть на клетчатую доску с девственными фигурами, еще не вступившими в размены.

Поначалу я полагал, что таким способом преодолеваю свою лень, разогреваю мотор и настраиваюсь на работу. А недавно меня осенило: да из этих минут складывается, может быть, самая лучшая книга — сборник таких вот тишин и молчаний.

Эти наши тихие книги пропадают, остаются никому не ведомыми. Но — кто знает — может быть, наука со временем научится сканировать наш мозг и душу, а потом переводить свежие утренние силенциумы на какой-нибудь простой язык.

ЭПИГРАФ

В литературе, по-видимому,
склеенная вещь прочнее, чем целая.

Юрий Тынянов

Таков эпиграф ко всей моей книге «День рождения мысли». Книга эта — склеенная. Не из «отходов», не из мусора, выметенного из сусеков. Нет, я беру пласты своего ма-

териала, режу их на кусочки, потом расставляю в незапрограммированной последовательности, прописываю, оттачиваю, склеиваю и подаю читателю.

Таким способом разрезана для книги, а потом склеена в нелинейной последовательности моя скромная житейская биография.

Таким манером, малыми дозами потчую читателя своим кустарным любомудрием, своей личной религией, эстетикой, теорией литературы и концепцией языка.

Таким вот образом из уймы случайных ощущений, наблюдений, разговоров склеивается постепенно тот мир, в котором мы с читателем живем.

То есть «склеенная вещь» — это изначальный замысел сочинения под названием «День рождения мысли».

И на такую вещь могут найтись любители. Один уже точно есть: «Я, может, глобально фанат таких вот отрывочных мыслей, рассказов, тезисов. Нравится эпизодичность. Нравится читательская работа пытаться из этих отрывков склеить цельный образ автора. Ну и автор должен быть достойным, чтобы хотелось его отрывки не выкинуть, а собирать, как пазлы». Это мнение Артема Денисова, студента магистратуры журфака МГУ.

Но выносить тыняновский афоризм на титул незаконченной книги пока считаю преждевременным, поэтому прячу его здесь.

Традиции я отдал честь: хоть поздно, а эпитафия есть.

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Анатолий СОБЕННИКОВ

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ 1941–1945 ГОДОВ

Историческое событие — Великая Отечественная война — все дальше и дальше отодвигается от нас, живущих после ее окончания. Любая война не обходится без военно-патриотического дискурса, основной тон в котором задает государство. Так было во время Отечественной войны 1812 года, во время Первой мировой войны¹. Но какова роль поэзии в этом процессе? И может ли поэзия ограничиться лишь рассказом о военных событиях? Чтобы ответить на этот вопрос, мы просмотрели основные, так называемые «толстые», литературные журналы: «Знамя», «Звезда», «Новый мир», иллюстрированные журналы «Ленинград», «Красноармеец», сборники стихов военных лет. Остается еще и лирика фронтовых газет, то есть массовая поэзия. Для нас был важен исторический момент, поэтому тексты даны в варианте, одобрен-

Анатолий Самуилович Собенников — доктор филологических наук, профессор. Родился в 1952 году в селе Хоринск Бурятской АССР. Окончил филологический факультет Иркутского госуниверситета (1974), аспирантуру Томского госуниверситета (1985). Автор литературоведческих статей и монографий, сборников стихов «Свет» (Иркутск, 1999), «Sic transit» (Иркутск, 2002), «Помедли, время» (Иркутск, 2010), критических статей. Публиковался в журналах «Русская литература», «Вестник Московского университета. Серия „Филология“», «Байкал», «Сибирские огни», «Сибирь», «Сибирском филологическом журнале», в альманахах «Зеленая лампа», «Иркутское время». Работы опубликованы в Болгарии, Германии, Канаде, Польше, США. В апреле 2024 года вышла монография «Мифы русской литературы: история, поэт, Россия, народ» (СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2024).

¹ См.: Собенников А. С. Мифы русской литературы: история, поэт, Россия, народ. СПб.: Росток, 2024. — 262 с.

ном цензурой. О советских поэтах, участниках Великой Отечественной войны, написано немало, практически все их тексты изданы².

Вторая мировая война началась в Европе, и была иллюзия, что СССР она не коснется. «В огромной степени возрастает в наши дни притягательная сила страны социализма. Зарубежные трудящиеся видят, что Советский Союз, благодаря его сталинской внешней политике остался в стороне от общеевропейской схватки. Они видят, что в Советском Союзе люди избавлены от испытаний большой войны, имеют обеспеченный завтрашний день и светлое будущее»³. Это было написано в апреле 1941 года. Для Сталина и «строителя Красной Армии» Ворошилова война началась внезапно. Однако в русской советской поэзии уже был опыт описания иной войны, войны с Финляндией. Так, у А. Недогонова читаем: «Суровый голос северной войны — стодневный гул железного обвала»⁴. И он же о войне в Европе: «Гуляет в странах, вырвавшись из плена, / драконом бронированным война»⁵.

Но в «толстых» литературных журналах в предвоенные месяцы стихов-предчувствий не было. Возможно, такой была редакционная политика: война идет на западе, и СССР она не коснется. «Бессмертие» М. Кульчицкого лежало в черновиках:

Военный год стучится в двери
Моей страны. Он входит в дверь.
Какие беды и потери
Несет в зубах косматый зверь?⁶

Стратегические просчеты Сталина и Ворошилова привели к потере огромных территорий, людских и материальных ресурсов. Около двух миллионов солдат и офицеров к концу 1941 года оказались в плену. Идеология СССР с неизбежностью носила мифологический характер. Коммунизма в онтологии не было, это была идея, *эйдос* в терминологии Платона. Все годы советской власти — это попытка онтологизировать *эйдос*. И любые попытки придать идее научный характер свидетельствовали о мифологическом мышлении как доминанте. «Научная картина мира», в отличие от мифической, сама каждый раз была новой мифической картиной мира, создаваемой научными средствами и имеющей скудное, мифическое содержание», — заметил К. Ясперс⁷.

Поэтому сама постановка проблемы носит многоаспектный характер: идеологический, мифологический и экзистенциальный. Когда война все же началась, партия и правительство поставили перед советскими писателями следующие задачи: «...поднять моральный дух бойцов, помочь им преодолеть страх перед сильным и жестоким врагом <...> находить и ярко, в доступной, понятной форме подавать примеры героизма и мужества солдат и офицеров»⁸.

² Известный советский литературовед А. М. Абрамов справедливо заметил: «Мир русской поэзии годов войны — живой мир. И он — для всех, он не может жить только в самом себе». См.: Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика. — 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1975. С. 527.

³ Изаков Б. Европа под бомбами // Новый мир. 1941. № 4. С. 191.

⁴ Недогонов. А. Тишина // Новый мир. 1941. № 5. С. 4.

⁵ Недогонов А. Европа // Знамя. 1941. № 4. С. 125.

⁶ Кульчицкий М. Бессмертие (Из незавершенной поэмы) // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академический проект, 2005. С. 208.

⁷ Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 69.

⁸ Минаева О. Д. Перо отсвечивает военной сталью. «Литературная газета» о писателях на войне (1941–1945 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика, 2011. С. 127.

По словам Сталина: «В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ»⁹. И появляются стихи в духе сталинской речи:

Могущественны армия и труд,
Не знающий плаксивых разговоров.
Стремителен и беспощадно крут
Удар танкистов, летчиков, саперов!¹⁰

Однако реальность была иной: немцы захватили Прибалтику, было проиграно самое большое в мире танковое сражение под Бродами — Ровно, впереди были Киев, Вязьма и другие «котлы». Для поднятия духа солдат и офицеров нужны были «примеры героизма». В военно-патриотическом дискурсе они стоят на первом месте. Такие примеры ищут в истории, то есть историческому событию *здесь-и-сейчас* находят аналогии. В центре внимания оказываются выдающиеся государственные деятели, полководцы, военные и технические победы. В речи И. В. Сталина на Красной площади в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции было сказано: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»¹¹

Сталинские слова стали руководством для военных пропагандистов. «Патриотизм вдохновлял Александра Невского в его борьбе против тевтонских псов-рыцарей — предков современных гитлеровцев», — писал, например, майор А. Дементьев¹². В журнале «Ленинград» полковник М. Люшковский вел «Летопись русской славы», где был представлен календарь «наиболее замечательных сражений, которые вела русская армия»¹³. И военный корреспондент Ц. Солодарь писал:

Запомни, товарищ: в бою и разведке,
На всех перепутьях священной войны —
С тобою, товарищ, великие предки,
Бессмертные люди бессмертной страны!¹⁴.

Борьба славян за свою государственность в прошлом становилась аналогом современных событий:

Есть русский город неприметный,
Он с виду неказист и мал,
Но он с отвагой беззаветной
С врагом веками воевал.

⁹ Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Оборона И. В. Сталина. 3 июля 1941 года // Новый мир. 1941. № 7–8. С. 5.

¹⁰ Гатов А. По зверю — огонь! // Новый мир. 1941. № 7–8. С. 26.

¹¹ Сталин И. В. Речь Председателя Государственного Комитета Оборона и Народного Комиссара Оборона товарища И. В. Сталина // Новый мир. 1941. № 9–10. С. 15–16.

¹² Дементьев А. Г. Великие идеи патриотизма. Л.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны, 1944. С. 3.

¹³ См., например: Ленинград. 1943. № 15–16. С. 29.

¹⁴ Солодарь Ц. Как воля народа, как знамя победы // Новый мир. 1942. № 9. С. 39.

Его ливонцы разоряли,
Его нещадно жгла орда,
Но никогда не умирали
У нас такие города¹⁵.

А. Марков вспоминает борьбу славян с печенегами:

Развалины — в теплой золе,
Умолкли и цеп и телега:
Стоит на славянской земле
Косматый шатер печенега¹⁶.

Николай Тихонов в начале войны пишет:

Растет, шумит тот вихрь народной славы,
То славные подьмет имена,
Каким он был в свинцовый час Полтавы
И в раскаленный день Бородин¹⁷.

Об этих же исторических датах говорится в песне М. Ковалю на слова К. Симонова:

Слава, слава, великая слава
Нашей русской пехоте родной,
Она шведов гнала под Полтавой
И французов под Березиной¹⁸.

Всеволод Рождественский уже в конце войны говорит об исторической преемственности:

Нам славу нашу завещали деды,
И в ней живут от стародавних дней
Громовый отзвук воинской победы
И подвиги родных богатырей¹⁹.

И уже другой поэт снова вспоминает предков:

И вновь, исполненные веры,
Восстанут с яростным «ура»
Суворовские гренадеры
За батарейцами Петра,
Чтобы, на славу их надеясь,
Россия встала полной сил,
Чтоб Красной Армии гвардеец
Врага навывлет пригвоздил²⁰.

¹⁵ Крупеников Л. Русский город // Знамя. 1941. № 7—8. С. 92.

¹⁶ Марков С. Славяне // Знамя. 1941. № 7—8. С. 93—94.

¹⁷ Тихонов Н. Растет, шумит тот день народной славы... // Звезда. 1942. № 2. С. 3.

¹⁸ Симонов К. Слава, слава, великая слава... // Красноармеец. 1942. № 13. С. 13.

¹⁹ Рождественский Вс. Знамя русской славы. // Звезда. 1945. № 1. С. 2.

²⁰ Сельвинский И. Кого баюкала Россия... // Знамя. 1943. № 7—8. С. 111.

Сергей Марков пишет стихотворение «Козьма Минин», в котором исторический герой знает:

И выше блага не было и нет,
Чем честь и процветание отчизны...²¹

Война, конечно же, требовала осмысления и объяснения. Кроме исторических аналогий, необходимы были герои побед на фронте и в тылу. Еще в финскую войну поэты-корреспонденты фронтовых газет называли в стихах конкретные имена. Так, А. Твардовский писал о герое-шофере Артюхе, о Григории Пулькине²². А. Прокофьев сообщает в журнале «Ленинград» о новом подвиге советского солдата, встретившего немецкие танки гранатами:

У нас богатырей не счесть,
Им путь побед не нов,
И в их семье такие есть,
Как Яков Чугунов.
<...>
Два танка схвачены огнем,
А пять ушли назад!²³

К. Симонов рассказывает о подвиге летчика Терехина, сбившего три фашистских самолета:

У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти — будь храбрым!
Вот вам и весь секрет²⁴.

Кстати, тираж сборника стихов К. Симонова был 150 000 экземпляров. А это во время войны показатель не столько эстетического качества стихов, сколько их пропагандистского эффекта.

Военная лирика содержит множество конкретных имен и описаний реальных подвигов советских воинов, но главные мифологические персонажи — это вожди. Ленин, ленинское знамя, ленинский интеллект — прообраз грядущих и состоявшихся побед. «Каждый раз, когда смертельная опасность нависала над родиной, Ленин и Сталин поднимали массы, находили в них новые и новые силы сопротивления и победа была за нами», — сказано было в 1942 году²⁵.

Трудясь, мы знаем: Л е н и н с н а м и!
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом Ленина на нем²⁶.

²¹ Марков С. Козьма Минин // Новый мир. 1942. № 1—2. С. 34.

²² См.: Твардовский А. Фронтовые стихи. Ростов-на-Дону: Росиздат, 1941. С. 9—19.

²³ Прокофьев А. Подвиг // Ленинград, 1942. № 3. С. 1.

²⁴ Симонов К. Секрет победы // Стихи 1941 года. М.: Правда, 1942.

²⁵ Гатовский Л. Книга, которая учит победе // Новый мир. 1942. № 3—4. С. 247.

²⁶ Бедный Д. Ленин с нами // Знамя. 1944. № 1—2. С. 1.

Лирический герой Николая Тихонова поднимает заздравный кубок в новый 1942 год:

Любви поднимем кубок пенный
За счастье всей страны родной,
За всю красу земель бесценных,
За счастье бури боевой!
<...>
За то, чтоб, доблестью хранимо,
Ее окрепло бытие,
За то, чтоб вождь ее любимый
Все к новой славе вел ее²⁷.

На обложке 15—16-го номера журнала «Ленинград» за 1943 год были фотографии Ленина и Сталина, а 15-й номер открывался стихотворением Ильи Авраменко «Слушая Сталина»:

За Днепром бушует ветер славы.
Празднично на сердце и светло:
не сдержать врагу победной лавы,
рвущейся стремительно и зло²⁸.

В советской лирике появляется мифологический образ Сталина-отца, ведущего своих сыновей к победам. Так, лирический герой Константина Симонова обращается к вождю-отцу:

Товарищ Сталин, сердцем и душою
С тобою до конца твои сыны,
Мы твердо верим, что придем с тобою
К победному решению войны²⁹.

В стихотворении А. Прокофьева «Возвращение» дана картина послевоенного пира, на котором старик хозяин говорит:

— За нашу, — рек Семен Никитич, — землю,
За все сады, за все цветы на ней!
За все поля ржанные и льняные!
И главное сказать пришла пора:
За Сталина! За ним и мы — стальные.
За Сталина! — Подхвачен тост: — Ура!³⁰

Илья Садофьев, казалось бы, пишет о радости, но даже эмоция соседствует с вождем:

Недаром бескрайние дали
Улыбками озарены,

²⁷ Тихонов Н. На новый 1942 год // Звезда. 1942. № 1. С. 7.

²⁸ Авраменко И. Слушая Сталина // Звезда. 1943. № 15—16. С. 1.

²⁹ Симонов К. Стихи 1941 года. М.: Правда, 1942. С. 4.

³⁰ Прокофьев А. Возвращение // Звезда. 1945. № 11. С. 7.

И радостно слушает Сталин
Дыханье чудесной страны³¹.

Александр Решетов обращается к Русской земле:

<...>
Душа о том поет в час встречи,
Что явью стала ты, мечта,
Что лик твой, как и подвиг, вечен,
Что вековая правота
Твоя
Земным восходит утром,
Что радостных твоих щедрот
Достоин, и простой и мудрый,
Ведомый Сталиным, народ³².

А. Сурков сочинил песню о Сталине:

На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.
Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет³³.

Александр Гитович пишет стихотворение-гимн «Красноармеец», в котором победитель битвы под Москвой, битвы под Сталинградом назван «сталинским солдатом».

И через годы грозных потрясений
Идешь к победе, не страшись преград, —
Защитник мира и его спасенье,
Любовь отчизны — сталинский солдат!³⁴

У Александра Яшина есть стихотворение «Сталин в землянке», где «в узенькой рамке снимок вождя». При немецкой атаке солдаты «сплоховали» и «побежали». Но кто-то из солдат крикнул: «Товарищи, в доте Сталин!»

Роту фашистов штыком, гранатой
Мы перебили, не отходя.
Стал еще ближе, роднее ребятам
В узенькой рамке
Портрет вождя³⁵.

³¹ Садофьев И. Радость // Звезда. 1946. № 4. С. 128.

³² Решетов А. Русской земле // Звезда. 1946. № 4. С. 125.

³³ Сурков А. Стихотворения (1925–1945). М.: ГИХЛ, 1947. С. 136.

³⁴ Гитович А. Красноармеец // Ленинград. 1944. № 12. С. 1.

³⁵ Яшин А. Земля богатырей. Ленинград: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1945. С. 45.

Конечно же, поколение молодых, со школьной или студенческой скамьи попавшие в страшную мясорубку 1941—1942 годов, ничего не знали о репрессиях, о Лубянке, о Ежове и «ежовщине». Для них Сталин был вождем победоносной армии. Об этом хорошо скажет Ю. Левитанский: «Надо отчетливо понимать: мы были детьми, воспитанными идеологической системой. Для нас понятие „война“ была абстракцией. Да к тому же нам обещали: „Мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом!“»³⁶ Об этом обещании помнили многие корреспонденты фронтовых газет и армейских журналов, писавшие в страшные годы о победах, но молчавшие о поражениях:

В густом дыму пожаров даль седая,
Широк великой битвы разворот.
Колонны танков, с флангов наседая,
Неудержимо движутся вперед.
Саперы ищут под хрустящим снегом
Чужих сапер коварные следы.
Из белой рощи конница набегом
Врубается в немецкие ряды.
И пехотинцы в грохоте орудий
Идут, не наклоняя головы.
Запомни их, товарищ! Эти люди
Фашистов отогнали от Москвы³⁷.

Орудия, танки, конница, пехота представлены как на параде, ничего не говорится о потерях, о страхе смерти, о раненых. А «немецкие ряды» не оказывают сопротивления.

Немецкому солдату в советском военно-патриотическом дискурсе отводилась роль зверя, насильника, убийцы. Фашистская армия демонизировалась. А. Твардовский задавал риторический вопрос:

Но разве ж то люди? Никто не поверит
При встрече с одетым в мундиры зверем³⁸.

И уже другой поэт — современник Твардовского — пишет в схожем ключе:

Он белоруску-девушку замучил,
Литовский город затопил огнем,
Поил мотор награбленным горючим,
Себя поил награбленным вином.

Мой дом хотел он смять железным танком,
Хотел из пистолета расстрелять
Мою жену — елецкую крестьянку,
Мою еврейскую задумчивую мать...³⁹

³⁶ Война и мир Юрия Левитанского. М., 1997. С. 54.

³⁷ Сурков А. Наступление // Красноармеец. 1942. № 1. С. 9.

³⁸ Твардовский А. Слово ненависти // Дом бойца. М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1942. С. 3.

³⁹ Солодарь Ц. Вот он стоит с лицом от страха белым... // Новый мир. 1942. № 1. С. 3.

В стихотворении Сергея Алымова «Клятва» говорилось:

Немецкие звери залезли в наш дом —
Не засидеться шакалам немецким⁴⁰.

Во многих агитационных, пропагандистских стихах говорилось об убийствах женщин, стариков, детей. Так, Марианна Толстая рассказывала, как немецкий солдат заколол девочку, не желавшую отдать ему куклу:

<...>
И вышел, худенькое тело
Толкнув нетвердою ногой...
И как бы я тогда хотела
Быть рядом с маленькой, с тобой.

Чтоб ты могла прижаться к маме,
Чтоб я, не помня ничего,
Могла, хоть голыми руками,
Убить его! Убить его!⁴¹

Смерть матерей, детей, стариков, женщин в таких стихах должна была наполнить сердца советских солдат желанием мести. *Родина* и *мать* объединялись в одно мифологическое-символическое целое. Не случайно в знаменитом агитационном плакате И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» было изображение пожилой женщины.

Сатира — еще одно направление военно-патриотического дискурса. В библиотечке фронтовой газеты «Красноармейская правда» в агитационных целях публиковались «юмористические и сатирические басни, стихотворные и прозаические фельетоны, остроумные реплики, шутки»:

Солдат — вор.
Офицер — мародер.
Полковник — уголовник.
Генерал — крал.
Министры — рецидивисты⁴².

Как должно относиться к такой Германии? С ненавистью! Об этом чувстве говорится во многих стихах. Именно так смотрит на немецкую открытку лирический герой Семена Ботвинника:

Мне режет слух глухой язык врагов,
Я бриться не хочу немецкой бритвой,
Не пробую немецкое вино,
Не слушаю немецкие пластинки...
Клубится дым... На улице темно,
Влетает снег в разбитое окно,

⁴⁰ Алымов С. Клятва // Новый мир. 1942. № 9. С. 74.

⁴¹ Толстая М. Кукла // Красноармеец. 1943. № 13—14. С. 20.

⁴² Цит. по: Красноармеец. 1942. № 1. С. 21.

А девушка смеется на картинке,
Где синий фон, да белые снежинки,
Да месяц золотой...⁴³

Павел Антокольский был в 1945 году в немецком концентрационном лагере:

Вот он — связан проволокой ржавой,
В рваной майке маленький скелет.
Умерщвленный западной державой,
На земле он прожил десять лет.
Вот она — Германией надменной
Втопанная в чернозем звезда⁴⁴.

Павел Шубин в цикле «Стихи о родине» писал:

Когда каменело солдатское тело,
Ко льду примерзая пластом,
И только тяжелое сердце звенело
В стремление святом и простом:

— Убей! — за тоску по веселому
Солнцу,
За свой побелевший висок,
Вгони под орленую каску тирольца
Свинца боевого кусок!⁴⁵

Но были редкие примеры иного понимания чувства ненависти, что это чувство убивает душу того, кто ненавидит:

Но ненависть — пустыня.
В душной в ней
Иду, иду и — ни конца, ни краю⁴⁶.

Мы привели в основном примеры, которые были созвучны государственному военнопатриотическому дискурсу, участники которого знали правила игры или искренне верили идеологическим штампам. О таких стихах хорошо сказал Илья Эренбург: «В чем основной недостаток множества стихотворений о войне, написанных известными авторами? Они условны. Война в этих стихах похожа на полотна баталиста. Это война по Киплингу: не мужество, а некая „мужская отвага“. Вместо того стыдливого (как всякое глубокое чувство) патриотизма, который живет в сердце фронтовика — здесь только аксессуарности народности и злоупотребление эпитетом „русский“, вместо раскрытия русской природы или русской души. Это — война извне»⁴⁷.

⁴³ Ботвинник С. Открытка // Звезда. 1945. № 8. С. 34.

⁴⁴ Антокольский П. Ненависть // Знамя. 1945. № 2. С. 182.

⁴⁵ Шубин П. Ненависть // Знамя. 1946. № 2—3. С. 70.

⁴⁶ Петровых М. Казалось мне, что ненависть — огонь... // Знамя. 1943. № 5—6. С. 33.

⁴⁷ Эренбург И. Стихи солдата // Знамя. 1944. № 5—6. С. 219.

И. Н. Сухих приводит реминисценцию из В. Маяковского, называя целый пласт военной лирики «стихами-рядовыми». «„Стихи-рядовые“ необходимы и неизбежны в кризисные эпохи, но — недолговечны. Сохраняя ценность документа, они быстро теряют эмоциональную заразительность образа, потому что она и изначально невелика. Самое существенное во фронтовой лирике — процесс высвобождения реальности из оков лозунгового мышления, поиск индивидуальных путей в изображении судьбы человека на войне», — заметил он⁴⁸. Такие стихи, как правило, порождены идеологией и задачами партийного руководства на фронтах Великой Отечественной войны. Но главная функция лирики — не патриотическое воспитание, не агитация, а человеческое переживание в личной экзистенции, словесное выражение этого переживания.

Поэтому в кризисные эпохи, как ни странно, потребность в такой лирике возрастает. По наблюдению Корнелия Зелинского, в 1945 году было издано более 70 сборников стихов. «И еще следует отметить две черты в развитии нашей поэзии предшествующих лет и особенно последнего года: сохранение ею в войне своего многостороннего человеческого содержания и углубления в ней лиризма, искренности»⁴⁹, — заметил он.

«Человеческое содержание» — это уже не срифмованная передовица в «Правде», а жизнь солдатского тела на войне, жизнь солдатской души, где есть любовь к женщине, любовь к семье, к родному дому.

В военной лирике можно выделить тематические группы: 1. Военный быт; 2. Военные профессии; 3. Сражения; 4. Мужское и женское; 5. Экзистенциальное (боль, страх, ненависть, смерть).

Знаменитая песня А. Суркова «Бьется в тесной печурке огонь...» родилась из солдатского быта. И *землянок* в военной лирике много. Можно вспомнить стихотворение А. Твардовского «В землянке», П. Волкодаева «В землянке» («Мы собирались в тесную землянку, / сажались на сосновые обрубки»)⁵⁰, стихотворение И. Уткина «Затишье» («Над землянкой в синей бездне / И покой и тишина»)⁵¹, «В землянке» С. Орлова («Что ж молчишь ты, товарищ бедовый, / И задумчиво смотришь в огонь?»)⁵², коптилку И. Эренбурга («Коптилка в землянке укромной / Чуть светится ночи назло»)⁵³.

Военный быт мы найдем во многих стихотворениях той поры. В блокадном Ленинграде водопровод не работал, за водой ходили на Неву. В стихотворении Н. Крандиевской-Толстой «За водой» сочетаются бытовое и экзистенциальное начала:

Привяжи к саням ведерко,
И поедem за водой.
За мостом крутая горка, —
Осторожней с горки той.

Эту прорубь каждый знает
На канале крепостном.
Впереди народ шагает,
Позади звенит ведром.
<...>

⁴⁸ Сухих И. От стиха до пули // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академический проект, 2005. С. 51.

⁴⁹ Зелинский К. О лирике // Знамя. 1946. № 8—9. С. 180.

⁵⁰ Волкодаев П. В землянке // Красноармеец. 1945. № 5. С. 24.

⁵¹ Уткин И. О родине, о дружбе, о любви. М.: ГИХЛ, 1944. С. 37.

⁵² Орлов С. Третья скорость. Л.: Лениздат, 1946. С. 53.

⁵³ Эренбург И. Коптилка // Красноармеец. 1943. № 4. С. 9.

Ну, а мы с тобой ведерко
По-петровски довезем.
Осторожней! Видишь, горка.
Мы и горку обогнем⁵⁴.

Город был основан Петром I в XVIII веке, тогда за водой ходили на Неву. А женщины и ребенок выживают в блокадном Ленинграде, за выживанием стоит экзистенциальное *здесь-и-сейчас* вопреки всему. И все бытовые трудности они преодолеют. Маргарита Алигер напомнит современникам (и потомкам):

О город без огня и без воды!
Сто двадцать пять блокадных граммов хлеба.
Звериное урчание беды
С безжалостного мертвенного неба⁵⁵.

«Сто двадцать пять блокадных граммов хлеба» — это реальность, на языке феноменологии — явление. Военный быт — это тоже явление, он так и воспринимается в большинстве текстов. И этим стихам мы верим.

Борис Слуцкий уже в пятидесятые годы вспоминал, как на войне его принимали в партию. Событие в том стихотворении — экзистенциально, а не идеологично:

Я засветло ушел в политотдел
И за полночь добрался до развалин,
Где он располагался. Посидел,
Газеты поглядел. Потом — позвали.
<...>
Один спросил:
— Не сдрейфишь?
Не сбрешьшь?
— Не струсит, не солжет, —
другой сказал.
А лунный свет, валивший через бреши,
Светить свече усердно помогал.
<...>
Руку крепко жали мне друзья
И говорили обо мне с симпатией.
Так в этот вечер я был принят в партию,
Где лгать — нельзя
И трусом быть — нельзя⁵⁶.

Перечень солдатских профессий включал водителей, летчиков, артиллеристов, саперов, подрывников, пехотинцев и других.

У Семена Гудзенко, воевавшего десантником, ходившим в тыл врага, есть герой-подрывник:

И рассыпаются мосты.
И падают в густые травы,

⁵⁴ Крандиевская-Толстая Н. За водой // Знамя. 1943. № 11–12. С. 147.

⁵⁵ Алигер М. Весна в Ленинграде // Стихи и поэмы. М.: ГИХЛ, 1944. С. 109.

⁵⁶ Слуцкий Б. Как меня принимали в партию // Память. М.: Советский писатель, 1957. С. 24–25.

обламывая кусты,
на фронт идущие составы⁵⁷.

Герой Юрия Левитанского в 1944 году на 2-м Украинском фронте встречает сестру милосердия:

И упав на выжженном пригорке,
Он увидел, как сквозь черный дым
Девушка в защитной гимнастерке
Ласково склоняется над ним.
Он запомнил лишь ее ресницы.
Да глаза, речной воде под стать.
Он тогда назвал ее «сестрица».
И нежней солдат не мог назвать⁵⁸.

Ленинградец В. Саянов помнит о дружинниках:

Санитарная сумка с бинтами
У нее на широком ремне,
В битве, в пламени рядом с бойцами
Каждый видел ее на войне⁵⁹.

У Евгения Долматовского есть стихотворение, посвященное регулировщикам:

И вдруг навек ему запомнится
Как сон, как взмах флажка короткий
Автодорожная законница
С кудряшками из-под пилотки⁶⁰.

Особым уважением пользовались снайперы, так как им мог быть не каждый человек. Чаще всего снайперами становились сибиряки-охотники:

На зверя идти пора,
Ни пуха тебе ни пера! —

Так говорят снайпера,
Проверив походку затвора.

<...>

И вот по траншеям переднего края,
В тревожном клубке неозначенных улиц,
крадется тяжелый житель Алтая,
хитрый, выносливый барнаулец⁶¹.

⁵⁷ Гудзенко С. Подрывник // Однополчане. М.: Советский писатель, 1944. С. 13.

⁵⁸ Левитанский Ю. Сестрица // Солдатская дорога. Иркутск, 1948. С. 44.

⁵⁹ Саянов В. Дружинница // Красноармеец. 1942. № 1. С. 20.

⁶⁰ Долматовский Е. Регулировщица // Знамя. 1945. № 1. С. 183.

⁶¹ Уран В. Снайпер // Знамя. 1945. № 8. С. 115.

А. Яшин говорит о долгом ожидании врага, о выдержке снайпера:

Он лежит в халате белом,
Он от холода дрожит.
Тело словно задубело,
Занемело, —
Он лежит⁶².

А. Твардовский в «Стихах из записной книжки» вспоминал мученика шофера:

И мученик этой дороги — шофер,
Которому все нипочем по профессии,
Лопату свою доставал и топор,
Капот поднимал, проверяя мотор,
Топтался в болотном отчаянном месиве.

Лирический герой Твардовского пытается сквозь годы догадаться, представить, какова судьба этого шофера, которого он встретил в котле под Вязьмой, во время отступления Красной армии на восток:

Погиб ли он там, по пути на восток,
Покинув трехтонку свою без оглядки,
В зятя ли пристал к подходящей солдатке,
Иль фронт перешел и в свой полк на порог
Явился, представился в полном порядке.
И нынче по этому ездит шоссе
Шофер как шофер, неприметный, как все,
Угравший свое неизменное место, —
Про то неизвестно...⁶³

Алексей Недогонов описывает работу пулеметчика «под Миллеровом в снегу»:

Был он совсем молодой лицом,
но как-то по-взрослому молодой;
за пулемет
он прилег юнцом,
поднялся
мужинойю с бородой⁶⁴.

В перечне военных профессий есть и сапожник, о работе которого мы узнаем из стихотворения А. Твардовского:

В лесу, возле кухни походной,
Как будто забыв о войне,
Армейский сапожник холодный
Сидит за работой на пне⁶⁵.

⁶² Яшин А. Земля богатырей. Л.: Молодая гвардия, 1945. С. 31.

⁶³ Твардовский А. За Вязьмой // Знамя. 1946. № 1. С. 98.

⁶⁴ Недогонов А. Пулеметчик // Простые люди. М.: Молодая гвардия, 1948. С. 8.

⁶⁵ Твардовский А. Сапожник // Фронтовая хроника. М.: Советский писатель, 1945. С. 16.

Отдельного разговора заслуживает психологическое состояние человека на войне. Тот же Недогонов заметил:

Торжественный финал похода,
отбой бессонниц и дорог.
У каждого — четыре года
недосыпаний и тревог⁶⁶.

О состоянии после боя читаем в одноименном стихотворении Бориса Кострова:

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина⁶⁷.

Лирический герой Гудзенко говорит о затишье после боя и о цене затишья — «черных трупах»:

Однополчан узнал я в черных трупах.
Глаза родные выжег едкий дым.
И на губах, обветренных и грубых,
Кровь запеклась покровом ледяным.

Мы на краю разбитого селенья
Товарищей погибших погребли.
Последний заступ каменной земли, —
И весь отряд рванулся в наступленье⁶⁸.

«Я» в этом стихотворении переходит в «мы», индивидуальное психологическое состояние оказывается общим. В отличие от многих фронтовых поэтов слова «ненависть» здесь нет. Пожалуй, именно С. Гудзенко наиболее полно показал, что чувствует солдат в «самый страшный час в бою»:

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
 можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
 час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
И почернел от пыли минной.
Разрыв.
 И умирает друг.
И, значит, смерть проходит мимо.
<...>

⁶⁶ Недогонов А. Бессонница // Простые люди. М.: Молодая гвардия, 1948.

⁶⁷ Костров Б. После боя // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академический проект, 2005. С. 192.

⁶⁸ Гудзенко С. Стихи и баллады. М.: Молодая гвардия, 1945. С. 4.

Бой был коротким.
 А потом
 глушили водку ледяную,
 и выковыривал ножом
 из-под ногтей
 я кровь чужую⁶⁹.

«Ожидание атаки действительно — как любое мало-мальски длящееся осознанное состояние — „страшнее“ самого действия, совершающегося уже во многом безотчетно. В нашей лирике до Гудзенко такое слово было невозможно», — справедливо заметил В. Гальперин⁷⁰. Страх смерти — экзистенциален, ему подвержены на войне все. Но лирический герой Гудзенко его преодолевает, а В. Лифшиц рассказывает о дезертире, который был, «как все»:

Он с нами жил,
 И спал, и ел,
 И службу нес,
 И песни пел...
 Такой же, как и все⁷¹.

Но он струсил и во время боя прятался в лесу. Товарищи после боя выдали ему «порцию свинца». У А. Яшина есть стихотворение «Предатель». Мать, отец, любимая девушка — все от него отрекаются, потому что «он жить хотел для себя одного». И субъект лирического повествования призывает: «Поймайте его! Приколите его!»⁷² Вера Инбер описывает психологическое состояние женщины, узнавшей, что ее муж струсил на поле боя:

И ты, его подруга с давних пор,
 Ему легко отдавшая полжизни,
 Его измену матери-отчизне
 Воспримешь ты как собственный позор⁷³.

Страх смерти экзистенциален, но в военно-патриотическом дискурсе об этой стороне не говорилось. Только Юлия Друнина скажет:

Я только раз видала рукопашный,
 Раз наяву. И тысячу — во сне.
 Кто говорит, что на войне не страшно,
 Тот ничего не знает о войне⁷⁴.

⁶⁹ Гудзенко С. Перед атакой // Однополчане. М.: Советский писатель, 1944. С. 18–20.

⁷⁰ Гальперин В. Поэты фронтового поколения: Творчество, время, судьбы. М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2008. С. 101.

⁷¹ Лифшиц В. Дезертир // Клятва. М.: Молодая гвардия, 1944. С. 8.

⁷² Яшин А. Предатель // Лирика Великой Отечественной войны. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1943. С. 53.

⁷³ Инбер В. Женщине // Красноармеец. 1942. № 15. С. 3.

⁷⁴ Друнина Ю. Из цикла «По войне» // Знамя. 1943. С. 111.

Мать, отец, брат, сестра, родной дом — еще одна тематическая группа, связанная с экзистенциальным началом. Официальный пропагандистский лозунг «За Родину, за Сталина» был укороченным вариантом военного лозунга Российской империи: «За Царя, за Родину, за Веру». Из лозунга убрали только веру русского народа — православие. Лозунг и реальность часто в жизни расходятся. В. Астафьев вспоминал: «Не видел я и не слышал, чтобы комиссар выскакивал с пистолетом и кричал: „За Родину! За Сталина!“»⁷⁵ Семья — это уже не лозунговое, мифологическое мышление, а реальное, рациональное. Лирический герой В. Лифшица в стихотворении «Мать» видит:

Мне не забыть, как шли обозы,
Как нас крестила чья-то мать,
Как улыбалась нам сквозь слезы,
Чтоб только вида не подать⁷⁶.

А. Твардовский справедливо говорит:

И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит⁷⁷.

Семен Гудзенко написал балладу «О доме», в которой образ чужого дома становится мифологическим символом:

Мы дальше шли. Но он берег,
как завещанье, невесомый
жилья сожженного дымок —
последнее дыханье дома⁷⁸.

Частью русского дома всегда был сад, и у Прокофьева мы находим цикл стихов, названный автором «Сад».

Здесь, в саду, снаряды долго выли,
Лаял пулемет.
Этот сад наш воины отбили
И пошли вперед⁷⁹.

В стихотворении Павла Шубина «В секрете» бойцам видится дорога, тройка, милая:

И в час, когда доплачут, досмеются,
Договорят о счастье бубенцы, —
В избу, в свою, в сосновую, вернуться
И свет зажечь...

⁷⁵ Кавин Н. Неизвестный Астафьев. Выступления. Интервью. Беседы. Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2022. С. 42.

⁷⁶ Лифшиц В. Клятва. М.: Молодая гвардия, 1944. С. 13.

⁷⁷ Твардовский А. Зачем рассказывать о том... // Фронтовая хроника. М.: Советский писатель, 1945. С. 49.

⁷⁸ Гудзенко С. Стихи и баллады. М.: Молодая гвардия, 1945. С. 43.

⁷⁹ Прокофьев А. Сад (цикл) // Звезда. 1945. № 7. С. 3.

В снегу лежат бойцы.
Они еще свое не долюбили,
Но родина — одна она, одна!⁸⁰

Герой С. Орлова — танкист — и:

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: «Дави!»
Но потом после боя вспомнит:
Старушку, мать родную,
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону⁸¹.

Отдельного разговора, конечно, заслуживает любовная лирика военных лет. Уже в самом начале войны К. Симонов создает свой шедевр: «Жди меня, и я вернусь...» Современник поэта писал: «„Жди меня“ — самое о б щ е е из стихотворений Симонова. Это стихотворение не нужно цитировать. Его знают все. <...> Это стихотворение искали, вырезали из газет, переписывали, носили с собой, посылали друг другу, заучивали наизусть — на фронте и в тылу»⁸². И уже другой поэт, неизвестный солдатам-фронтовикам, сказал от имени поколения:

В ночах неуютно-бездонных
Пусть скажут мне очи твои,
Что, сталью терзая влюбленных,
Враги не убили любви⁸³.

К каким выводам мы пришли? Человек на войне увиден с разных сторон. Первая — это поэзия, идущая от сердца, стихи, рожденные в землянках, в окопах, в госпиталях. В этих стихах война представлена с бытовой, психологической, экзистенциальной стороны. В них есть ценностная основа: правда чувства, правда психологического состояния, правда военного быта. Но была война и государственного военно-патриотического дискурса. Материал этого дискурса — фронтовые газеты, литературные газеты и журналы, сборники стихов. Герои — часто конкретные люди, овладевшие военной профессией, люди подвига. Но они показаны с идеологической стороны. Основные иконы — Ленин, Сталин, Коммунистическая партия. Для пропагандистов ориентиром были исторические деятели Руси, Московского царства, Российской империи. Отдельные страницы становящейся действительности (Москва, Сталинград, Ленинград) преподносились читателю как образец мужества и стойкости советских воинов под руководством партии. Эта поэзия живет в своем времени, она не стала фактом бахтинского *большого времени*. От сталинского певца Демьяна Бедного ничего не осталось, от талантливого А. Суркова осталась песня «Бьется в тесной печурке огонь...». А мы читаем совсем других поэтов.

⁸⁰ Шубин П. В секрете // Знамя. 1943. № 9—10. С. 113.

⁸¹ Орлов С. Третья скорость. Л.: Лениздат, 1946. С. 24.

⁸² Александров В. Письма в Москву (К. Симонов: «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 160.

⁸³ Суворов Г. Во имя любви // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академический проект, 2005. С. 400.

ОЛЬГА ОЛИВЬЕ: «НЕЗАВЕРШЕННЫЕ СТИХИ В ТЕТРАДИ НА СТОЛЕ»

О. Оливье. Сад откровений берегите. Парижская тетрадь. СЛб.: Алетейя, 2025.

Я могла бы без колебаний причислить автора этого изящного сборника стихов к поэтам русского зарубежья, как было принято совсем недавно, и никто бы не дерзнул упрекнуть меня в ошибке. Однако сегодня такое определение смотрится уже некоторым анахронизмом. К нам все более приходит осознание того, что великая русская культура едина и не имеет границ, и где бы ни создавалась книга русского автора, она, безусловно, принадлежит именно ей.

Ольга Оливье, профессиональная художница, которая в последнее время успешно занимается иконописью, уже четверть века живет и работает в Париже. Однако не вся богатая и сложная гамма ее чувств и переживаний с легкостью переносится на холст — появляется настойчивая потребность «сказать словом», излишне добавлять: конечно же, родным, русским... Муза лирической поэзии Эвтерпа регулярно посещает Ольгу в ее парижском бытии, и в итоге я держу в руках эту совсем недавно изданную книгу.

«Как странны звуки чуждых городов...»

Перелистывая страницы поэтического сборника, решенного весьма элегантно и лаконично в отношении художественного оформления, невольно проникаешься очарованием Парижа. Его образ, легкий, неуловимый, поистине почти импрессионистский, вне сомнений, удачно и тонко воссоздан в строках Ольги Оливье:

И щеки мягко холодит витающая дымка;
В ней спрятан остров Сан-Луи,
И Нотр-Дам стал невидимкой.

Читая эти строки, невозможно не поддаться их завораживающему шарму, не почувствовать неповторимую атмосферу места. Кажется, сам воздух Парижа, дававшего приют множеству знаменитых художников, проник в стихи Ольги Оливье. Однако ее отношение к великолепной столице Франции далеко не столь однозначно и безмятежно, как может показаться на первый взгляд, и не случайно всплывает в ее лирике устойчивый мотив «чужих городов». Надо сказать, он имеет достаточно давнюю историю в русской культуре, романс под таким названием приобрел широкую популярность благодаря музыке и исполнению Александра Вертинского и глубокому тексту недооцененной и трагически погибшей поэтессы Раисы Блох. Однако Ольга Оливье находит собственные, доходящие до сердца слова для выражения этой ставшей уже традиционной темы:

Как странны звуки
Чуждых городов!
Неутомим их шум,
И милость ненадолго.

В ночных огнях –
Глаза затравленного волка.

Что ожидает чужестранца, приезжего в этом древнем и вечно юном городе, в целом таком приветливом, гостеприимном, оживленном — «теченье безмятежных дней / иль равнодушная беда», размышляет поэтесса. При этом в ее отношении к Парижу, разумеется, нет ни малейшей враждебности, тем более ненависти, присутствует лишь оттенок легкой отстраненности. «Сопереживаний редкостные нити / Не прижились на земле французской», — констатирует она.

«Издадека мне видно лучше»

Как известно, «лицом к лицу лица не увидать, / большое видится на расстоянии...» Трудно не согласиться с этим утверждением Сергея Есенина: чтобы заметить и оценить самое главное, нередко требуются и дистанция, и особая оптика. Именно оказавшись вдали от Родины, Ольга Оливье напишет:

Моей страны дыханье
Ночами снится мне.

Ольга не может не думать о близких людях и знакомых местах, ее, живущую в Париже, тревожат торфяные пожары под Москвой, да так, что она словно взывает к родным подмосковным березовым рощам: «Что снится вам, белесые стволы?» И не стоит удивляться этому неравнодушию, ведь поэтесса чистосердечно признается:

В вязкой влажности парижских улиц
Греют душу вязью золотою
Детства русского далекие огни.

При этом О. Оливье не склонна к идеализации российской действительности, она отнюдь не представляется ей идиллической даже из «прекрасного далёка»:

Время такое — все грани видны,
Рваные раны огромной страны.

Но сердцу невозможно жить «без слез, без боли, без воспоминаний», и среди чудесных, солнечных парижских бульваров ее иногда охватывает некий устойчивый внутренний неуют:

Я иду и стараюсь верить:
Это сон, поутру я проснусь.

«Всесильный бог любви играет на свирели...»

Внимательный читатель поэтического сборника непременно заметит: мировосприятию Ольги Оливье присущи как глубина, так и определенный внутренний драматизм. Она слишком отчетливо понимает, что «протянуты единения нити / в буду-

щее из прошлого», а значит, увы, возможно повторение ранее пережитых человеческим кошмаров и трагедий:

Погибнет много книг, бесценных книг,
И муза музыки от страха содрогнется...

Но как известно, спасение миру несут красота и любовь, человеческая и Божья. И если нежность и взаимное влечение между людьми порой иссякают — «любовь уходит тихо, как вода / из черного засохшего колодца», — то милосердие Господне поистине неистоимо.

«Любите живопись, поэты!» — призывал некогда Николай Заболоцкий. Ольга Оливье, профессиональная художница, настолько равнодушно относится к изобразительному искусству, что способна разговаривать со знаменитой девушкой с жемчужной сережкой с картины Яна Вермеера. Ее безмерная нежность изливается на весь мир, окружающий ее, включая цветы и пернатых, и кажется, истинное ее призвание — «жизнь любовным светом озарять».

* * *

Говоря о поэтике сборника Ольги Оливье, невозможно не отметить ее внутреннюю склонность и тяготение к свободному стиху. Вошедшие в книгу верлибры, такие, как «Наш век», «Эдельвейс», выглядят весьма органично, что свойственно далеко не всем русским поэтам. Хочется верить: более свободная ритмика, чем та, которая диктуется канонами силлабо-тонического стихосложения, в дальнейшем откроет перед автором новые, пока не изведенные возможности.

В сборник включены не только оригинальные лирические стихотворения поэтессы, но и переводы французских поэтов-классиков, таких, как Гийом Аполлинер, Артур Рембо, Жерар де Нерваль, Виктор Гюго... Как видим, О. Оливье располагает достаточным творческим дерзновением и энергетическим импульсом, чтобы прикасаться к их наследию. Ее обращение к искусству перевода, разумеется, не случайно. Оно продиктовано присущим ей внутренним артистизмом и психологизмом, стремлением к перевоплощению, желанием услышать и выразить в слове мир души другого человека. При этом, естественно, делается выбор в пользу тех произведений, которые созвучны ее собственной натуре и заставляют сердце биться в унисон. Однако хочется отметить, что в дальнейшем более плодотворной и продуктивной способна стать уже наметившаяся тенденция обращения к творчеству малоизвестных или забытых поэтов, таких, как Рене Ги Каду, Луиза Лабе. Интерес к их произведениям, проявленный поэтессой, выглядит многообещающим, ибо возвращение в литературу подобных имен будет оценено как несомненная заслуга переводчицы. Ведь в общей, непрерывной, единой цепи человеческой культуры не должно выпадать ни одно звено, и восстановление ее — задача сложная, необходимая и благородная.

«Я вся — рукопись», — начертала в одном из своих писем Марина Цветаева. И Ольга Оливье, которой посчастливилось побывать в Кламаре, в прошлом бывшем одним из пристанищ Марины в Париже, словно вторит ей:

Незавершенные стихи в тетради на столе
Из воздуха возникли и в бессонной тишине
Послышались — полуприснились мне.

Закрывая сборник Ольги Оливье, невольно жаждешь продолжения. Поэтому от души желаю ей успешных выходов к читателю в обеих ипостасях — автора оригинальных лирических стихотворений и поэта-переводчика.

Итак, новых успехов, новых побед, новых книг!

Елена ПЕЧЕРСКАЯ

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Николай Чергинец. Операция «Кровь». Минск: Звезда, 2024. — 472 с.

Произведение страшное — Белоруссия в годы оккупации во время Великой Отечественной войны, ужасы нацистских преступлений. Роман многослойный. Минск под властью фашистов: отлов и угон населения в Германию, бесчинства полицейав — местных, латышских, литовских, смерть за неповиновение, принудительное переселение евреев в гетто. Минское гетто (20 июля 1941 — 21 октября 1943) было одним из самых крупных в Европе, а на оккупированной территории СССР занимало второе место по количеству узников после Львовского. Через Минское гетто прошло около 120 000 евреев, из которых минимум 105 000 погибли от голода, холода, инфекционных болезней в условиях невыносимой скученности. Николай Чергинец в подробностях восстанавливает картину жизни в гетто, где нацисты убивали семьи прямо в квартирах, узников травили собаками, вывозили в газвагенах в лагерь уничтожения «Малый Тростенец». Автор избрал линейную композицию, перенося действие то в немецкую администрацию и в полицейскую управу, то к действующим в единой связке минским подпольщикам и партизанам, то в Москву, где планы боевых действий и сложных операций обсуждаются в Главном разведывательном управлении и Центральном штабе партизанского движения. Центральным сюжетом романа являются события в поселении Семково, где до войны в бывшем дворцовом комплексе располагался интернат, а с приходом фашистов на его базе стала действовать секретная лаборатория по отъему крови у детей для нужд вермахта. Палачи в белых халатах не только откачивали у малолетних узников кровь вплоть до смерти донора, но и испытывали на детях малоизвестные препараты. Н. Чергинец в истории одного конкретного интерната собрал воедино многое из происходящего тогда в десятках детских учреждений на белорусской земле. Страшно. Сколько погибло детей в Семкове, установить невозможно, перед войной там могло проживать до 500 ребят, из них в живых осталось 276, но в период оккупации нацисты свозили сюда малышей из других мест. В феврале 1944 года немцы готовились уничтожить интернат и опасных для них свидетелей, и тогда партизаны бригады «Штурмовая» сумели тайно пробраться в Семково и, несмотря на скопление в окрестностях немецких войск, вывезти детей в партизанскую зону. Для этого потребовалось 60 саней, замаскированных парашютной тканью. Детей распределили по деревенским семьям, и в тех труднейших условиях деревенские женщины приняли ребят из Семкова, хотя и своих было нечем кормить. Н. Чергинец реконструирует яркие детали этой необычной, почти авантюрной операции, которую белорусские партизаны проводили совместно с Советской армией, что было тщательно согласовано через Москву. Книга густо населена, много героев. Многодетные семьи, евреи и белорусы, молодые минчане,

подпольщики, партизаны, полицейские, немцы... Герои книги не статичны. У каждого есть характер, «свое лицо», по ходу действия происходят метаморфозы. Так, бесшабашная девочка Женя, сумевшая вытащить из гетто двух малышей, бывших своих соседок, приходит к пониманию важности осторожности, иначе могут погибнуть близкие люди. Ее одноклассник Леонид стал полицаем, чтобы его не забрали в Германию и он мог прокормить мать и трех малых сестер. Под впечатлением того, что ему приходится видеть, он начинает помогать Жене, подпольщикам, партизанам, спасая близких, убивает своего напарника-полицейского и своего «благодетеля» из начальствующих полицаяв. Самозабвенно помогают своим детям-подпольщикам их матери. Плетет тонкие интриги Анна Николаевна, под видом прямой наследницы богатейшего семейства явившаяся в фашистское логово в Семково, — именно она обеспечит тайное проникновение партизан во дворец. Очень по-разному проявляют себя люди, неожиданно оказавшиеся в непривычной, грозящей бедами ситуации. Добровольно идет на мучительную смерть юноша, почти мальчик Абрам Рабинович, спасая тем самым двадцать человек, которым грозит смерть за свершенное им убийство начальника гетто. Жаждой наживы движим Липкович, еврей, находящийся в услужении у немцев и грабящий евреев. Омерзительны гауляйтер Беларуси Вильгельм Кубе, уничтоженный партизанами в сентябре 1943 года, сменивший его генерал-лейтенант Готтберг, начальник Минского гетто Готтенбах, семковский «правитель» майор Мойрин и директор интерната насильник Войтович. Книга основана на документах, много страшной статистики и приказов об уничтожении белорусов, евреев, детей, фактов. В Белоруссии книга оказалась под перекрестным огнем, особенно много нападков на стиль, изобилие протокольных, казенных фраз, засилье проходных служебных слов. Критика справедлива, но есть и не менее справедливые возражения: автор, перечитывая собственный текст, не замечает многих неурядиц, повторов, для этого существует свежий взгляд редактора, но целый коллектив редакторов — до семи человек — со своей работой не справился. А жаль. Роман стал бы более динамичным, жестким, впечатляющим. Исторических неточностей обнаружено немного, они невелики и не особо влияют на восприятие. И уж точно нельзя считать эту книгу очередным вредным просоветским мифом о войне, как провозглашают некоторые критики. Воспоминания современников, конкретные документы опровергают такое мнение. Но значит, задело. Нацизм — исключительное, абсолютное зло. И нельзя не напоминать об этом.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СЯТЫНЬ БЕЛЬГИИ

Часть 5

Приложение 1. Базилика Святой Крови (Basiliek van het Heilig Bloed)

Базилика Святой Крови Христовой находится в дальнем углу Городской площади. Она была построена для сохранения мощей святого Василия Великого¹. В 1099 году во время 1-го крестового похода основная часть мощей св. Василия Великого была перенесена во Фландрию и положена в капелле (часовне) св. Василия Великого в Брюгге. Это событие связывают с именами фландрского графа Роберта II и его племянника Дитриха (Теодориха) Эльзасского. Мощи святого были привезены в Брюгге Робертом II Фландрским, участником 1-го крестового похода. Дитрих, граф Эльзасский, в 1139–1149 гг. выстроил часовню и посвятил ее святому Василию Великому. Она служила домашней часовней для семейства графов Фландрии, живших в прилегающем замке Steen². Капелла св. Василия Великого — единственная часовня Западной Фландрии выполненная в романском стиле.

Согласно преданию, после того, как был построен первый этаж капеллы св. Василия Великого, Дитрихом (Теодорихом) Эльзасским было привезено и передано храму несколько капель крови Спасителя. В связи с этим было принято решение именовать капеллу Часовней Святой Крови. Как гласит предание, после распятия Спасителя Иосиф Аримафейский отер кровь с тела Христа и сохранил эту ткань.

«Обрадовались иудеи и отдали Иосифу тело Его, чтобы он похоронил тело, ибо видел, сколько благого содеял (Он). Взял же он Господа, обмыл и обернул пеленой и отнес в свою собственную гробницу, называемую садом Иосифа». Согласно второй версии считается, что Иосиф Аримафейский собрал Кровь Господню в чашу и сохранил обе эти реликвии. «Иосиф принял на свои руки святое тело Иисуса Христа и тихо положил его на землю. Омывая его, он заметил струившуюся из ран кровь

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Св. Василий Великий родился в 329/330 году в Кесарии Каппадокийской (соврем. Кайсери, Турция) или в Неокесарии Понтийской (соврем. Никсар, Турция). Скончался 1 января 379 года в Кесарии Каппадокийской.

² В 1463 году мощи св. Василия Великого были перенесены в кафедральный собор Св. Донатиана, а в 1834 году — в собор Спасителя. В 1897 году часть мощей св. Василия Великого была возвращена в капеллу // Православная энциклопедия, т. VIII. М., 2004. С. 186.

и ужаснулся, вспомнив, что ею был рассечен камень, находившийся у подножия Креста. Вспомнил он и о сосуде Тайной вечери, который перед тем был отдан ему Пилатом, и благочестивый Иосиф решил в этот сосуд собрать капли божественной крови. Он собрал в чашу капли из язв на руках, ногах и боках и после, обвив тело Иисуса богатой тканью, положил его в пещеру».

Эта реликвия сохранялась в Святой Земле до 2-го крестового похода. Когда Балдуин (Бодуэн) III (1129—1162) покорил Иерусалим, он передал святую ткань своему зятю, графу Дитриху Эльзасскому (Diederik van den Elzas). Дитрих привез ткань со Святой кровью 7 апреля 1150 года в Брюгге и поместил реликвию в часовне на городской площади.

Присутствие реликвии Святой Крови стало причиной возросшей популярности этой часовни в Брюгге, и вскоре она оказалась слишком мала. В XIII веке часовню расширили и добавили верхнюю часовню Святого Креста, где в настоящее время хранится реликвия. Затем были внесены изменения в интерьер нижней часовни. Обе часовни связаны монументальной кирпичной лестницей, проходящей вдоль фасада. Лестница обеспечивала проход на верхний этаж, где изначально располагалась галерея или площадка. Эту привилегированную позицию занимали аристократы, а на нижнем этаже было место для простых людей. Верхняя часовня сначала тоже была выполнена в романском стиле. Но в XV столетии ее облик сменился на готический стиль.

За свою долгую историю здание капеллы разрушалось дважды. Первый раз — в XVI столетии (1578), второй раз — во времена правления в городе французов (с 1797 года), которые разрушили здание до основания. На восстановление капеллы понадобилось более тридцати лет. Строение на протяжении 10 лет (с 1829 по 1839 год) — к празднованию 700-летнего юбилея (в 1850 году) — подверглось основательной реставрации, и в настоящий момент радует своих посетителей прекрасными фасадами и внутренним убранством.

Нижняя часовня. В отличие от верхней часовни, нижняя сохранила свою романскую структуру. Она состоит из трех нефов одинаковой высоты. Стены сделаны из местного камня, а сводчатый потолок, колонны и оконные ниши изготовлены из вулканического известняка, привезенного из региона Эйфель. Главный неф отделен от боковых нефов четырьмя громоздкими столпами, в основе которых местный камень и песчаник из города Турне. Он построен таким образом, чтобы полностью охватить хор. Апсиды вмещает в себя центральное окно, перед которым располагается позолоченный деревянный пеликан. (Древняя легенда гласит, что эта птица специально себя ранила, чтобы своей кровью накормить птенцов. Эта легенда была основой для символа Иисуса Христа, который ради спасения человечества пролил Свою кровь.)

Строгая отделка интерьера прекрасно гармонирует с массивной архитектурой. Маленькие, похожие на бойницы окна и массивные колонны — все это является неотъемлемой частью особой атмосферы, присущей романской архитектуре. Тишина и мерцание нескольких свечей, дающих приглушенный свет, очаровывает молящихся. В двух пристроенных приделах можно лицезреть почитаемую статую «Иисуса на камне» или Ессе Номо («Се, Человек»), а также Христа во Гробе (1702) из Иерусалимской церкви в Брюгге. Эти две скульптуры носят по городу во время процессии Святой Крови.

Практически ничего не известно о двух скульптурах, встроенных в стену, символизирующих крест и две урны. Несмотря на то, что выглядят они древними, эти скульптуры относятся к XIX веку, когда их, судя по всему, изготовили мasons во время реставрации часовни. Некоторые полагают, что урны являются своего рода намеком на Святой Грааль (чаша Тайной Вечери или чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа). Это предположение подтверждается еще и тем, что в Брюгге хранится кровь Спасителя. Кроме того, Филипп Фландрский (1169—1188)

был покровителем первого и самого известного средневекового романиста Кретьена де Труа (XII век), автора романа о Святом Граале.

Над входом находится тимпан из камня города Турне XII века, изображающий крещение св. Василия Великого. Эта сцена является великолепным примером романской скульптуры. Как и во многих других церквах того времени, нижняя базилика использовалась для богослужений несколькими гильдиями. Гильдии каменщиков и каменотесов было позволено использовать главный неф в XV веке. А в задней части часовни под деревянным люком находится могила, которая декорирована великолепными фресками. Рядом с могилой лежит большой надгробный камень одного из архитекторов колокольни, его имя Jan van Audenaerde.

В левом проходе находятся плиты, отмеченные чашами, что является признаком того, что там покоятся священники. В подтверждение этого служит найденная в одной из могил полуистлевшая епитрахиль. На другом надгробии, встроенном в левую стену, написано имя Frangois Desmedt; оно принадлежит мастеру гильдии каменщиков и каменотесов. Под крестом на передней части стены находится *Пьета*, изготовленная скульптором De Wispelaere в 1900 году, которая также участвует в процессии Святой Крови.

Правый придел был занят гильдией торговцев свечами. Позднее они переехали в часовню на улице Philipstockstraat. Впереди, у правой стены находится надгробие Adriaan van Pollinckhove, ктитора часовни святого Василия Великого и собрания каноников собора святого Донациана (умер в 1557 году). Мадонна с Младенцем (деревянная полихромная скульптура начала XIV века, Южная Франция) расположена в левом приделе. Во время восстановительных работ было обнаружено, что полости в груди фигуры заполнены драгоценными камнями и золотыми предметами. Дальнейшая реставрация была проведена в 1983—1986 годах.

Когда в 1504 году к часовне добавили пристроенное помещение, хор и апсида объединились, и получилась еще одна капелла. Здесь хранятся мощи святителя Василия Великого и Карла Доброго, графа Фландрии. С XVI века до Французской революции 1789 года здесь хранился триптих нидерландского живописца, представителя раннего Северного возрождения, Давида Герарда (Gerard David) *Крещение Христа* (сейчас этот триптих находится в музее Гронинге в Брюгге).

Однако первоначально эта капелла клерков суда, была посвящена святому Лаврентию, статуя которого до сих пор стоит снаружи, на фасаде. Впоследствии эта капелла была посвящена святому Айвзу, покровителю юристов. Были слухи, что такие изменения произошли благодаря настойчивому требованию судебных клерков, так как мученичество святого Лаврентия связано с тем, что он был заживо сожжен на раскаленной решетке. Судебным служащим не понравилась аллюзия на фразу «быть зажаренным» (что на профессиональном диалекте значит: «тщательно опрошенным»).

Нижняя часовня хорошо сохранилась, возможно, благодаря тому, что ее использовали во времена восстаний, скорее для практических нужд, а не для религиозных целей. Прочное здание служило, кроме всего прочего, в качестве тюрьмы, места, где хранились боеприпасы и т. д. Нижняя часовня служит основанием для верхней части здания; их соединяет богато украшенная лестница, построенная в 1533 году в стиле ренессанса с позднеготическим декором. Лестница поражает своей монументальностью. Только на ее строительство понадобилось четыре года. В этом же стиле выполнен и современный фасад базилики.

Верхняя часовня. Первоначально верхняя часовня была построена в романском стиле и не отличалась размерами от нижней. Однако в XII веке был пристроен боковой неф капеллы Святого Креста. Далее, в конце XV века, это помещение в романском стиле было заменено на просторную готическую капеллу. Апсиду продлили до боковой стены городской ратуши, а изогнутые арки, которые располагаются между двумя проходами, сохранились еще от первоначальной конструкции. Арочные

окна были декорированы витражами, относящимися к 1483 и 1644 годам. Две восточные башни, стоящие рядом, также относятся к этому периоду времени.

Во время французской оккупации многие произведения искусства, находящиеся в часовне, были испорчены и не подлежат восстановлению. Хотя само здание также сильно пострадало, его удалось реставрировать. В то время считали, что часовню постигнет участь соседнего собора, который был полностью разрушен в 1798 году. Однако, как говорят, сам Наполеон остановил вандализм, царивший в то время на территории церкви.

После окончания французской революции частично разрушенные витражи были проданы неизвестному скупщику антиквариата по цене 14 франков за одно окно. Тот, в свою очередь, переправил их английской фирме, которая продала витражи стекольщику J. C. Naprr. Затем эти витражи использовали для декора интерьера частной часовни. Когда же в 1910 году здание этой часовни было снесено, витражи отправили в Нью-Йорк на выставку. Однако после этого лондонский музей Альберта и Виктории выкупил витражи. Некоторые из них выставлены в музее базилики и сегодня. Мастер стекольных дел J. F. Pluys получил заказ на реставрацию этих витражей; он легко восстановил старые конструкции и завершил серию витражей путем добавления двух витражей собственного изготовления. На витражах изображены правители Фландрии с 1384 по 1780 год. На витражах, сделанных художником, изображены эрцгерцог Альберт и его жена Изабелла, а также императрица Мария-Тереза с ее мужем Франциском I. Подлинники витражей были заменены копиями, выполненными в конце XIX века. 13 февраля 1967 года бомба, подложенная у входа во Дворец правосудия (в настоящее время это офис туристического агентства), в значительной степени повредила витражи, которые позднее были отреставрированы Ги де Лоддером (Guy de Lodder).

В XIX веке интерьер часовни был отреставрирован. Стены были расписаны по проекту художника Вильяма Бренгвина (William Brangwyn) и архитектора Томаса Харпера Кинга (Thomas Harper King). В 1903 году свод часовни был заменен на потолок из разноцветного дерева. Фрэнсис Коппейанс (Francis Coppejans) является автором большой настенной росписи за алтарем, законченной в 1905 году. Престол для дарохранительницы был изготовлен для часовни Святого Креста по эскизу Бренгвина. А сама часовня Святого Креста была обновлена в 1934 году, ее стены перекрасил декоратор Линтоут (Linthout).

Изготовление большого окна часовни относится к 1856 году. Изображенные на нем сцены, сверху: Гефсимания, бичевание, распятие, положение во гроб; снизу: передача реликвии Святой Крови королем Иерусалима Дитрихом Эльзасскому, и передача реликвии настоятелем собора капеллану на фоне романской часовни св. Василия Великого. Слева и справа статуи Дитриха Эльзасского и его жены Сибиллы Анжуйской стоят в окружении гербов членов Братства и их жен (1856 год).

Крупное окно в задней части придела датируется 1865 годом, а в 1934 году оно было переделано. На нем изображены святые Иосиф и Иоанн в окружении гербов членов Братства и их жен. Слева от дароносицы располагается окно меньшего размера, на котором изображены святая Вероника и сотник Лонгин. Сцены в нижней части окна относятся к событиям 1578 и 1797 годов, когда реликвию прятали от вандалов. Справа от дароносицы находится окно, на котором изображены святой Карл Борромео и святая Елена. В нижней части запечатлены два события: епископ И. Б. Малу представляет декану буллу, посвященную юбилею 700-летия с того дня, как реликвия была передана в Брюгге; и служба реликвии Святой Крови, возобновленная в 1819 году бароном Кроссером (Mayon Baron de Croeser).

В часовне помещение хора украшено витражными окнами правителей. Неоготический алтарь был изготовлен скульптором Аббелосом (Abbeloos) по эскизам Джона Бетюна (John Bethune) в 1858 году. Большая роспись была сделана в начале понтификата папы Пия X (1903–1914), чей герб здесь также помещен. Также здесь

можно видеть гербы Иерусалима, Фландрии, Бельгии и Брюгге. На фреске изображена Голгофа, где Христос пролил Свою кровь. Пять ангелов собирают капли крови в фиалы. Два других ангела держат плеть и копье. Бог Отец принимает жертву Сына Своего, держа двумя руками Крест. Святой Дух благословляет этот дар. На заднем плане видны Вифлеем и Иерусалим. А на переднем плане изображены двенадцать пасущихся овец. Они утоляют жажду текущей с креста водой, — источником божественной благодати.

На фреске ниже изображена сцена переноса реликвии Крови Христовой в Брюгге: слева, Дитрих Эльзасский принимает святыню из рук патриарха и короля Иерусалима; справа граф Дитрих преклоняет колени пред графиней Сибилой, его руки протянуты над реликвией в сторону капеллана, похожего на Луи Ван Хеке (Louis Van Haescke), который был капелланом в период с 1884 по 1912 год.

На боковом фризе можно увидеть традиционные символы четырех евангелистов. По обе стороны алтаря — *tintinnabulum* — небольшой колокол, используемый для процессий, и *sanepereum* — солнцезащитный экран в виде зонтика из желтого и красного шелка (эти цвета раньше были цветами одеяния папы римского). Кафедра, изготовленная Генри Пулинксом (Henry Pulinckx) в 1728 году, напоминает по форме шар. Такая форма, видимо, связана со словами Священного Писания: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие каждой твари, живущей на земле» (Мк. 16, 15). Деревянный бюст Христа находится над декой, которая украшена изображением голубя — символом Святого Духа.

Рядом с кафедрой помещена медная доска в память о возведении часовни в ранг базилики в 1923 году. Текст гласит: «По просьбе монсеньора Ваффелаерта (Mgr. Waffelaert), который был епископом Брюгге в течение 28 лет, по милости папы Пия XI, капелла была повышена до звания равной базилике и получила привилегии равные тем, которые есть у базилик Рима, 13 апреля 1923 года. Прибавляя новую славу поклонения Святой Крови, так как здесь находится реликвия Святой Крови».

Дубовые перила базилики ранее принадлежали доминиканским монахам из Engeldale, которые 26 июня 1783 года были изгнаны из своего монастыря на улице Jacobijnessenstraat. На перилах находятся 4 резных медальона, изображающих слева направо знаменитых католических святых: Екатерину Сиенскую, Фому Аквинского, Доминика и Розу Лимскую.

В 1752 году был завершен алтарь из белого мрамора, над которым работал Лоран де Дельво Нивель (Laurent Delvaux de Nivelles) по эскизам Генри Пулинкса (Henry Pulinckx). Декор в виде двух ангелов был изготовлен Питером Пеперсом (Peter Pepers). Ранее этот алтарь находился в часовне союза малых городов близ Брюгге, но его переместили сюда в качестве главного алтаря в 1824 году. Позднее в 1858 году, этот алтарь перенесли в боковой проход, а на его месте поставили новый неоготический высокий алтарь, изготовленный мастером Абелосом (Abbeloos).

Серебряная рака, Распятие и Крест были изготовлены серебряных дел мастером Ryelandt, и были помещены в часовне между 1770—1773 годами. Вокруг Распятия располагаются символы евангелистов: орел (Иоанн), ангел (Матфей), бык (Лука), лев (Марк). Орудия Страстей Господних украшают дверцы раки. Справа от дароносицы расположен деревянный полихромный алтарь, работы братьев Рено (Reno) и Ипполита Фонтейна (Hippolite Fonteyn) (1907—1908). Сидящая Богоматерь с Младенцем находится в окружении святых из Западной Фландрии: это Арнольд, Тилло, Ачас (Achas of Torhout), Иоанн Вастенский (John of Waasten), Гаремберт (Garembert), Карл Добрый, Вальтер из Брюгге, Годелива (Godelieve) и Идесбальд (Idesbald). Справа от барочного алтаря висит картина Якоба ван Оста, изображающая *Снятие с Креста и Иосифа Аримафейского, омывающего тело Христа* (1649). По обеим сторонам от алтаря располагаются две небольшие картины 19 века, изображающие Деву Марию и св. Иоанна.

В задней части часовни можно видеть перечень епископов Брюгге в хронологическом порядке с 1562 по 1794 год; список изготовлен Яном Гареминем (Jan Garemyn). Позднее этот список пополняли вплоть до 1985 года. Напротив дарохранительницы, высоко над тремя арками, можно видеть три больших картины: *Рождество Христово*, написанную Теодором ван Лоном (Theodoor van Loon) в XVII веке; *Положение во гроб*, автор — Гаспар де Краер (Gaspard de Crayer), 1582—1669 (на этой картине изображен ангел, показывающий реликвию Святой Крови); *мученичество святого Власия*, художник S. R. Tuermer, XVII век.

Слева от исповедальных окошек помещена картина, представляющая мощи Иоанна Берблока (John Beerblock, 1739—1806). Рядом с этой картиной находится современная икона святого Василия Великого, написанная немецким иезуитом Эгоном Сендлером (Egon Sendler) в 1982 году. И, наконец, здесь находится 14 изображений страстей (страданий) Господних на Крестном пути, написанных Джоном Энтони (John Anthony) в 1921 году.

Святыня Крови Христовой хранится в верхней часовне, в небольшой запаянной капсуле, сделанной из горного хрусталя в XI или XII веке в Константинополе. Ее горлышко перевязано золотой нитью, а пробка запечатана красным воском. Сосуд сберегается в цилиндре из хрусталя, который венчают короны из позолоты. Рака для хранения святыни выполнена из золота и серебра, она богато украшена драгоценными камнями. Каждую пятницу верующие имеют возможность лобызать реликвию, а в период с 3 по 17 мая — ежедневно. За процессом постоянно следит один из церковных служащих, постоянно протирающий цилиндр специальной тканью. Ежедневно в базилике проводятся службы; базилика и ее реликвии занимают главное место в проведении процессии святой Крови.

Небольшой музей базилики Святой Крови Христовой знакомит с ее богатой историей. Здесь выставлены картины и предметы церковного искусства, связанные с ней.

Приложение 2. Процессия Святой Крови (Heilig-Bloedprocessie)

Процессия Святой Крови — это торжественное религиозное шествие, которое проходит в Брюгге в день Вознесения Господня (четверг, 40-й день после Пасхи). В ходе процессии частицы Святой Крови, хранящиеся в базилике Святой Крови, и другие церковные реликвии проносятся по городу. Самое первое упоминание о процессии относится к 1291 году в одной из хроник, где говорится, что гильдии были обязаны участвовать в ней. Тот факт, что нет никаких записей о шествии до 1291 года, объясняется тем, что архивы, хранившиеся в башне Белфорт (Беффруа), сгорели в пожаре 1280 года.

Предположительно, кусочки овечьей шерсти, которыми вытирали кровь распятого на кресте и снятого затем с него Христа, до этого периодически выставлялись в церкви, а позднее из этой традиции выросла целая процессия. Поскольку реликвия принадлежала городу, то это событие имело официальный характер, в котором принимали участие городские советники, ремесленники, представители военного сословия и, разумеется, духовенство.

Процессия становилась более сложной из года в год, начиная с XIII века. Практические указания по проведению шествия оглашались в рамках городского устава на публичном собрании перед дозорной башней, а специальные послы отправлялись к епископам, аббатам, прелатам и к высокопоставленным персонам, чтобы пригласить их на шествие. Практически каждый житель города участвовал в этом празднике. Поскольку эта процессия была очень важна для горожан, готовиться начинали заранее.

Улицы и дома украшались, городской совет отдавал на пожертвования одежду и некоторые средства сиротам и малоимущим, в то время как высоких гостей приглашали на званый обед. Такие гости получали потом в подарок вино, сладости и свечи. В 1396 году к шествию добавили мистерии (*один из жанров европейского средневекового религиозного театра*), которые имели успех. Согласно архивам, иногда бывали случаи, когда радость слишком переполняла горожан и некоторые из них устраивали беспорядки. Однако смутьянов жестоко наказывали, и в последующие годы были приняты меры по укреплению порядка на шествиях.

Уже в XVI веке появились записи о триумфальных выходах с представлениями лучников, членов различных гильдий. Известно, что раньше процессия обходила городские стены. Однако в 1578 году в связи с религиозными конфликтами было принято решение не выносить реликвию за пределы городских стен, а затем и само шествие запрещали до 1584 года, так как в Брюгге был установлен кальвинистский режим. В период контрреформации в XVII—XVIII веках традиция была возобновлена. Во время французской оккупации Фландрии шествие снова не проводилось до 1819 года. В результате того, что в шествии стало участвовать меньше гильдий ремесленников, под влиянием иезуитов, шествие превратилось в религиозную процессию, в которой были задействованы все виды театральных представлений.

Уже начиная с 1405 года в Брюгге существовала община, объединявшая 30 известных граждан города, — «Благородное Братство Святой Крови», которой было поручено организовывать торжественные процессии в честь Святой Крови Христа. Все они должны постоянно проживать в Брюгге и, как определяет старинный документ, быть уважаемыми людьми. Это братство существует до сих пор. Символом его является птица-пеликан, расклевавшая себе грудь и напоившая кровью птенцов.

Особенность процессий XV и XVI веков — то, что в церемонию почитания реликвии были добавлены библейские сюжеты. Сегодня организация шествия находится в руках приходов города, а также школ и монастырей. Нынешний формат процессии практически не отличается от шествия XIX века, разве что претерпел некоторые изменения за последние 50 лет. Современную процессию можно разделить на 4 части: Ветхий Завет; Новый Завет; История о прибытии реликвии Святой Крови в Брюгге с Теодорихом (Дитрихом) Эльзасским; Вынос реликвии в сопровождении членов Братства Святой Крови.

В этот день Брюгге превращается в огромную театральную сцену. Процессия Святой Крови движется по главным улицам города, повествуя о хорошо известных библейских историях и о появлении святой реликвии в Брюгге. Процессия начинается с девочек, несущих большие буквы с названием церемонии, и идущих впереди полицейских. По улицам города движутся конные повозки с декорациями, изображающими библейские и современные сюжеты. В торжественной, костюмированной и красочной процессии задействовано более 1800 актеров, певцов и музыкантов. Но так как процессия носит не только фольклорный, но и религиозный характер, святую реликвию сопровождают верующие, прелаты и члены Благородного Братства Святой Крови.

В шествии принимают участие не только жители Бельгии, но и жители других стран. Если какой-то город хранит реликвии, связанные с той или иной евангельской историей, именно он представляет соответствующую сцену. Так, сцена с новорожденным Христом представлена жителями Кельна, т. к. там хранятся мощи Трех волхвов-царей. В шествии задействованы дети — как подростки, так и совсем маленькие. Особенно много их в сцене благословения Иисусом детей и в сцене входа Господня в Иерусалим с пальмовыми ветвями. Появляется актер в образе Христа, а затем — последняя трапеза с учениками. (Тайная Вечеря). События Голгофы сопровождаются большим хором и «чудесным крестом из Дамме». По преданию этот крест был поднят из моря моряком из Дамме. С 1339 года он почитается в церкви Богоматери в этом городе.

Процессия шествует по улицам старого города на протяжении нескольких часов, радуя жителей Брюгге и многочисленных туристов. Это яркое, запоминающееся, интереснейшее зрелище с театральными монологами, песнями и музыкой. Процессия поражает продуманностью деталей, костюмами, декорациями. В шествии участвуют многие жители города — от мала до велика. Удивляют и четвероногие участники процессии: овцы, ослики, верблюды, лошади. Процессия продолжается шествием различных братств с их реликвиями: реликвия из аббатства Duinen; реликвия из собора св. Донациана, разрушенного во времена Первой французской республики (именно для этого собора была в свое время заказана *Мадонна Ван Эйка*, хранящаяся сейчас в музее Гронинге); серебряная рака св. Элоя (который по преданию основал церковь в Брюгге в 640 году) из собора Спасителя; статуя Девы Марии, датируемая XVII веком из церкви св. Валбурги.

Историческая часть процессии повествует о прибытии реликвии Святой Крови в Брюгге. Она начинается с праздничного прохождения людей в одежде цветов города — белого, синего, красного. Зрители словно возвращаются в Брюгге XII века: вот граф Фландрский, сопровождаемый семьей, торжественно привозит в город реликвию, которой он был одарен с благословения патриарха Иерусалимского в знак признания его героизма во время крестового похода. Еще 160 лет спустя — булла папы Климента V официально признает поклонение реликвии Святой Крови. Жителям города объявляется об этом на оживленной рыночной площади.

В процессии проносят флаги различных гильдий. Гильдии играли важную роль в Средние века в становлении традиций процессии. Добавляет настроения и группа барабанщиков. А затем девочки кружатся с красочными флагами. На флагах один и тот же сюжет: пеликан, кормящий своей кровью птенцов, чтобы не дать им умереть от голода. В старину этот образ использовался для Христа, Который отдал свою жизнь для спасения человечества от власти первородного греха.

Завершается процессия торжественным выносом реликвии Святой Крови Господней, в сопровождении служителей церкви и городских властей. За реликвией, хранящейся в раке, изготовленной в 1617 году, украшенной сотнями драгоценных камней (в т. ч. черным бриллиантом, ведущим историю от Марии Стюарт), идут стражники. А замыкают процессию представители высшего духовенства и светской власти. Святую реликвию сопровождают многие верующие, монахи и монахини из различных аббатств, представители светской власти и члены Братства Святой Крови. В шествии принимают участие около 2000 человек и сюда приезжают 50 000 человек зрителей, — в город с населением чуть больше 100 000 человек. Процессия Святой Крови внесена в перечень шедевров устного и нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Contents

For the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

Nikolay Tikhonov, Olga Berggolts, Alexander Prokofiev, Vsevolod Rozhdestvensky, Vissarion Sayanov, Mikhail Dudin, Nikolay Braun. The first word after the Victory. *Poems* • 3

70 years of „Neva“ magazine

Boris Evseyev. Poem • 8

Prose and Poetry

Leonid Bezhin. Rainy Alley, or Ten Reports to the Police Department about the Composer Scriabin, the Construction of a Temple in India and the Mystery at the End of Time. *Novel* • 9

Evgeny Kaminsky. Poems • 45

Maria Bushueva. Barnaulov's Yacht. *A story in dialogues* • 52

Evgeny Stepanov. Ten Conversations. *From Overheard* • 83

Dmitry Larionov. An Incombustible Stream of Light. *Poems* • 90

Anna Banshchikova. Solon-Goy. *Chapters from the story* • 94

Non-Capital Russia

Alexey Karavanov. Mira Icon. Night of High Fashion. *Short stories* • 146

From the Archive

Natasha Ilyinskaya's Diaries. 1941 – 1942. Preface by the compilers: Olga Ushakova, Petr Ilyinsky • 171

Publicistic Writings

Alexander Melikhov. Balance of Fear and Balance of Confidence • 196

Criticism and Essays

Mikhail Serebrinsky. Boris Ryzhy — Front-Line Soldiers — Pop Singers. *Dialogue and self-determination of the poet* • 201

Vladimir Novikov. Pain of New Thought. *Philological lyrics* • 210

Petersburg Bookman

Territory of Memory. Anatoly Sobennikov. Myth and Reality in Russian War Poetry of 1941 – 1945. **Reviews.** Elena Pecherskaya. Olga Olivier: „Unfinished Poems in the Notebook on the Table“. **Book Island.** E. Zinovieva's Publication • 224

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Russian Pilgrims at the Shrines of Belgium. *Part 5* • 247

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефоны: (812) 314-72-50, 312-49-23
E-mail: nevaredaction@mail.ru, officeneva@mail.ru

Сайт «Невы»: neva-journal.ru. По вопросам, связанным с интернет-сайтом,
обращайтесь по адресу web@neva-journal.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России»,
подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах
прессы у станций метрополитена.

**По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей,
приобретением** отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18,
тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала
«Нева» на территории РФ осуществляет редакция.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 25.03.2025. Подписано в печать 17.04.2025.
Выход в свет 06.05.2025. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 26

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86
Тел. (812) 207-58-43

Дорогие друзья! Журнал вошел в свой юбилейный год с большими задолженностями (более 900 000 руб.). Мы пытались решить проблему самостоятельно, но не справились со всеми трудностями. В последнее время существенно выросли полиграфические и коммунальные услуги. Всех, кто желает и готов нас поддержать, заранее горячо благодарим!

Реквизиты для банковского перевода:

Наименование — название организации: ООО «Журнал «Нева»

ИНН: 7810328498

КПП: 784101001

Расчетный счет: 40702 810 6 5500 0029700

Банк получателя: СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК
ПАО СБЕРБАНК

БИК: 044030653

Корсчет: 30101 810 5 0000 0000653

В графе «Назначение платежа»

важно написать «финансовая помощь»

Еще проще помочь нам переводом по QR-коду

За март собрано 113 620 руб. Благодарим вас, дорогие друзья!

Журнал «Нева» выходит с периодичностью
1 раз в месяц и распространяется по подписке

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ
осуществляет АО «Почта России», индекс П1743

Объединенный каталог «Пресса России», индекс 73276

Агентство подписки «Урал-Пресс», индекс 73276

В Республике Беларусь — через отделения «Белпочты»

Интернет — neva-journal.ru

